

**INTERNATIONAL JOURNAL OF
MEDICINE AND PSYCHOLOGY /
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
МЕДИЦИНЫ И ПСИХОЛОГИИ**

2025, Том 8, № 6

Подписано к публикации: 20.07.2025

Главный редактор журнала
Боязитова Ирина Валерьевна, доктор психологических наук, профессор

Члены редакционной коллегии

- Агранович Надежда Владимировна** (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
Азовцева Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – кандидат медицинских наук, доцент
Акбиева Зарема Солтанмуратовна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Аль Замил Мустафа Кхалил М. Дауд (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, доцент
Аскерханов Гамид Рашидович (РФ, г. Махачкала) – доктор медицинских наук, профессор
Баев Валерий Михайлович (РФ, г. Пермь) – доктор медицинских наук, профессор
Берсенева Евгения Александровна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Боязитова Ирина Валерьевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор психологических наук, профессор
Васильев Андрей Глебович (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Гаджимурадова Зоя Магомедовна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Гайдуков Сергей Николаевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Гвозденко Татьяна Александровна (РФ, г. Владивосток) – доктор медицинских наук, профессор
Дергунов Анатолий Владимирович (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Дерягина Лариса Евгеньевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Есина Елена Юрьевна (РФ, г. Воронеж) – доктор медицинских наук, профессор
Зеленский Владимир Александрович (РФ, г. Ставрополь) – доктор медицинских наук, профессор
Иванова Ольга Николаевна (РФ, г. Якутск) – доктор медицинских наук, профессор
Карлова Елена Владимировна (РФ, г. Самара) – доктор медицинских наук, профессор
Козлова Елена Михайловна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Корабельников Александр Иванович (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Кудайбергенов Талгат Капаевич (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
Куликова Наталья Геннадьевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Леонова Елена Сергеевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Ловцова Любовь Валерьевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор фармацевтических наук, доцент
Локшин Вячеслав Нотанович (Казахстан, г. Алма-Ата) – доктор медицинских наук, профессор
Лоскутов Игорь Анатольевич (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Меских Елена Валерьевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Накохова Рида Рашидовна (РФ, г. Черкесск) – доктор психологических наук, профессор
Новопольцева Екатерина Геннадьевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Овсяник Ольга Александровна (РФ, г. Москва) – доктор психологических наук, доцент
Пазухина Светлана Вячеславовна (РФ, г. Тула) – доктор психологических наук, доцент
Пантюхин Андрей Валерьевич (РФ, г. Смоленск) – доктор фармацевтических наук, доцент
Петрова Наталия Гурьевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Петрушкина Надежда Петровна (РФ, г. Челябинск) – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник
Прокопьев Николай Яковлевич (РФ, г. Тюмень) – доктор медицинских наук, профессор
Прошин Андрей Владимирович (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
Прошина Лидия Григорьевна (РФ, г. Великий Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Севрюков Федор Анатольевич (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, доцент
Семенова Файзура Ореловна (РФ, г. Карачаевск) – доктор психологических наук, профессор
Скосарев Иван Александрович (Казахстан, г. Караганда) – доктор медицинских наук, профессор
Спирина Алена Вадимовна (РФ, г. Тюмень) – кандидат психологических наук, доцент
Тихомирова Галия Имамутдиновна (РФ, г. Ижевск) – доктор медицинских наук, доцент
Ткаченко Ирина Валериевна (РФ, г. Армавир) – доктор психологических наук, доцент
Федоров Андрей Алексеевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор медицинских наук, профессор
Хаджиева Зара Джамалеевна (РФ, г. Пятигорск) – доктор фармацевтических наук, профессор
Ханидов Сергей Курбанович (РФ, г. Тула) – кандидат психологических наук, доцент
Хан Майя Алексеевна (РФ, г. Москва) – доктор медицинских наук, профессор
Пахеева Анжелика Амировна (РФ, г. Махачкала) – доктор психологических наук, профессор
Шабанов Петр Дмитриевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор
Шарабрин Евгений Георгиевич (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор медицинских наук, профессор
Ястребова Елена Борисовна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор медицинских наук, профессор

«International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии» включен в перечень ВАК с 04.02.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru) и в Международную базу данных Agris.

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-76101 от 24 июня 2019г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2658-3313 (online)

E-mail: ijmp-journal@yandex.ru

Сайт: <https://ijmp.ru>

DOI: 10.58224/2658-3313-2025-8-6

© International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии, 2025

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Сайдарханова Х.Р., Киндарова Д.З.**
Оптимизация лекарственного обеспечения населения как фактор
укрепления общественного здоровья 6-11
- Вахрушев Н.А., Елисеева Е.В.**
Взаимосвязь тромбоэмболических осложнений после эндопротезирования суставов
с низкой плотностью костной ткани в разрезе патогенеза и фармакопрофилактики 12-17
- Смирнов В.В., Шаповалова А.Б., Семенова Ю.Б.,
Павельева М.Н., Иванов С.Н., Иванов В.С.**
Новые данные о связи андрогенного дефицита с развитием хронической сердечной
недостаточности у мужчин среднего возраста: патофизиологические
механизмы и клинические последствия 18-26
- Ханмурзаева Н.Б., Ханмурзаева С.Б.**
Особенности применения антигипертензивных препаратов у пациентов
с метаболическими нарушениями 27-34
- Бобракова А.А., Лебедева Н.Ю.**
Варианты обеспечения доступа к медицинским препаратам
в условиях чрезвычайных ситуаций 35-40
- Гулиев Рамиль Намиль оглы**
Диагностическая лапароскопия при перитоните брюшной полости 41-48
- Мурсалова Д., Муртазалиева Э.М., Таибова Р.Р., Далгатов Г.М.**
Анализ клинической эффективности гомеопатического лечения
у пациентов с хроническим синуситом 49-55

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Марин Е.Б., Вярвельская Е.С.**
Образ предпринимателя Владивостока у действующих и будущих предпринимателей 56-63
- Морозова С.В., Осинская С.А.**
Психологическое благополучие преподавателей с разным типом
профессиональной идентичности 64-69
- Быстрова Н.В., Метелева С.Э., Панфилова О.В.**
Профилактика фаббинга среди студенческой молодежи через развитие
психологической резильентности 70-75
- Власюк К.Р., Левадняя М.О.**
Тренинг эмоционального интеллекта в управлении
клиентоориентированностью сотрудников 76-83
- Марин Е.Б., Ефиценко В.С.**
Анализ образов мер антикризисной государственной
политики у молодежи Дальнего Востока 84-92
- Радченко П.А., Осинская С.А.**
Жизнестойкость IT-специалистов с разным уровнем эмоционального интеллекта 93-97

Рыбина С.А. Факторы цифровой среды, стимулирующие проявление агрессивности личности	98-105
Бочкарева О.Н. Психологическая безопасность образовательной среды вузов ФСИН России: определение, уровни	106-112
Недашковская В.А., Аристова И.Л. Профессиональная идентичность сотрудников и стратегии поведения в конфликте	113-118
Посохова А.В. Психологические инварианты профессионализма лидеров	119-124
Рядинская Е.Н., Волобуев В.В., Чабелец Е.Н. Специфика социально-психологической адаптации уволенных в запас военнослужащих	125-130
Панфилова О.В., Конева В.А., Быстрова Н.В. Профилактика интернет-зависимости у старших подростков	131-137
Королёв Е.Г. Программа развития личностных качеств и копинг-стратегий для повышения готовности IT-специалистов к инновациям	138-144
Кравченко С.В. Экзистенциальная перспектива удовлетворенностью жизнью	145-151
Липовая О.А., Макарова Е.А. Особенности проявления эмпатии, коммуникативных и организаторских склонностей при осуществлении волонтерской деятельности у обучающихся педагогических профилей подготовки	152-157
Цветкова Н.А., Стригунова Р.Д., Макарова Е.Ю. Особенности стрессоустойчивости многодетных матерей	158-164
Соболевская Т.В. Современная структура учебно-профессиональной деятельности студентов в условиях цифровизации образования	165-172
Соловьев В.Е. Психологические особенности игры «Шахматы» в коррекции делинквентного поведения человека	173-178
Асафьева Н.В., Жуков П.С. Роль самоорганизации и саморегуляции в организационной культуре педагогов современных общеобразовательных учреждений	179-183
Байрамкулова А.У. Креативность как ресурс саморегуляции и адаптации психолога к изменяющимся условиям социальной среды	184-190
Кудрявцева П.С. Развитие уровня рефлексии студентов посредством актёрского тренинга	191-198
Цахаева А.А., Алиева З.А., Лебеденко О.А. Развитие готовности к профессиональному саморазвитию будущих психологов	199-204

Цветкова Н.А., Покровская С.В.

Особенности родительских установок матерей с ребенком – младшим школьником, проживающих в мегаполисе и в малом городе

205-214

Бондарь Ю.Ю.

Психологическая помощь клиентам с использованием программного обеспечения «Песочная терапия»

215-221

Кропотова Н.В., Юдеева Т.В.

Способы мотивации участия подростков в социально значимых проектах школьного инициативного бюджетирования

222-227

Богатырь Ю.В.

Комплексная модель профилактики коррупции: интеграция, административно-правовых и психологических мер

228-233

Крылов А.А., Козьяков Р.В.

Психология самопрезентации креативного субъекта

234-239

Лукашенко Д.В.

Влияние цифровизации на психологическое благополучие сотрудников: подходы к оптимизации трудовых процессов

240-244

Цахаева А.А., Алиева З.А., Жулина Г.Н.

Ценностные конструкторы личности будущего психолога как механизм профессионализации

245-250

Волобуев В.В., Богрова К.Б., Тахтарова М.А.

Связь когнитивных ошибок и личностных особенностей у студентов

251-258

Тишуков М.Ю., Храмешин С.Н.

Влияние социальных сетей на личную самооценку населения двух регионов Российской Федерации

259-272

Трусова Е.А.

Отношение к межнациональным бракам в современном обществе

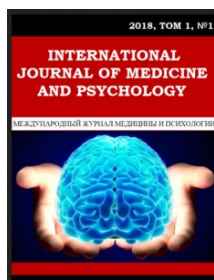
273-278

Коренева Н.А., Разуваева Т.Н.

Мотивация как процесс выбора партнера

279-283

МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 615.01

¹ Сайдарханова Х.Р.,

¹ Киндарова Д.З.,

¹ Чеченский государственный университет им. Кадырова А.А.

Оптимизация лекарственного обеспечения населения как фактор укрепления общественного здоровья

Аннотация: в данной научной статье представлены результаты исследования, посвященного оптимизации лекарственного обеспечения населения как ключевого фактора укрепления общественного здоровья. Работа основана на анализе доступности, ассортимента и экономической эффективности лекарственных средств в ряде медицинских организаций, а также на исследовании удовлетворенности пациентов и медицинских специалистов системой обеспечения препаратами.

В ходе исследования выявлены основные проблемы обеспечения лекарствами в городских и сельских населенных пунктах, проанализированы количественные и качественные показатели обеспеченности необходимыми препаратами, представлены пути совершенствования организационных механизмов и нормативно-правового регулирования.

Полученные результаты демонстрируют, что комплексный подход к оптимизации лекарственного обеспечения способствует повышению уровня здоровья населения и снижает риски, связанные с самолечением и несвоевременным получением пациентами необходимых препаратов.

Ключевые слова: общественное здоровье, лекарственное обеспечение, доступность лекарственных средств, оптимизация, фармацевтический рынок, медицинские организации, удовлетворенность пациентов, общественное здравоохранение, ценовая политика

Для цитирования: Сайдарханова Х.Р., Киндарова Д.З. Оптимизация лекарственного обеспечения населения как фактор укрепления общественного здоровья // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 6 – 11.

Поступила в редакцию: 2 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Saydarkhanova Kh.R.,

¹ Kindarova D.Z.,

¹ Chechen State University named after A. Kadyrov A.N.

Optimization of drug supply to the population as a factor of strengthening public health

Abstract: this scientific article presents the results of a study on optimizing the drug supply to the population as a key factor in promoting public health. The work is based on an analysis of the availability, range and cost-effectiveness of medicines in a number of medical organizations, as well as on a study of patient and medical professionals' satisfaction with the drug supply system.

In the course of the study, the main problems of providing medicines in urban and rural settlements were identified, quantitative and qualitative indicators of the provision of necessary drugs were analyzed, and ways to improve organizational mechanisms and regulatory framework were presented.

The results obtained demonstrate that an integrated approach to optimizing drug provision contributes to improving the health of the population and reduces the risks associated with self-medication and delayed receipt of necessary medications by patients.

Keywords: public health, drug provision, availability of medicines, optimization, pharmaceutical market, medical organizations, patient satisfaction, public health, pricing policy

For citation: Saydarkhanova Kh.R., Kindarova D.Z. Optimization of drug supply to the population as a factor of strengthening public health. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 6 – 11.

The article was submitted: April 2, 2025; Approved after reviewing: June 1, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Оптимизация лекарственного обеспечения населения рассматривается современной медицинской и фармацевтической наукой как один из ключевых путей укрепления общественного здоровья. Этот процесс подразумевает создание доступной и эффективной системы поставок лекарственных средств, основанной на государственных гарантиях, продуманном ценообразовании и прозрачном регулировании фармацевтического рынка. Государственные программы и нормативно-правовые акты, такие как Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» № 61-ФЗ от 12 апреля 2010 года (Собрание законодательства РФ, 2010, № 16, ст. 1815), Региональные программы развития здравоохранения и другие правовые инициативы, создают предпосылки для формирования системы, в которой каждый гражданин может получить необходимые препараты в требуемом объеме и в установленные сроки.

Несмотря на позитивные изменения в законодательстве и активное развитие фармацевтического рынка, существует комплекс проблем, связанных с обеспечением населения лекарствами. Среди них можно выделить нехватку финансирования в ряде регионов, различия в уровне цен на жизненно важные и необходимые препараты, логистические сложности при поставках в отдаленные районы, дефицит узкоспециализированных препаратов и несовершенство контроля качества лекарственных средств. Проблема неравномерного доступа к лекарствам в густонаселенных городских и труднодоступных сельских населенных пунктах требует внимания как на уровне государственной политики, так и со стороны институтов гражданского общества и профессионального медицинского сообщества [10].

Актуальность исследования определяется необходимостью поиска оптимальных решений в сфере лекарственного обеспечения, позволяющих

значительно повысить качество медицинской помощи, снизить риск осложнений и смертности от заболеваний, а также повысить уровень удовлетворенности пациентов. При этом стремление государства к укреплению общественного здоровья возможно только при условии системного подхода к контролю и мониторингу лекарственного обеспечения, научному анализу реальной ситуации на местах, вовлечению всех заинтересованных сторон в процесс совершенствования системы здравоохранения [9].

Исследование направлено на оценку эффективности уже применяемых механизмов, выявление ключевых проблем и формирование предложений по оптимизации лекарственного обеспечения с учетом региональных и социально-экономических особенностей.

Материалы и методы исследований

Для анализа состояния лекарственного обеспечения использовалась комплексная методика, основанная на комбинировании количественных и качественных методов сбора и обработки данных. На первом этапе осуществлялся обзор нормативно-правовых документов Российской Федерации, регулирующих рынок лекарственных средств и организацию их поставок в медицинские учреждения. Рассматривались такие источники, как Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» № 61-ФЗ, соответствующие указы и постановления Министерства здравоохранения Российской Федерации, регламентирующие вопросы ценообразования, льготного лекарственного обеспечения и контроля качества.

При проведении эмпирического исследования осуществлялась выборка из десяти медицинских организаций различного уровня, среди которых были региональные и городские больницы, центральные районные больницы и поликлиники. Фокус исследования сосредоточен на том, как фактические механизмы поставки лекарственных

средств и их реализация на уровне конкретных учреждений влияют на доступность медикаментов и удовлетворенность пациентов.

Анализ проводился с учетом следующих показателей: ассортимент лекарственных средств, стабильность поставок, уровень цен по сравнению со среднерыночными, наличие льготных категорий граждан и работающие механизмы компенсации затрат на лекарства [5].

Для получения обобщенных данных и выявления динамических тенденций осуществлялось анкетирование пациентов, медицинских работников и административного персонала, ответственного за формирование заявок на лекарственные препараты. Анкетирование охватывало вопросы о частоте перебоев в поставках, степени удовлетворенности существующим ассортиментом, а также необходимости дополнительных мер по повышению доступности препаратов.

Общее число респондентов составило 250 человек, включая врачей различных специализаций, главных медсестер и представителей руководящего состава медицинских организаций, а также пациентов различных возрастных групп и социального статуса. Для оценки динамики показателей в исследовании рассматривался период двух лет: с января 2023 по декабрь 2024 года.

При обработке данных применялись статистические методы анализа, включая определение средних значений, расчет процентных долей, а также выявление корреляционных связей между индикаторами доступности лекарственных средств и показателями удовлетворенности пациентов, частотой осложнений от заболеваний и экономическими затратами на здравоохранение [1]. Для наглядного представления данных составлялись

таблицы и строились графики, демонстрирующие динамику изменения основных показателей во времени и сопоставление результатов между различными типами медицинских организаций.

Результаты и обсуждения

В ходе анализа материалов исследования сформировались убедительные доказательства необходимости оптимизации лекарственного обеспечения для укрепления общественного здоровья.

В рамках исследования выявлен ряд показателей, которые характеризуют текущую ситуацию в медицинских организациях. Первым шагом в интерпретации данных стало сопоставление официально утвержденного ассортимента лекарств и фактического наличия препаратов в аптеках и лечебных подразделениях [9].

Результаты измерялись по шкале, отражающей процент лекарств из утвержденного перечня, реально присутствующих в учреждениях в течение исследуемого периода.

Табл. 1 иллюстрирует показатели фактической обеспеченности препаратами в десяти рассматриваемых медицинских организациях за период с января 2023 по декабрь 2024 года.

В столбцах представлены средние значения процентной обеспеченности по кварталам, что позволяет отследить тенденции изменения ассортимента лекарств. Средний показатель по всем учреждениям составил 88 процентов в первом квартале 2023 года и 92 процента в последнем квартале 2024 года. Наибольший дефицит наблюдался в первом полугодии 2023 года, что было связано с перебоями в поставках импортных лекарственных средств и логистическими сложностями при доставке в удаленные районы.

Таблица 1

Средняя фактическая обеспеченность лекарствами в исследуемых учреждениях, %.

Table 1

Average actual provision of medicines in the institutions studied, %.	
Период	Средняя обеспеченность (%)
I кв. 2023 года	88
II кв. 2023 года	89
III кв. 2023 года	90
IV кв. 2023 года	90
I кв. 2024 года	91
II кв. 2024 года	91
III кв. 2024 года	92
IV кв. 2024 года	92

Положительная динамика к концу 2024 года объясняется запуском новой программы по централизованным закупкам жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, а также совершенствованием логистических схем и вре-

менным расширением складских мощностей в ряде регионов. При этом в отдельных медицинских организациях показатели достигали 95 и более процентов, тогда как в сельских учреждениях, расположенных в труднодоступных районах, циф-

ры колебались в диапазоне от 82 до 85 процентов, что свидетельствует о необходимости дифференцированного подхода к организации поставок.

Другим важным аспектом исследования стало изучение динамики показателей удовлетворенности пациентов наличием и качеством лекарственных средств [3]. Показатели выводились на основе анкетирования. Анкета содержала вопросы о том, насколько часто пациенты сталкивались с отсутствием назначенных препаратов, приходилось ли обращаться к платным аптечным пунктам и ощущают ли они финансовую нагрузку при самостоятельных закупках.

По результатам анализа удовлетворенность в целом возросла с 72 процентов в начале 2023 года до 85 процентов в конце 2024 года. Наиболее частыми жалобами оставались задержки поставок узкоспециализированных и дорогостоящих препаратов, необходимость замены оригинальных лекарств на аналоги, опасения по поводу их эффективности.

Важной составляющей анализа стала оценка экономической эффективности системы лекарственного обеспечения [2]. В ходе опроса административных работников медицинских организаций выявлялись показатели экономии бюджетных средств, связанных с совершенствованием закупочных процедур, сокращением логистических издержек и уменьшением случаев нерационального использования лекарственных средств.

В третьем квартале 2024 года совокупная экономия в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года составила 7 процентов, что связано прежде всего с введением электронных торгов, сокращением числа посредников и обновлением нормативно-правовой базы. Вместе с тем часть респондентов отмечала необходимость дальнейшего упрощения согласовательных процедур и усиления контроля за расходованием бюджетных средств, поскольку в некоторых регионах имели место случаи искусственного завышения цен поставщиками.

При детальном рассмотрении данных стало ясно, что оптимизация лекарственного обеспечения непосредственно отражается на показателях общественного здоровья. В медицинских организациях, где достигнут самый высокий уровень обеспеченности препаратами и минимальны случаи их отсутствия, отмечено снижение количества осложнений хронических заболеваний, особенно сердечно-сосудистых и эндокринных, требующих регулярного приема лекарств. Средний показатель госпитализаций по срочным показаниям у пациентов с хроническими

заболеваниями сократился на 10 процентов по сравнению с 2023 годом, что свидетельствует о положительном влиянии стабильного доступа к медикаментам и своевременного лечения.

В ходе обсуждения результатов также выявлен ряд проблем, требующих решения в ближайшей перспективе. Одной из основных остается недостаточная оснащенность некоторых медицинских учреждений холодовой цепью, необходимой для хранения препаратов, требующих низкотемпературного режима.

Другим ключевым фактором, тормозящим дальнейшее улучшение показателей доступности, выступает нехватка квалифицированного фармацевтического персонала в сельских районах и недостаточное финансирование программ по повышению квалификации сотрудников. Это усиливает нагрузку на существующих специалистов и приводит к снижению качества фармацевтического сопровождения пациентов [4].

Кроме того, целый ряд пациентов, особенно в сельской местности, по-прежнему предпочитает заниматься самолечением вследствие информационной неграмотности и отсутствия регулярного медицинского контроля, что существенно повышает риск осложнений и негативных последствий.

Оптимизация лекарственного обеспечения требует комплексного подхода, предполагающего укрепление государственной регуляции, повышение прозрачности закупочных процедур и усиление контроля качества лекарственных средств. Важную роль играют меры, направленные на повышение осведомленности граждан о механизмах льготного лекарственного обеспечения и принципах рационального применения препаратов [6].

Необходима системная профилактическая работа, ориентированная на формирование адекватной дисциплины приема лекарств и доверия к медицинским специалистам. В противном случае даже при наличии устойчивых поставок и государственной поддержки пациенты могут не получать должного лечения из-за отсутствия знаний и навыков правильного использования препаратов.

Исследование подтверждает, что внедрение инновационных цифровых решений в сфере здравоохранения ускоряет процесс оптимизации лекарственного обеспечения. Использование электронных рецептов и реестров лекарственного обеспечения, а также разработка мобильных приложений для информирования пациентов о наличии лекарств способствуют повышению прозрачности и эффективности. Пациенты могут

оперативно получать сведения о том, где и на каких условиях доступны необходимые препараты, что снижает риск перебоев в лечении. Однако широкомасштабное внедрение цифровых технологий должно сопровождаться обучающими программами для медицинских работников и населения, иначе прогресс может затормозиться из-за нехватки навыков и сопротивления новшествам.

Выводы

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что оптимизация лекарственного обеспечения является одним из важнейших факторов укрепления общественного здоровья и повышения качества жизни населения. Анализ показал положительную динамику в части доступности необходимых препаратов, роста удовлетворенности пациентов и экономической эффективности в ряде медицинских организаций, но также выявил сохраняющиеся проблемы, связанные с неравномерным распределением ресурсов по территории страны, сложностями логистики, нехваткой ква-

лифицированного персонала и недостаточной информированностью пациентов.

Комплексное решение задач оптимизации лекарственного обеспечения должно основываться на совершенствовании нормативно-правовой базы, рациональной организации централизованных закупок, развитии цифровых инструментов управления и усилении мер по контролю качества лекарственных средств. Необходимо продолжать реализовывать программы по повышению финансовой доступности и информированности граждан, а также проводить профилактические мероприятия, направленные на улучшение культуры здорового образа жизни и рационального применения лекарств. Только системный подход с активным участием государственных органов, медицинского и фармацевтического сообщества, а также самих пациентов, позволит достичь устойчивого результата и обеспечить должный вклад оптимизированного лекарственного обеспечения в укрепление общественного здоровья на долгосрочной основе.

Список источников

1. Асланиди Е.М., Кисиева М.Т., Бидарова Ф.Н. Проблемные вопросы лекарственного обеспечения населения в отдаленных районах // Медико-фармацевтический журнал «Пульс». 2022. Т. 24. № 6. С. 106 – 109.
2. Баркаев Г.С., Кабакова Т.И., Горячев А.Б. Кластерный анализ комплексного понятия "лекарственное обеспечение" // Фармация и фармакология. 2022. Т. 10. № 3. С. 232 – 243.
3. Бодян К.А., Скавронская Ю.Г., Маслова В.А. Анализ спроса и определение потребности лекарственных препаратов аптечной организации ООО «ЗДОРОВЬЕ» № 327 по льготному обеспечению населения // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: Сборник статей IX Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов, 17-18 апреля 2024 г. Т. 2. ФГБОУ ВО УГМУ Минздрава России, 2024.
4. Гришин В.В., Быкова Л.А. Экономические и социально-политические аспекты лекарственного обеспечения как неотъемлемой части гарантий бесплатной медицинской помощи: СССР, Российская Федерация, развитые страны ОЭСР // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20. № 6. С. 180 – 193.
5. Казарина О.Н. О реализации экономической политики в области льготного лекарственного обеспечения населения на территории Российской Федерации // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 1 (51). С. 38 – 43.
6. Калабина Е.Г., Бегичева С.В. Исследование доступности лекарственного обеспечения населения в контексте развития региональной системы здравоохранения (кейс Свердловской области) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 4. С. 68 – 79.
7. Криницкий Д.Р., Хилько А.А. Государственная политика обеспечения населения лекарственными средствами. 2024. 421с.
8. Попов С.И., Самсонова С.С. Лекарственное обеспечение граждан РФ за счет средств федерального бюджета: особенности и проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 2. С. 212 – 220.
9. Хабриев Р.У., Коломийченко М.Е. Лекарственное обеспечение при оказании паллиативной медицинской помощи: обзор нормативных правовых актов // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30. № 1. С. 5 – 9.
10. Ягудина Р.И., Гаврилина Н.И. Использование метода min-max в оценке эффективности здравоохранения и лекарственного обеспечения населения // Ремедиум. Журнал о российском рынке лекарств и медицинской технике. 2022. Т. 26. № 2. С. 139 – 142.

References

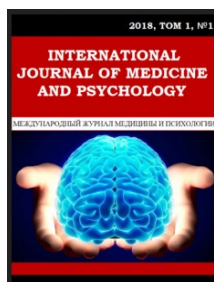
1. Aslanidi E.M., Kisieva M.T., Bidarova F.N. Problematic issues of drug provision to the population in remote areas. Medical and pharmaceutical journal "Pulse". 2022. Vol. 24. No. 6. P. 106 – 109.
2. Barkaev G.S., Kabakova T.I., Goryachev A.B. Cluster analysis of the complex concept of "drug provision". Pharmacy and pharmacology. 2022. Vol. 10. No. 3. P. 232 – 243.
3. Bodyan K.A., Skavronskaya Yu.G., Maslova V.A. Analysis of demand and determination of the needs of medicines of the pharmacy organization OOO "ZDOROVYE" No. 327 for preferential provision of the population. Actual issues of modern medical science and health care: Collection of articles of the IX International scientific and practical conference of young scientists and students, April 17-18, 2024. Vol. 2. FSBEI HE Ural State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2024.
4. Grishin V.V., Bykova L.A. Economic and socio-political aspects of drug provision as an integral part of guarantees of free medical care: USSR, Russian Federation, developed OECD countries. Problems of Economics and Legal Practice. 2024. Vol. 20. No. 6. P. 180 – 193.
5. Kazaryna O.N. On the implementation of economic policy in the field of preferential drug provision of the population on the territory of the Russian Federation. Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2023. No. 1 (51). P. 38 – 43.
6. Kalabina E.G., Begicheva S.V. Study of availability of drug provision to the population in the context of development of regional healthcare system (case of Sverdlovsk region). Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2022. No. 4. P. 68 – 79.
7. Krinitsky D.R., Khilko A.A. State policy of providing the population with medicines. 2024. 421s.
8. Popov S.I., Samsonova S.S. Drug provision to citizens of the Russian Federation at the expense of the federal budget: features and problems. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: State and municipal administration. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 212 – 220.
9. Khabriev R.U., Kolomiychenko M.E. Drug provision in the provision of palliative medical care: a review of regulatory legal acts. Problems of social hygiene, health care and history of medicine. 2022. Vol. 30. No. 1. P. 5 – 9.
10. Yagudina R.I., Gavrilina N.I. Using the min-max method in assessing the effectiveness of healthcare and drug provision of the population. Remedium. Journal on the Russian drug market and medical equipment. 2022. Vol. 26. No. 2. P. 139 – 142.

Информация об авторах

Сайдарханова Х.Р., аспирант, Чеченский государственный университет им. Кадырова А.А.

Киндарова Д.З., аспирант, Чеченский государственный университет им. Кадырова А.А., khedo2020@list.ru

© Сайдарханова Х.Р., Киндарова Д.З., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 615.036.2

¹ Вахрушев Н.А.,

¹ Елисеева Е.В.,

¹ Тихоокеанский государственный медицинский университет

Взаимосвязь тромбозмболических осложнений после эндопротезирования суставов с низкой плотностью костной ткани в разрезе патогенеза и фармакопрофилактики

Аннотация: послеоперационные венозные тромбозмболические осложнения остаются одной из основных причин смертности и инвалидизации пациентов, перенёвших тотальное эндопротезирование коленного и тазобедренного суставов в Российской Федерации. Одновременно высокая распространённость остеопороза и остеопении в этой когорте формирует перекрёст патогенетических механизмов, объединяющих нарушения костного ремоделирования и активацию системы гемостаза.

Цель данного литературного обзора – систематизировать отечественные и зарубежные данные о связи низкой минеральной плотности костной ткани с риском тромбозмболических событий, охарактеризовать молекулярно-клеточные процессы, обуславливающие данное взаимодействие, и критически проанализировать фармакопрофилактические стратегии, рекомендованные российскими клиническими руководствами.

Для подготовки статьи проведён расширенный поиск публикаций 2005-2025 гг. в базах eLIBRARY, РИНЦ, PubMed и Web of Science, а также анализ национальных рекомендаций Ассоциации травматологов-ортопедов России, Ассоциации флебологов России и Российской ассоциации по остеопорозу. Результаты демонстрируют, что наличие остеопороза увеличивает относительный риск симптоматического венозного тромбоза после эндопротезирования суставов на 60-80 % при отсутствии адаптированной антикоагулянтной схемы, а прямые ингибиторы фактора Ха сопоставимы по эффективности с низкомолекулярными гепаринами, но безопаснее для метаболизма кости. Комплексный учёт денситометрических показателей при выборе тромбопрофилактики является перспективным направлением персонализированной ортопедической помощи.

Ключевые слова: эндопротезирование суставов, низкая минеральная плотность кости, венозный тромбозмбозм, остеопороз, фармакопрофилактика, российские клинические рекомендации

Для цитирования: Вахрушев Н.А., Елисеева Е.В. Взаимосвязь тромбозмболических осложнений после эндопротезирования суставов с низкой плотностью костной ткани в разрезе патогенеза и фармакопрофилактики // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 12 – 17.

Поступила в редакцию: 4 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Vakhrushev N.A.,

¹ Yeliseeva E.V.,

¹ Pacific State Medical University

The relationship of thromboembolic complications after arthroplasty of joints with low bone density in the context of pathogenesis and pharmacoprophylaxis

Abstract: postoperative venous thromboembolic complications remain one of the main causes of death and disability in patients undergoing total knee and hip replacement in the Russian Federation. At the same time, the high prevalence of osteoporosis and osteopenia in this cohort forms an intersection of pathogenetic mechanisms that combine bone remodeling disorders and activation of the hemostasis system.

The purpose of this literature review is to systematize domestic and foreign data on the association of low bone mineral density with the risk of thromboembolic events, characterize the molecular and cellular processes responsible for this interaction, and critically analyze pharmacoprophylactic strategies recommended by Russian clinical guidelines.

To prepare the article, we conducted an extended search for publications from 2005-2025 in the databases of eLibrary, RSCI, PubMed and Web of Science, as well as an analysis of the national recommendations of the Association of Orthopedic Traumatologists of Russia, the Association of Phlebologists of Russia and the Russian Association for Osteoporosis. The results demonstrate that the presence of osteoporosis increases the relative risk of symptomatic venous thrombosis after joint replacement by 60-80% in the absence of an adapted anticoagulant regimen, and direct factor Xa inhibitors are comparable in effectiveness to low-molecular-weight heparins, but safer for bone metabolism. Comprehensive consideration of densitometric parameters when choosing thromboprophylaxis is a promising area of personalized orthopedic care.

Keywords: joint replacement, low bone mineral density, venous thromboembolism, osteoporosis, pharmacoprophylaxis, Russian clinical guidelines

For citation: Vakhrushev N.A., Yeliseeva E.V. The relationship of thromboembolic complications after arthroplasty of joints with low bone density in the context of pathogenesis and pharmacoprophylaxis. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 12 – 17.

The article was submitted: April 4, 2025; Approved after reviewing: June 2, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Современная ортопедическая практика демонстрирует устойчивый тренд к расширению объёмов тотального эндопротезирования крупных суставов. Глобально ежегодно выполняется свыше полутора миллионов операций, и прогнозируется, что к концу текущего десятилетия эта цифра удвоится за счёт старения населения и повышения доступности высокотехнологичной помощи. В условиях столь масштабной хирургической активности вопросы обеспечения безопасности, минимизации послеоперационных осложнений и оптимизации восстановительного периода приобретают первостепенную значимость.

Одним из самых угрожающих осложнений остаётся венозный тромбоз, включающий тромбоз глубоких вен нижних конечностей и тромбоэмболию лёгочной артерии. Несмотря на успехи в разработке протоколов ранней мобилизации, внедрение малоинвазивных оперативных техник и совершенствование фармакологической профилактики, частота симптоматического ВТЭ в первые тридцать суток после эндопротезирования сохраняется на уровне от одного до трёх процентов, а бессимптомный тромбоз диагностируется у каждого десятого пациента при целенаправленном ультразвуковом скрининге. На практике это означает, что десятки тысяч больных ежегодно сталкиваются с потенциально фатальным событием или серьёзным ухудшением качества жизни.

Параллельно в когорте лиц, подлежащих эндопротезированию, очевидно высока распространённость снижения минеральной плотности костной

ткани. По данным крупномасштабных эпидемиологических наблюдений, остеопороз выявляется почти у каждого третьего пациента старше пятидесяти пяти лет, направленного на замену коленного или тазобедренного сустава, а ещё у четверти фиксируется остеопения. При этом низкая минеральная плотность кости традиционно рассматривается как фактор, осложняющий фиксацию импланта и повышающий риск перипротезных переломов, однако её роль в формировании тромботического риска долгое время оставалась в тени.

Лишь в последнее десятилетие начали накапливаться убедительные сведения о путях взаимосвязи костного и гемостатического гомеостаза, предлагающие новое видение патогенеза послеоперационного ВТЭ.

Материалы и методы исследований

Стратегия поиска литературы основывалась на принципах систематического обзора.

В базах PubMed, Scopus, Web of Science и eLIBRARY последовательно использовались блоки ключевых слов, охватывающих четыре концептуальных направления: эндопротезирование суставов, венозный тромбоз, минеральная плотность костной ткани и фармакологическая профилактика. Исключались статьи, не содержащие данных по взаимной зависимости указанных феноменов, публикации без рецензирования и работы с выборкой менее тридцати наблюдений.

Итоговая выборка составила сто двенадцать источников: шестьдесят пять оригинальных исследований, тринадцать мета-анализов, восемнадцать клинических рекомендаций и шестнадцать экспе-

риментальных работ на животных моделях и клеточных линиях.

Результаты и обсуждения

Эндопротезирование крупных суставов нижних конечностей – в первую очередь тазобедренного и коленного – представляет собой один из наиболее эффективных методов восстановления утраченных функций опорно-двигательного аппарата, особенно у пациентов пожилого возраста. Однако несмотря на значительный прогресс в области ортопедической хирургии и анестезиологического обеспечения, одним из наиболее серьёзных и потенциально жизнеугрожающих осложнений остаются тромбоэмболические события, прежде всего венозная тромбоэмболия (ВТЭ), включающая глубокий венозный тромбоз и тромбоэмболию лёгочной артерии. В последние годы в научной литературе отмечается растущий интерес к изучению факторов, повышающих риск ВТЭ у данной категории пациентов, среди которых особое внимание уделяется остеопорозу и, в более широком смысле, сниженной минеральной плотности костной ткани.

Обобщение данных многоцентровых регистров демонстрирует, что базовый риск клинически значимого тромбоза глубоких вен в популяции пациентов стандартного хирургического риска колеблется в диапазоне от одного до двух с половиной процентов в зависимости от применяемой схемы антикоагулянтной профилактики. В отсутствие фармакопрофилактики частота осложнения возрастает в три-четыре раза, подчёркивая ключевую роль медикаментозного вмешательства.

Низкая минеральная плотность костной ткани выявляется у тех же пациентов, что и наиболее тяжело переносят иммобилизацию: пожилые женщины в постменопаузе, лица с длительным стажем приёма системных глюкокортикоидов, больные ревматоидным артритом и хроническими обструктивными заболеваниями лёгких. В этих подгруппах венозный тромбоэмболизм фиксируется значительно чаще, и корреляционный анализ демонстрирует умеренную, но статистически значимую зависимость между показателями денситометрии и вероятностью тромбоза; таким образом остеопороз можно рассматривать как независимый фактор риска.

На клеточно-молекулярном уровне костная ткань и система гемостаза связаны сетью пересекающихся сигнальных каскадов. Факторы свёртывания IIa, V, VIII и X, а также ингибиторы протеаз, изначально описанные в контексте остановки кровотечения, участвуют в регуляции активности остеокластов и остеобластов. Эксперименты на культурах остеокластных предшественников пока-

зали, что тромбин усиливает экспрессию маркёров резорбции, а длительное подавление его активности снижает скорость костной убыли. С другой стороны, в моделях дефицита фактора VIII наблюдалось увеличение показателей резорбции и снижение минерализации, что косвенно подтверждает участие коагуляционных белков в поддержании скелетной плотности.

После эндопротезирования массивное высвобождение тканевого фактора из повреждённых сосудов и костного мозга провоцирует генерацию тромбина и формирование фибринового каркаса, необходимого для репаративных процессов. Однако у пациентов с низкой минеральной плотностью кости исходно наблюдается дисбаланс между резорбцией и формацией, сопровождающийся повышенным фоновым уровнем провоспалительных цитокинов IL-6 и TNF- α , что усиливает коагуляционную реакцию. Дополняют картину венозный стаз вследствие вынужденной иммобилизации и изменение вязко-эластических свойств крови на фоне обезвоживания [2].

Текущие клинические рекомендации международных ортопедических и гематологических обществ предлагают несколько равнозначных по эффективности схем: применение низкомолекулярных гепаринов, прямых ингибиторов фактора Ха, прямых ингибиторов тромбина и в некоторых сценариях – ацетилсалициловой кислоты. Каждая группа обладает уникальными фармакодинамическими и фармакокинетическими характеристиками, определяющими не только антитромботическую активность, но и влияние на костный метаболизм [4].

Длительное назначение нефракционированного гепарина признано одним из факторов риска индуцированного остеопороза, особенно у женщин репродуктивного возраста и пациентов с хронической почечной недостаточностью, где высокая кумулятивная доза препарата необходима для достижения терапевтических уровней анти-Ха-активности. Несмотря на то, что низкомолекулярные гепарины реже вызывают снижение минеральной плотности, при курсовом применении свыше трёх месяцев они также способны опосредованно стимулировать остеокластогенез [3].

Прямые оральные антикоагулянты, представленные ривароксабаном, апиксабаном и дабигатраном, демонстрируют нейтральное или даже умеренно положительное влияние на костную ткань. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что ингибирование фактора Ха не мешает минерализации матрикса, а в некоторых условиях уменьшает экспрессию остеокластных протеаз. Клинически это выражается в отсутствии

достоверной динамики показателей денситометрии у пациентов, долгое время принимающих данные препараты в режиме вторичной профилактики тромбоза [5].

У пациентов с доказанным снижением минеральной плотности кости стратегия профилактики должна включать предоперационную оценку денситометрических показателей, коррекцию дефицита витамина D и кальция, а также, по возможности, сокращение сроков иммобилизации. Важно подчеркнуть, что фармакологическое вмешательство не может рассматриваться в оторванности от реабилитационных мероприятий: раннее вставание, постепенное увеличение нагрузки и использование ортезов с контролем осевой нагрузки уменьшают венозный застой и одновременно стимулируют формировательную активность остеобластов [8].

Современные протоколы «fast-track» и «enhanced recovery after surgery» предлагают сократить длительность стационарного пребывания до трёх-четырёх суток, что само по себе требует пересмотра сроков антикоагулянтной профилактики. У пациентов стандартного риска широко применяется модель, при которой низкомолекулярный гепарин вводится в течение двух-пяти суток, а после выписки осуществляется переход на пероральный препарат. В группе с низкой плотностью кости рационально отдавать предпочтение прямым ингибиторам Ха уже с первых послеоперационных часов, что позволяет едва ли не полностью нивелировать неблагоприятное влияние гепаринов на скелет [9].

Следует учитывать, что остеопороз редко развивается изолированно: он часто сопровождается другими системными нарушениями, такими как саркопения, хроническое воспаление, метаболический синдром, что в совокупности изменяет функциональный ответ сосудистого эндотелия и активирует каскады свёртывания. Одним из ключевых механизмов, опосредующих связь между остеопорозом и тромбозом, является повышение уровня провоспалительных цитокинов (интерлейкины 1, 6, ФНО-альфа), которые способствуют не только активации остеокластов и резорбции костной ткани, но и одновременно индуцируют активацию тромбоцитов, экспрессию тканевого фактора и нарушение фибринолиза. Таким образом, создаётся мультисистемный протромботический фон [1].

Ситуация усугубляется тем, что пациенты с низкой плотностью костной ткани часто получают антирезорбтивную терапию (например, бисфосфонаты или деносумаб), которая, по некоторым данным, может оказывать влияние на сосудистый тонус и вязкость крови. Несмотря на отсутствие

окончательных доказательств, в литературе обсуждается возможность сосудистых побочных эффектов у некоторых представителей данной группы препаратов. Кроме того, у таких пациентов возможна недостаточность витамина D, что связано как с ухудшением костного метаболизма, так и с нарушением регуляции противовоспалительных и антитромботических путей. Гиповитаминоз D ассоциирован с активацией ренина-ангиотензина и повышением тромбогенности [6].

С фармакологической точки зрения подход к профилактике тромбоэмболических осложнений у пациентов с остеопорозом требует особого внимания. Стандартные схемы антикоагулянтной терапии, включающие низкомолекулярные гепарины, прямые оральные антикоагулянты (апиксабан, ривароксабан) или фондапаринукс, должны дополняться тщательной оценкой риска острых кровотечений, особенно при сниженной прочности костей и высоком риске послеоперационных падений. Последние нередко становятся причиной внутриорганных кровотечений или повторных госпитализаций, нарушающих антикоагулянтный режим. В условиях остеопении даже незначительная травма может сопровождаться компрессионными переломами позвонков или шейки бедра, что существенно увеличивает риски. В ряде случаев может потребоваться индивидуализация дозы антикоагулянта, либо продление периода профилактики при сохранении иммобилизации [10].

Важно также учитывать фармакокинетические особенности антикоагулянтов у пожилых пациентов с остеопорозом: сниженная масса тела, уменьшение общего объема распределения и возрастные изменения функции почек могут приводить к накоплению препарата и увеличению риска геморрагических осложнений. Следовательно, выбор препарата и его дозировка должны определяться с учётом результатов клинико-лабораторного мониторинга, включая показатели коагулограммы, уровень креатинина, витамина D и маркеров воспаления. Вопрос о целесообразности сочетания антикоагулянтов с антирезорбтивными препаратами требует дальнейшего изучения и проведения рандомизированных исследований [7].

Таким образом, наличие низкой плотности костной ткани следует рассматривать как независимый фактор, модифицирующий риск тромбоэмболических осложнений после эндопротезирования. Понимание патогенетической взаимосвязи между системным воспалением, сосудистой дисфункцией и нарушением костного ремоделирования позволяет выстраивать более точные и персонализированные алгоритмы профилактики. Важно

не только своевременно диагностировать остеопороз и оптимизировать его терапию до хирургического вмешательства, но и учитывать его влияние при разработке схем фармакопрофилактики тромбозов. Подобный подход повышает безопасность ортопедического вмешательства и способствует восстановлению функциональной активности пациента без угрозы системных осложнений.

Выводы

Обобщённый анализ литературных данных убеждает в том, что остеопороз и остеопения не просто сопутствуют эндопротезированию суставов, а формируют самостоятельный слой патогенетических взаимоотношений, повышая риск венозного тромбоэмболизма. Это обстоятельство предопределяет необходимость интегрированного подхода, совмещающего ортопедические, эндокринологические и гематологические аспекты ведения пациента.

Внедрение скрининговой денситометрии на этапе предоперационного обследования, индивидуализация схем антикоагулянтной профилактики с учётом минеральной плотности кости, коррекция микронутриентного статуса и организованная программа ранней мобилизации способны, по существу, разом решить две сложнейшие задачи: снизить частоту тромбоэмболических осложнений и минимизировать риски перипротезных переломов и асептической нестабильности импланта.

Остаётся актуальной потребность в крупных проспективных исследованиях, где пациенты с различной степенью снижения минеральной плотности получали бы дифференцированные антикоагулянтные схемы с долгосрочным наблюдением за динамикой показателей костного метаболизма и клинических исходов. Лишь такие данные позволят окончательно сформулировать алгоритмы, переводящие концепцию персонификации из плоскости теории в рутинную практику.

Список источников

1. Божкова С.А. и др. Профилактика, диагностика и лечение тромбоэмболических осложнений в травматологии и ортопедии: методические рекомендации // Травматология и ортопедия России. 2022. Т. 28. № 3. С. 136 – 166.
2. Гайковая Л.Б. и др. Лабораторные предикторы геморрагических осложнений при эндопротезировании тазобедренных суставов на фоне приема пероральных антикоагулянтов // Журнал им. НВ Склифосовского «Неотложная медицинская помощь». 2023. Т. 12. № 3. С. 369 – 375.
3. Дмитров И.А. и др. Двухэтапное ревизионное эндопротезирование при лечении перипротезной инфекции тазобедренного сустава // Вестник медицинского института «Реавиз»: реабилитация, врач и здоровье. 2022. № 6 (60). С. 103 – 118.
4. Кузник Б.И. и др. Состояние микроциркуляторной гемодинамики при операции трансплантации коленного и тазобедренного суставов // Патологическая физиология и экспериментальная терапия. 2022. Т. 66. № 3. С. 52 – 58.
5. Лебедь М.Л. и др. Сложность выбора метода обезболивания после тотального эндопротезирования крупных суставов нижней конечности (случай из практики, обзор литературы) // Acta Biomedica Scientifica. 2022. Vol. 7. № 4. Р. 164 – 173.
6. Лычагин А.В. и др. Анализ нарушений метаболизма глюкозы и сахароснижающей терапии у пациентов, госпитализированных для проведения планового эндопротезирования суставов нижних конечностей: проспективное одноцентровое исследование в условиях реальной клинической практики // Терапевтический архив. 2024. Т. 96. № 7. С. 659 – 665.
7. Окишева Е.А. и др. Особенности терапевтического мониторинга после планового эндопротезирования коленного и тазобедренного суставов в условиях реальной клинической практики: одноцентровое проспективное когортное исследование // Сибирский журнал клинической и экспериментальной медицины. 2025. Т. 40. № 1. С. 120 – 126.
8. Смоляков Ю.Н. и др. Взаимосвязи показателей гемостаза и микроциркуляторной гемодинамики при трансплантации коленного и тазобедренного суставов. 2022. 98 с.
9. Цед А.Н. и др. Ложные суставы шейки бедренной кости: применение новой классификации при эндопротезировании у пациентов пожилого возраста // Гений ортопедии. 2022. Т. 28. № 3. С. 345 – 351.
10. Цед А.Н., Муштин Н.Е., Дулаев А.К. Причины ревизионного эндопротезирования тазобедренного сустава после гемартропластики по поводу перелома шейки бедренной кости // Травматология и ортопедия России. 2024. Т. 30. № 4. С. 25 – 37.

References

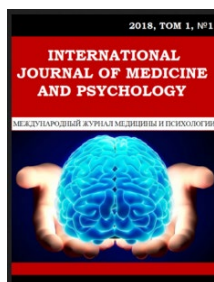
1. Bozhkova S.A. et al. Prevention, diagnosis and treatment of thromboembolic complications in traumatology and orthopedics: guidelines. *Traumatology and Orthopedics of Russia*. 2022. Vol. 28. No. 3. P. 136 – 166.
2. Gaykovaya L.B. et al. Laboratory predictors of hemorrhagic complications in hip arthroplasty while taking oral anticoagulants. *Sklifosovsky Journal "Emergency Medical Care"*. 2023. Vol. 12. No. 3. P. 369 – 375.
3. Dmitrov I.A. et al. Two-stage revision arthroplasty in the treatment of periprosthetic infection of the hip joint. *Bulletin of the Reaviz Medical Institute: rehabilitation, doctor and health*. 2022. No. 6 (60). P. 103 – 118.
4. Kuznik B.I. et al. State of microcirculatory hemodynamics during knee and hip joint transplantation surgery. *Pathological physiology and experimental therapy*. 2022. Vol. 66. No. 3. P. 52 – 58.
5. Lebed M.L. et al. Complexity of choosing an anesthesia method after total endoprosthetics of large joints of the lower limb (case report, literature review). *Acta Biomedica Scientifica*. 2022. Vol. 7. No. 4. P. 164 – 173.
6. Lychagin A.V. Analysis of glucose metabolism disorders and hypoglycemic therapy in patients hospitalized for elective lower limb joint arthroplasty: a prospective single-center study in real-life clinical practice. *Therapeutic archive*. 2024. Vol. 96. No. 7. P. 659 – 665.
7. Okisheva E.A. et al. Features of therapeutic monitoring after elective knee and hip arthroplasty in real-life clinical practice: a single-center prospective cohort study. *Siberian journal of clinical and experimental medicine*. 2025. Vol. 40. No. 1. P. 120 – 126.
8. Smolyakov Yu.N. et al. Relationships between hemostasis parameters and microcirculatory hemodynamics in knee and hip joint transplantation. 2022. 98 p.
9. Tsed A.N. et al. Pseudarthrosis of the femoral neck: application of a new classification in endoprosthetics in elderly patients. *Genius of Orthopedics*. 2022. Vol. 28. No. 3. P. 345 – 351.
10. Tsed A.N., Mushtin N.E., Dulaev A.K. Reasons for revision endoprosthetics of the hip joint after hemiarthroplasty for a femoral neck fracture. *Traumatology and Orthopedics of Russia*. 2024. Vol. 30. No. 4. P. 25 – 37.

Информация об авторах

Вахрушев Н.А., Тихоокеанский государственный медицинский университет

Елисеева Е.В., доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой общей и клинической фармакологии, Тихоокеанский государственный медицинский университет

© Вахрушев Н.А., Елисеева Е.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 616.12-008

¹ Смирнов В.В.,
¹ Шаповалова А.Б.,
¹ Семенова Ю.Б.,
¹ Павельева М.Н.,
¹ Иванов С.Н.,
¹ Иванов В.С.,

¹ Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет

Новые данные о связи андрогенного дефицита с развитием хронической сердечной недостаточности у мужчин среднего возраста: патофизиологические механизмы и клинические последствия

Аннотация: в последние годы неуклонно наблюдается рост сердечно-сосудистых заболеваний, особенно среди мужчин, что нередко может быть связано с изменениями в эндокринной системе, в том числе, с развитием возрастного андрогенного дефицита. Тестостерон, как ключевой мужской половой гормон, играет важную роль в регуляции метаболических и воспалительных процессов, сократительной способности миокарда. Однако механизмы взаимосвязи между дефицитом тестостерона и развитием заболеваний сердечно-сосудистой системы до сих пор недостаточно изучены, особенно в контексте структурных и функциональных изменений сердца. Целью данной работы было изучить влияние андрогенного дефицита, на развитие вторичной кардиомиопатии у мужчин среднего возраста. Результаты исследования показали, что у пациентов среднего возраста снижение уровня тестостерона приводит к структурным изменениям в миокарде и повышает риски развития хронической сердечной недостаточности

Ключевые слова: возрастной андрогенный дефицит, тестостерон, миокард, вторичная кардиомиопатия, сократительная способность миокарда. мозговой натрий – уретический пептид (Na-Pro BNP), хроническая сердечная недостаточность, гомоцистеин

Для цитирования: Смирнов В.В., Шаповалова А.Б., Семенова Ю.Б., Павельева М.Н., Иванов С.Н., Иванов В.С. Новые данные о связи андрогенного дефицита с развитием хронической сердечной недостаточности у мужчин среднего возраста: патофизиологические механизмы и клинические последствия // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 18 – 26.

Поступила в редакцию: 5 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Smirnov V.V.,
¹ Shapovalova A.B.,
¹ Semenova Yu.B.,
¹ Pavelyeva M.N.,
¹ Ivanov S.N.,
¹ Ivanov V.S.,

¹ St. Petersburg State Pediatric Medical University

New evidence on the association between androgen deficiency and the development of chronic heart failure in middle-aged men: pathophysiological mechanisms and clinical consequences

Abstract: in recent years, there has been a steady increase in cardiovascular diseases, especially among men, which can often be associated with changes in the endocrine system, including the development of age-related androgen deficiency. Testosterone, as a key male sex hormone, plays an important role in the regulation of metabolic and inflammatory processes, and the contractility of the myocardium. However, the mechanisms of the relationship between testosterone deficiency and the development of diseases of the cardiovascular system are still poorly understood, especially in the context of structural and functional changes of the heart. The purpose of this work was to study the effect of androgen deficiency on the development of secondary cardiomyopathy in middle-aged men. The results of the study showed that in middle-aged patients, a decrease in testosterone levels leads to structural changes in the myocardium and increases the risk of developing chronic heart failure.

Keywords: age-related androgen deficiency, testosterone, myocardium, secondary cardiomyopathy, myocardial contractility, brain natriuretic peptide (Na-Pro BNP), chronic heart failure, homocysteine

For citation: Smirnov V.V., Shapovalova A.B., Semenova Yu.B., Pavelyeva M.N., Ivanov S.N., Ivanov V.S. New evidence on the association between androgen deficiency and the development of chronic heart failure in middle-aged men: pathophysiological mechanisms and clinical consequences. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 18 – 26.

The article was submitted: April 5, 2025; Approved after reviewing: June 3, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Возрастной андрогенный дефицит, представляя собой комплексное нарушение, которое не только влияет на репродуктивную функцию, но и оказывает значительное воздействие на систему сердечно-сосудистых заболеваний. Возрастной андрогенный дефицит представляет собой закономерный процесс старения, связанный с постепенным снижением уровня тестостерона у мужчин. Развитие возрастного андрогенного дефицита может быть растянуто по времени и нередко его начало происходит в возрасте около 40 лет. Время начала андропаузы может существенно варьировать в зависимости от индивидуальных особенностей пациента [1, 2, 3]. В последние годы научное сообщество активно изучает связь между снижением уровня тестостерона и развитием вторичной кардиомиопатии — патологического состояния, при котором снижение функции миокарда возникает как следствие системных метаболических и гормональных нарушений, включая дефицит андрогенов.

Вторичная кардиомиопатия, связанная с возрастным андрогенным дефицитом, становится

важной темой в кардиологии, поскольку её развитие может быть как прямым следствием снижения тестостерона, так и косвенным результатом сопутствующих патологий, таких как гипертоническая болезнь, сахарный диабет 2 го типа и ожирение. Тестостерон играет ключевую роль в регуляции энергетического метаболизма миокарда, синтезе белков, поддержании митохондриальной функции и модуляции оксидативного стресса [4, 5]. Его дефицит приводит к атрофии кардиомиоцитов, снижению сократительной способности миокарда, и развитию хронической сердечной недостаточности. Несмотря на растущий интерес к этой теме, механизмы, лежащие в основе связи между андрогенным дефицитом и вторичной кардиомиопатией, остаются недостаточно изученными. Кроме того, клинические данные о частоте, патогенезе и эффективности коррекции дефицита тестостерона в профилактике и лечении кардиомиопатии требуют более глубокого анализа [6, 7]. Целью данной статьи является рассмотрение роли возрастного андрогенного дефицита в патогенезе вторичной кардиомиопатии у мужчин. Это направление исследований имеет важное значение для разработки

новых стратегий профилактики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний, связанных с гормональными нарушениями.

Андрогенный дефицит может приводить к развитию вторичной кардиомиопатии через несколько взаимосвязанных механизмов. Вот основные из них:

1. Нарушение синтеза и функции миокардиальных белков. Тестостерон стимулирует синтез белков необходимых для поддержания структуры и функции миокарда, таких как актин, миозин, десмины). Миозин является основным компонентом тонких филаментов в мышечных волокнах (саркомерах), обеспечивает сокращение мышц через взаимодействие с актином, содержит структуры, которые связываются с актином и гидролизуют АТФ для обеспечения энергии сокращения. Актин составляет тонкие филаменты в саркомерах, связывается с миозином, образуя димеры (актино-миозиновые мостики), которые обеспечивают движение волокон при сокращении, участвует в формировании Z-дисков, которые служат опорой для саркомеров. Десмины – принадлежат к промежуточным филаментам (часть цитоскелета мышечных клеток), обеспечивают структурную стабильность мышечных волокон связывая Z-дисков и поддерживают целостность саркомеров. Таким образом, миозин и актин ответственны за сократительную функцию, а десмины за структурную устойчивость мышечных клеток [8, 9, 10, 11].

2. Дефицит андрогенов может приводить к вазоконстрикции и нарушениям гемодинамики. Андрогены повышают экспрессию гена eNO- синтазы, что приводит к увеличению продукции оксида азота и способствует вазодилатации и улучшению функции эндотелия, уменьшению оксидативного стресса и воспаления. Также андрогены подавляют продукцию ренина юкстагломерулярными клетками почек, снижая выделение ренина, что приводит к снижению продукции ангиотензина II и альдостерона, в свою очередь это приводит к снижению артериального давления, и подавлению активности фибробластов в кардиомиоцитах [4, 7, 12].

3. Тестостерон обладает антиоксидантными свойствами, снижая активность свободных радикалов. При его дефиците увеличивается производство АФК (активных форм кислорода), активация воспалительных путей за счет повышения продукции NF- κ B (nuclear factor kappa-light-chain-enhancer of activated B cells). Транскрипционный фактор NF- κ B – универсальный фактор транскрипции. Нарушение регуляции NF- κ B вызывает воспаление, аутоиммунные заболевания, а также развитие вирусных инфекций и онкологических

заболеваний. Дефицит тестостерона приводит к увеличению продукции маркеров воспаления (IL-6 – интерлейкина – 6, фактора некроза опухолей TNF- α), что способствует ремоделированию миокарда [8, 13, 14].

4. Тестостерон участвует в регуляции кальциевых каналов, в частности регулирует работу SERCA (*Sarcoplasmic reticulum Ca²⁺ ATPase*), Ca²⁺ зависимой АТФазы – саркоплазматического ретикулума. При дефиците тестостерона ухудшается восстановление уровня кальция в саркоплазматическом ретикулуме, что приводит к нарушениям сократительной способности миокарда и нарушениям сердечного ритма [15].

Таким образом, андрогенный дефицит через различные механизмы, такие как развитие митохондриальной и эндотелиальной дисфункции, нарушение работы кальциевых каналов и структурных белков миокардиоцитов может приводить к развитию вторичной кардиомиопатии [14,15]

На сегодняшний день нет крупномасштабных данных по частоте вторичной кардиомиопатии вследствие андрогенного дефицита. Однако исходя из вышеописанных механизмов дефицит тестостерона может быть фактором риска развития сердечно-сосудистых заболеваний, включая вторичную дисгормональную кардиомиопатию [3, 5, 7].

Материалы и методы исследований

Обследованы две группы пациентов в возрасте от 40 до 50 лет. Первую группу составили пациенты имеющие уровень тестостерона ниже 12 нмоль/л, что соответствует критериям андрогенного дефицита, по определению ISSAM. ISSAM (International Society for the Study of the Aging Male) [16] (n=30, средний возраст 45,1 \pm 3,7) Вторую группу составили пациенты без андрогенного дефицита (n = 23 , средний возраст 44,2 \pm 4,6лет) с уровнем общего тестостерона выше 16 нмоль/л , что исключало наличие андрогенного дефицита. В исследование не включались пациенты с ИБС, врожденными пороками сердца, артериальной гипертензией, первичными кардиомиопатиями, гиперпролактинемией, гипотиреозом, с нарушениями функции почек, хронической болезнью почек (ХБП) от стадии С3а и выше, хроническими заболеваниями печени, морбидным ожирением с индексом массы тела выше 35.

Всем пациентам проводилось комплексное обследование, которое включало в себя, определение уровня общего тестостерона, гомоцистеина, мозгового натрий уретического – пептида, (Na-Pro BNP), Д-димера, Интерлейкина – 6, липидного спектра плазмы.

Всем пациентам проводились – Тредмил-тест для исключения ИБС суточное мониторирование

артериального давления, ультразвуковое исследование сердца – ЭхоКГ. Исследование проходило на базе нескольких медицинских центров Санкт-Петербурга. Полученные данные обработаны методом статистического анализа с использованием программы Excel 5.0. Досто-

верность показателей оценивалась по хи - квадрат Пирсона.

Результаты и обсуждения

В первой группе уровень общего тестостерона составил – $7,43 \pm 3,9$ нмоль/л, во второй – $19,7 \pm 2,1$ нмоль/л, $p < 0,01$ (рис. 1).

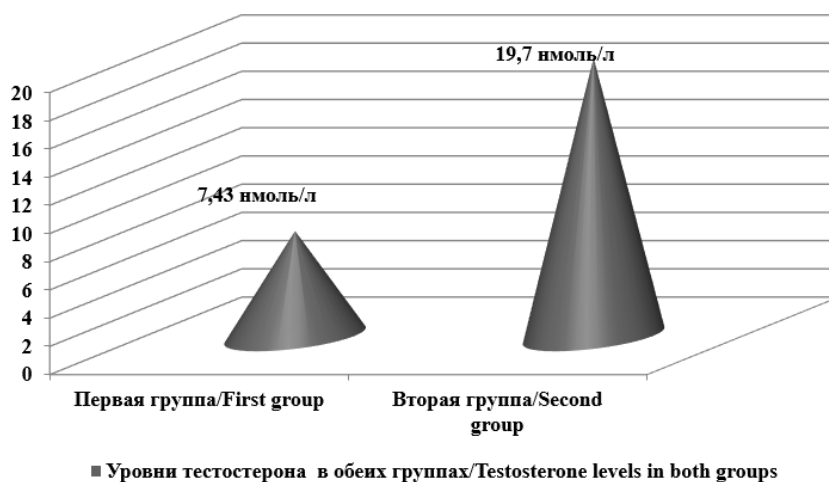

Рис. 1. Уровни тестостерона у пациентов в обеих группах.
Fig. 1. Testosterone levels in both groups.

Средние уровни мозгового натрий уретического – пептида, (Na-Pro BNP) у пациентов с андрогенным дефицитом оказались значительно выше – 99,6 пг/мл по сравнению с пациентами с нормальным уровнем тестостерона – 45,4 пг/мл. $p < 0,01$ (рис. 2). При этом в первой группе у трех

пациентов уровень мозгового натрий уретического пептида составил более 125 пг/мл, что соответствовало диагностическому порогу хронической сердечной недостаточности, тогда как во второй группе таких пациентов не оказалось.

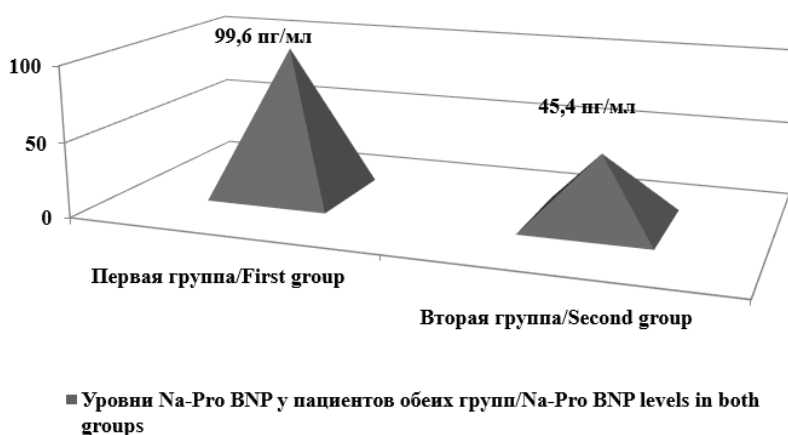

Рис. 2. Уровни мозгового натрий – уретического пептида (Na-Pro BNP) у пациентов обеих групп.
Fig. 2. Brain natriuretic peptide (Na-Pro BNP) levels in both groups.

Были проанализированы уровни Гомоцистеина, Интерлейкина – 6, Д-димера, липидного профиля плазмы у пациентов обеих групп результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Лабораторные показатели обследованных групп пациентов с андрогенным дефицитом и нормальным уровнем тестостерона.

Table 1

Laboratory parameters of the examined groups of patients with androgen deficiency and normal testosterone levels.

Показатель/Parameter	Группы сравнения/ Comparison group		p
	Первая группа / First group (n-30)	Вторая группа / Second group (n-23)	
D – Димер нг/мл D- Dimer ng/ml	123,51 ± 34,3	151,56 ± 54,3	>0,05
Гомоцистеин, мкмоль/л Homocysteine mkmol/l	15,7± 4,7	6,3± 4,1	< 0,05
Интерлейкин -6 пг/мл Interleukin-6 pg/ml	6,2 ± 2,3	2,4± 3,4	< 0,05
Общий холестерин, ммоль/л Total cholesterol, mmol/l	6,1±1,5	5,39±1,7	> 0,05
Триглицериды, ммоль/л Triglicerides, mmol/l	2,39±0,3	1,63±0,2	< 0,05
Липопротеиды низкой плотности, ммоль/л Low density lipoproteins, mmol/l	3,64±0,3	2,91 ±0,2	>0,05

У пациентов с андрогенным дефицитом отмечается повышенные уровни гомоцистеина (15,7 ± 4,7 мкмоль/л против 6,3 ± 4,1 мкмоль/л, ($p < 0,05$), триглицеридов (2,39 ± 0,3 ммоль/л против 1,63 ± 0,2 ммоль/л, ($p < 0,05$) и ИЛ-6 (6,2 ± 2,3 пг/мл про-

тив 2,4 ± 3,4 пг/мл, ($p < 0,05$))

Были проанализированы данные Эхокардиографии у пациентов обеих групп данные представлены в табл. 2.

Таблица 2

Table 2

Показатель/Parameter	Группы сравнения/ Comparison group		p
	Первая группа / First group (n-30)	Вторая группа / Second group (n-23)	
Масса миокарда левого желудочка, г / Left ventricle mass, g	153,51 ± 34,3	167,56 ± 54,3	>0,05
Индекс массы миокарда левого желудочка, г/м ² / Index of left ventricle mass, g/m ²	86,7± 6,7	91,3± 9,1	< 0,05
Толщина задней стенки левого желудочка, мм/ Thickness of posterior wall, mm	8,8 ± 0,6	9,1± 0,9	< 0,05
Толщина межжелудочковой перегородки, мм/ Thickness of interventricular septum, mm	9,0± 0,5	9,2 ±0,7	> 0,05
Фракция выброса левого желудочка % / Ejection fraction %	55,4 ±8,3	65,3± 6,8	< 0,05
Объем левого предсердия мл	56,3 ± 6,7	48,3 ± 4,9	< 0,05
Конечный диастолический размер левого желудочка, мм/ Left ventricular End-diastolic diameter, mm	60±3,3	51,91 ±4,8	< 0,05
Конечный систолический размер левого желудочка мм/ Left ventricular end-systolic diameter, mm	31±4,8	28 ±4,8	> 0,05

У пациентов со сниженным уровнем тестостерона отмечаются в среднем более низкие показатели фракции выброса левого желудочка 55,4±8,3% и 65,3±6,8% ($p < 0,05$), более высокие показатели конечного диастолического размера левого желудочка 60±3,3мм и 51,91 ±4,8 мм

($p < 0,05$), и объема левого предсердия 56,3 ± 6,7 мл и 48,3 ± 4,9 мл. ($p < 0,05$). Андрогенный дефицит – это синдром который характеризуется снижением уровня сывороточного тестостерона и клинической симптоматикой, которая включает в себя не только снижение либидо и эректильную

дисфункцию, но и развитие других клинических проявлений, таких как остеопороз, саркопения, ожирение и развитие сердечно-сосудистой патологии [1, 2, 3, 4, 7].

Проведенное исследование наглядно показало, что дефицит андрогенов значительно повышает риск развития кардиомиопатии и в целом повышает риск сердечно-сосудистых заболеваний. У пациентов с дефицитом тестостерона отмечается значимое снижение фракции выброса левого желудочка, увеличение объема левого предсердия и конечного диастолического размера левого желудочка. Некоторые параметры (например, масса миокарда левого желудочка и индекс массы миокарда) не достигли статистической значимости ($p > 0,05$), что может быть связано с ограниченной выборкой или вариабельностью данных [7, 17, 18]. Развитие дисгормональной кардиомиопатии у мужчин с андрогенным дефицитом происходит за счет комбинации различных метаболических, воспалительных и структурных изменений.

Низкий уровень тестостерона может нарушать функцию миокарда через снижение активности eNO синтазы, увеличение оксидативного стресса, развития митохондриальной дисфункции, нарушение работы кальциевых каналов и нарушения синтеза структурных белков миокарда [4, 5, 12, 15, 19].

Повышенный уровень ИЛ-6 и гомоцистеина может усугублять сосудистое воспаление, ускоряя развитие атеросклероза и приводить к сосудистым катастрофам [6, 7, 20].

Стоит, тем не менее, отметить, что исследование проводилось на ограниченной выборке пациентов и в этом отношении необходимы долгосрочные исследования на большей когорте пациентов для подтверждения причинно-следственных связей. Кроме того необходимо учитывать специфичность исследуемой популяции, так как результаты могут не применяться к другим демографическим группам, например женщинам, детям и пожилым пациентам [12, 14].

В клинической практике необходимо применение мультидисциплинарного подхода к решению этой проблемы с участием не только кардиологов, но и эндокринологов – андрологов.

Необходима ранняя диагностика андрогенного дефицита у мужчин и назначение заместительной гормональной терапии для профилактики развития кардиомиопатии, нарушений липидного обмена, хронической сердечной недостаточности, системного воспаления. В перспективе дальнейшие исследования могут изучить влияние коррекции уровня тестостерона на восстановление сократительной способности миокарда и снижение сердечно – сосудистого риска [1, 2, 3, 4, 19, 21].

Выводы

Проведенное исследование указывает, что снижение уровня тестостерона у мужчин среднего возраста ассоциировано с ухудшением метаболического профиля (повышение гомоцистеина и триглицеридов), увеличением уровня общего воспаления (IL-6).

У мужчин с андрогенным дефицитом отмечается статистически значимое повышение уровня мозгового натрийуретического пептида (Na-Pro-BNP), что может свидетельствовать о повышенном риске развития хронической сердечной недостаточности.

У пациентов с низким уровнем тестостерона формируется дисгормональная кардиомиопатия и развитие хронической сердечной недостаточности о чем свидетельствует снижение фракции выброса левого желудочка и увеличение объема левого предсердия и конечного диастолического размера левого желудочка.

Снижение уровня тестостерона ассоциировано с повышенным уровнем гомоцистеина ($15,7 \pm 4,7$ мкмоль/л против $6,3 \pm 4,1$ мкмоль/л, ($p < 0,05$), триглицеридов ($2,39 \pm 0,3$ ммоль/л против $1,63 \pm 0,2$ ммоль/л, ($p < 0,05$) и ИЛ-6 ($6,2 \pm 2,3$ пг/мл против $2,4 \pm 3,4$ пг/мл, ($p < 0,05$), что указывает на повышенный риск метаболического синдрома и системного воспаления.

Список источников

1. Смирнов В.В., Шаповалова А.Б, Иванов В.С. Роль тестостерона в профилактике остеопороза у мужчин в период андропаузы // International Journal of Medicine and Psychology. 2024. Т. 7. № 1. С. 111 – 119. DOI 10.58224/2658-3313-2024-7-111-119
2. Дедов И.И. Калиниченко С.Ю. Возрастной андрогенный дефицит у мужчин / Практическая медицина. Москва, 2006. С. 239.
3. Финагина Е.А., Теодорович О.В., Шатохин М.Н. Возрастной андрогенный дефицит, современное состояние проблемы // Урология. 2017. № 5. С. 111 – 114. DOI 10.18565/urology/2017.5.2017.111-114
4. Федорец В.Н., Загарских Е.Ю., Прощай Г.А. Изменения липидного обмена у мужчин молодого и среднего возраста характерные для преждевременного старения // Медицина: теория и практика. 2022. Т. 7. № 3. С. 3 – 8. DOI 10.56871/9225-2022.77.60.001

5. Бондарев С.А., Смирнов В.В. Клинико-инструментальные особенности сердца на фоне хронического физического или психоэмоционального стресса // *Терапевт.* 2018. № 5. С. 28 – 35.
6. Vikhorev P.G., Vikhoreva N.N. Cardiomyopathies and related changed in contractility of human heart muscle // *International Journal of Molecular Sciences.* 2018. Vol. 19. № 8. P. 2234. DOI 10.3390/ijms19082234
7. Макарова А.В., Шустов С.Б., Халимов Ю.Ш. Тестостерон, атеросклероз и кардиоваскулярные риски // *Вестник Российской Военно-медицинской академии.* 2023. Т. 23. № 3 С. 481 – 491. DOI 10.17816/brma321354
8. Калюжин В.В., Тепляков А.Т., Беспалова И.Д. Роль белков эндосаркомерного скелета в механизмах диастолической дисфункции левого желудочка: фокус на титин // *Бюллетень сибирской медицины.* 2023. Т. 22. № 3. С. 98 – 109. DOI 10.20538/1682-0363-2023-3-98-109
9. Панюшев Н.В., Тентлер Д.Г. Альфа-актинины и сигнальные пути // *Цитология.* 2015. Т. 57. № 12. С. 862 – 867.
10. Brodehl A., Gaertner-Rommel A., Milting H. Molecular insights into cardiomyopathies associated with desmin (DES) mutations // *Biophysical Reviews.* 2018. Vol. 10. № 4. P. 983 – 1006. DOI 10.1007/s12551-018-0429-0
11. Кочергин-Никитский К.С., Заклязьминская Е.В., Лавров А.В. Кардиомиопатии, ассоциированные с мутациями гена десмина: молекулярный патогенез и генотерапевтические подходы // *Альманах клинической медицины.* 2019. Т. 47. № 7. С. 603 – 613. DOI 10.18786/2072-0505-2019-47-025
12. Смирнов В.В., Семенова Ю.Б., Яворский Е.В. Высокие спортивные результаты и проблема артериальной гипертензии у женщин с синдромом поликистозных яичников // *Медицина: теория и практика.* 2022. Т. 7. № 1. С. 27 – 32. DOI 10.56871/2619-2022.90.29.004
13. Are A.F., Galkin V.E., Pospelova. The p65/ RelA subunit of NF-kB interact with actin-contacting structures // *Experimental Cell Research.* 2000. Vol. 256. № 2. P. 533 – 544. DOI 10.1006/excr2000.4830
14. Смирнов В.В., Шаповалова А.Б., Карповская Е.Б. Актуальные вопросы комплексной терапии инсулинорезистентности и нарушений углеводного обмена у спортсменок с синдромом поликистозных яичников // *Медицина: теория и практика.* 2022. Т. 7. № 2. С. 23 – 28. DOI 10.56871/2762-2022.99.82.003
15. Robinson P., Sparrow A.J., Patel S. Dilated cardiomyopathy mutations in thin-filament regulatory proteins reduce contractility, suppress systolic Ca²⁺, and activate NFAF and Akt signaling // *American Journal of Physiology – Heart and Circulatory Physiology.* 2020. Vol. 319. № 2. P. H306-H319. DOI 10.1152/AJPHEART.00272.2020
16. Диагностика лечение и мониторинг возрастного гипогонадизма у мужчин – рекомендации ISSAM EAA и ASA The Aging Male. 2020. P. 1 – 8.
17. Жернакова Н.И., Ильницкий А.Н., Борисов О.А. Возрастной андрогенный дефицит и сопутствующая соматическая патология // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Медицина. Фармация.* 2012. № 10 -1 (129). С. 51 – 55.
18. Карев Е.А., Вербило С.Л., Малев Э.Г. Количественная ультразвуковая оценка показателей деформации миокарда: от теории к практике // *Трансляционная медицина.* 2020. Т. 7. № 6. С. 16 – 28. DOI 10.18705/2311-4495-2020-7-6-16-28
19. Eldemire R., Mestroni L., Taylor M.R.G. Genetics of Dilated Cardiomyopathy // *Annual Review of Medicine.* 2024. Vol. 75. № 1. P. 417 – 426. DOI 10.1146/annurev-med-052422-020535
20. Кучмин А.Н., Евсюков К.Б., Казаченко А.А. Возрастной андрогенный дефицит в практике кардиолога // *Вестник Российской Военно-медицинской академии.* 2017. № 3 (59). С. 218 – 222.
21. Василенко В.С., Курникова Е.А., Гостимский В.А. Острый коронарный синдром у мужчин среднего возраста на фоне эндотелиальной дисфункции и цитокинового ответа // *Медицина: теория и практика.* 2022. Т. 7. № 4. С. 27 – 34. DOI 10.56871/MTP-2022.41.20.003
22. Смирнов В.В., Шаповалова А.Б., Василенко В.С. и др. Роль агониста рецепторов глюкагоноподобного пептида-1 семаглутида и метформина в коррекции андрогенного дефицита у пациентов с триадой «ожирение – инсулинорезистентность – сахарный диабет 2-го типа» // *Медицина: теория и практика.* 2025. Т. 10. № 1. С. 49 – 57. DOI 10.56871/MTP-2025.71.17.005

References

1. Smirnov V.V., Shapovalova A.B., Ivanov V.S. The role of testosterone in the prevention of osteoporosis in men during andropause. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2024. Vol. 7. No. 1. P. 111 – 119. DOI 10.58224/2658-3313-2024-7-111-119
2. Dedov I.I., Kalinichenko S.Yu. Age-related androgen deficiency in men. *Practical Medicine*. Moscow, 2006. P. 239.
3. Finagina E.A., Teodorovich O.V., Shatokhin M.N. Age-related androgen deficiency, current state of the problem. *Urology*. 2017. No. 5. P. 111 – 114. DOI 10.18565/urology/2017.5.2017.111-114
4. Fedorets V.N., Zagarskikh E.Yu., Proshchai G.A. Changes in lipid metabolism in young and middle-aged men characteristic of premature aging. *Medicine: theory and practice*. 2022. Vol. 7. No. 3. P. 3 – 8. DOI 10.56871/9225-2022.77.60.001
5. Bondarev S.A., Smirnov V.V. Clinical and instrumental features of the heart against the background of chronic physical or psychoemotional stress. *Therapist*. 2018. No. 5. P. 28 – 35.
6. Vikhorev P.G., Vikhoreva N.N. Cardiomyopathies and related changes in contractility of human heart muscle. *International Journal of Molecular Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 8. P. 2234. DOI 10.3390/ijms19082234
7. Makarova A.V., Shustov S.B., Khalimov Yu.Sh. Testosterone, atherosclerosis and cardiovascular risks. *Bulletin of the Russian Military Medical Academy*. 2023. Vol. 23. No. 3. P. 481 – 491. DOI 10.17816/brma321354
8. Kalyuzhin V.V., Teplyakov A.T., Bespalova I.D. The role of endosarcomeric skeleton proteins in the mechanisms of left ventricular diastolic dysfunction: focus on titin. *Bulletin of Siberian Medicine*. 2023. Vol. 22. No. 3. P. 98 – 109. DOI 10.20538/1682-0363-2023-3-98-109
9. Panyushev N.V., Tentler D.G. Alpha-actinins and signaling pathways. *Tsitology*. 2015. Vol. 57. No. 12. P. 862 – 867.
10. Brodehl A., Gaertner-Rommel A., Milting H. Molecular insights into cardiomyopathies associated with desmin (DES) mutations. *Biophysical Reviews*. 2018. Vol. 10. No. 4. P. 983 – 1006. DOI 10.1007/s12551-018-0429-0
11. Kochergin-Nikitsky K.S., Zaklyazminskaya E.V., Lavrov A.V. Cardiomyopathies associated with desmin gene mutations: molecular pathogenesis and gene therapeutic approaches. *Almanac of Clinical Medicine*. 2019. Vol. 47. No. 7. P. 603 – 613. DOI 10.18786/2072-0505-2019-47-025
12. Smirnov V.V., Semenova Yu.B., Yavorsky E.V. High sports results and the problem of arterial hypertension in women with polycystic ovary syndrome. *Medicine: theory and practice*. 2022. Vol. 7. No. 1. P. 27 – 32. DOI 10.56871/2619-2022.90.29.004
13. Are A.F., Galkin V.E., Pospelova. The p65, RelA subunit of NF- κ B interact with actin-contacting structures. *Experimental Cell Research*. 2000. Vol. 256. No. 2. P. 533 – 544. DOI 10.1006/excr2000.4830
14. Smirnov V.V., Shapovalova A.B., Karpovskaya E.B. Actual issues of complex therapy of insulin resistance and carbohydrate metabolism disorders in athletes with polycystic ovary syndrome *Medicine: theory and practice*. 2022. Vol. 7. No. 2. P. 23 – 28. DOI 10.56871/2762-2022.99.82.003
15. Robinson P., Sparrow A.J., Patel S. Dilated cardiomyopathy mutations in thin-filament regulatory proteins reduce contractility, suppress systolic Ca²⁺, and activate NFAF and Akt signaling. *American Journal of Physiology – Heart and Circulatory Physiology*. 2020. Vol. 319. No. 2. P. H306-H319. DOI 10.1152/AJPHEART.00272.2020
16. Diagnostics, treatment and monitoring of age-related hypogonadism in men – ISSAM EAA and ASA The Aging Male recommendations. 2020. P. 1 – 8.
17. Zhernakova N.I., Ilnitsky A.N., Borisov O.A. Age-related androgen deficiency and associated somatic pathology. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Medicine. Pharmacy*. 2012. No. 10-1 (129). P. 51 – 55.
18. Karev E.A., Verbilo S.L., Malev E.G. Quantitative ultrasound assessment of myocardial deformation indicators: from theory to practice. *Translational Medicine*. 2020. Vol. 7. No. 6. P. 16 – 28. DOI 10.18705/2311-4495-2020-7-6-16-28
19. Eldemire R., Mestroni L., Taylor M.R.G. Genetics of Dilated Cardiomyopathy. *Annual Review of Medicine*. 2024. Vol. 75. No. 1. P. 417 – 426. DOI 10.1146/annurev-med-052422-020535
20. Kuchmin A.N., Evsyukov K.B., Kazachenko A.A. Age-related androgen deficiency in the practice of a cardiologist. *Bulletin of the Russian Military Medical Academy*. 2017. No. 3 (59). P. 218 – 222.

21. Vasilenko V.S., Kournikova E.A., Gostimsky V.A. Acute coronary syndrome in middle-aged men against the background of endothelial dysfunction and cytokine response. *Medicine: Theory and Practice*. 2022 Vol. 7. No. 4. P. 27 – 34. DOI 10.56871/MTP-2022.41.20.003

22. Smirnov V.V., Shapovalova A.B., Vasilenko V.S. et al. The role of the glucagon-like peptide-1 receptor agonist semaglutide and metformin in the correction of androgen deficiency in patients with the triad "obesity – insulin resistance – type 2 diabetes mellitus. *Medicine: Theory and Practice*. 2025. Vol. 10. No. 1. P. 49 – 57. DOI 10.56871/MTP-2025.71.17.005

Информация об авторах

Смирнов В.В., кандидат медицинских наук, доцент, Orcid ID: <https://orcid.org/0000-0002-0253-4132>, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Минздрава России, 194100, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2, vs@tdom.biz

Шаповалова А.Б., Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Минздрава России, annashapovalova@yandex.ru

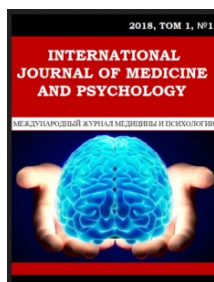
Семенова Ю.Б., Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Минздрава России, ulasema@rambler.ru

Павельева М.Н., Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Минздрава России, marina.pavelyev@icloud.com

Иванов В.С., Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Минздрава России, v.sivanov@yandex.ru

Иванов С.Н., Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Минздрава России, serg9294723@yandex.ru

© Смирнов В.В., Шаповалова А.Б., Семенова Ю.Б., Павельева М.Н., Иванов В.С., Иванов С.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 615.225.2:577.121

¹ Ханмурзаева Н.Б.,

¹ Ханмурзаева С.Б.,

¹ Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России

Особенности применения антигипертензивных препаратов у пациентов с метаболическими нарушениями

Аннотация: распространенность ожирения растет. Ожирение часто сочетается с артериальной гипертензией и может вызывать или усугублять ее. Некоторые антигипертензивные препараты могут оказывать нежелательное воздействие на метаболические и гемодинамические нарушения, которые связывают ожирение и гипертонию. Диуретики и β -адреноблокаторы обладают нежелательными эффектами, в то время как антагонисты кальция метаболически нейтральны, а ингибиторы ангиотензинпревращающего фермента (АПФ) и блокаторы рецепторов ангиотензина (БРА) могут повышать чувствительность к инсулину. Ренин-ангиотензиновая система в жировой ткани участвует в развитии артериальной гипертензии, а задержка натрия играет центральную роль в развитии артериальной гипертензии, связанной с ожирением. Поэтому ингибитор АПФ или диуретики следует рассматривать в качестве антигипертензивной терапии первой линии при сочетании ожирения и артериальной гипертензии.

Ключевые слова: артериальная гипертензия, ожирение, метаболические нарушения, антигипертензивные препараты, диуретические средства

Для цитирования: Ханмурзаева Н.Б., Ханмурзаева С.Б. Особенности применения антигипертензивных препаратов у пациентов с метаболическими нарушениями // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 27 – 34.

Поступила в редакцию: 7 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Khanmurzaeva N.B.,

¹ Khanmurzaeva S.B.

¹ Dagestan State Medical University Ministry of Health of Russia

Features of the use of antihypertensive drugs in patients with metabolic disorders

Abstract: the prevalence of obesity is increasing. Obesity is often combined with hypertension and can cause or worsen it. Some antihypertensive drugs may have undesirable effects on metabolic and hemodynamic disorders that link obesity and hypertension. Diuretics and beta-blockers have undesirable effects, while calcium antagonists are metabolically neutral, and angiotensin converting enzyme (ACE) inhibitors and angiotensin receptor blockers (ARBs) can increase insulin sensitivity. The renin-angiotensin system in adipose tissue is involved in the development of hypertension, and sodium retention plays a central role in the development of hypertension associated with obesity. Therefore, an ACE inhibitor or diuretics should be considered as first-line antihypertensive therapy for a combination of obesity and hypertension.

Keywords: arterial hypertension, obesity, metabolic disorders, antihypertensive drugs, diuretics

For citation: Khanmurzaeva N.B., Khanmurzaeva S.B. Features of the use of antihypertensive drugs in patients with metabolic disorders. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 27 – 34.

The article was submitted: April 7, 2025; Approved after reviewing: June 4, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) признает, что ожирение в значительной степени способствует ухудшению состояния здоровья. Во всем мире распространенность ожирения в промышленно развитых странах и значительном числе развивающихся стран растет. Учитывая значительное увеличение числа лиц, страдающих ожирением, доля пациентов с артериальной гипертензией (АГ), страдающих ожирением, вероятно, резко возрастет [1]. Ожирение является значительным фактором риска развития АГ и ее сердечно-сосудистых последствий. Несколько исследований показали, что увеличение веса повышает кровяное давление, в то время как потеря веса снижает артериальное давление (АД). АД повышается линейным образом во всем диапазоне индекса массы тела или окружности талии. Увеличение окружности талии на 4,5 см у мужчин и на 2,5 см у женщин или увеличение индекса массы тела на 1,7 кг/м² у мужчин и 1,25 кг/м² у женщин соответствует повышению АД на 1 мм рт.ст. Распространенность АГ выше у пациентов с ожирением по

сравнению с пациентами с нормальным весом, и частота постоянного контроля АД снижается с увеличением ожирения [3].

Большинству пациентов с АГ, страдающих ожирением, требуется антигипертензивное медикаментозное лечение. Некоторые классы антигипертензивных средств могут оказывать нежелательное воздействие на метаболические и гемодинамические нарушения, которые связывают ожирение и АГ. Растущая распространенность АГ у пациентов с ожирением и низкие показатели контроля у этих пациентов свидетельствуют о том, что контролировать АГ у пациентов с ожирением непростая задача для врача.

Целью настоящей статьи является рассмотрение различных аспектов применения и эффективности различных групп антигипертензивных средств у больных с ожирением.

Материалы и методы исследований

Нами было отобрано 158 больных, страдающих АГ с ожирением и проведен обзор применяемой ими антигипертензивной терапии в сочетании с данными мировой литературы (табл. 1).

Таблица 1

Медикаментозная терапия больных

Table 1

	Пациенты (n 158)		
	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Количество пациентов	54	44	60
Бета-блокаторы	15 (27,8%)	16 (36,4%)	48 (88,3)
Ингибиторы АПФ или БРА	35 (64,8%)	34 (77,2%)	50 (83,3%)
Тиазидные диуретики	20 (37,0%)	19 (43,2%)	21 (35%)
Антагонисты кальция дигидроперидинового ряда	22 (40,7%)	25 (56,8%)	27 (45%)

Результаты и обсуждения

β-адреноблокаторы. β-адреноблокаторы снижают сердечный выброс и активность ренина, которые повышаются у пациентов с ожирением; однако их результаты лечения противоречивы. β-адреноблокаторы широко используются для лечения АГ, и рекомендации по лечению АГ рекомендуют их в качестве препаратов первой линии [11]. Было показано, что они снижают сердечно-сосудистую заболеваемость и смертность у пациентов с АГ. Повышенная симпатическая активность может играть важную роль в развитии ги-

пертонической болезни при ожирении, поскольку β-адреноблокаторы более эффективно снижают АД у пациентов с ожирением и гипертонической болезнью, чем у худощавых.

Терапия β-адреноблокаторами связана с увеличением веса в течение первого месяца. Это может быть вызвано изменениями в энергетическом обмене – прием β-адреноблокаторов снижает энергозатраты на 4-9%. Пациентам с ожирением и АГ рекомендуется регулярно заниматься физическими упражнениями для снижения веса. Однако β-адреноблокаторы также могут негативно влиять на

физическую активность, что следует учитывать, прежде чем назначать их пациентам с ожирением. Снижение веса, важный аспект лечения АГ, может быть затруднено при использовании β -адреноблокаторов.

В исследовании "Гипертония-ожирение-сIBUTРАМИН" потеря веса, вызванная приемом сибутрамина, была значительно меньше у пациентов, получавших комбинацию метопролола и гидрохлортиазида (-4 кг), чем у пациентов, получавших фелодипин и рамиприл (-7 кг) или верапамил и трандолаприл (-6 кг) [3]. Кроме того, β -адреноблокаторы могут нарушать углеводный и липидный обмен, что приводит к нарушению толерантности к глюкозе и повышению уровня липидов.

Недавно была поставлена под сомнение роль β -адреноблокаторов в лечении АГ. Данные мета-анализа показали, что по сравнению с другими гипотензивными препаратами эффект β -адреноблокаторов ниже оптимального, что приводит к повышению риска инсульта. Следовательно, было настоятельно рекомендовано, чтобы β -адреноблокаторы не оставались основным средством лечения первичной АГ [11].

Недавнее учебное пособие Британского национального Института здоровья и клинического мастерства (NICE clinical guideline) больше не рекомендует β -адреноблокаторы для лечения 1, 2 или 3 стадии впервые выявленной АГ. По крайней мере, у пациентов с ожирением и АГ, целесообразность назначения β -адреноблокаторов в качестве препаратов первого выбора определенно сомнительна. Их следует назначать только по особым показаниям – пациентам с ожирением, фибрилляцией предсердий, ишемической болезнью сердца или сердечной недостаточностью. При отсутствии особых показаний в качестве терапии первой линии для

снижения АД у пациентов с ожирением следует рассматривать другие гипотензивные препараты [12].

Ингибиторы ангиотензинпревращающего фермента (иАПФ). ИАПФ блокируют каталитическую активность ангиотензинпревращающего фермента и тем самым ингибируют превращение ангиотензина I в ангиотензин II. У пациентов с инфарктом миокарда и сердечной недостаточностью ингибиторы АПФ снижают заболеваемость и смертность. Кроме того, было показано, что ингибиторы АПФ замедляют прогрессирование почечной недостаточности у пациентов с хронической болезнью почек. Эти данные, а также результаты исследования сердечно-сосудистых исходов указывают на то, что ингибиторы АПФ обеспечивают защиту сосудов и почек независимо от их системного антигипертензивного действия.

Последние данные свидетельствуют о повышении активности ренин-ангиотензиновой системы в жировой ткани. Ренин-ангиотензиновая система в жировой ткани связана с резистентностью к инсулину и сахарным диабетом 2 типа (рис. 1). Ингибиторы АПФ не способствуют метаболическим нарушениям, но могут повысить чувствительность к инсулину и снизить риск развития сахарного диабета 2 типа. В нескольких исследованиях применение ингибиторов АПФ было связано с более низкой частотой новых случаев диагностирования сахарного диабета [2]. Ингибиторы АПФ следует назначать в полных дозах до того, как будет выбран второй препарат другого класса. Одновременный прием диуретика может быть чрезвычайно полезным, особенно у пациентов, которые в большей степени зависят от объема принимаемой пищи. Ингибиторы АПФ в настоящее время считаются наиболее подходящими препаратами для контроля АД у пациентов с ожирением и АГ.

Рис. 1. Ренин-ангиотензиновая система (РААС) и риск сердечно-сосудистых заболеваний.
Fig. 1. Renin-angiotensin system (RAS) and the risk of cardiovascular diseases.

Блокаторы рецепторов ангиотензина (БРА). В то время как ингибиторы АПФ действуют, блокируя выработку ангиотензина II, БРА непосредственно ингибируют связывание ангиотензина II с рецепторами ангиотензина II типа 1 (AT1), тем самым обеспечивая более специфическое блокирование, по сравнению с ингибиторами АПФ, свойства ангиотензина II вызывать гипертензию [4]. Связывание ангиотензина II с рецептором ангиотензина II типа 2 (AT2) остается неизменным. Переносимость БРА, в частности отсутствие кашля, делает их альтернативой ингибиторам АПФ. Как правило, БРА назначаются пациентам, у которых наблюдались побочные эффекты от применения ингибиторов АПФ.

БРА могут обладать некоторыми полезными свойствами, присущими и АПФ. БРА значительно снижают скорость прогрессирования диабетической нефропатии при сахарном диабете 2 типа. В перекрестном исследовании изучались эффекты кандесартана в сравнении с тиазидными диуретиками у пациентов с ожирением и АГ. Лечение БРА значительно снижало активность симпатических мышечных нервов и улучшало чувствительность к инсулину по сравнению с диуретиками [7]. Как и в случае с ингибиторами АПФ, лечение БРА снижает частоту новых случаев сахарного диабета по сравнению с другими антигипертензивными препаратами. В нескольких исследованиях рассматривается комбинация ингибитора АПФ и БРА [9]; существует теоретическое обоснование одновременного применения обоих препаратов для почти полной блокады ренин-ангиотензиновой системы [13]. БРА телмисартан и ирбесартан, а также метаболиты лозартана имеют молекулярную структуру, которая придает частичные агонистические свойства молекуле PPAR- γ , что приводит к улучшению метаболизма глюкозы и липидов [10]. Таким образом, некоторые БРА могут лечить как гемодинамические, так и метаболические нарушения у пациентов с АГ и метаболическим синдромом. Проводятся масштабные исследования, где рекомендуется применение телмисартана в качестве монотерапии и в комбинации с рамиприлом (Ramipril Global Endpoint Trial (ONTARGET)). Таким образом, БРА представляют собой важную и интересную альтернативу ингибиторам АПФ у пациентов с АГ и ожирением [8].

Ингибирование ренина. Как упоминалось выше, ренин-ангиотензиновая система активируется при гипертензии, связанной с ожирением. Таким образом, эта система является весьма успешной фармакологической мишенью. Однако компенсаторное повышение уровня ренина в плазме

крови в ответ на прием ингибиторов АПФ или БРА может привести к нарушению образования ангиотензина II, что создает ограничения для полной блокады ренин-ангиотензиновой системы [5]. Кроме того, недавнее открытие ренинового рецептора и его роли в профибротическом ответе ставит под сомнение мнение о том, что ренин-ангиотензиновая система может быть полностью заблокирована. Идея блокирования ренин-ангиотензиновой системы в самом ее начале путем ингибирования ренина существует уже более 30 лет. Однако первое поколение перорально активных ингибиторов ренина никогда не применялось в клинических условиях из-за низкой биодоступности и слабой активности по снижению АД. В настоящее время доступен эффективный пероральный ингибитор ренина, алискирен, который непосредственно воздействует на выработку ангиотензина на стадии ограничения его скорости [12]. По сравнению с иАПФ, ингибиторы ренина имеют меньше побочных эффектов; однако, как и БРА, они могут быть менее эффективными в снижении АД, поскольку не блокируют расщепление брадикинина.

Комбинированное лечение ингибиторами ренина и диуретиками является теоретически привлекательным подходом для пациентов, которые недостаточно хорошо реагируют на лечение диуретиками первой линии. Ингибиторы ренина блокируют эффекты противорегуляторного повышения высвобождения ренина почками, которое происходит в ответ на недостаток натрия, и тем самым усиливают лечебное действие мочегонных средств, снижающих АД. В недавнем исследовании у пациентов с ожирением и АГ ингибитор ренина алискирен был добавлен к терапии пациентов, которые не реагировали на 4-недельный курс лечения гидрохлоротиазидом в дозе 25 мг. Комбинация алискирена и гидрохлоротиазида снижала АД на 16/12 мм рт.ст., что значительно больше, чем при применении плацебо и гидрохлоротиазида (на 9/8 мм рт.ст.). Более чем у половины пациентов удалось добиться контроля АД (< 140/90 мм рт.ст.). Однако хороший эффект наблюдался также при приеме ирбесартана (15/11 мм рт.ст.) и антагониста кальция амлодипина (14/10 мм рт.ст.) [6].

Диуретики. Как упоминалось ранее, снижение содержания натрия и объема жидкости в организме играет решающую роль при гипертензии, связанной с ожирением. Поскольку диуретики снижают содержание натрия в организме, внутрисосудистый объем и сердечный выброс, они должны быть особенно полезны для снижения уровня АД у людей с ожирением. Таким образом, диуретики

являются полезной отправной точкой при рассмотрении вопроса о лечении антигипертензивными препаратами у пациентов с ожирением [4]. Кроме того, было показано, что диуретики снижают сердечно-сосудистую заболеваемость и смертность у пациентов с АГ. Однако более высокие дозы диуретиков могут стимулировать ренин-ангиотензиновую систему, повышать активность симпатической нервной системы и способствовать развитию инсулинорезистентности и дислипидемии. Гипотензивная терапия на основе диуретиков также связана с развитием сахарного диабета.

Тиазиды более эффективны для снижения АД у пациентов с АГ, чем петлевые диуретики, и поэтому следует отдать предпочтение петлевым диуретикам. Применение петлевых диуретиков показано только в том случае, если диуретический эффект тиазидных диуретиков недостаточен, например, у пациентов с сердечной недостаточностью или сниженной функцией почек. Прием диуретиков следует начинать с 12,5 или 25 мг хлорталидона или гидрохлоротиазида. Диуретики особенно полезны для пожилых пациентов. У пациентов с высоким потреблением натрия возможно снижение АД за счет блокады ренин-ангиотензиновой системы. Поэтому диуретики в низких дозах отлично сочетаются с ингибиторами АПФ и блокаторами рецепторов ангиотензина. Из клинической практики можно сделать убедительные выводы, что контролировать АД у пациентов с ожирением практически невозможно без применения диуретиков [5]. В совокупности при лечении пациентов с ожирением и АГ диуретики чаще всего необходимы для контроля АД. Они также играют центральную роль в сочетании с другими препаратами при лечении пациентов с ожирением и АГ.

Антагонисты альдостерона. Спиронолактон и эплеренон являются стероидными аналогами, имеющими структурное сходство с альдостероном, поэтому они функционируют как конкурентные антагонисты [13]. По сравнению со спиронолактоном эплеренон обладает такой же активностью, но более специфичен для минералокортикоидных рецепторов благодаря 9,11-эпоксидному фрагменту, который уменьшает его связывание с рецепторами андрогенов и прогестерона. В нескольких исследованиях было показано, что комбинация спиронолактон/эплеренон эффективно снижает АД. Недавние клинические исследования показали, что антагонисты альдостерона оказывают особенно существенное дополнительное снижение АД при включении в схемы лечения пациентов с резистентной к терапии АГ [10]. Это не означает, что антагонисты альдостерона являются антигипертензивными препаратами первой линии.

Однако они могут быть полезными дополнительными препаратами, оказывающими вполне предсказуемый дополнительный эффект снижения АД у всех пациентов.

Интересно сравнить спиронолактон с калийсберегающими диуретиками амилоридом или триамтереном. Амилорид и триамтерен косвенно ингибируют действие альдостерона на базолатеральную натрий-калий-аденозинтрифосфазу (Na-K-АТФазу), блокируя натриевые каналы просвета эпителия в дистальном собирательном протоке. Альдостерон усиливает регуляцию эпителиальных натриевых каналов, так что амилорид и триамтерен действуют как не прямые антагонисты альдостерона. Если бы альдостерон вызывал действия, не связанные с активностью натриевых каналов в эпителии, можно было бы предположить, что блокаторы альдостероновых рецепторов были бы более эффективны, чем амилорид или триамтерен. Однако использование амилорида имитирует довольно успешно изученные эффекты спиронолактона у пациентов с резистентной АГ, что вызывает сомнения в том, что – по крайней мере, при резистентной к терапии АГ – полезные эффекты спиронолактона обусловлены недиуретическими эффектами [12].

Антагонисты кальция. Контроль АД также может быть достигнут с помощью антагонистов кальция. Антагонисты кальция снижают АД очень эффективно за счет снижения периферического сосудистого сопротивления. Натрийурез также индуцируется дигидропиридиновыми антагонистами кальция и, следовательно, может быть особенно эффективным у пациентов с ожирением. Антагонисты кальция не оказывают неблагоприятного метаболического воздействия, что делает их подходящими для пациентов с ожирением и АГ. Тем не менее, некоторые исследования показали, что антагонисты кальция могут быть менее эффективны у лиц с ожирением, возможно, из-за того, что у этих пациентов часто снижается периферическое сопротивление. Верапамил у пациентов с ожирением и АГ эффективен для снижения АД и частоты сердечных сокращений [10]. Особенно у пациентов с сердечно-сосудистыми осложнениями, точная роль антагонистов кальция в лечении АГ по-прежнему остается спорной. Однако это противоречие, вероятно, было преувеличено, подобно более ранней дискуссии о предпочтительном применении β -адреноблокаторов при лечении неосложненной АГ [4]. Англо-Скандинавское исследование кардиологических исходов (ASCOT) сравнивало комбинации β -адреноблокаторов с тиазидными антагонистами кальция длительного действия и ингибиторами

АПФ с точки зрения их влияния на сердечно-сосудистые события. Снижение АД было несколько лучше в группе антагонистов кальция и ингибиторов АПФ. Более того, при таком режиме лечения, по сравнению с режимом, основанным на β -адреноблокаторах, наблюдалось меньше сердечно-сосудистых осложнений и диабета [8]. Таким образом, пациентам с АГ, страдающим ожирением, назначают антагонисты кальция, особенно в сочетании с иАПФ.

а-адреноблокаторы. Прием а-адреноблокаторов связан с улучшением чувствительности к инсулину и липидному обмену. Сообщается также о положительном влиянии на чувствительность к инсулину при ожирении и АГ [2]. Кроме того, а-адреноблокаторы используются для лечения доброкачественной гиперплазии предстательной железы. Однако исследование ALLHAT ставит серьезные вопросы с использованием а-адреноблокаторов в качестве начальной терапии при АГ. У пациентов, получавших доксазозин, риск развития застойной сердечной недостаточности в целом был на 25% выше по сравнению с пациентами, получавшими тиазидный диуретик хлорталидон. Особую осторожность следует проявлять пациентам с постуральной гипотензией. Таким образом, а-адреноблокаторы больше не являются антигипертензивными препаратами первой линии. Однако они могут быть полезны в комбинации с другими антигипертензивными препара-

тами или пациентам с доброкачественной гипертрофией предстательной железы [9].

Выводы

Сообщается, что как диуретики, так и β -адреноблокаторы снижают чувствительность к инсулину и повышают уровень липидов, в то время как иАПФ и БРА повышают чувствительность к инсулину. Антагонисты кальция метаболически нейтральны. Неадекватная активность ренин-ангиотензиновой системы, а также задержка натрия и жидкости в организме играют центральную роль в развитии гипертонии, связанной с ожирением. Таким образом, комбинированная терапия с использованием ингибиторов АПФ в сочетании с низкой дозой диуретика может быть предпочтительным методом снижения АД у пациентов с ожирением. БРА показаны пациентам, у которых наблюдались побочные эффекты от применения ингибиторов АПФ. Если такое лечение не приводит к достаточному снижению АД, следует рассматривать возможность добавления или замены антагонистов кальция, альдостерона, β -адреноблокаторов или а-адреноблокаторов. Однако, следует также иметь в виду, что β -адреноблокаторы могут быть связаны с увеличением веса. Необходимы дополнительные исследования для определения долгосрочной эффективности антигипертензивных препаратов при ожирении и АГ.

Список источников

1. Бурсиков А.В., Валиуллина В.Ш., Куликов И.В. Осложненный или неосложненный гипертонический криз: непростые вопросы клинической практики // Терапия. 2024. Т. 10. № 5. С. 130 – 134. doi: <https://dx.doi.org/10.18565/therapy.2024.5.130-134>
2. Иванова Е.Г., Макарова Е.В. Артериальная гипертония – фокус на качество жизни // Профилактическая медицина. 2021. Т. 24. № 8. С. 38 – 43. <https://doi.org/10.17116/profmed20212408138>
3. Шляхто Е.В., Кардиология: национальное руководство. ГЭОТАР-Медиа, Москва. 2024. С. 734 – 744.
4. Кобалава Ж.Д., Конради А.О., Недогода С.В. и др. Артериальная гипертензия у взрослых. Клинические рекомендации 2020 // Российский кардиологический журнал. 2020. № 29. С. 230 – 329. <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2020-3-3786>
5. Чазова И.Е., Аксенова А.В., Ощепкова Е.В. Особенности течения артериальной гипертонии у мужчин и женщин (по данным Национального регистра артериальной гипертонии) // Терапевтический архив. 2019. № 1. С. 4 – 12. <https://doi.org/10.26442/00403660.2019.01.000021>
6. Блинова Н.В., Строк А.Б. Клинические рекомендации Российского медицинского общества по артериальной гипертонии (РМОАГ) и Евразийской Ассоциации Кардиологов (ЕАК) по диагностике и лечению артериальной гипертонии // Системные гипертензии. 2024. Т. 21. № 4. С. 121 – 127. <https://doi.org/10.38109/2075-082X-2024-4-121-127>
7. Ротарь О.П., Бояринова М.А., Ильянова И.Н. и др. Результаты Всероссийского скрининга артериальной гипертензии 2023 // Российский кардиологический журнал. 2023. № 29. С. 78 – 88. <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2024-5931>
8. Полякова О.А., Кочетков А.И., Остроумова О.Д. Перспективы применения комбинации периндоприла и амлодипина у пациентов с артериальной гипертензией и/или ишемической болезнью сердца и COVID-19: фокус на эндотелий // Атмосфера. Новости кардиологии. 2021. № 3. С. 15 – 23. <https://doi.org/10.24412/2076-4189-2021-12788>

9. Derington C.G., Bress P., Cohen J.B. Cost-effectiveness analysis of initial treatment with single-pill combination antihypertensive medications // *J. of Human Hypertension*. 2020. № 37 (11). P. 617 – 623. <https://doi.org/10.1038/s41371-020-0340-6>
10. Mancia G., Brunström M., Kreutz R. et al. 2023 ESH Guidelines for the management of arterial hypertension The Task Force for the management of arterial hypertension of the European Society of Hypertension: Endorsed by the International Society of Hypertension (ISH) and the European Renal Association (ERA) // *J. Hypertens*. 2023. № 41 (12). P. 1874 – 2071. <https://doi.org/10.1097/HJH.0000000000003480>
11. Kario K., Narita K., Hoshida S. et al. Cardiovascular Prognosis in Drug-Resistant Hypertension Stratified by 24-Hour Ambulatory Blood Pressure: The JAMP Study // *Hypertension*. 2021. № 78 (6). P. 1781 – 1790. <https://doi.org/10.1161/HYPERTENSIONaHa.121.18198>
12. Ishankulova N.N., Abdushukurova K.A. Features Antihypertensive Therapy Obesity // *The American J. of Medical Sciences and Pharmaceutical Research*. 2020. № 1. P. 28 – 31. <https://doi.org/10.37547/TAJMSPR/Volume02Issue11-06>
13. Schmieder R.E., Predel H.G., Wassmann S. et al. Arterial Hypertension – clinical trials update 2023 // *Hypertension*. 2023. № 9. P. 1127 – 1135. <https://doi.org/10.1161/HYPERTENSIONaHa.122.20810>

References

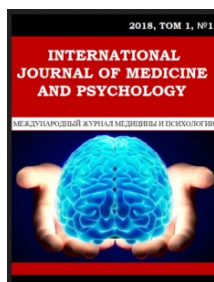
1. Bursikov A.V., Valiullina V.Sh., Kulikov I.V. Complicated or uncomplicated hypertensive crisis: difficult issues of clinical practice. *Therapy*. 2024. Vol. 10. No. 5. P. 130 – 134. doi: <https://dx.doi.org/10.18565/therapy.2024.5.130-134>
2. Ivanova E.G., Makarova E.V. Arterial hypertension – focus on quality of life. *Preventive medicine*. 2021. Vol. 24. No. 8. P. 38 - 43. <https://doi.org/10.17116/profmed20212408138>
3. Shlyakhto E.V., *Cardiology: national guidelines*. GEOTAR-Media, Moscow. 2024. P. 734 – 744.
4. Kobalava Zh.D., Konradi A.O., Nedogoda S.V. et al. Arterial hypertension in adults. *Clinical guidelines 2020. Russian journal of cardiology*. 2020. No. 29. P. 230 – 329. <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2020-3-3786>
5. Chazova I.E., Aksenova A.V., Oshchepkova E.V. Features of the course of arterial hypertension in men and women (according to the National Register of Arterial Hypertension). *Therapeutic archive*. 2019. No. 1. P. 4 – 12. <https://doi.org/10.26442/00403660.2019.01.000021>
6. Blinova N.V., Strok A.B. Clinical guidelines of the Russian Medical Society on Arterial Hypertension (RMOAG) and the Eurasian Association of Cardiologists (EAC) for the diagnosis and treatment of arterial hypertension. *Systemic hypertension*. 2024. Vol. 21. No. 4. P. 121 – 127. <https://doi.org/10.38109/2075-082X-2024-4-121-127>
7. Rotar O.P., Boyarinova M.A., Ilyanova I.N. and others. Results of the All-Russian Screening of Arterial Hypertension 2023. *Russian Journal of Cardiology*. 2023. No. 29. P. 78 – 88. <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2024-5931>
8. Polyakova O.A., Kochetkov A.I., Ostroumova O.D. Prospects for the Use of a Combination of Perindopril and Amlodipine in Patients with Arterial Hypertension and/or Coronary Heart Disease and COVID-19: Focus on the Endothelium. *Atmosphere. Cardiology News*. 2021. No. 3. P. 15 – 23. <https://doi.org/10.24412/2076-4189-2021-12788>
9. Derington C.G., Bress P., Cohen J.B. Cost-effectiveness analysis of initial treatment with single-pill combination antihypertensive medications. *J. of Human Hypertension*. 2020. No. 37 (11). P. 617 – 623. <https://doi.org/10.1038/s41371-020-0340-6>
10. Mancia G., Brunström M., Kreutz R. et al. 2023 ESH Guidelines for the management of arterial hypertension The Task Force for the management of arterial hypertension of the European Society of Hypertension: Endorsed by the International Society of Hypertension (ISH) and the European Renal Association (ERA). *J. Hypertens*. 2023. No. 41 (12). P. 1874 – 2071. <https://doi.org/10.1097/HJH.0000000000003480>
11. Kario K., Narita K., Hoshida S. et al. Cardiovascular Prognosis in Drug-Resistant Hypertension Stratified by 24-Hour Ambulatory Blood Pressure: The JAMP Study. *Hypertension*. 2021. No. 78 (6). P. 1781 – 1790. <https://doi.org/10.1161/HYPERTENSIONaHa.121.18198>
12. Ishankulova N.N., Abdushukurova K.A. Features Antihypertensive Therapy Obesity. *The American J. of Medical Sciences and Pharmaceutical Research*. 2020. No. 1. P. 28 – 31. <https://doi.org/10.37547/TAJMSPR/Volume02Issue11-06>
13. Schmieder R.E., Predel H.G., Wassmann S. et al. Arterial Hypertension – clinical trials update 2023. *Hypertension*. 2023. No. 9. P. 1127 – 1135. <https://doi.org/10.1161/HYPERTENSIONaHa.122.20810>

Информация об авторах

Ханмурзаева Н.Б., кандидат медицинских наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3102-5230>, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, 367020, г. Махачкала, ул. Ш. Алиева, 1, nkhanmurzaeva@inbox.ru

Ханмурзаева С.Б., кандидат медицинских наук, ассистент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6380-3156>, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, nkhanmurzaeva@inbox.ru

© Ханмурзаева Н.Б., Ханмурзаева С.Б., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 615.273:615.03

¹ Бобракова А.А.,

¹ Лебедева Н.Ю.,

¹ Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

Варианты обеспечения доступа к медицинским препаратам в условиях чрезвычайных ситуаций

Аннотация: чрезвычайные ситуации включают природные катаклизмы, военные конфликты и массовые скопления людей. Они создают значительные нагрузки на здравоохранение возможного увеличения спроса на медицинские услуги. Работники аптек играют ключевую роль в системе здравоохранения, обеспечивая доступ к необходимым препаратам. Нарушение поставок лекарств может задерживать медицинскую помощь и ухудшать исходы лечения. Для поиска решений по фармацевтическому обеспечению населения в условиях ЧС был проведен поиск опубликованных статей в российских и зарубежных базах данных по ключевым словам.

Ключевым этапом является подготовка нормативов и обучение сотрудников действиям в чрезвычайных ситуациях. Для решения логистических проблем и улучшения транспортной доступности в фармацевтическом обеспечении необходимо создать единую базу данных для государственных и частных аптек, интегрированную с ЕМИАС для своевременных поставок в медицинские учреждения и введение мобильных аптек. Для лекарственного обеспечения населения необходимо в период ЧС ограничить бесконтрольную закупку препаратов, разработать систему распределительных пунктов с запасом медикаментов для чрезвычайных ситуаций и четко определить критерии экстренного использования ускоренно одобренных препаратов.

Ключевые слова: фармацевтическое обеспечение, фармацевтическая помощь, обеспечение лекарствами, лекарственное обеспечение, чрезвычайные ситуации, боевые действия, катаклизмы

Для цитирования: Бобракова А.А., Лебедева Н.Ю. Варианты обеспечения доступа к медицинским препаратам в условиях чрезвычайных ситуаций // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 35 – 40.

Поступила в редакцию: 8 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Bobrakova A.A.,

¹ Lebedeva N.Yu.,

¹ Oryol State University named after I.S. Turgenev

Options for ensuring access to medical products in emergency situations

Abstract: emergencies include natural disasters, military conflicts, and mass gatherings of people. They create significant pressures on healthcare due to a possible increase in demand for medical services. Pharmacy workers play a key role in the healthcare system by providing access to essential medicines. Disruption of drug supplies can delay medical care and worsen treatment outcomes. To find solutions for pharmaceutical care for the population in emergency situations, a keyword search was conducted for published articles in Russian and foreign databases.

The key step is to prepare standards and train employees to act in emergency situations. To solve logistical problems and improve transport accessibility in pharmaceutical provision, it is necessary to create a single database

for public and private pharmacies integrated with EMIAS for timely deliveries to medical institutions and the introduction of mobile pharmacies. In order to provide medicines to the population, it is necessary to limit the uncontrolled purchase of medicines during an emergency, develop a system of distribution points with a supply of medicines for emergency situations and clearly define the criteria for the emergency use of accelerated approved drugs.

Keywords: pharmaceutical provision, pharmaceutical assistance, provision of medicines, medical provision, emergencies, military operations, cataclysms

For citation: Bobrakova A.A., Lebedeva N.Yu. Options for ensuring access to medical products in emergency situations. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 35 – 40.

The article was submitted: April 8, 2025; Approved after reviewing: June 5, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

К чрезвычайным ситуациям можно отнести катастрофы, стихийные бедствия, военные бедствия, а также массовые скопления людей. Эти ситуации создают значительные проблемы для органов здравоохранения из-за наличия рисков для здоровья и вследствие этого с потенциальным всплеском спроса на медицинские услуги.

Работники аптек являются важнейшей частью системы здравоохранения. Кроме того, бесперебойное обеспечение фармацевтическими препаратами крайне важно для своевременного и качественного оказания медицинской помощи. В условиях чрезвычайных ситуаций при нарушении поставок лекарственных средств может задерживать оказание помощи, что может быть чревато неблагоприятными исходами лечения.

Стоит отметить, что в России действует Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. N 441 «Об особенностях обращения лекарственных препаратов для медицинского применения, которые предназначены для применения в условиях угрозы возникновения, возникновения и ликвидации чрезвычайной ситуации...», которое определяет условия обращения лекарственных препаратов, которые предназначены для применения в условиях угрозы возникновения, возникновения и ликвидации чрезвычайной ситуации.

Тем не менее, анализ литературы показал, что, несмотря на наличие планов действий для других подразделений или для систем здравоохранения в целом, подготовке аптек уделяется недостаточно внимания [1,2]. Кроме того, существующие публикации демонстрируют, что фармацевты обладают неудовлетворительным уровнем готовности к чрезвычайным ситуациям [3].

Цель – изучить уровень доступности фармацевтической помощи в чрезвычайных ситуациях и пути повышения качества обеспечения.

Материалы и методы исследований

Был проведен поиск литературных источников в российских и зарубежных базах данных: PubMed, Web of Science, eLibrary, КиберЛенинка, Research Gate, по ключевым словам, «фармацевтическое обеспечение», «фармацевтическая помощь», «обеспечение лекарствами», «лекарственное обеспечение», «чрезвычайные ситуации», «боевые действия» и т.д. Период поиска был за последние 5 лет, язык публикации – английский, русский, немецкий.

Результаты и обсуждения

В настоящее время существует несколько проблем, связанных с обеспечением высококачественной фармацевтической помощи населению в условиях чрезвычайных ситуаций. К ним можно отнести:

- 1) Низкая обеспеченность запасов лекарственных средств на местном уровне, что требует значительных транспортных расходов на доставку.
- 2) Некачественная логистика медицинских препаратов [4].
- 3) Низкая готовность и обученность сотрудников фармацевтической отрасли к работе в условиях чрезвычайных ситуаций.
- 4) Трудности во взаимодействии между аптечным и больничными звеньями, что затрудняет бесперебойную поставку лекарственных средств в медицинские учреждения.
- 5) Отсутствие утвержденного и апробированного плана по действиям фармацевтических сотрудников в условиях чрезвычайных ситуаций с учетом местных особенностей.

Пути решения по фармацевтическому обеспечению в условиях ЧС.

На рис. 1 представлены основные направления и пути решения лекарственного обеспечения населения при экстренных ситуациях. Далее они будут рассмотрены более подробно.

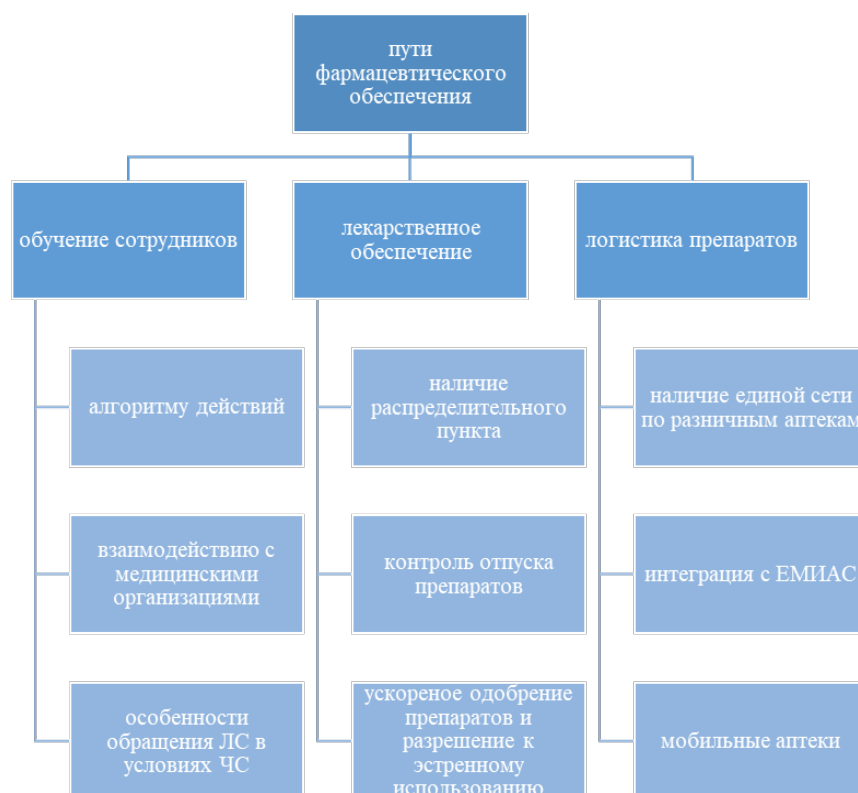

Рис. 1. Пути фармацевтического обеспечения населения в условиях ЧС.

Fig. 1. Ways of providing pharmaceutical supplies to the population in emergency situations.

Решения логистической проблемы – доставка препаратов

Наиболее очевидным является создание единой аптечной сети на территории России. Это может быть единая электронная база данных, благодаря которой будет возможна оценка фармацевтического обеспечения региона, то есть уровень обеспеченности розничных аптек лекарственными препаратами первой необходимости. Объединение этих данных позволит обеспечить население лекарствами на региональном уровне за счет работы розничных предприятий.

Другим, менее очевидным, но довольно интересным решением является объединение фармацевтического и госпитального отделений, что позволит уменьшить время до начала оказания медицинской помощи благодаря постоянному поступлению лекарственных препаратов [5]. Даная программа была опробована в одной из больниц Великобритании и показала уменьшение времени от поступления пациента до начала терапии, снижение нагрузки на аптеку за счет географической близости, сокращение расходов, обеспечение более своевременного назначения лекарств и снижение количества пропущенных доз. В состав аптечной службы входили четыре фармацевта и два фармацевтических техника на

одно отделение неотложной помощи [6]. Конечно, в условиях нехватки медицинских и фармацевтических кадров обеспечение отделений таким количеством сотрудников невозможно. Однако наличие единой сети по аптекам, имеющим взаимодействие с единой медицинской информационной системой (ЕМИАС) через клинического фармаколога позволит наладить каналы поставки препаратов в условиях ЧС.

Для пациентов, находящихся на амбулаторном лечении, в особенности уязвимым группам населения, возможны варианты доставки лекарств на дом. Однако в случае чрезвычайной ситуации с нехваткой фармацевтических кадров обеспечение данного шага является затруднительным. Несмотря на это, данная функция показала высокую эффективность относительно поддержания стабильного состояния пациентов с хроническими заболеваниями в период коронавирусной инфекции в Австралии [7].

Более реалистичным вариантом является формат передвижных аптек, который с одной стороны доставляет лекарственные препараты в удалённые населенные пункты, с другой стороны, может выступать в роли перевозчика медикаментов из аптек в больницы. На сегодняшний день разработка и тестирование подобных сервисов доставки ле-

карств показывает вдохновляющие результаты: опыт доставки антиретровирусной терапии в Уганде показал, что доля пациентов, пропустивших прием АРТ в течение последних 30 дней, снизилась с 20% до 8,5% через 12 месяцев после вмешательства, а доля пациентов с высокой вирусной нагрузкой снизилась с 19,9% до 7,4% [8, 9].

Решение проблемы лекарственного обеспечения

На сегодняшний день существуют расчётные алгоритмы, позволяющие составить план-расход медицинских средств в зависимости от типа чрезвычайной ситуации [10]. К препаратам первой необходимости в условиях ЧС отнесли анальгетики, препараты для быстрой интубации (т. е. седативные и паралитические средства), препараты для лечения заболеваний дыхательных путей, противомикробные препараты и поддерживающие внутривенные (IV) растворы [11].

Естественно, держать весь объем расчетного перечня лекарств нерационально, так как медицинские препараты обладают строго фиксированным сроком хранения и в случае нереализации за этот период подлежат списанию, что приводит к значительным финансовым издержкам. Решением может быть развитие промежуточных распределительных пунктов, расположенных в местах пересечения дорог к нескольким крупным центрам (городам) с наличием определенного запаса лекарственных средств. Заполнение этих центров может осуществляться как раз по расчетным данным, в неполной части от требуемого уровня заполнения хранилищ.

В случае возникновения чрезвычайной ситуации, возможна доставка из этого центра медикаментов для оказания первой медицинской помощи.

Однако данные алгоритмы не лишены недостатков, требующих разрешения перед введением в эксплуатацию. Так, например, описанный выше алгоритм создавался в Китае с учетом специфики местных природных условий, в частности, сейсмической активности и климатического режима. Соответственно, перед внедрением данного алгоритма в России необходима его адаптация к местным условиям и наиболее вероятностным причинам ЧС.

Другим направлением в обеспечении медикаментами населения является регулирование условия отпуска товаров из аптек. Так, например, эффективной мерой поддержки сохранения резервов является ограничение количества отпускаемых препаратов на человека – это может достигаться за счет [7]:

- ограничения на покупку безрецептурных лекарств (одна упаковка на покупку),
- отпуска препаратов только при наличии назначения (в том числе, цифрового),
- контроля за приёмом лекарств с помощью телемедицинских консультаций;
- перехода на электронное и цифровое назначение лекарств, что с одной стороны облегчит возможность получения рецепта, с другой стороны позволит контролировать количество покупаемых препаратов

Данные меры могут снизить необоснованную покупку лекарственных средств, что является крайне актуальным в условиях повышенного спроса на фармацевтические препараты и возможного затруднения доставки новых партий из-за чрезвычайных ситуаций и снижения транспортной доступности.

Кроме того, для обеспечения медицинскими препаратами в условиях ЧС всех пациентов может помочь выдача разрешения фармацевтам предлагать замену препарата аналогичным по фармакологическому действию для поддержания состояния пациентов с хроническими заболеваниями до восстановления поставок медицинских препаратов.

Другое решение заключается в ускоренной регистрации препаратов с разрешением на экстренное использование и условным разрешением на продажу [12]. С одной стороны, данный шаг позволяет повысить фармацевтическую обеспеченности при наличии разработок на стадии испытаний и заместить нехватку препаратов зарубежного производства. Однако он опасен с точки зрения неполного прохождения цикла доклинических и клинических испытаний перед клиническим применением, что в случае появления побочных эффектов может нанести не меньший вред, чем полное отсутствие лечения. Следовательно, данный вариант лекарственного замещения необходимо применять с осторожностью. Возможно, выставление некоторых условий ускоренной регистрации:

- при наличии такого же действующего вещества как в зарегистрированном аналоге (дженерике) возможно минимальное испытание, подтверждающее такой же терапевтический эффект и отсутствие побочных эффектов
- в случае препарата с принципиально новым действующим веществом, во-первых, необходимо, чтобы препарат прошел скользящую процедуру одобрения препарата; во-вторых, запускать препарат среди небольшой когорты пациентов с регистрацией побочных жалоб. Только в случае успешных результатов

использования и отсутствия нежелательных лекарственных реакций, возможно более широкое распространение препарата.

Естественно, после завершения условий ЧС необходимо продолжить клинические испытания с прерванного этапа и временно приостановить отпуск препарата в больницы и аптеки, так как несмотря на высокую терапевтическую ценность некоторых препаратов, это справедливо не для всех препаратов, разрешенных к применению в ходе ускоренного одобрения [13].

Решение, направленное на повышение квалификации фармацевтических кадров

По законодательства РФ и данным ряда работ, сотрудники фармацевтической отрасли должны уметь оказывать первую помощь в условиях чрезвычайной ситуации.

Комплексная система обучения должна включать следующие ключевые направления:

- Подготовку нормативных актов по поведению сотрудников фармацевтических служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации: какие пути обеспечения больниц необходимыми медикаментами, ограничения по отпуску препаратов в аптеках, варианты пополнения запасов препаратов (при наличии распределительного пункта, который был описан выше)

- Специальная подготовка по организации фармацевтической помощи: замены препаратов в

случае нехватки, оказание фармацевтической помощи и выбор препаратов без назначения врача, распределение выдачи препаратов по жизнеугрожающим состояниям.

Выводы

В результаты можно выделить несколько направлений: решение логистических проблем и повышение транспортной доступности можно решить с помощью единой базы данных по фармацевтическому обеспечению государственных и частных аптек, а также наличие каналов связи между данной системой и ЕМИАС для своевременных и бесперебойных поставок в медицинские учреждения; а также введением мобильных аптек. Для разрешения проблемы лекарственного обеспечения необходимо, во-первых, ограничить спрос путем ввода ряда ограничений на бесконтрольную закупку препаратов, во-вторых, разработать систему распределительных пунктов содержащих некий запас лекарственных средств на случай ЧС и в-третьих, четко определить критерии разрешения на экстренное использование препаратов, прошедших ускоренное одобрение. Самым важным этапом, от которого зависит успех всех вышеописанных мероприятий, является подготовка нормативов по поведению в случае объявления положения ЧС и обучение сотрудников этим алгоритмам.

Список источников

1. Yousef A.A., Nouf H. Al-M., Nezar A.Y.K., Yasir A.B., Taha M.R.B., Nojoud A.K., Ahmad M.A., Wael H.M. National Mass Gathering Pharmaceutical Care Program at Healthcare Institution in Saudi Arabia // *International Journal of Pharmacology and Clinical Sciences*. 2020. № 9 (1). P. 1 – 4.
2. Ford H., Trent S., Wickizer S. An Assessment of State Board of Pharmacy Legal Documents for Public Health Emergency Preparedness // *Am J Pharm Educ*. 2016. No. 80 (2). P. 20.
3. McCourt E., Singleton J., Tippet V., Nissen L. Disaster preparedness amongst pharmacists and pharmacy students: a systematic literature review // *International Journal of Pharmacy Practice*. 2021. Vol. 29. Iss. 1. P. 12 – 20.
4. Klumpp M., Loske D. Long-Term Economic Sustainability of Humanitarian Logistics-A Multi-Level and Time-Series Data Envelopment Analysis // *Int J Environ Res Public Health*. 2021. No. 18 (5). P. 2219.
5. Cai R., Xi X., Huang Y. Association of the availability of pharmaceutical facilities provided in secondary and tertiary hospitals with clinical pharmacists' work performance // *BMC Health Serv Res*. 2023. No. 23 (1). P. 1361.
6. Kuhmmer R., Lima K.M., Ribeiro R.A. et al. Effectiveness of pharmaceutical care at discharge in the emergency department: study protocol of a randomized controlled trial // *Trials*. 2015. No. 16. P. 60.
7. Parajuli D.R., Khanal S., Wechkunanukul K.H., Ghimire S., Poudel A. Pharmacy practice in emergency response during the COVID-19 pandemic: Lessons from Australia // *Res Social Adm Pharm*. 2022. No. 18 (8). P. 3453 – 3462.
8. Barata J., Maia F., Mascarenhas A. Digital transformation of the mobile connected pharmacy: a first step toward community pharmacy 5.0. // *Inform Health Soc Care*. 2022. Vol. 47 (4). P. 347 – 360.
9. Bajunirwe F., Aye bazibwe N., Mulogo E. et al. Effectiveness of a mobile antiretroviral pharmacy and HIV care intervention on the continuum of HIV care in rural Uganda // *AIDS Care*. 2020. No. 32 (9). P. 1111 – 1115.
10. Shao J., Liang C., Wang X., Wang X., Liang L. Relief Demand Calculation in Humanitarian Logistics Using Material Classification // *Int J Environ Res Public Health*. 2020. No. 17 (2). P. 582.

11. Aljabri A., Bakhsh H., Baageel A. et al. Hospital Pharmacy Preparedness and Pharmacist Role During Disaster in Saudi Arabia // Risk Manag Healthc Policy. 2021. No. 14. P. 5039 – 5046.
12. Bishnoi M., Sonker A. Emergency use authorization of medicines: History and ethical dilemma // Perspect Clin Res. 2023. No. 14 (2). P. 49 – 55.
13. Vokinger K.N., Kesselheim A.S., Glaus C.E.G., Hwang T.J. Therapeutic Value of Drugs Granted Accelerated Approval or Conditional Marketing Authorization in the US and Europe From 2007 to 2021 // JAMA Health Forum. 2022. No. 3 (8):e222685. doi:10.1001/jamahealthforum.2022.2685

References

1. Yousef A.A., Nouf H. Al-M., Nezar A.Y.K., Yasir A.B., Taha M.R.B., Nojoud A.K., Ahmad M.A., Wael H.M. National Mass Gathering Pharmaceutical Care Program at Healthcare Institution in Saudi Arabia. International Journal of Pharmacology and Clinical Sciences. 2020. No. 9 (1). P. 1 – 4.
2. Ford H., Trent S., Wickizer S. An Assessment of the State Board of Pharmacy Legal Documents for Public Health Emergency Preparedness. Am J Pharm Educ. 2016. No. 80 (2). P. 20.
3. McCourt E., Singleton J., Tippet V., Nissen L. Disaster preparedness among pharmacists and pharmacy students: a systematic literature review. International Journal of Pharmacy Practice. 2021. Vol. 29. Iss. 1. P. 12 – 20.
4. Klumpp M., Loske D. Long-Term Economic Sustainability of Humanitarian Logistics-A Multi-Level and Time-Series Data Envelopment Analysis. Int J Environ Res Public Health. 2021. No. 18 (5). P. 2219.
5. Cai R., Xi X., Huang Y. Association of the availability of pharmaceutical facilities provided in second-ary and tertiary hospitals with clinical pharmacists' work performance. BMC Health Serv Res. 2023. No. 23(1). P. 1361.
6. Kuhmmer R., Lima K.M., Ribeiro R.A. et al. Effectiveness of pharmaceutical care at discharge in the emergency department: study protocol of a randomized controlled trial. Trials. 2015. No. 16. P. 60.
7. Parajuli D.R., Khanal S., Wechkunanukul K.H., Ghimire S., Poudel A. Pharmacy practice in emergency response during the COVID-19 pandemic: Lessons from Australia. Res Social Adm Pharm. 2022. No. 18 (8). P. 3453 – 3462.
8. Barata J., Maia F., Mascarenhas A. Digital transformation of the mobile connected pharmacy: a first step toward community pharmacy 5.0. Inform Health Soc Care. 2022. Vol. 47 (4). P. 347 – 360.
9. Bajunirwe F., Ayebazibwe N., Mulogo E. et al. Effectiveness of a mobile antiretroviral pharmacy and HIV care intervention on the continuum of HIV care in rural Uganda. AIDS Care. 2020. No. 32 (9). P. 1111 – 1115.
10. Shao J., Liang C., Wang X., Wang X., Liang L. Relief Demand Calculation in Humanitarian Logistics Using Material Classification. Int J Environ Res Public Health. 2020. No. 17(2). P. 582.
11. Aljabri A., Bakhsh H., Baageel A. et al. Hospital Pharmacy Preparedness and Pharmacist Role During Disaster in Saudi Arabia. Risk Manag Healthc Policy. 2021. No. 14. P. 5039 – 5046.
12. Bishnoi M., Sonker A. Emergency use authorization of medicines: History and ethical dilemma. Perspect Clin Res. 2023. No. 14(2). P. 49 – 55.
13. Vokinger K.N., Kesselheim A.S., Glaus C.E.G., Hwang T.J. Therapeutic Value of Drugs Granted Accelerated Approval or Conditional Marketing Authorization in the US and Europe From 2007 to 2021. JAMA Health Forum. 2022. No. 3(8):e222685. doi:10.1001/jamahealthforum.2022.2685

Информация об авторах

Бобракова А.А., кандидат медицинских наук, доцент, Медицинский институт, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, povikovalexandra2012@mail.ru

Лебедева Н.Ю., кандидат медицинских наук, доцент, Медицинский институт, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, lebnatly@yandex.ru

© Бобракова А.А., Лебедева Н.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.3. Патологическая физиология (медицинские науки)

УДК 616.379.5

¹ **Гулиев Рамиль Намиль оглы,**

¹ хирург в Частной больнице, г. Баку, Азербайджан

Диагностическая лапароскопия при перитоните брюшной полости

Аннотация: статья посвящена исследованию диагностической лапароскопии при перитоните брюшной полости. Актуальность обоснована требованиями повышения точности диагностики и снижения травматичности хирургических вмешательств при остром воспалении брюшины. Новизна заключается в сравнительном анализе исходов эндоскопического и открытого доступов с учётом стабильности гемодинамики и стадии воспаления. В рамках работы описаны диагностические возможности лапароскопии, представлены варианты лечебных манипуляций через троакары, обоснован алгоритм выбора доступа. Изучены показатели точности диагностики, частота послеоперационных осложнений, продолжительность госпитализации по данным отечественных и зарубежных источников. Особое внимание уделено критериям отбора пациентов и условиям конверсии в лапаротомию. Работа ставит перед собой задачу определения эффективных практик применения диагностической лапароскопии при различных формах перитонита. Для её решения применены сравнительный анализ публикаций, систематизация рекомендаций, синтез клинических данных и разработка алгоритмической схемы принятия решений. Изучены работы А.С. Арутюнян, О.В. Галимов, U.K. Ballehaninna и соавт. В заключении описывается влияние выбранных стратегий на скорость восстановления пациентов и безопасность лечения. Статья будет полезна хирургам, исследователям минимально инвазивных технологий и руководителям хирургических отделений.

Ключевые слова: диагностическая лапароскопия, перитонит брюшной полости, минимально инвазивная хирургия, гемодинамическая стабильность, лаваж, конверсия в лапаротомию, дренирование, биопсия, алгоритм доступа, клиническая эффективность

Для цитирования: Гулиев Рамиль Намиль оглы Диагностическая лапароскопия при перитоните брюшной полости // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 41 – 48.

Поступила в редакцию: 10 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ **Guliyev Ramil Namil ogly,**

¹ Surgeon in Private Hospital, Baku, Azerbaijan

Diagnostic laparoscopy for abdominal peritonitis

Abstract: the article is devoted to the study of diagnostic laparoscopy for abdominal peritonitis. The relevance is justified by the requirements of improving the accuracy of diagnosis and reducing the traumatic nature of surgical interventions in acute peritoneal inflammation. The novelty lies in the comparative analysis of the outcomes of endoscopic and open access, taking into account the stability of hemodynamics and the stage of inflammation. Within the framework of the work, the diagnostic possibilities of laparoscopy are described, options for therapeutic manipulations through trocars are presented, and the access selection algorithm is substantiated. The indicators of diagnostic accuracy, the frequency of postoperative complications, and the duration of hospitalization were studied according to domestic and foreign sources. Special attention is paid to the criteria for selecting patients and the conditions for conversion to laparotomy. The work aims to identify effective practices for the use of diagnostic laparoscopy in various forms of peritonitis. To solve this problem, comparative analysis of publications, systematiza-

tion of recommendations, synthesis of clinical data and development of an algorithmic decision-making scheme were applied. The works of A.S. Harutyunyan, O.V. Galimov, U.K. Ballehaninna et al. have been studied. In conclusion, the impact of the chosen strategies on the speed of recovery of patients and the safety of treatment is described. The article will be useful for surgeons, researchers of minimally invasive technologies and heads of surgical departments.

Keywords: diagnostic laparoscopy, abdominal peritonitis, minimally invasive surgery, hemodynamic stability, lavage, laparotomy conversion, drainage, biopsy, access algorithm, clinical efficacy

For citation: Guliyev Ramil Namil ogly Diagnostic laparoscopy for abdominal peritonitis. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 41 – 48.

The article was submitted: April 10, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Перитонит брюшной полости – тяжёлое хирургическое состояние, связанное с воспалением брюшины, часто требующее экстренной диагностики и лечения. Классический подход к диагностике причин перитонита и оценке состояния брюшной полости – открытая лапаротомия (полноценное хирургическое вскрытие брюшной полости). Однако за последние десятилетия всё более широкое применение получает диагностическая лапароскопия – минимально инвазивное вмешательство с использованием лапароскопа (оптического прибора) для осмотра внутренних органов. Актуальность темы обусловлена тем, что диагностическая лапароскопия позволяет не только уточнить диагноз при остром перитоните, но и сразу выполнить необходимые лечебные процедуры (санировать очаг инфекции, устранить источник перфорации и т.д.), при этом потенциально снижая травматичность вмешательства.

Цель данной работы – определить роль, преимущества и ограничения диагностической лапароскопии в лечении больных с перитонитом брюшной полости. В задачи исследования входит:

- 1) анализ литературы о диагностической точности и клинической эффективности лапароскопии при перитоните;
- 2) сравнение исходов лапароскопического и открытого подходов (осложнения, летальность, длительность восстановления);
- 3) обобщение современных рекомендаций по применению лапароскопии при различных формах перитонита.

Впервые сравнительно проанализированы исходы лапароскопии и лапаротомии при перитоните с учётом гемодинамической стабильности и степени воспаления, обоснована эффективность лаважа и предложена алгоритмическая схема выбора доступа.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования стали отечественные и международные публикации по диагностической

и лечебной лапароскопии при перитоните брюшной полости. А.С. Арутюнян [1] рассмотрел возможности лапароскопического подхода при распространённом аппендикулярном перитоните; О.В. Галимов [2] проанализировал лапароскопические операции при остром аппендиците, осложнённом перитонитом; И.А. Дубровин [3] оценил эффективность видеоконтроля и лаважа в послеоперационном перитоните; Е.К. Салахов [4] описал технологические приёмы санации и дренирования при гнойном процессе; U.K. Ballehaninna [5] обобщил показания и ограничения диагностической лапароскопии в экстренной хирургии; обзор SAGES [6] систематизировал рекомендации по диагностике через лапароскоп; V. Mandalà [7] предложил алгоритмы выбора доступа; Е. Salakhov и соавторы [8] выявили статистику осложнений и показатели летальности при лапароскопии в крупном когортном исследовании. А. Samuelsson и соавт. [9] представили популяционное исследование долгосрочных результатов лапароскопического лаважа при перфоративном дивертикулярном перитоните; М. Ceresoli и соавт. [10] проанализировали минимально-инвазивное лечение перитонита при перфорации левого отдела ободочной кишки.

Применены сравнительный анализ публикаций, систематизация данных, синтез клинических сведений и разработка алгоритмической схемы принятия решений.

Результаты и обсуждения

Многочисленные исследования подтверждают высокую эффективность диагностической лапароскопии в условиях острого перитонита [1-8]. Диагностическая ценность метода крайне высока: по данным обзоров, точность лапароскопической диагностики внутрибрюшных причин острого живота достигает 89-100% [7]. Это означает, что в подавляющем большинстве случаев лапароскопия позволяет выявить источник перитонита (перфорацию полого органа, аппендицит, разрыв полого органа, очаг некроза и пр.) и оценить степень рас-

пространения инфекции. Для сравнения, неинвазивные методы (УЗИ, КТ) могут быть ограничены, особенно у тяжелых пациентов (например, при вздутии кишок или ожирении визуализация затруднена) (табл. 1). Лапароскопия же обеспечивает прямой осмотр всей брюшной полости, включая

труднодоступные места, с возможностью прицельного осмотра органов и забора материала (проб на бакпосев, биопсии) [6]. Таким образом, метод даёт хирургу в реальном времени полную информацию о характере перитонита.

Таблица 1

Сопоставление диагностических методов при остром перитоните (составлено автором на основе [5, 6]).

Table 1

Comparison of diagnostic methods in acute peritonitis (compiled by the author based on [5, 6]).

Метод диагностики	Возможности визуализации	Ограничения при тяжелых пациентах
Лапароскопия	Обзор всех отделов брюшной полости, прицельная биопсия	Зависимость от оборудования и квалификации
УЗИ	Быстрое сканирование, отсутствие инвазивности	Артефакты при метеоризме и ожирении
КТ	Трехмерная реконструкция, детальная анатомия	Натрия облучение, сложность у нестабильных

Полученные данные подтверждают, что эндоскопия даёт полную картину характера воспаления и позволяет организовать прицельный сбор материала для микробиологического анализа. Пред-

ставлены возможности диагностико-лечебных вмешательств через троакары, позволяющие совместить осмотр с санацией очага и первичным ушиванием повреждений (табл. 2).

Таблица 2

Варианты лечебных манипуляций при диагностической лапароскопии (составлено автором на основе [5, 7]).

Table 2

Options for therapeutic manipulations during diagnostic laparoscopy (compiled by the author based on [5, 7]).

Вид вмешательства	Краткая характеристика процедуры	Показания
Лаваж брюшной полости	Промывание раствором антисептика под видеоконтролем	Распространенный гнойный перитонит
Ушивание перфорации	Лапароскопическое ушивание дефекта ЖКТ	Прободные язвы, разрывы полого органа
Дренирование	Установка полихлорвиниловых дренажей	Выраженная гнойная продукция
Биопсия и бакпосев	Прицельный забор ткани и жидкости	Подозрение на специфическую инфекцию

Внедрение указанных процедур позволило сокращать число релапаротомий и ускорять восстановление пациентов за счет минимизации хирургической травмы. Отбор пациентов для лапаро-

скопического доступа основан на оценке стабильности гемодинамики и стадии воспалительного процесса (табл. 3).

Таблица 3

Критерии отбора для диагностической лапароскопии при перитоните (составлено автором на основе [6, 7]).

Table 3

Selection criteria for diagnostic laparoscopy for peritonitis (compiled by the author based on [6, 7]).

Критерий	Характеристика	Решение при нарушении
Гемодинамическая стабильность	Систолическое АД ≥ 90 мм рт. ст., отсутствие шока	Прямая лапаротомия
Локализация воспаления	Ограниченный очаг или умеренное распространение	Предпочтительна эндоскопия
Тяжесть спаечного процесса	Незначительные или умеренные сращения	Лапароскопическая санация
Отсутствие терминальной стадии	Минимальная выраженность сепсиса	Этапный доступ с возможностью конверсии

Проведенное структурирование отбора помогает свести к минимуму задержки в оказании помощи и снизить риск полиорганной недостаточности за счет своевременного использования щадящих методик.

Одним из главных преимуществ диагностической лапароскопии является возможность избежать ненужной лапаротомии. Ранее, в случае неясного диагноза, хирург нередко был вынужден делать «диагностическую лапаротомию», чтобы просто понять, что происходит в животе, – это травматичная операция, особенно опасная для ослабленных пациентов. Лапароскопия позволяет минимально инвазивно посмотреть внутрь и тем самым предотвратить большое разрезание в тех случаях, когда оно не нужно. Например, если при лапароскопии обнаруживается, что у пациента нет требующей открытой операции патологии (скажем, нет перфорации, а есть иной, консервативно лечимый процесс), то можно ограничиться малым вмешательством и избежать лишней травмы. В литературе подчёркивается, что лапароскопия при острых заболеваниях живота сокращает число неоправданных лапаротомий, что особенно важно у пациентов пожилого возраста с тяжёлыми сопутствующими заболеваниями [4]. Снижение количества «негативных» (не выявивших патологии) лапаротомий – значимый вклад в безопасность лечения, так как каждая открытая операция – это риск инфекций, раневых осложнений и длительная реабилитация.

Кроме диагностики, лапароскопия позволяет сразу выполнить и лечебные мероприятия, что переводит её в категорию диагностико-лечебных процедур. На практике, если во время лапароскопии обнаружена, например, прободная язва желудка как причина перитонита, хирург может тут же лапароскопически ушить перфорацию. В обзорах отмечается, что накопленный к настоящему времени опыт свидетельствует о достаточно широких возможностях лапароскопии в лечении перитонита [1, 4]. В настоящее время многие авторы рассматривают лапароскопическую санацию брюшной полости как альтернативу традиционной программе релапаротомий (повторных открытых санаций) при распространённом перитоните. Лапароскопическая санация включает промывание (лаваж) брюшной полости под видеоконтролем, удаление гноя, фибрина, дренирование – всё это можно сделать через небольшие проколы. Было показано, что результатом применения оперативной лапароскопии стало значительное сокращение сроков пребывания больных в стационаре. Пациенты после лапароскопических вмешательств вос-

становливаются быстрее: разрезы минимальны, что уменьшает послеоперационную боль, позволяет рано активизировать больного. По данным Казанского медицинского журнала, применение лапароскопических технологий при перитоните привело к сокращению пребывания в стационаре и реабилитации, снижению частоты раневых осложнений, более быстрому купированию болевого синдрома и лучшему косметическому эффекту по сравнению с традиционными операциями [4].

Что касается показателей осложнений и летальности, ряд исследований сравнили открытые и лапароскопические подходы. Например, по данным крупного японского национального регистра, частота послеоперационных осложнений при остром диффузном перитоните была ниже у пациентов, которым удалось выполнить лапароскопическую операцию. Свежие национальные данные также подтверждают преимущество лапароскопического лаважа при перфоративном перитоните дивертикулярной природы [9]. Особенность отбора: более тяжёлые больные и нестабильные пациенты чаще попадают в группу открытых операций, а более стабильные – в лапароскопическую, что накладывает ограничения на прямое сравнение. Тем не менее, после статистической обработки было отмечено, что при сопоставимом профиле пациентов лапароскопия приводила к меньшей частоте инфекционных осложнений (например, пневмоний, раневых инфицирований). Кроме того, динамика применения лапароскопии растёт: за последние годы число клиник, выполняющих лапароскопические операции при перитоните, значительно увеличилось, и доля таких операций среди всех экстренных вмешательств возросла [5]. Это свидетельствует о накопленном доверии к методу со стороны хирургов и о доказанном положительном опыте.

Важное преимущество – снижение послеоперационной боли и улучшение переносимости операции. Уже упомянутое отсутствие большого разреза означает, что пациенты испытывают значительно меньший болевой синдром. Они быстрее начинают дышать глубоко, кашляют, что снижает риск послеоперационных дыхательных осложнений. Статистически, в крупных сериях лапароскопических операций отмечены более короткие сроки восстановления перистальтики кишечника и более ранняя выписка из стационара [4]. Например, пациенты после лапароскопического ушивания прободной язвы могли быть выписаны на 2-3 дня раньше, чем пациенты после открытого вмешательства аналогичного объёма (при прочих равных).

Ещё один аспект – возможность избежать избыточных травмирующих вмешательств у ослабленных пациентов. У больных старческого возраста с тяжёлой сопутствующей патологией (сердечной, лёгочной) открытая операция при перитоните связана с очень высоким риском множественного органного отказа [3]. Лапароскопия же в таких случаях позволяет выполнить более щадящее вмешательство. Конечно, успех зависит от степени распространённости перитонита: при крайне тяжёлом, запущенном процессе лапароскопия может оказаться технически сложной. Тем не менее, в ряде публикаций подчёркивается, что именно у пациентов группы высокого риска (возраст, коморбидность) выигрыш от минимальной инвазии максимален – удаётся избежать дополнительной операционной травмы, что снижает вероятность полиорганной недостаточности на фоне сепсиса [4].

Наконец, диагностическая лапароскопия особенно полезна в трудных дифференциально-диагностических случаях. Например, у пациенток репродуктивного возраста с острым тазовым перитонитом (возможен как гинекологический генез, так и хирургический) лапароскопия позволяет быстро разобраться – аппендицит это, прерванная внематочная беременность, перекрут кисты яичника или другое состояние – и сразу же выполнить нужное действие. Таким образом, лапароскопия выступает как универсальный инструмент точной диагностики и адресного лечения. В практике экстренной хирургии отмечено, что применение лапароскопии при неясном «остром животе» позволило уменьшить количество ситуаций, когда пациенту делали полостную операцию, а патологии не находили, либо находили патологию, требующую совсем другого доступа [1, 2].

В то же время, результаты исследований указывают на необходимость отбора пациентов для лапароскопии. Не все случаи перитонита равны: при крайне тяжёлом диффузном гнойном перитоните, особенно если пациент нестабилен (септический шок), лапароскопия может быть технически затруднительна и потребовать больше времени, чем прямая лапаротомия. В таких случаях промедление может ухудшить прогноз. Поэтому в современных руководствах указывается, что лапароскопический подход предпочтителен у гемодинамически стабильных пациентов без признаков терминальной стадии перитонита, и особенно эффективен при локализованном перитоните или перитоните средней степени [5,8]. Если же состояние критическое – зачастую приходится сразу идти на лапаротомию. Тем не менее, даже при распространённом перитоните многие этапы можно прово-

дить лапароскопически, а при необходимости расширяться (конверсия в лапаротомию) – сделать это без ущерба для пациента. Статистически, уровень конверсии (перехода на открытую операцию) при попытке лапароскопического лечения перитонита варьирует, но снижается по мере роста опыта хирургов.

Анализ представленных результатов демонстрирует, что диагностическая лапароскопия заняла прочное место в алгоритме ведения больных с перитонитом. Преимущества метода очевидны: высокая точность диагностики, возможность одномоментного лечения, меньшая инвазивность и, как следствие, лучшее течение послеоперационного периода (меньше осложнений, быстрее восстановление). Эти преимущества особенно актуальны в эпоху минимально-инвазивной хирургии, ориентированной на максимальное сокращение травмы для пациента. Классическая триада достоинств лапароскопии – уменьшение осложнений, боли и длительности госпитализации – полностью подтверждается и в сфере экстренной хирургии при перитоните.

Следует, однако, обсудить и ограничения метода. Лапароскопия технически сложнее, требует наличия оборудования и обученного персонала. Не все больницы, особенно в экстренных ночных ситуациях, имеют опытного лапароскопического хирурга на дежурстве. Кроме того, как отмечалось, при крайне тяжёлом перитоните лапароскопический подход имеет объективные трудности: гной, фибрин, спайки могут ограничивать видимость; разлитой процесс труднее санировать через небольшие порты. В таких случаях может понадобиться комбинация – так называемая лапароскопически ассистированная хирургия либо этапная тактика. Например, можно применить подход «damage control»: выполнить краткую лапароскопию для диагностики и грубой санации, а затем в плановом порядке – вторую лапароскопию или лапаротомию, когда состояние пациента будет стабилизировано.

Показания и противопоказания тоже важны. Абсолютным противопоказанием к лапароскопии является неустойчивое состояние пациента (острая сердечно-сосудистая недостаточность, агональное состояние) – таким больным нужна немедленная лапаротомия для спасения жизни. Относительные противопоказания – выраженный спаечный процесс, ранее перенесённые многочисленные операции (хотя и здесь опытные хирурги часто успешно выполняют лапароскопию). Также, при выявлении при лапароскопии тяжёлой патологии, которую сложно устранить эндоскопически (например, обширная гангрена кишечника, требующая резекции

большой длины), метод сразу конвертируется в открытую операцию. По сути, лапароскопия может быть первым этапом хирургической помощи: если повезёт, на нём и закончится (диагностика+лечение), а если нет – то послужит диагностическим этапом перед лапаротомией.

Современные данные говорят о том, что в умелых руках лапароскопия при перитоните безопасна и эффективна. В крупном французском мультицентровом исследовании (~30 000 случаев диагностических и лечебных лапароскопий) смертность, связанная с процедурой, составила всего 3,3 на 100 000, а общая частота осложнений – 4,6 на 1000 [6]. Это приемлемые показатели, доказывающие, что сама по себе методика достаточно отработана и не несёт дополнительного риска при правильном отборе пациентов. Многие осложнения возникают именно у самых тяжёлых больных (сепсис), где риски априори высоки.

Если резюмировать, то диагностическая лапароскопия по сравнению с открытой хирургией:

- обеспечивает сопоставимую результативность лечения, не ухудшая и даже улучшая исходы у отобранных пациентов (меньше осложнений, ниже летальность у стабильных больных);
- приносит явные выгоды пациентам (меньше боли, быстрее возврат к нормальной жизни);
- экономически выгодна (меньше времени в стационаре, быстрее реабилитация).

В дискуссиях часто упоминается, что лапароскопия требует кривой обучения: хирурги должны набрать опыт. По мере того как поколение современных хирургов всё лучше владеет техникой, спектр лапароскопически решаемых задач расширяется. Например, если раньше при перитоните, вызванном дивертикулярной болезнью, лапароскопию применяли редко, то сейчас описаны лапароскопические резекции даже в экстренной ситуации [10].

Отдельно стоит рассмотреть перитонит у женщин детородного возраста и у детей. У женщин лапароскопия ценна тем, что позволяет уточнить гинекологическую патологию (некоторые формы перитонита – осложнённые формы воспалительных заболеваний тазовых органов) и провести органосохраняющее лечение. У детей лапароскопия также всё шире применяется, хотя технически труднее из-за маленького объёма брюшной полости; при аппендикулярном перитоните она уже стала стандартом во многих центрах.

Выводы

Диагностическая лапароскопия при перитоните брюшной полости зарекомендовала себя как высоко-

коэффициентный и безопасный метод, сочетающий в себе возможности точной диагностики и малоинвазивного лечения. Основные выводы нашего исследования:

1) Лапароскопия обладает исключительной диагностической точностью при острых хирургических состояниях – в 89-100% случаев удаётся выявить источник и характер перитонита, что существенно превышает информативность одних лишь неинвазивных методов.

2) Применение лапароскопического подхода приводит к лучшим клиническим исходам у отобранных пациентов: сокращается частота послеоперационных осложнений и ускоряется восстановление.

3) Минимальная инвазивность лапароскопии снижает летальность у определённых групп больных, позволяя щадящим способом ликвидировать очаг инфекции и тем самым уменьшить тяжесть системного воспалительного ответа.

У научного сообщества уже не вызывает сомнений, что лапароскопия способна заменить диагностическую лапаротомию во многих случаях, а также выполнить лечебные задачи – это подтверждают исследования, показывающие уменьшение числа «бестолковых» лапаротомий и связанных с ними осложнений.

Практическая значимость этих выводов огромна: повсеместное внедрение лапароскопии в экстренной хирургии позволяет спасти жизни более эффективно и с меньшими потерями для пациента. Сегодня существуют чёткие показания, когда диагностическая лапароскопия рекомендована при перитоните (неясный генез острого живота, подозрение на разлитой перитонит у стабильного пациента, локализованный гнойный процесс и др.), и данные работы лишь укрепляют эти позиции. Конечно, лапароскопия – не панацея и требует наличия необходимых условий (оборудования, навыков), а также индивидуального подхода.

Следует подчеркнуть, что ключевым условием успеха является правильный отбор пациентов и высокая квалификация хирурга: тогда лапароскопический метод становится мощным инструментом, значительно улучшающим исходы лечения перитонита. В заключение можно констатировать, что диагностическая лапароскопия из вспомогательного метода превратилась в золотой стандарт диагностики перитонита, дополняющий и во многом превосходящий традиционные подходы, а развитие технологий и опыта будет только расширять её применение в будущем.

Список источников

1. Арутюнян А.С., Благовестнов Д.А., Ярцев П.А., Левитский В.Д., Гуляев А.А., Кислухина Е.В. Возможности лапароскопического метода в лечении распространенного аппендикулярного перитонита // Хирургия. Журнал им. Н.И. Пирогова. 2022. № 7. С. 24 – 32.
2. Галимов О.В., Ханов В.О., Минигалин Д.М., Галимов Д.О., Сафаргалина А.Г., Галиуллин Д.Ф. Лапароскопические операции при остром аппендиците, осложненном перитонитом // Креативная хирургия и онкология. 2023. Т. 13. № 1. С. 33 – 38. DOI: 10.24060/2076-3093-2023-13-1-33-38
3. Дубровин И.А., Климович И.Н., Маскин С.С., Матюхин В.В., Карсанов А.М., Ермолаева Н.К. Лапароскопия в диагностике и лечении послеоперационного перитонита [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12126> (дата обращения: 27.03.2025)
4. Салахов Е.К., Салахов К.К. Возможности лапароскопических технологий в диагностике и лечении пациентов с распространённым перитонитом [Электронный ресурс] // Казанский медицинский журнал. 2016. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-laparoskopicheskikh-tehnologiy-v-dagnostike-i-lechenii-patsientov-s-rasprostranyonnym-peritonitom> (дата обращения: 28.03.2025)
5. Ballehaninna U.K. Exploratory (Diagnostic) Laparoscopy [Электронный ресурс] / Umashankar K. Ballehaninna // eMedicine: Medscape. Обновлено: 21.11.2023. Режим доступа: <https://emedicine.medscape.com/article/1829816-overview> (дата обращения: 30.03.2025)
6. Guidelines for Diagnostic Laparoscopy [Электронный ресурс] // Society of American Gastrointestinal and Endoscopic Surgeons (SAGES). Режим доступа: <https://www.sages.org/publications/guidelines/guidelines-for-diagnostic-laparoscopy/> (дата обращения: 29.03.2025)
7. Mandalà V. (ред.). The Role of Laparoscopy in Emergency Abdominal Surgery [Электронный ресурс] / Surgical and Emergencies Department “Villa Sofia – Cervello” Hospital Trust (Палермо, Италия); в соавт. с А. Mirabella, М. Lupo. Milan; Dordrecht; Heidelberg; London; New York: Springer. Режим доступа: <https://iris.unipa.it/retrieve/e3ad8916-8719-da0e-e053-3705fe0a2b96/TheRoleofLaparoscopyinEmergencyAbdominalSurgery.pdf> (дата обращения: 30.06.2025). DOI: 10.1007/978-88-470-2327-7. ISBN: 978-88-470-2326-0
8. Salakhov E., Vlasov A., Rubtsov O.Y., Zakharov A.A., Kazakov R.R., Dormidontov M.Y. Laparoscopy for Acute Peritonitis // Ulyanovsk Medico-biological Journal. 2023. Vol. 4. P. 109 – 119.
9. Samuelsson A. et al. Long-term results after laparoscopic lavage for perforated diverticulitis purulent peritonitis in Sweden: A population-based observational study // Annals of Surgery Open. 2024. Т. 5. № 2. P. e433.
10. Ceresoli M. et al. Minimally invasive approach to peritonitis from left colonic perforation: a retrospective multicenter observational study // Surgical Endoscopy. 2025. P. 1 – 10.

References

1. Arutyunyan A.S., Blagovestnov D.A., Yartsev P.A., Levitsky V.D., Gulyaev A.A., Kislukhina E.V. Possibilities of the laparoscopic method in the treatment of widespread appendicular peritonitis. Surgery. Journal named after N.I. Pirogov. 2022. No. 7. P. 24 – 32.
2. Galimov O.V., Khanov V.O., Minigalin D.M., Galimov D.O., Safargalina A.G., Galiullin D.F. Laparoscopic operations for acute appendicitis complicated by peritonitis. Creative surgery and oncology. 2023. T. 13. No. 1. P. 33 – 38. DOI: 10.24060/2076-3093-2023-13-1-33-38
3. Dubrovin I.A., Klimovich I.N., Maskin S.S., Matyukhin V.V., Karsanov A.M., Ermolaeva N.K. Laparoscopy in the diagnosis and treatment of postoperative peritonitis [Electronic resource]. Modern problems of science and education. 2014. No. 1. Access mode: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12126> (date of access: 03/27/2025)
4. Salakhov E.K., Salakhov K.K. Possibilities of laparoscopic technologies in diagnostics and treatment of patients with widespread peritonitis [Electronic resource]. Kazan Medical Journal. 2016. No. 2. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-laparoskopicheskikh-tehnologiy-v-dagnostike-i-lechenii-patsientov-s-rasprostranyonnym-peritonitom> (date of access: 03/28/2025)
5. Ballehaninna U.K. Exploratory (Diagnostic) Laparoscopy [Electronic resource]. Umashankar K. Ballehaninna // eMedicine: Medscape. Updated: 11/21/2023. Access mode: <https://emedicine.medscape.com/article/1829816-overview> (date of access: 30.03.2025)
6. Guidelines for Diagnostic Laparoscopy [Electronic resource]. Society of American Gastrointestinal and Endoscopic Surgeons (SAGES). Access mode: <https://www.sages.org/publications/guidelines/guidelines-for-diagnostic-laparoscopy/> (date of access: 29.03.2025)

7. Mandalà V. (ed.). The Role of Laparoscopy in Emergency Abdominal Surgery [Electronic resource]. Surgical and Emergencies Department “Villa Sofia – Cervello” Hospital Trust (Palermo, Italy); in collaboration with A. Mirabella, M. Lupo. Milan; Dordrecht; Heidelberg; London; New York: Springer. Access mode: <https://iris.unipa.it/retrieve/e3ad8916-8719-da0e-e053-3705fe0a2b96/TheRoleofLaparoscopyinEmergencyAbdominalSurgery.pdf> (access date: 06/30/2025). DOI: 10.1007/978-88-470-2327-7. ISBN: 978-88-470-2326-0

8. Salakhov E., Vlasov A., Rubtsov O.Y., Zakharov A.A., Kazakov R.R., Dormidontov M.Y. Laparoscopy for Acute Peritonitis. Ulyanovsk Medico-biological Journal. 2023. Vol. 4. P. 109 – 119.

9. Samuelsson A. et al. Long-term results after laparoscopic lavage for perforated diverticulitis purulent peritonitis in Sweden: A population-based observational study. Annals of Surgery Open. 2024. T. 5. No. 2. P. e433.

10. Ceresoli M. et al. Minimally invasive approach to peritonitis from left colonic perforation: a retro-spective multicenter observational study. Surgical Endoscopy. 2025. P. 1 – 10.

Информация об авторе

Гулиев Рамиль Намиль оглы, хирург в Частной больнице, г. Баку, Азербайджан, ramilguliev82@gmail.com

© Гулиев Рамиль Намиль оглы, 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 3.3.6. Фармакология, клиническая фармакология (фармацевтические науки)

УДК 615.8:616.21-002.2

¹ Мурсалова Д.,
¹ Муртазалиева Э.М.,
¹ Таибова Р.Р.,
¹ Далгатова Г.М.,

¹ Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России

Анализ клинической эффективности гомеопатического лечения у пациентов с хроническим синуситом

Аннотация: цель: оценить клиническую эффективность и динамику качества жизни у пациентов с хроническим синуситом при использовании индивидуализированной гомеопатической терапии. Материалы и методы. Исследование было проведено на базе Республиканской клинической больницы г. Махачкалы с января 2022 г. по март 2025 г. В наблюдение включены 20 взрослых пациентов с подтверждённым диагнозом хронического синусита длительностью более 12 недель (МКБ-10: J32.9). Все пациенты получали курс классической гомеопатической терапии, назначаемой врачами с опытом не менее 3 лет. Тяжесть симптомов оценивалась по числовой шкале (NRS), а качество жизни – по опроснику SF-36. Продолжительность наблюдения составила 24 месяца. В анализ были включены оценки динамики симптомов, качества жизни и частоты использования традиционных медикаментов. Для статистического анализа использовалась множественная линейная регрессия с вменением пропущенных данных по методу Рубина. Результаты. В течение первых 3 месяцев наблюдалось выраженное снижение интенсивности симптомов (средний показатель NRS снизился на 2,1 балла), что сохранялось и в последующий период. Через 2 года терапии у 85% пациентов наблюдалось устойчивое улучшение субъективного самочувствия, а частота использования традиционных медикаментов снизилась на 47%. Качество жизни по психоэмоциональному компоненту статистически достоверно улучшилось ($p < 0,05$), тогда как физический компонент не демонстрировал значимых изменений. Побочных эффектов зафиксировано не было. Выводы. Двухлетнее наблюдение продемонстрировало потенциальную эффективность гомеопатической терапии как дополнительного подхода у пациентов с хроническим синуситом, особенно в случае недостаточного эффекта традиционного лечения. Полученные данные позволяют рекомендовать дальнейшее изучение механизма действия и расширение показаний к применению гомеопатических средств в оториноларингологии.

Ключевые слова: хронический синусит, гомеопатия, качество жизни, альтернативная медицина, NRS, SF-36

Для цитирования: Мурсалова Д., Муртазалиева Э.М., Таибова Р.Р., Далгатова Г.М. Анализ клинической эффективности гомеопатического лечения у пациентов с хроническим синуситом // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 49 – 55.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Mursalova D.,
¹ Murtazalieva E.M.,
¹ Taibova R.R.,
¹ Dalgatov G.M.,

¹ Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Analysis of the clinical efficacy of homeopathic treatment in patients with chronic sinusitis

Abstract: goal: to evaluate the clinical efficacy and dynamics of quality of life in patients with chronic sinusitis using individualized homeopathic therapy. Materials and methods. The study was conducted at the Republican Clinical Hospital in Makhachkala from January 2022 to March 2025. The follow-up included 20 adult patients with a confirmed diagnosis of chronic sinusitis lasting more than 12 weeks (ICD-10: J32.9). All patients received a course of classical homeopathic therapy prescribed by doctors with at least 3 years of experience. The severity of symptoms was assessed on a numerical scale (NRS), and the quality of life was assessed on the SF-36 questionnaire. The follow-up period was 24 months. The analysis included assessments of the dynamics of symptoms, quality of life, and frequency of use of traditional medications. For statistical analysis, multiple linear regression with imputation of missing data using the Rubin method was used. Results. During the first 3 months, there was a marked decrease in the intensity of symptoms (the average NRS score decreased by 2.1 points), which persisted in the subsequent period. After 2 years of therapy, 85% of patients showed a steady improvement in their subjective well-being, and the frequency of using traditional medicines decreased by 47%. The quality of life in the psycho-emotional component significantly improved ($p < 0.05$), while the physical component did not show significant changes. No side effects were recorded. Conclusions. A two-year follow-up demonstrated the potential effectiveness of homeopathic therapy as an additional approach in patients with chronic sinusitis, especially in the case of insufficient effect of traditional treatment. The data obtained allow us to recommend further study of the mechanism of action and the expansion of indications for the use of homeopathic remedies in otorhinolaryngology.

Keywords: chronic sinusitis, homeopathy, quality of life, alternative medicine, NRS, SF-36

For citation: Mursalova D., Murtazalieva E.M., Taibova R.R., Dalgatov G.M. Analysis of the clinical efficacy of homeopathic treatment in patients with chronic sinusitis. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 49 – 55.

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Заболевания верхних дыхательных путей, особенно воспаления околоносовых пазух, остаются одними из наиболее часто встречающихся патологий в амбулаторной и стационарной практике оториноларинголога [1]. Особое внимание в последние годы уделяется хроническому синуситу - состоянию, способному существенно снижать качество жизни пациентов, нарушать дыхание, сон, обоняние и вызывать сопутствующие осложнения [2-4].

На глобальном уровне заболеваемость хроническим синуситом продолжает оставаться на высоком уровне. Согласно отчету Global Burden of Disease в 2024 году, хронический риносинусит затрагивает от 8 до 13% взрослого населения в разных странах, демонстрируя тенденцию к росту [6]. В Российской Федерации, по данным клиникостатистических исследований последних лет, воспаления околоносовых пазух составляют до 40% всей патологии носа, требующей экстренной по-

мощи, и почти пятую часть всех urgentных ЛОР-состояний, что говорит о высокой медицинской значимости этой нозологической формы [3].

Несмотря на широкую распространенность фармакологических и хирургических методов лечения, частота рецидивов хронического синусита остается высокой, особенно у пациентов с сопутствующими анатомическими нарушениями или иммунной дисфункцией [8]. В этом контексте возрастает интерес к альтернативным и комплементарным подходам, в частности, гомеопатии, как к возможному дополнению к традиционным схемам лечения. Гомеопатическое лечение, ориентированное на индивидуальные особенности пациента и минимальное фармакологическое вмешательство, рассматривается как способ уменьшения частоты обострений, нормализации локального иммунного ответа и улучшения общего самочувствия больных [9].

Таким образом, целью настоящего исследования является клиническая оценка эффективности

индивидуализированной гомеопатической терапии у пациентов с хроническим синуситом, резистентным к традиционным методам лечения, а также анализ динамики симптомов и качества жизни в течение двухлетнего наблюдения.

Материалы и методы исследований

Исследование было проведено на базе Республиканской клинической больницы г. Махачкалы в период с января 2022 г по март 2025 г. В исследование включались пациенты с хроническим синуситом, длительность симптомов которых превышала 12 недель, в соответствии с российской классификацией болезней (МКБ-10, редакция 2007 года с актуализацией Минздрава России от 2021 года). Участие в лечении принимали врачи с не менее чем трёхлетним опытом практики в классической гомеопатии и соответствующей сертификацией. Пациенты подписали письменное согласие на проведение исследования. До начала терапии участники самостоятельно оценивали тяжесть своих жалоб по 10-балльной шкале и заполняли опросник качества жизни SF-36. Наблюдение проводилось в течение 2 года, с периодической оценкой жалоб, диагнозов и применяемых методов лечения, включая как гомеопатические, так и традиционные средства. Для анализа результатов использовалась модель множественной линейной регрессии с учетом пропущенных данных, вменённых по методу Рубина. Оценка эффекта лечения проводилась с расчётом стандартизированных значений, классифицированных по шкале: маленький, средний или большой эффект. Чтобы учесть возможную регрессию к среднему, результаты

сравнивались с общими показателями здоровья населения России.

Результаты и обсуждения

В представленный анализ были включены 20 взрослых пациентов, проходивших лечение по поводу хронического синусита, продолжительность которого в среднем составила $7,2 \pm 4,5$ года. Пациенты находились под наблюдением у 5 врачей, из которых двое имели дополнительную подготовку в области оториноларингологии. На момент начала наблюдения у большинства участников уже имелся один или несколько сопутствующих хронических диагнозов, преимущественно лечившихся методами традиционной медицины, включая длительную антибактериальную терапию и местные глюкокортикостероиды.

В сопутствующей патологии доминировали хронический ринит, фарингит и вазомоторные нарушения, сохранявшиеся у части пациентов более пяти лет. Такие состояния, как назальные полипы, системные иммунодефициты и фиброзные изменения в околоносовых пазухах, среди включённых пациентов не выявлялись. Диагнозы, встречавшиеся более чем у 25% участников, сохранялись на протяжении длительного времени и имели выраженную симптоматику (табл. 1). Все пациенты ранее получали медикаментозное лечение, которое не привело к устойчивому клиническому улучшению. Именно неэффективность стандартной терапии стала основанием для выбора альтернативного подхода, включая применение гомеопатических средств.

Таблица 1

Демографические характеристики и исходное клиническое состояние пациентов с хроническим синуситом.

Table 1

Demographic characteristics and initial clinical condition of patients with chronic sinusitis.

Показатель	Значение
Количество пациентов	20 (100.0%)
Женский	14 (70.0%)
Возраст (лет, среднее значение \pm SD)	41.2 ± 9.3
≥ 10 -летняя школа	15 (75.0%)
Ожидаемые пациенты: гомеопатия	
- поможет	12 (60.0%)
- возможно, поможет	7 (35.0%)
- не поможет	1 (5.0%)
Исходные диагнозы (среднее значение \pm SD)	
- Серьезность (NRS)	5.5 ± 1.2
Хронический, числовой	3.10 ± 0.64
Любой исходный диагноз предварительно обработан	
Любое лечение	19 (95.0%)
Лекарство*	17 (85.0%)
Хирургия	6 (30.0%)

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Другой	12 (60.0%)
8-летнее наблюдение	
Заполненные анкеты	13 (65.0%)
Женщины	10 (71.4%)

Примечание: NRS = числовая шкала оценки: 10 = максимум, 0 = отвержено. * За исключением гомеопатии.

Note: NRS = Numeric Rating Scale: 10 = maximum, 0 = cured. *Except homeopathy.

Таблица 2

Распределение исходных сопутствующих диагнозов у пациентов с хроническим синуситом по классификации МКБ-10.

Table 2

Distribution of initial concomitant diagnoses in patients with chronic sinusitis according to ICD-10 classification.

МКБ-10 (Код)	Диагноз	Пациенты (N и %)	Серьезность (NRS)	Продолжительность (лет)
J32.9	Хронический синусит	20 (100.0%)	5.6 ± 1.5	7.2 ± 4.5
L30.9	Экзема	2 (10.0%)	4.0 ± 1.2	4.1 ± 3.5
J42	Хронический бронхит	2 (10.0%)	5.9 ± 1.3	6.0 ± 4.0
R51	Головная боль	1 (5.0%)	4.2 ± 1.1	5.5 ± 2.8
J30.4	Аллергический ринит	2 (10.0%)	5.5 ± 1.6	8.3 ± 6.0
N94.6	Дисменорея	1 (5.0%)	6.3 ± 1.0	6.7 ± 3.2
G43.9	Мигрень	2 (10.0%)	6.1 ± 1.5	7.5 ± 4.1
J45.9	Бронхиальная астма	1 (5.0%)	5.2 ± 2.1	9.0 ± 4.8
R68.8	Частые инфекции	2 (10.0%)	6.0 ± 1.2	4.9 ± 2.3
F32.9	Депрессия	1 (5.0%)	5.5 ± 1.4	6.8 ± 5.0
K29.5	Гастрит	1 (5.0%)	4.8 ± 1.3	5.3 ± 3.7
R53	Утомление	2 (10.0%)	6.2 ± 1.3	5.9 ± 4.4

В течение первых 18 месяцев наблюдения пациенты в среднем получили $6,1 \pm 4,4$ индивидуальных гомеопатических назначения. Более половины всех случаев терапии приходилась на 12 наиболее часто применяемых препаратов, представленных на рисунке 1, хотя в совокупности было использовано 84 различных гомеопатических средства. Наиболее часто применяемыми потен-

циями были: C200 – 40,5% назначений, C1000 – 25,0%, C30 – 15,5%, C10000 – 6,0%, Q1 – 2,4%, а также D12 – 2,0%. Таким образом, более 88,0% всех применённых препаратов имели степень разведения, превышающую число Авогадро, что указывает на характерную черту высоких гомеопатических потенций – отсутствие молекул исходного вещества в физическом смысле (рис. 1).

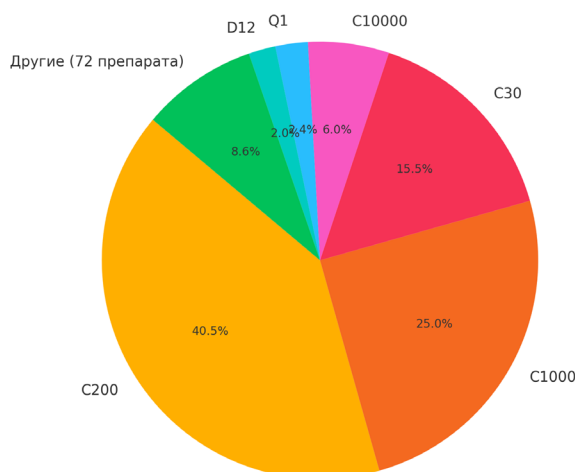

Рис. 1. Распределение назначенных гомеопатических препаратов за период наблюдения.
Fig. 1. Distribution of prescribed homeopathic medicines during the observation period.

Наиболее выраженное снижение интенсивности жалоб у пациентов наблюдалось в течение первых 3 месяцев после начала гомеопатического лечения и продолжалось с постепенной положительной динамикой в течение первых 18 месяцев. Дальнейшая стабилизация состояния была отмечена в последующие годы. Улучшения показателей качества жизни, связанных со здоровьем (КЖ), носили умеренный, но статистически значимый характер. Это было подтверждено результатами модифицированного теста для оценки психоэмоционального компонента КЖ, где значения p составили $p = 0,041$ на 3-м месяце, $p = 0,019$ на 12-м и $p < 0,001$ на 24-м месяце. Однако физический компонент КЖ не демонстрировал достоверных изменений ($p = 0,481$, $p = 0,509$ и $p = 0,147$ соответственно). Через 24 месяца тяжесть симптомов хронического синусита и сопутствующих диагнозов достоверно снизилась, при этом наблюдалось существенное сокращение потребности в применении традиционных лекарственных средств и обращений за медицинской помощью.

Полученные результаты демонстрируют клиническую значимость гомеопатического лечения у пациентов с хроническим синуситом, не ответивших на традиционную терапию. Уже в первые 3 месяца терапии была зафиксирована отчетливая тенденция к снижению интенсивности жалоб, что соответствовало как субъективным оценкам пациентов, так и наблюдениям врачей. Эта положительная динамика продолжалась в течение первых 18 месяцев и сохранялась на стабильном уровне в последующие годы наблюдения. Подобные результаты согласуются с данными долгосрочного наблюдательного исследования Witt и соавт., где также отмечалось устойчивое улучшение в состо-

янии пациентов с хроническим синуситом в течение 8 лет после гомеопатического лечения [8].

Однако в нашем исследовании эффект был выражен не только в субъективной симптоматике, но и в снижении потребности в медикаментозной нагрузке и количестве обращений за медицинской помощью, что также отмечалось в работах Криштоповой М.А. и Бизункова А.Б., где альтернативные подходы к терапии ЛОР-заболеваний снижали медицинскую нагрузку [1]. В отличие от исследования Пальчикова М.А. и соавт., где качество жизни пациентов с хроническими синуситами улучшалось лишь незначительно даже после хирургического вмешательства [5], в нашей работе наблюдалось статистически значимое повышение показателей психоэмоционального компонента КЖ, несмотря на отсутствие физической коррекции патологии.

Интересно, что, как и в исследовании Pourmoussa и соавт., где была выявлена высокая частота устойчивых форм микрофлоры у пациентов с синуситами [10], наши пациенты ранее длительно лечились антибиотиками, что, вероятно, способствовало хронизации процесса. В отличие от них, в нашей выборке улучшение происходило на фоне отсутствия антибактериальной терапии, что может свидетельствовать о потенциале гомеопатии в условиях антибиотикорезистентности. Однако в отличие от хирургических подходов, описанных Лабазановой М.А. и др. [4], наше лечение не требовало инвазивного вмешательства, что особенно актуально для пациентов с соматической отягощенностью.

Тем не менее, следует отметить, что улучшение физических параметров КЖ было менее выраженным и не достигало статистической значимости,

что может объясняться либо объективной структурной патологией, либо ограничениями гомеопатии в воздействии на органическую основу заболевания. Это перекликается с феноменом «значимого, но не физического» эффекта, описанного О. Френкелем в контексте плацебо и интерпретации телесных реакций через психосоматическую призму [9].

Таким образом, полученные результаты подтверждают потенциал гомеопатического подхода как дополнительного инструмента в лечении хронического синусита, особенно в случаях неэффективности стандартной терапии. Учитывая положительную динамику симптомов и улучшение психоэмоционального состояния пациентов, целесообразно рассмотреть возможность более широкого применения данного метода в клинической практике. В этой связи представляется важным сформулировать практические рекомендации, основанные на результатах исследования.

Выводы

На основании проведенного исследования отметим, что у пациентов с хроническим синуситом, прошедших курс индивидуально подобранной классической гомеопатии, было зафиксировано выраженное улучшение общего состояния и показателей качества жизни, сохранявшееся на протяжении всего двухлетнего периода наблюдения. Полученные эффекты включали снижение интенсивности жалоб, уменьшение потребности в традиционных медикаментах и рост субъективного чувства контроля над симптомами. Несмотря на положительные результаты, остаётся открытым вопрос о том, в какой степени достигнутое улучшение связано с изменением образа жизни, усилением психоэмоционального отклика или немедикаментозными компонентами врачебного взаимодействия. Для точной интерпретации механизмов действия гомеопатической терапии необходимы дополнительные исследования с контролем за контекстуальными и плацебо-факторами.

Список источников

1. Криштопова М.А., Бизунков А.Б. Ирригационно-элиминационная терапия раствором гипохлорита натрия: возможности назначения пациентам с заболеваниями ЛОР органов // Медицинские новости. 2023. № 3 (342). С. 43 – 50.
2. Ремизова Е.А., Мустафаев Д.М., Магомедов М.У. Выбор метода хирургического лечения пациентов с хроническим одонтогенным верхнечелюстным синуситом // Врач. 2021. Т. 32. № 1. С. 55 – 59. DOI 10.29296/25877305-2021-01-11
3. Блазаренко М.В., Блазаренко Р.Г., Теплов А.В. Применение эндовидеотехники для хирургического лечения пациентов пожилого возраста с хроническим полипозным синуситом // Оренбургский медицинский вестник. 2016. Т. IV. № 3-2 (15). С. 20 – 21.
4. Лабазанова М.А., Кириченко И.М., Попадюк В.И. Хирургическое лечение пациентов с хроническим гнойным верхнечелюстным синуситом: сравнение традиционных и малоинвазивных методов хирургического лечения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Медицина. 2017. Т. 21. № 4. С. 418 – 424. DOI 10.22363/2313-0245-2017-21-4-418-424
5. Пальчиков М.А., Ширяев О.Ю., Машкова Т.А. Анализ показателей сна и качества жизни у пациентов с хроническими синуситами // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. 2011. № 44. С. 146 – 150.
6. Сипкин А.М., Модина Т.Н., Ремизова Е.А. Одонтогенный грибковый верхнечелюстной синусит: диагностика, лечение, профилактика // Клиническая стоматология. 2017. № 1 (81). С. 40 – 44.
7. Kim S.M. Definition and management of odontogenic maxillary sinusitis // Maxillofacial Plastic and Reconstructive Surgery. 2019. Vol. 41. № 1. P. 13. DOI: 10.1186/s40902-019-0196-2
8. Witt C. M., Lütke R., Willich S. N. Homeopathic treatment of patients with chronic sinusitis: a prospective observational study with 8 years follow-up // BMC Ear Nose Throat Disorders. 2009. Vol. 9. P. 7. DOI: 10.1186/1472-6815-9-7
9. Frenkel O. A phenomenology of the ‘placebo effect’: taking meaning from the mind to the body // Journal of Medical Philosophy. 2008. Vol. 33. P. 58 – 79. DOI: 10.1093/jmp/jhm005
10. Pourmousa R., Dadashzadeh R., Ahangarkani F., Rezai M. S. Frequency of bacterial agents isolated from patients with chronic sinusitis in Northern Iran // Global Journal of Health Science. 2015. Vol. 8. № 5. P. 239 – 246. DOI: 10.5539/gjhs.v8n5p239

References

1. Kristopova M.A., Bizunkov A.B. Irrigation-elimination therapy with sodium hypochlorite solution: possibilities of administration to patients with ENT diseases. Medical news. 2023. No. 3 (342). P. 43 – 50.
2. Remizova E.A., Mustafaev D.M., Magomedov M.U. Choice of surgical treatment method for patients with chronic odontogenic maxillary sinusitis. Doctor. 2021. Vol. 32. No. 1. P. 55 – 59. DOI 10.29296/25877305-2021-01-11
3. Blazarenko M.V., Blazarenko R.G., Teplov A.V. Application of endovideo technology for surgical treatment of elderly patients with chronic polypous sinusitis. Orenburg Medical Bulletin. 2016. Vol. IV. No. 3-2 (15). P. 20 – 21.
4. Labazanova M.A., Kirichenko I.M., Popadyuk V.I. Surgical treatment of patients with chronic purulent maxillary sinusitis: comparison of traditional and minimally invasive methods of surgical treatment. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Medicine. 2017. Vol. 21. No. 4. P. 418 – 424. DOI 10.22363/2313-0245-2017-21-4-418-424
5. Palchikov M.A., Shiryayev O.Yu., Mashkova T.A. Analysis of sleep parameters and quality of life in patients with chronic sinusitis. Scientific and Medical Bulletin of the Central Black Earth Region. 2011. No. 44. P. 146 – 150.
6. Sipkin A.M., Modina T.N., Remizova E.A. Odontogenic fungal maxillary sinusitis: diagnosis, treatment, prevention. Clinical Dentistry. 2017. No. 1 (81). P. 40 – 44.
7. Kim S.M. Definition and management of odontogenic maxillary sinusitis. Maxillofacial Plastic and Reconstructive Surgery. 2019. Vol. 41. No. 1. P. 13. DOI: 10.1186/s40902-019-0196-2
8. Witt C. M., Lüdtke R., Willich S. N. Homeopathic treatment of patients with chronic sinusitis: a prospective observational study with 8 years follow-up. BMC Ear Nose Throat Disorders. 2009. Vol. 9. P. 7. DOI: 10.1186/1472-6815-9-7
9. Frenkel O. A phenomenology of the 'placebo effect': taking meaning from the mind to the body. Journal of Medical Philosophy. 2008. Vol. 33. P. 58 – 79. DOI: 10.1093/jmp/jhm005
10. Pourmousa R., Dadashzadeh R., Ahangarkani F., Rezai M. S. Frequency of bacterial agents isolated from patients with chronic sinusitis in Northern Iran. Global Journal of Health Science. 2015. Vol. 8. No. 5. P. 239 – 246. DOI: 10.5539/gjhs.v8n5p239

Информация об авторах

Мурсалова Д., Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, diana.mursalova.02@bk.ru

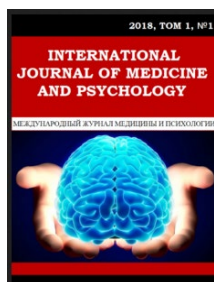
Муртазалиева Э.М., Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, kima2019@mail.ru

Таибова Р.Р., Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, rusalinaromanowa@yandex.ru

Далгатов Г.М., кандидат медицинских наук, доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава России, hadgi05@rambler.ru

© Мурсалова Д., Муртазалиева Э.М., Таибова Р.Р., Далгатов Г.М., 2025

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.07

^{1,2} **Марин Е.Б.,**

¹ **Вярвельская Е.С.,**

¹ Дальневосточный федеральный университет,

² Морской государственный университет им. Г.И. Невельского

Образ предпринимателя Владивостока у действующих и будущих предпринимателей

Аннотация: в статье представлены результаты исследования образа предпринимателя Владивостока у действующих и будущих предпринимателей. Актуальность работы связана с уникальным положением Владивостока и важностью развития малого и среднего бизнеса в современных экономических условиях. Цель работы – выявить различия в восприятии образа предпринимателя у действующих (N=51) и будущих предпринимателей (N=52). В исследовании использовались анкетирование, вербальный ассоциативный эксперимент и семантический дифференциал В.П. Серкина. Данные анализировались методами частотного, категориального и факторного анализа с применением критерия Фишера.

Результаты показали различия в мотивации: действующие предприниматели выделяют прагматику (адаптивность, необходимость), будущие – статус и креативность. Факторный анализ выявил общие компоненты образа («Профессионал», «Проактивный лидер») и специфический («Авантюрист»), отражающий региональную идентичность.

Практическая значимость заключается в применении результатов для программ поддержки предпринимательства и формирования имиджевой политики. Данные могут быть полезны государственным структурам, бизнес-акселераторам и вузам. Перспективным направлением является изучение межпоколенческих различий и региональной специфики предпринимательства.

Ключевые слова: предприниматель Владивостока, образ предпринимателя, мотивация, региональная идентичность, малый и средний бизнес

Для цитирования: Марин Е.Б., Вярвельская Е.С. Образ предпринимателя Владивостока у действующих и будущих предпринимателей // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 56 – 63.

Поступила в редакцию: 3 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

^{1,2} **Marin E.B.,**

¹ **Vyarvelskaya E.S.,**

¹ Far Eastern Federal University,

² Maritime State University named after admiral G.I. Nevelskoy

The image of Vladivostok entrepreneur: a comparative study of practicing and prospective businesspeople

Abstract: the article presents research findings on the image of Vladivostok entrepreneurs among established (N=51) and aspiring entrepreneurs (N=52). The study's relevance stems from Vladivostok's unique position and the growing importance of small and medium-sized enterprise development in current economic conditions. The

research aimed to identify perceptual differences in entrepreneur representation between these groups. The methodology incorporated survey techniques, verbal associative experiments, and V.P. Serkin's semantic differential. Data analysis employed frequency analysis, categorical classification, factor analysis, and Fisher's exact test.

Key findings revealed motivational differences: current entrepreneurs emphasized pragmatic aspects (adaptability, necessity), while future entrepreneurs focused on status and creativity. Factor analysis identified common image components ("Professional," "Proactive Leader") and a unique regional-specific factor ("Adventurer").

The practical significance lies in applying these results to entrepreneurship support programs and image policy development. The findings offer value for government agencies, business accelerators, and educational institutions. Future research should explore intergenerational differences and regional entrepreneurship specifics.

Keywords: Vladivostok entrepreneur, entrepreneurial image, motivation, regional identity, small and medium-sized enterprises

For citation: Marin E.B., Vyarvelskaya E.S. The image of Vladivostok entrepreneur: a comparative study of practicing and prospective businesspeople. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 56 – 63.

The article was submitted: April 3, 2025; Approved after reviewing: June 1, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Современный Владивосток представляет собой уникальный социокультурный и экономический феномен, сформировавшийся под влиянием исторических, географических и социально-экономических факторов. Основанный как военный пост, город в короткие исторические сроки трансформировался в крупный деловой и культурный центр Дальнего Востока, чему в значительной степени способствовала деятельность предпринимательского сообщества. Именно предприниматели, обладая высокой степенью инициативности и адаптивности, сыграли ключевую роль в становлении инфраструктуры и экономики региона, что отражено в самом топониме "Владивосток", символизирующем стратегическую значимость освоения восточных территорий. [1]

В условиях современной социально-экономической реальности поддержка малого и среднего предпринимательства (МСП) приобрела статус приоритетного направления государственной политики Российской Федерации. [2] Особую актуальность данная проблематика приобретает в контексте современных экономических вызовов, включая последствия пандемии COVID-19, геополитическую нестабильность и санкционное давление. В этих условиях развитие сектора МСП, и в частности молодежного предпринимательства, выступает важнейшим фактором обеспечения экономической устойчивости. [3] Данный тезис нашел отражение в Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года", где развитие предпринимательской инициативы обозначено в качестве стратегического приоритета.

Таким образом, исследование психологических аспектов формирования образа предпринимателя [4] Владивостока представляется актуальной научной задачей, имеющей значительный теоретический и практический потенциал для развития региона и предпринимательского сообщества в целом.

Целью исследования является исследование образа предпринимателя Владивостока у действующих и будущих предпринимателей и выявление структурно-содержательных различий в образе предпринимателя Владивостока у действующих и будущих предпринимателей.

Материалы и методы исследований

Проведенное исследование было направлено на комплексное изучение психологических особенностей восприятия образа предпринимателя Владивостока. Эмпирическая часть работы осуществлялась с 10 марта по 30 апреля 2025 года среди двух репрезентативных групп: действующих (N=51) и будущих предпринимателей (N=52). Выборка формировалась на базе ведущих бизнес-акселераторов и образовательных учреждений региона (Центр "Мой бизнес", Центр развития предпринимательства, Бизнес-академия для предпринимателей, ДВФУ, ВВГУ), что обеспечило валидность полученных данных. Гендерный состав участников был сбалансирован (59% и 54% женщин соответственно), а возрастные характеристики отражали специфику целевых групп (средний возраст 43 года у действующих и 18 лет у будущих предпринимателей).

Методический инструментарий исследования включал анкету [5], сочетающую три взаимодополняющих метода: 1) закрытые и открытые вопросы, позволяющие получить прямые оценки респондентов [6]; 2) вербальный ассоциативный эксперимент для выявления имплицитных представлений [7]; 3) специализированный семантический дифференциал В.П. Серкина (2004) [8], обеспечивающий многомерную оценку исследуемых конструктов. Такой комплексный подход позволил получить разносторонние данные о восприятии предпринимательской деятельности в регионе.

Результаты и обсуждения

Используя вышеописанные семантические методы [9], нам удалось реконструировать образ предпринимателя Владивостока у будущих и действующих предпринимателей и выявить общие категории восприятия и оценивания образов предпринимателя Владивостока и произвести сравнительный анализ в рамках этих категорий.

Анализ мотивационных факторов предпринимательской деятельности во Владивостоке выявил как общие тенденции, так и значимые межгрупповые различия, как указано в табл. 1.

Таблица 1

Факторы, побуждающие к осуществлению предпринимательской деятельности.

Table 1

Factors motivating entrepreneurial activity.

Факторы	Частота у действующих предпринимателей	Частота у будущих предпринимателей	Критерий Фишера
Желание	15	10	$\phi^*_{эмп} = 1.355$
Финансы	14	16	$\phi^*_{эмп} = 0.031$
Туризм	6	8	$\phi^*_{эмп} = 0.312$
Возможности	9	15	$\phi^*_{эмп} = 0.97$
Поддержка государства	8	9	$\phi^*_{эмп} = 0.016$
Геополитическое положение	5	13	$\phi^*_{эмп} = 1.737$
Статусное положение	4	17	$\phi^*_{эмп} = 2.859$
Необходимость	13	0	
Семья	8	0	
Предпринимательство	7	0	
Патриотизм	4	0	
Самореализация	4	0	
Бизнес-идеи	0	12	
Развитие	0	12	
Сообщества	0	9	
Свобода	0	8	

Контент-анализ данных анкетирования показал, что для обеих групп респондентов характерны следующие неслучайные мотивы ($v \geq 4$): стремление к самореализации, финансовая независимость, использование региональных возможностей, государственная поддержка и геополитические преимущества. Статистический анализ с применением критерия Фишера выявил значимые различия в восприятии статусного положения ($\phi^* = 2.859$, $p < 0.01$), которое более значимо для будущих предпринимателей, и геополитического положения ($\phi^* = 1.737$), также более актуального для данной группы. Межгрупповые различия проявились в том, что действующие предприниматели чаще

указывают на необходимость обеспечения семьи и патриотические мотивы, тогда как будущие предприниматели акцентируют важность профессиональных сообществ и свободы самореализации.

Анализ качеств, способствующих успеху, показал, что адаптивность ($\phi^* = 2.731$, $p < 0.01$) имеет большее значение для действующих предпринимателей, в то время как будущие предприниматели делают акцент на управленческих навыках. Общим ядром профессиональных компетенций выступают коммуникабельность, целеустремленность и клиентоориентированность, как указано в табл. 2.

Таблица 2
Качества, приводящие к успеху в процессе предпринимательской деятельности.

Table 2

Qualities leading to success in entrepreneurial activity.

Качества, приводящие к успеху	Частота у действующих предпринимателей	Частота у будущих предпринимателей	Критерий Фишера
Упорство	5	9	$\phi^*_{эмп} = 0.983$
Целеустремлённость	6	7	$\phi^*_{эмп} = 0.155$
Коммуникабельность	8	7	$\phi^*_{эмп} = 0.399$
Умение	6	6	$\phi^*_{эмп} = 0.122$
Адаптивность/гибкость	14	4	$\phi^*_{эмп} = 2.731$
Клиентоориентированность	6	4	$\phi^*_{эмп} = 0.76$
Тяга к знаниям	8	0	
Постоянное изучение рынка	7	0	
Стрессоустойчивость	4	0	
Ответственность	4	0	
Управленческие навыки	0	4	

Факторный анализ структуры имиджа предпринимателя выявил три ключевых компонента: "Инициатор" (21.27% дисперсии у действующих предпринимателей, 18.23% у будущих предпринимателей), "Эксперт" (21.16% дисперсии у действующих предпринимателей, 20.20% у будущих предпринимателей) и "Деловая этика" (18.93% дисперсии у действующих предпринимателей, 25.56% у будущих предпринимателей). Наблюдаются содержательные различия в восприятии этих факторов: действующие предприниматели включают в образ "Инициатора" настойчивость (0.674), а будущие – делают акцент на саморегуляции (0.888) в рамках данного фактора.

Полученные данные свидетельствуют о динамике предпринимательского имиджа от практико-

ориентированного к более комплексному восприятию, сочетающему профессиональные и личностные характеристики [10].

Что касается анализа динамики восприятия предпринимательства, выявлена устойчивая положительная тенденция, как указано на рис. 1. Статистическая обработка данных с использованием критерия Фишера показала, что будущие предприниматели значимо чаще отмечают рост интереса к профессии ($\phi^*_{эмп}=2.433$, $p<0.05$), что может свидетельствовать об эффективности программ популяризации предпринимательской деятельности. При этом более 90% респондентов демонстрируют нейтрально-положительное отношение, что указывает на перспективы улучшения имиджа предпринимательства.

Рис. 1. Изменение отношения к предпринимателю Владивостока.

Fig. 1. Changing attitudes towards entrepreneurs in Vladivostok.

В рамках проведенного исследования с применением специализированного семантического дифференциала В.П. Серкина (2004) был осуществлен сбор и анализ эмпирических данных. Используемая методика, содержащая 44 биполярные шрифтовые шкалы, позволила оценить два ключевых концепта: "типичный предприниматель Владивостока" и "типичный российский предприниматель". Статистическая обработка данных проводилась методом главных компонент с применением Варимакс-вращения в программной среде IBM SPSS Statistics 27, что обеспечило выявление содержательных факторных структур исследуемых когнитивных образов.

Анализ образа предпринимателя Владивостока выявил четыре устойчивых фактора, общих для обеих групп респондентов. [11] Наибольший вклад в дисперсию (28,087% дисперсии у действующих предпринимателей, 36,112% у будущих предпринимателей) вносит фактор "Профессионал", объединяющий такие характеристики как ответственность, уверенность и компетентность. Примечательно, что действующие предприниматели дополняют этот образ качеством "рисковый", тогда как будущие – "карьерист". Фактор "Проактивный лидер" (9,763% дисперсии у действующих предпринимателей, 15,312% у будущих предпринимателей) демонстрирует межгрупповые различия: если ядро составляют целеустремленность и инициативность, то будущие предприниматели расширяют его креативностью и инновационностью. "Авторитет" (13,343% дисперсии у действующих предпринимателей, 6,448% у будущих предпринимателей) одинаково включает признание и заслуженность, но действующие предприниматели дополнительно акцентируют творческий потенциал. Особый интерес представляет уникальный фактор "Авантюрист" (3,653% дисперсии у действующих предпринимателей, 4,348% у будущих предпринимателей), отражающий единство восприятия рискованности и удачливости.

Сравнительный анализ образа российского предпринимателя показал более сложную факторную структуру. Фактор "Ответственный лидер" (27,974% дисперсии у действующих предпринимателей, 13,365% у будущих предпринимателей) в восприятии будущих предпринимателей разделяется на два самостоятельных компонента. "Профессионал" (17,439% дисперсии у действующих предпринимателей, 16,187% у будущих предпринимателей) демонстрирует различия в акцентах:

практическая ориентация у действующих предпринимателей против теоретической у будущих. Наименьшую согласованность показал фактор "Инноватор" (11,167% дисперсии у действующих предпринимателей, 8,391% у будущих предпринимателей), где совпадение наблюдается лишь по ключевым дескрипторам.

В данном исследовании был использован метод вербального ассоциативного эксперимента [12], позволяющий изучить когнитивные структуры восприятия предпринимательской деятельности. В ходе эксперимента участникам предлагалось спонтанно называть ассоциации, возникающие в ответ на стимульные понятия "Предприниматель Владивостока" и "Типичный российский предприниматель". Обработка полученных данных осуществлялась по стандартизированному протоколу, включавшему три основных этапа анализа. [13] На первом этапе проводился частотный анализ вербальных реакций с выделением статистически значимых ассоциаций, где критерием значимости выступала частота встречаемости реакции ($v \geq 4$). Второй этап предполагал семантическую категоризацию полученных ассоциаций с их последующей группировкой по смысловым кластерам. На третьем этапе был выполнен сравнительный межгрупповой анализ с применением точного критерия Фишера, что позволило выявить статистически значимые различия между группами респондентов. Такой комплексный подход к анализу данных [14] обеспечил возможность выявления как универсальных закономерностей, так и специфических особенностей в восприятии образа предпринимателя у различных категорий участников исследования.

Анализ неслучайных ассоциаций к образу предпринимателя Владивостока выявил статистически значимые различия между группами ($\phi^* = 4.116$, $p < 0.01$). Для действующих предпринимателей характерны ассоциации, отражающие деятельностные характеристики: "активный", "рисковый", "ответственный", "целеустремленный". Будущие предприниматели демонстрируют когнитивно-оценочные ассоциации: "умный", "уверенный", при этом сохраняя общую с первой группой географическую специфику ("международный", "связанный с морем"). Категориальный анализ выявил значимые межгрупповые различия в восприятии морально-волевых качеств ($\phi^* = 2.494$, $p < 0.05$) и международной направленности деятельности ($\phi^* = 2.646$, $p < 0.05$), как указано в табл. 3.

Таблица 3

Категории, выделенные при ассоциативном эксперименте.

Table 3

Categories identified in the associative experiment.

Категории	Действующие предприниматели		Будущие предприниматели		Критерий Фишера
Морально-волевые качества	61	37%	35	24%	$\Phi^*_{эмп} = 2.494$
Профессиональные качества	21	13%	11	8%	$\Phi^*_{эмп} = 1.526$
Отношение к риску	14	9%	9	6%	$\Phi^*_{эмп} = 0.784$
Корпоративная среда	9	6%	12	8%	$\Phi^*_{эмп} = 0.969$
Международные отношения	14	9%	25	17%	$\Phi^*_{эмп} = 2.646$
Интеллектуальные качества	31	19%	29	20%	$\Phi^*_{эмп} = 0.236$
Прочие	13	8%	23	16%	$\Phi^*_{эмп} = 1.63$

Особый интерес представляют выявленные различия в категории морально-волевых качеств: действующие предприниматели акцентируют операционные характеристики ("активность", "ответственность"), тогда как будущие – личностные ("уверенность", "открытость"). В категории международных отношений обе группы демонстрируют морскую тематику, однако будущие предприниматели дополняют ее экономическими аспектами ("торговля", "инвестиции"). Примечательно, что эксперимент не выявил устойчивых ассоциаций с образом типичного российского предпринимателя, что может свидетельствовать о его неоднородности и отсутствии четкого прототипа в массовом сознании.

Выводы

Проведенное исследование выявило ряд значимых закономерностей в восприятии предпринимательской деятельности в региональном контексте. Эмпирические данные свидетельствуют, что образ предпринимателя Владивостока, несмотря на отсутствие статистически значимых отличий от общероссийского прототипа, характеризуется уникальным фактором "авантюризма", отражающим специфику Дальневосточного региона. Анализ динамики восприятия показал устойчивую положительную тенденцию, особенно выраженную среди будущих предпринимателей ($\Phi^*=2.433$, $p<0.05$), что свидетельствует об эффективности региональных программ популяризации предпринимательства.

Межгрупповые различия проявились в мотивационной сфере: если действующие предприниматели ориентированы на социальные обязательства и патристические ценности, то будущие – на статусные аспекты и профессиональные сообщества. Ядро профессиональных компетенций включает

адаптивность, коммуникабельность и целеустремленность, однако наблюдаются значимые различия в акцентах – практическая направленность у действующих предпринимателей против управленческой и креативной у будущих.

Поколенческая динамика проявляется в преемственности базовых ценностей (коммуникабельность, целеустремленность) и различиях акцентов. Действующие предприниматели демонстрируют прагматическую мотивацию (необходимость, семья), будущие – статусные мотивы и стремление к самореализации. Факторный анализ подтвердил эволюцию образа "Проактивного лидера" (рост дисперсии с 9,8% до 15,3%) с добавлением инновационности. Полученные данные отражают трансформацию от вынужденной адаптивности к осознанному конструированию профессиональной идентичности при сохранении базовых деловых ценностей.

Полученные результаты обладают значительным прикладным потенциалом для совершенствования программ поддержки предпринимательства, разработки образовательных инициатив и формирования эффективной имиджевой политики.

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются углубленный анализ региональной специфики, изучение межпоколенческих различий и разработка практико-ориентированных рекомендаций. Проведенная работа не только подтвердила гипотезу о существовании значимых структурно-содержательных различий в образе предпринимателя Владивостока у действующих и будущих предпринимателей, но и обозначила новые возможности для психологического сопровождения предпринимательства в регионе, способствуя реализации его экономического потенциала.

Список источников

1. Хисамутдинов А.А. Владеть Востоком: предприниматели Владивостока – просветители и меценаты: как всё начиналось. Владивосток: Рубеж, 2019. С. 8 – 9.
2. Белова Е.В. Личностные особенности успешных предпринимателей малого и среднего бизнеса: дис. ... канд. псих. наук. Санкт-Петербургский университет, Санкт-Петербург, 2012. 177 с.
3. Рябова Т.М., Мотылев А.К. Молодёжное предпринимательство в России: портрет молодого предпринимателя // Материалы Афанасьевских чтений. 2023. № S2 (44). С. 148 – 151.
4. Байганова Ю.В., Коротаева Т.В. Социально-психологический образ предпринимателя // Вопросы студенческой науки. Июнь 2020. Вып. № 6 (46). С. 498 – 502.
5. Баранова Т.С., Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
6. Балин В.Д., Гайда В.К., Ганзен В.А. и др. Практикум по общей и экспериментальной психологии: учеб. пособие / общ. Ред. А.А. Крылова. Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. Санкт-Петербург: Питер, 2000. С. 344.
7. Серкин В.П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики. М.: ПЧЕЛА, 2008 С. 235 – 236.
8. Серкин В.П. Алгоритм разработки и бланки специализированных семантических дифференциалов для оценки работы, профессии и профессионала // Психологическая диагностика. 2007. № 5. С. 11 – 29.
9. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / Под ред. И. Б. Ханиной. М., 1999.
10. Дордукова О.В. Психологические характеристики имиджа российских предпринимателей: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. М., 2007. 25 с.
11. Кожевникова О.В., Выужанина С.А. Психосемантика. Метод семантического дифференциала: учебно-методическое пособие для студентов высших учеб. Заведений. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. С. 14.
12. Архипова С.В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 11. С. 6 – 9.
13. Серкин В.П. Методы психосемантики. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 247.
14. Серкин В.П. Решение задачи о случайности/неслучайности количества групповых ассоциаций // Психодиагностика. 2009. № 4. С. 22 – 31.

References

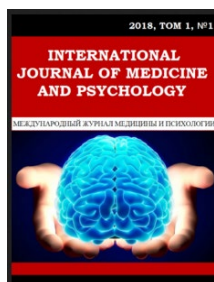
1. Khisamutdinov A.A. Owning the East: Vladivostok Entrepreneurs – Educators and Patrons: How It All Began. Vladivostok: Rubezh, 2019. P. 8 – 9.
2. Belova E.V. Personality Traits of Successful Small and Medium-Sized Business Entrepreneurs: Diss. ... Cand. of Psychology. St. Petersburg University, St. Petersburg, 2012. 177 p.
3. Ryabova T.M., Motylev A.K. Youth Entrepreneurship in Russia: Portrait of a Young Entrepreneur. Proceedings of the Afanasyev Readings. 2023. No. S2 (44). P. 148 – 151.
4. Baiganova Yu.V., Korotaeva T.V. Social and Psychological Image of an Entrepreneur. Issues of Student Science. June 2020. Issue. № 6 (46). P. 498 – 502.
5. Baranova T.S., Petrenko V.F. Fundamentals of psychosemantics. Moscow, 1997.
6. Balin V.D., Gaida V.K., Ganzen V.A. et al. Practical training in general and experimental psychology: textbook. general. Ed. A.A. Krylov. Leningrad state University named after A.A. Zhdanov. St. Petersburg: Piter, 2000. P. 344.
7. Serkin V.P. Methods of psychology of subjective semantics and psychosemantics. Moscow: PCHELA, 2008 P. 235 – 236.
8. Serkin V.P. Algorithm for the development and forms of specialized semantic differentials for assessing work, profession and professional. Psychological diagnostics. 2007. No. 5. P. 11 – 29.
9. Artemyeva E.Yu. Fundamentals of the Psychology of Subjective Semantics. Ed. by I.B. Khanina. Moscow, 1999.
10. Dordukova O.V. Psychological Characteristics of the Image of Russian Entrepreneurs: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Psychological Sciences. Moscow, 2007. 25 p.
11. Kozhevnikova O.V., Vyuzhanina S.A. Psychosemantics. The Method of Semantic Differential: A Teaching Aid for Students of Higher Educational Institutions. Izhevsk: Udmurt University Publishing Center, 2016. P. 14.
12. Arkhipova S.V. Associative Experiment in Psycholinguistics. Bulletin of the Buryat State University. 2011. No. 11. P. 6 – 9.

13. Serkin V.P. Methods of psychosemantics. Moscow: Aspect-Press, 2004. P. 247.
14. Serkin V.P. Solution of the problem of randomness/non-randomness of the number of group associations. Psychodiagnostics. 2009. No. 4. P. 22 – 31.

Информация об авторах

Марин Е.Б., кандидат исторических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет; Морской государственный университет им. Г.И. Невельского, marin.eb@dvfu.ru
Вярвельская Е.С., Дальневосточный федеральный университет, vyarvelskaya.es@dvfu.ru

© Марин Е.Б., Вярвельская Е.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.99

¹ Морозова С.В.,

¹ Осинская С.А.,

¹ Дальневосточный федеральный университет

Психологическое благополучие преподавателей с разным типом профессиональной идентичности

Аннотация: исследование посвящено изучению психологического благополучия и профессиональной идентичности преподавателей. Актуальность темы обусловлена возрастающими психоэмоциональными нагрузками в педагогической деятельности, что повышает риск профессионального выгорания и снижает эффективность образовательного процесса в целом. В работе применяется эвдемический подход (К. Рифф) к анализу психологического благополучия и концепция профессиональной идентичности Л.Б. Шнейдер. Цель исследования – выявить различия в характеристиках психологического благополучия в зависимости от типа профессиональной идентичности. В исследовании приняли участие 51 преподаватель колледжа г. Владивосток, из которых 39 женщин и 12 мужчин. Для оценки различий был использован Н-критерий Крускала-Уоллеса, который используется для сравнения двух и более выборок по признаку. Результаты показали значимые различия в уровнях психологического благополучия среди преподавателей с разными типами профессиональной идентичности ($p \leq 0,01$). Преподаватели с позитивной достигнутой идентичностью демонстрируют более высокие показатели, тогда как диффузная и кризисная идентичность связаны с низким уровнем благополучия. Полученные данные вносят вклад в психологию труда и педагогическую психологию, расширяя понимание факторов, влияющих на профессиональную устойчивость преподавателей.

Ключевые слова: психологическое благополучие, профессиональная идентичность, шкала К. Рифф, эвдемическое благополучие, преподаватель, профессиональное самоопределение

Для цитирования: Морозова С.В., Осинская С.А. Психологическое благополучие преподавателей с разным типом профессиональной идентичности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 64 – 69.

Поступила в редакцию: 4 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Morozova S.V.,

¹ Osinskaya S.A.,

¹ Far Eastern Federal University

Psychological well-being of teachers with different types of professional identity

Abstract: the study examines the psychological well-being and professional identity of teachers. The relevance of the topic is driven by increasing psycho-emotional demands in teaching, which heightens the risk of burnout and reduces the overall effectiveness of the educational process. The work employs the eudaimonic approach (C. Ryff) to analyze psychological well-being and L.B. Schneider's concept of professional identity. The study aims to identify differences in psychological well-being characteristics depending on the type of professional identity. The research involved 51 college teachers from Vladivostok, including 39 women and 12 men. The Kruskal-Wallis H-test was used to assess differences, as it is applied for comparing two or more samples based on a given criterion.

The results revealed significant differences in psychological well-being levels among teachers with different types of professional identity ($p \leq 0.01$). Teachers with a positive achieved identity demonstrated higher well-being indicators, whereas diffuse and crisis identities were associated with low well-being levels. The findings contribute to occupational psychology and educational psychology, expanding the understanding of factors influencing teachers' professional resilience.

Keywords: psychological well-being, professional identity, Ryff's psychological well-being scales (PWB), eu-daimonic well-being, teacher, professional self-identity formation

For citation: Morozova S.V., Osinskaya S.A. Psychological well-being of teachers with different types of professional identity. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 64 – 69.

The article was submitted: April 4, 2025; Approved after reviewing: June 2, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

В условиях современных образовательных реалий вопрос психологического благополучия преподавателей становится особенно актуальным. Это связано с увеличением профессиональных нагрузок, высоким уровнем стресса и растущей угрозой эмоционального истощения. Многочисленные исследования подтверждают широкую распространённость синдрома профессионального выгорания среди педагогов, что существенно снижает эффективность учебного процесса и ухудшает психологическую атмосферу в образовательных учреждениях [1]. При этом именно психологическое благополучие учителя является важнейшим условием не только его продуктивной работы, но и формирования комфортной и безопасной среды для обучающихся [2].

Важность проблем, связанных с формированием профессиональной идентичности педагога, становится все более явной: неуверенность в своих профессиональных навыках и в будущем, ощущение неудовлетворенности работой и взаимоотношениями в коллективе, определение пути самосовершенствования и профессиональных перспектив, все эти факторы сказываются также и на психологическом благополучии. Изучение профессиональной идентичности преподавателей среднего профессионального звена имеет большое значение для повышения качества современного образования.

Выборка исследования: научно-педагогический состав колледжа г. Владивостока.

Цель исследования: изучение различий характеристик психологического благополучия преподавателей с разным типом профессиональной идентичности.

Основная гипотеза: существуют различия в характеристиках психологического благополучия преподавателей с разным типом профессиональной идентичности.

Дополнительная гипотеза: имеется взаимосвязь характеристик психологического благополучия и профессиональной идентичности преподавателей.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на базе технического колледжа в г. Владивосток. В исследовании приняли участие 51 человека в возрасте от 18 до 75 лет. Большая часть выборки представлена женским полом (39 человек), численность мужчин, принявших участие в исследовании 12 человек. Данная выборка показывает общероссийскую тенденцию к преобладанию женщин в педагогической деятельности, что отражает как исторические традиции, так и современные социально-экономические факторы [3].

Наибольшая доля респондентов принадлежит к возрастной группе 18-25 лет (15 чел., 30%), что может являться результатом эффективной политики края по популяризации преподавательской деятельности. Второй по численности группой являются преподаватели 46-55 лет (11 чел., 25%). Остальные имеют следующее распределение: возрастная группа 26-35 лет – 7 чел. (13,5%), 36-45 лет – 7 чел. (13,5%), 56-65 лет – 5 чел. (10%), свыше 65 лет – 4 чел. (8%).

В качестве основной методики была выбрана шкала психологического благополучия К. Рифф (в адаптации Н.Н. Лепешинского, 2007) [4]. Опросник позволяет оценить степень выраженности основных показателей психологического благополучия личности в соответствии с концепцией К. Рифф, таких как автономия, положительные отношения, управление средой, личностный рост, цели в жизни, самопринятие и общий уровень психологического благополучия [5].

Также была выбрана методика диагностики профессиональной идентичности Л.Б. Шнейдер, разработанная для оценки уровня сформированности профессиональной идентичности [6]. Данная методика учитывает различные аспекты профессиональной идентичности, включая когнитивные,

эмоциональные и мотивационные компоненты. Это позволяет получить более полное представление о профессиональной идентичности, чем использование только одного из этих аспектов [7].

Для оценки различий был использован Н-критерий Крускала-Уоллеса, который используется для сравнения двух и более выборок по признаку. Метод основан на ранжировании данных, при котором информация сортируется от меньшего значения к большему. Для данного критерия нет необходимости в соответствии выборки нормальному распределению. При изучении корреляции был использован непараметрический критерий – коэффициент ранговой корреляции Спирмена, т.к. выборка не соответствует нормальному распределению.

Результаты и обсуждения

Психологическое благополучие рассматривается через призму двух основных подходов: гедонистического, акцентирующего стремление к удовольствию и избеганию страданий (Э. Динер, Н. Брэдберн и др.), и эвдемонического, ориентированного на самореализацию и личностный рост (К. Рифф, Р. Райан и Э. Деси и др.). Данная работа выстроена на основании концепции К. Рифф, которая рассматривает психологическое благополучие, как базовый субъективный конструкт, отражающий восприятие и оценку человеком своей самореализации с точки зрения пика потенциальных возможностей.

Изучением профессиональной идентичности в российской психологии занимались Н.С. Пряжников, Е.П. Ермолаева, Г.М. Андреева и др., а в зарубежной – Дж. Марсиа, А. Ватермана, Д. Сьюпера и Дж. Холланда и др.. Согласно Л.Б. Шнейдер, профессиональная идентичность представляет собой осознание принадлежности к профессиональной общности, включая её оценку, значимость, разделяемые ценности, чувство компетентности и самоэффективности, что отражает её когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты.

По результатам исследования выявлена поляризация в уровне психологического благополучия педагогического коллектива. 21 преподаватель (41%) демонстрирует высокий показатель, что отражает их гармоничное состояние по шести ключевым аспектам: автономии, управлению средой, личностному росту, позитивным отношениям, целеполаганию и самопринятию. Эти педагоги обладают внутренними ресурсами для профессионального развития и эффективного преодоления трудностей [8]. Однако тревожным сигналом выступа-

ет значительная доля респондентов с низким уровнем благополучия (20 чел., 39%), испытывающих трудности в основных сферах жизнедеятельности, что повышает их уязвимость к профессиональному выгоранию. Группа со средними показателями (20%) характеризуется неустойчивым равновесием и также требует поддержки для укрепления психологического ресурса.

По результатам исследования профессиональной идентичности обнаружено, что 43% респондентов демонстрируют псевдопозитивную идентичность – внешнюю уверенность без глубинной рефлексии, обусловленную социальными ожиданиями к профессии. 26% находятся в кризисе идентичности (13 чел.), который может проявляться как деструктивно (дезориентация, снижение мотивации), так и конструктивно (поиск новых смыслов). Лишь 24% (12 чел.) достигли позитивной идентичности, осознанно приняв профессиональные ценности.

Незначительные группы с диффузной (6%) и преждевременной (2%) идентичностью отражают либо отсутствие самоопределения, либо его формальный характер. Такое распределение свидетельствует о системных проблемах профессионального становления, связанных с недостатком психологической поддержки, ценностными противоречиями и расхождением между ожиданиями и реальностью педагогической деятельности [9].

Относительно невысокий процент респондентов с позитивной идентичностью (12 чел. 24%) может свидетельствовать о существовании системных проблем в профессиональном становлении преподавателей. Это может быть связано с недостаточной психологической поддержкой на этапе профессиональной адаптации, противоречиями между личностными ценностями и требованиями педагогической деятельности, а также с несоответствием между ожиданиями от профессии и реальной практикой.

Таким образом, у большинства преподавателей колледжа профессиональная идентичность носит поверхностный или неустойчивый характер. Это может быть связано с внешними факторами, например, социальными ожиданиями или стабильностью работы, либо с внутренними конфликтами, требующими психологической поддержки.

Основная гипотеза исследования предполагает различия в психологическом благополучии преподавателей с разными типами профессиональной идентичности. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1
Различия психологического благополучия с разным типом профессиональной идентичности.

Table 1
Differences in psychological well-being among individuals with different types of professional identity.

	Н Крускала-Уоллеса
Позитивные отношения	15,219**
Автономия	16,649**
Управление средой	20,879***
Личностный рост	17,077**
Цели в жизни	23,744***
Самопринятие	24,286***
Психологическое благополучие	25,185***

*** Различия значимы на уровне 0,001 ** Различия значимы на уровне 0,01.

*** Differences are significant at the 0.001 level ** Differences are significant at the 0.01 level.

Наиболее значимые различия выявлены по шкалам: «Самопринятие» ($H=24,286$, $p \leq 0,001$), «Цели в жизни» ($H=23,744$, $p \leq 0,001$) и общему «Психологическому благополучию» ($H=25,185$, $p \leq 0,001$), что свидетельствует о существенном влиянии типа профессиональной идентичности на самовосприятие, смысловые ориентации и общий уровень благополучия преподавателей.

Значимые, но менее выраженные различия обнаружены по шкалам: «Управление средой» ($H=20,879$, $p \leq 0,001$), «Личностный рост» ($H=17,077$, $p \leq 0,01$), «Автономия» ($H=16,649$, $p \leq 0,01$) и «Позитивные отношения» ($H=15,219$, $p \leq 0,01$), что подтверждает связь профессиональной идентичности с управленческой компетентностью, личностным развитием, самостоятельностью и качеством социальных контактов.

Преподаватели с устойчивой профессиональной идентичностью демонстрируют более высокое психологическое благополучие благодаря согласованности профессиональной деятельности с личностными ценностями, тогда как при диффузной или кризисной идентичности наблюдаются эмоциональное истощение и снижение профессиональной удовлетворенности.

Анализ выявил четкую закономерность: все преподаватели с преждевременной (1 чел.) и диффузной (3 чел.) профессиональной идентичностью показали исключительно низкий уровень психологического благополучия, что подтверждает устойчивую связь между незрелыми формами идентичности и сниженным благополучием. Преждевременная профессиональная идентичность, основанная на некритичном принятии внешних норм без личной рефлексии, и диффузная идентичность, характеризующаяся отсутствием четких профессиональных ориентиров, одинаково приводят к снижению психологического благополучия и профессиональной устойчивости. На стадии моратория

(кризиса идентичности) большинство преподавателей (11 чел.) демонстрируют низкий уровень психологического благополучия, что отражает внутренние конфликты профессионального самоопределения, сопровождающиеся тревогой, неопределенностью и снижением профессиональной удовлетворенности.

Преподаватели с позитивной достигнутой идентичностью демонстрируют сбалансированное распределение уровней благополучия: высокий (7 чел.) и средний (4 чел.). В то время как незрелые формы идентичности (преждевременная, диффузная) ассоциированы исключительно с низким уровнем благополучия, позитивная достигнутая идентичность демонстрирует вариативность в пределах среднего и высокого уровней. Это может свидетельствовать о том, что зрелая профессиональная идентичность создает необходимые, но не всегда достаточные условия для достижения максимального уровня психологического благополучия.

Полученные данные позволяют предположить, что псевдопозитивная профессиональная идентичность может выполнять двойственную функцию в контексте психологического благополучия. С одной стороны, внешне благополучное профессиональное самовосприятие, характерное для этого типа идентичности, действительно может способствовать поддержанию относительно высокого уровня благополучия у части респондентов. С другой стороны, наличие группы с низкими показателями свидетельствует о том, что такой тип идентичности не всегда обеспечивает подлинную психологическую устойчивость и может маскировать внутренние проблемы профессионального самоопределения.

Особый интерес представляет сравнение этих результатов с данными по другим типам идентичности. В отличие от позитивной достигнутой

идентичности, где распределение носит более однородный характер, в случае псевдопозитивной идентичности наблюдается выраженная поляризация показателей. Это может указывать на то, что данный тип идентичности в одних случаях выполняет защитную функцию, поддерживая видимость благополучия, а в других оказывается неспособным компенсировать глубинные профессиональные кризисы.

Проведенное исследование выявило суще-

ственные различия в распределении уровней психологического благополучия среди преподавателей с разными типами профессиональной идентичности и подтвердило основную гипотезу.

Анализ результатов исследования психологического благополучия и профессиональной идентичности среди научно-педагогического состава Владивостокского судостроительного колледжа показал наличие корреляционной связи (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционная связи психологического благополучия и профессиональной идентичности.

Table 2

Correlational relationship of psychological well-being and professional identity.

	Профессиональная идентичность
Позитивные отношения	0,434**
Автономия	0,479**
Управление средой	0,558**
Личностный рост	0,467**
Цели в жизни	0,646**
Самопринятие	0,600**
Психологическое благополучие	0,618**

** Корреляция значима на уровне 0,01.

** Correlation is significant at the 0.01 level.

Все показатели положительно коррелируют с профессиональной идентичностью, подтверждая важность психологического благополучия для формирования профессионального самосознания преподавателей. Наиболее сильная связь выявлена между целями в жизни и профессиональной идентичностью ($r = 0,646$, $p \leq 0,01$), что подчёркивает ключевую роль осмысленности деятельности и жизненных ориентиров в становлении профессионального «Я».

Сильная корреляция обнаружена между самопринятием ($r=0,600$, $p \leq 0,01$), что подчёркивает роль внутренней гармонии в профессиональной идентичности. Также значимы «Управление средой» ($r=0,558$, $p \leq 0,01$) и «Автономия» ($r=0,479$, $p \leq 0,01$), отражающие важность самостоятельности и контроля внешних обстоятельств. Корреляция средней силы выявлена с позитивными отношениями ($r=0,434$, $p \leq 0,01$) и личностным ростом ($r=0,467$, $p \leq 0,01$), подтверждая влияние социальной поддержки и саморазвития.

Преподаватели, испытывающие внутренний баланс и психологическое благополучие, с большей вероятностью воспринимают свою работу как значимую, что усиливает их профессиональную идентичность [10]. В то же время сильная профессиональная идентичность, в свою очередь, может выступать ресурсом для поддержания психологи-

ческого благополучия, формируя замкнутый цикл взаимного усиления. Эти результаты имеют практическую ценность для разработки программ психологического сопровождения преподавателей, направленных на повышение их эмоционального благополучия и укрепление профессиональной идентичности через развитие ключевых психологических ресурсов.

Наличие сильной связи психологического благополучия и профессиональной идентичности ($r=0,618$, $p \leq 0,01$) подтверждает дополнительную гипотезу. И указывает на то, что эмоциональная стабильность и удовлетворённость жизнью способствуют осознанию профессиональной роли и принадлежности к педагогическому сообществу.

Выводы

Проведенное исследование выявило существенные различия в распределении уровней психологического благополучия среди преподавателей с разными типами профессиональной идентичности и подтвердило основную гипотезу. Полученные результаты демонстрируют четкую закономерность: зрелые формы профессиональной идентичности ассоциированы с более высокими показателями психологического благополучия, тогда как незрелые и кризисные формы – с его снижением.

Полученные результаты подтверждают, что психологическое благополучие является важным фактором формирования профессиональной идентичности преподавателей. Наибольшее влияние оказывают осмысленность профессиональной дея-

тельности, самопринятие и способность управлять внешними обстоятельствами, что подчеркивает необходимость развития этих аспектов в программах психолого-педагогического сопровождения.

Список источников

1. Солдатова Г.В., Шингаев С.М. Современные исследования психологического благополучия субъектов образования // Психология человека в образовании. 2024. № 6 (3). С. 288 – 299.
2. Денисова Е.Г., Бовдуй Д.А., Гостева А.О. Психологическое благополучие работников сферы образования в связи с различными психологическими аспектами их профессиональной деятельности // Национальный психологический журнал. 2024. № 19 (1). С. 114 – 129.
3. Терехова Н.Н. Влияние образования на роль женщины в современном обществе // Педагогическое мастерство: материалы XXIV Международной научной конференции. Казань, 2022. С. 2 – 16.
4. Борисов Г.И. Подходы к изучению психологического благополучия // Психология образования: современный вектор развития: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2020. С. 157 – 174.
5. Асадуллин М.Р. Теоретический анализ понятия «психологическое благополучие» человека // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. № 6 (1). С. 228 – 240.
6. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: монография. М.: МОСУ, 2007. 272 с.
7. Ловков С.Г. Формирование профессиональной идентичности в образовательном пространстве вуза // Научно-педагогическое обозрение. 2023. № 2 (48). С. 130 – 137.
8. Капнина Е.Н. Психологическое благополучие педагогов как предмет психологических исследований // Молодой ученый. 2024. № 13 (512). С. 53 – 55.
9. Перинская Н.А. Профессиональная идентичность // Знание. Понимание. Умение. 2018. №2. С.209-211.
10. Чернов Д.Ю. Кризис профессиональной идентичности педагога в аспекте осмысленности // Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильной реальности к устойчивому развитию. 2021. № 1. С. 179 – 180.

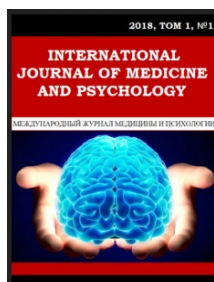
References

1. Soldatova G.V., Shingaev S.M. Modern studies of psychological well-being of education subjects. Human psychology in education. 2024. No. 6 (3). P. 288 – 299.
2. Denisova E.G., Bovduy D.A., Gosteva A.O. Psychological well-being of education workers in connection with various psychological aspects of their professional activities. National Psychological Journal. 2024. No. 19 (1). P. 114 – 129.
3. Terekhova N.N. The influence of education on the role of women in modern society. Pedagogical skill: materials of the XXIV International scientific conference. Kazan, 2022. P. 2 – 16.
4. Borisov G.I. Approaches to the study of psychological well-being. Psychology of education: modern vector of development: monograph. Ekaterinburg: Ural University Press. 2020. P. 157 – 174.
5. Asadullin M.R. Theoretical analysis of the concept of “psychological well-being” of a person. Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2022. No. 6 (1). P. 228 – 240.
6. Schneider L.B. Professional identity: monograph. Moscow: MOSU, 2007. 272 p.
7. Lovkov S.G. Formation of professional identity in the educational space of the university. Scientific and pedagogical review. 2023. No. 2 (48). P. 130 – 137.
8. Kapnina E.N. Psychological well-being of teachers as a subject of psychological research. Young scientist. 2024. No. 13 (512). P. 53 – 55.
9. Perinskaya N.A. Professional identity. Knowledge. Understanding. Skill. 2018. No. 2. P. 209 – 211.
10. Chernov D.Yu. The crisis of professional identity of a teacher in the aspect of meaningfulness. New psychology of professional work of a teacher: from unstable reality to sustainable development. 2021. No. 1. P. 179 – 180.

Информация об авторах

Морозова С.В., Дальневосточный федеральный университет, morozova.svi@dvfu.ru

Осинская С.А., кандидат психологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.922

¹ Быстрова Н.В.,

¹ Метелева С.Э.,

¹ Панфилова О.В.,

¹ Югорский государственный университет

Профилактика фаббинга среди студенческой молодежи через развитие психологической резильентности

Аннотация: статья посвящена проблеме фаббинга как нового вида аддикции, которая чаще встречается среди современной молодежи. Авторы рассматривают особенности проявления данной аддикции, ее виды, затрагивают вопросы профилактики данной зависимости. В статье представлены результаты пилотного эксперимента, осуществленного на базе Югорского государственного университета по выявлению студентов с данным видом аддиктивного поведения. Одним из эффективных средств профилактики фаббинга авторы предлагают психологическую резильентность как врожденную способность противостоять негативным влияниям развиваться как здоровая личность.

Ключевые слова: фаббинг, студенческая молодежь, психологическая резильентность, профилактика, аддиктивное поведение

Для цитирования: Быстрова Н.В., Метелева С.Э., Панфилова О.В. Профилактика фаббинга среди студенческой молодежи через развитие психологической резильентности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 70 – 75.

Поступила в редакцию: 5 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Bystrova N.V.,

¹ Meteleva S.E.,

¹ Panfilova O.V.,

¹ Yugra State University

Prevention of phubbing among college youth through the development of psychological resilience

Abstract: the article is dedicated to the problem of phubbing as a new type of addiction, which is more common among modern youth. The authors consider the peculiarities of the manifestation of this addiction, its types, and touch upon the issues of prevention of this addiction. The article presents the results of a pilot experiment carried out on the basis of Ugra State University to identify students with this type of addictive behavior. The authors suggest psychological resistance as an innate ability to resist negative influences and develop as a healthy personality as one of the effective means of phubbing prevention.

Keywords: phubbing, college students, psychological resistance, prevention, addictive behavior

For citation: Bystrova N.V., Meteleva S.E., Panfilova O.V. Prevention of phubbing among college youth through the development of psychological resilience. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 70 – 75.

The article was submitted: April 5, 2025; Approved after reviewing: June 3, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

В век цифровых технологий у молодого поколения все больше возникает потребность в использовании смартфонов. Все чаще они выступают средством улучшения качества жизни, инструментом снижения стресса, помогают наладить общение и взаимодействие. Но кроме положительных сторон, использование смартфонов наносит ущерб и ухудшает качество отношений между людьми, а так же формирует зависимость. Этот новый вид зависимости получил название «фаббинг». Термин был введен в 2012 году австралийскими филологами на основе исследования влияния мобильных устройств на социальные взаимодействия, которое проводило рекламное агентство McCann.

Термин «фаббинг» (phubbing) представляет собой сочетание английских слов «телефон» (phone) и «пренебрежительное отношение». Т.А. Баранова считает, что фаббинг – одно из проявлений зависимости от гаджетов и Сети, привычка отвлекаться на телефон во время разговора [1]. В Большой российской энциклопедии «фаббинг» также трактуется как привычка отвлекаться от разговора с реальным собеседником на смартфон [2].

Фаббинг, как одно из проявлений зависимости от смартфона, характеризуется номофобией (страхом остаться без смартфона), постоянной проверкой телефона, невозможностью сконцентрироваться и эмоциональной привязанностью. Данное явление всегда проявляется в социальном контексте. Это не привычная нам зависимость от смартфона, это еще и пренебрежительное отношение к тем, с кем мы общаемся в данный момент. Здесь проявляется отданное нами предпочтение в пользу мобильного устройства, а не собеседника.

А.К. Przybylski и N. Weinstein обнаружили, что смартфон может препятствовать развитию межличностных отношений между людьми. Побочные эффекты этого явления влияют на социально-психологические характеристики коммуникативного процесса. В других исследованиях также выявлено, что диалоги, в которых отсутствует мобильное устройство связи, являются более качественными и эмпатичными, чем разговоры, во время которых присутствует смартфон [8]. Фаббинг, как форму аддиктивного поведения молодежи изучали и отечественные ученые: Максименко А.А., Дайнека О.С., Духанина Л.Н. и Сапожниковская М.В. [4].

Фаббинг имеет множество особенностей. Остановимся на них подробнее. Фаббинг часто сочета-

ется со «страхом упустить что-либо» (FOMO) в социальных сетях и сети Интернет в целом.

Мы находим разные проявления данного феномена – «партнерский фаббинг», который становится уже неотъемлемой частью личной, семейной жизни, «фаббинг в аудитории», проявляющийся в учебной деятельности и культурной жизни, «родительский фаббинг» в системе семейного воспитания.

Татьяна Баранова опубликовала в 2022 году результаты своего исследования, где в качестве респондентов выступила студенческая молодежь. Результаты оказались шокирующими – 70% опрошенных имеют данный вид зависимости. Кроме того, у студентов с этой аддикцией низкая учебная успеваемость. Турецкий исследователь Тзина Назира изучила отношение преподавателей к фаббингу у студенческой молодежи. Оказалось, что более половины респондентов испытывают дискомфорт, когда студенты отвлекаются на смартфоны, считают это пренебрежением и раздражаются от звуков мобильных устройств. Преподаватели старше 40 лет полагают, что это норма жизни современного студента [7].

Согласимся с исследователем в том, что опасность данного вида зависимости в его быстром распространении в социальной среде, что приводит к восприятию фаббинга уже как нормы современной жизни.

Учитывая тот факт, что для большого количества людей данный вид аддикции становится привычным и нормальным и проявляется во взаимодействии с другими людьми, мы полагаем, что данный феномен можно рассматривать и как особый вид общения. Процессу общения свойственны три составляющие – интерактивная сторона, перцептивная и коммуникативная [3, с. 51]. В связи с этим можно отметить, что фаббинг имеет все эти три компонента, причем две из них – реализуются искаженно. Безусловно, фаббер (кто игнорирует собеседника и отвлекается на смартфон) как и фабби (жертва фаббинга, тот, кого игнорируют) могут обмениваться информацией, но при этом будет страдать взаимодействие между партнерами и восприятие, понимание друг друга.

Фаббинг можно связать и с проявлением такого феномена как Tele-Cocooning», который был введен Ichiyo Nabuchi для описания интимного взаимодействия человека с компьютером, а также общения одного человека с другим без физического взаимодействия [11]. В отечественной научной литературе нет аналогов данному термину. Назо-

вом это явление как «цифровой кокон». Данное понятие предполагает создание виртуального пространства, в котором человек чувствует себя защищенным и комфортно взаимодействует с другими через цифровые технологии, как бы «укутываясь» в кокон виртуального общения. В своем исследовании Ichiyo Nabuchi отмечает, что в списке контактов может быть множество человек, но большая часть звонков совершается с близкими людьми, и называет это «постоянным интимным сообществом», то есть их отношения «всегда включены». Состояние присутствия в онлайн-пространстве становится состоянием по умолчанию, а состояние отсутствия в нем отмечается специальными сообщениями. Таким образом, большую часть суток человек постоянно находится в онлайн-пространстве [9]. Ito Mizuko, Daisuke Okabe и Misa Matsud в своей работе привели преимущества «Tele-Cocooning»: быстрое взаимодействие, эффективная групповая работа, обмен знаниями и ускорение коммуникационных процессов. То есть страны и организации могут быстро обмениваться информацией, облегчается обмен идеями, позволяя обмениваться мыслями за считанные секунды и устраняет необходимость в физических встречах или отправке традиционных писем [10]. Все это может проявляться и в момент взаимодействия с реальным собеседником, то есть в ситуации «фаббинга». «Цифровой кокон» позволяет человеку оставаться в цифровом пространстве, при этом не исключается ситуация включения в реальное общение и взаимодействие.

Если фаббинг является привычкой, то явление «цифрового кокona», в свою очередь, может способствовать развитию зависимости от смартфона, что может усилить проявление фаббинга. Таким образом, хотя «цифровой кокон» может изначально восприниматься как позитивное явление, обеспечивающее уют и безопасность в цифровом взаимодействии, оно также приводит к формированию зависимости от смартфона.

Что касается причин фаббинга, то среди них называют интернет-зависимость, тревога, страх упустить что-то новое, низкий уровень самоконтроля, жизнестойкости, отсутствие силы воли, социальное заражение.

Важной задачей на современном этапе становится популяризация здоровых отношений в эпоху цифровых технологий и формирование ответственного подхода к их использованию. Необходимо обучать молодежь распознавать признаки фаббинга и устанавливать здоровые границы в общении, где реальный мир и межличностные отношения становятся главным приоритетом. В связи с этим возникает необходимость в профилакти-

ке фаббинга, которая стоит особенно остро среди студенческой молодежи.

В профилактике различных видов зависимостей широко могут применяться тренинги. Одним из главных инструментов теннига может стать психологическая резильентность. Под психологической резильентностью мы понимаем врожденное динамическое свойство личности, выражающееся в способности преодолевать неблагоприятные жизненные обстоятельства с возможностью восстанавливаться, используя внешние и внутренние ресурсы [5]. Психологическая резильентность успешно применяется в профилактике аддиктивного поведения (в частности, профилактике зависимости от слабоалкогольных напитков) и успешно может быть применена в профилактике других видов аддикции. Коллектив исследователей (Селиванова О.А., Быстрова Н.В., Дереча И.И., Мамонтова Т.С., Панфилова О.В.) реализовал инвариантную профилактическую модель [6, с.127-134] которая доказала свою эффективность.

Материалы и методы исследований

В нашем исследовании принимали участие 54 студента ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» 1-3 курса направления «Психолого-педагогическое образование» и «Специальное дефектологическое образование (логопедия)» в возрасте от 18 до 26 лет. Выборка составила 49 испытуемых. В контрольную группу вошли 25 человек, 24 – в экспериментальную.

В первую очередь для того, чтобы выбрать релевантные, эффективные диагностические методики были разработаны специальные критерии отбора. Так как фаббинг мы рассматриваем с двух сторон – как зависимость и как социальные отношения, в которых демонстрируется пренебрежительное отношение к собеседнику, посредством отвлечения на телефон, для его выявления среди студенческой молодежи были сформулированы три основных критерия: игнорирование собеседника, проведение большого количества времени в телефоне и проблемы в межличностных отношениях.

На основании выделенных критериев были отобраны методики диагностики. Для проверки критерия игнорирования собеседника применялась методика «Опросник фаббинг-зависимости» (V. Chotpitayasunondh, K. Douglas (2018) в адаптации О.С. Дейнеко, Л.Н. Духаниной, А.А. Максименко, М.В. Сапоровской). Проведение большого количества времени в телефоне проверялось посредством «Шкалы зависимости от смартфона (M. Kwon et al. (2013) в адаптации В.П. Шейнова (2020)). Проблемы в социальных отношениях помогла выявить методика «Опросник межличностных отношений,

ОМО/FIRO (W. Schutz (1958) в адаптации А.А. Рукавишникова (1992)).

Результаты и обсуждения

По шкале фаббинга в контрольной группе большинство опрошенных (72%) имеют средний уровень фаббинга. Это означает, что они часто отвлекаются на свой телефон во время разговора, но делают это не постоянно.

Треть испытуемых (28%) – имеют высокую степень зависимости. Эти студенты постоянно «фаббят» своих собеседников, что может значительно нарушать их социальное взаимодействие. По шкале жертвы фаббинга большинство опрошенных (64%) являются фабби, то есть жертвами фаббинга (средний и высокий показатель).

Редко или совсем не сталкиваются с фаббингом в свою сторону 9 опрошенных. Они не замечают данную привычку собеседника или считают это нормой поведения.

По шкале «Зависимость от смартфона» 19 испытуемых (76%) зависимы от телефона (высокий и средний показатель), то есть почти не могут существовать без него, никогда не выйдут без мобильного устройства из дома, а также не могут выпустить телефон из рук или убрать из поля зрения в процессе взаимодействия с партнером. Лишь небольшая часть испытуемых (2 человека – 8%) не проявляют зависимости от смартфона. Они могут использовать его только при необходимости.

По шкале «Включение» 4 опрошенных (16%) имеют высокие результаты, они стремятся принимать остальных, активно стремятся принадлежать к различным социальным группам и быть как можно больше и чаще среди людей. С низким результатом по данной шкале 10 (40%) опрошенных, 11 молодых людей (44%) имеют средние результаты.

По шкале «Аффект» большинство опрошенных (44%) имеют проблемы в межличностных отношениях. Низкие результаты свидетельствует о том, что опрошенные очень осторожны при установлении близких отношений. С высоким результатом по данной шкале 8 опрошенных (32%). Такие люди стремятся быть в близких отношениях с остальными, проявлять к другим свои дружеские и теплые чувства. 11 человек (44%) имеют низкие результаты по данной шкале, 24% респондентов имеют средние результаты, их поведение может колебаться между стремлением к эмоциональной близости и некоторым дистанцированием в отношениях. Учитывая эту двойственность, у опрошенных все же наблюдаются определенные трудности в межличностных отношениях.

Таким образом, большинство опрошенных сталкиваются с проблемами в межличностных от-

ношениях, а также имеют зависимость от смартфона (76%), что приводит к тому, что они фаббят своих собеседников. Тем временем являются фабби (жертвами фаббинга) – 16 опрошенных (64%), их игнорирование собеседником остро влияет на эмоциональное состояние последних.

В экспериментальной группе большинство опрошенных сталкиваются с проблемами в межличностных отношениях, исходя из результатов по шкалам «Включение» (6 человек – 25%) и «Аффект» (29,2%), а также имеют зависимость от смартфона 22 человека (91,7%) и фаббят своих собеседников. Тем временем являются фабби (жертвами фаббинга) в экспериментальной группе 12 опрошенных (50%). Полученные результаты исследования дали основание для проведения специальной профилактической работы со студентами Югорского университета. Была разработана серия тренинговых занятий, позволяющих развить психологическую резильентность у испытуемых. Занятия проводились один раз в неделю. После проведенных тренингов была осуществлена повторная диагностика.

Выводы

По результатам повторной диагностики оказалось, что по «Шкале фаббинга» после формирующего этапа эксперимента увеличилось количество опрошенных со средним уровнем фаббинга (75%). Испытуемые с высоким уровнем фаббинга отсутствуют, в то время как появились респонденты с низким уровнем фаббинга, которых оказалось 6 человек (25%). Это может свидетельствовать о положительной динамике в снижении проявлений фаббинга среди студенческой молодежи.

По «Шкале жертвы фаббинга» наблюдается снижение количества опрошенных с низким уровнем фаббинга до двух человек (8,3%), то есть большее количество испытуемых стали осознавать последствия фаббинга или замечать его проявления. Испытуемые с высоким уровнем по данной шкале отсутствуют. Иными словами, фабби (жертвы фаббинга) стало меньше. По шкале «Зависимость от смартфона» произошли значимые изменения: увеличилось количество испытуемых с низким (до 33,3%) и средним (66,7%) уровнем зависимости от смартфона. Испытуемых с высоким уровнем зависимости от смартфона нет.

Значимые изменения также произошли по шкале «Включение (выраженное)»: увеличилось количество испытуемых с высоким и средним уровнем по данной шкале (58,3% и 41,7% соответственно). По шкале «Аффект» также увеличилось количество опрошенных с высоким результатом до 14 человек (58,3%). Это означает, что данные испытуемые имеют склонность устанавливать близкие

чувственные отношения. Со средним результатом количество испытуемых не изменилось. Испытуемые с низким уровнем по данной шкале отсутствуют. В контрольной группе изменений не произошло.

Таким образом, количественные показатели фаббинга среди студенческой молодежи в экспериментальной группе на контрольном этапе эксперимента отличаются от результатов констатирую-

щего эксперимента: испытуемых с высоким уровнем не выявлено, количество опрошенных со средним уровнем увеличилось на 5,9%, а с низким результатом стало 6 (25% испытуемых).

Полученные результаты свидетельствуют об эффективности профилактической работы состоящий в серии тренингов по развитию психологической резильентности.

Список источников

1. Баранова Т.А. Осторожно: фаббинг может стать серьезной угрозой для высшего образования [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.glavsprav.ru/spb/vpo/journal/1132/> (дата обращения: 20.01.25)
2. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/fabbing-260d0c> (дата обращения: 20.01.25)
3. Корягина Н.А., Антонова Н.В., Овсянникова С.В. Психология общения: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М: Издательство Юрайт, 2023. 493 с.
4. Максименко А.А., Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Сапоровская М.В. Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 345 – 362.
5. Селиванова О.А., Быстрова Н.В., Дереча И.И., Мамонтова Т.С., Панфилова О.В. Изучение феномена резильентности: проблемы и перспективы // Мир науки. Педагогика и психология, 2020. № 3. С 1 – 10.
6. Селиванова О.А., Быстрова Н.В., Дереча И.И., Мамонтова Т.С., Панфилова О.В. Обоснование структурного содержания резильентности подростков для моделирования профилактики зависимого поведения // International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии, 2021. Т. 4. № 5. С. 93 – 98.
7. Фаббинг: что это такое и чем он мешает образованию [Электронный ресурс]. URL: <https://skillbox.ru/media/education/fabbing-chto-eto-takoe-i-chem-on-meshaet-obrazovaniyu/?ysclid=mc2yzzfchq688799037> (дата обращения: 20.01.25)
8. Чвякин В.А., Григорьев Н.Ю. Фаббинг в структуре социальных коммуникаций: социологический анализ явления // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9 (45). № 5. С. 150 – 161
9. Ichiyo Habuchi, «Accelerating Reflexivity», in Personal, Portable, Pedestrian: Mobile Phones in Japanese Life, ed. Mizuko Ito, Daisuke Okabe, and Misa Matsuda (Cambridge, MA: MIT Press, 2005). P. 1.
10. Ito, Mizuko and Daisuke Okabe. 2005. «Technosocial Situations: Emergent Structurings of Mobile Email Use.» in Personal, Portable, Pedestrian: Mobile Phones in Japanese Life. edited by M. Ito, D. Okabe, and Matsuda, M. Matsuda. Cambridge: MIT Press. P. 1 – 16.
11. Nakajima I., Himeno K., Yoshii H. Ido-denwa Riyuu no Fukyuu to sono Shakaiteki Imi (Diffusion of Cellular Phones and PHS and their Social Meaning) // Tsuushin Gakkai-shi (Journal of Information and Communication Research). 1999. No. 16 (3). P. 79 – 92.

References

1. Baranova T.A. Beware: Phubbing Can Become a Serious Threat to Higher Education [Electronic resource]. URL: <https://edu.glavsprav.ru/spb/vpo/journal/1132/> (accessed: 20.01.25)
2. The Great Russian Encyclopedia [Electronic resource]. URL: <https://bigenc.ru/c/fabbing-260d0c> (accessed: 20.01.25)
3. Koryagina N.A., Antonova N.V., Ovsyannikova S.V. Psychology of Communication: Textbook and Workshop for Universities. 2nd ed., revised and enlarged. M: Yurait Publishing House, 2023. 493 p.
4. Maksimenko A.A., Deineka O.S., Dukhanina L.N., Saparovskaya M.V. Phubbing: Features of Addictive Behavior of Young People. Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2021. No. 4. P. 345 – 362.
5. Selivanova O.A., Bystrova N.V., Derecha I.I., Mamontova T.S., Panfilova O.V. Studying the Phenomenon of Resilience: Problems and Prospects. World of Science. Pedagogy and Psychology, 2020. No. 3. P. 1 – 10.
6. Selivanova O.A., Bystrova N.V., Derecha I.I., Mamontova T.S., Panfilova O.V. Justification of the structural content of adolescent resilience for modeling the prevention of addictive behavior. International Journal of Medicine and Psychology. International Journal of Medicine and Psychology, 2021. Vol. 4. No. 5. P. 93 – 98.

7. Phubbing: what is it and how does it interfere with education [Electronic resource]. URL: <https://skillbox.ru/media/education/fabbing-chto-eto-takoe-i-chem-on-meshaet-obrazovaniyu/?ysclid=mc2yyzfchq688799037> (date of access: 20.01.25)
8. Chvyakin V.A., Grigoriev N.Yu. Phubbing in the structure of social communications: a sociological analysis of the phenomenon. Humanitarian of the South of Russia. 2020. Vol. 9 (45). No. 5. P. 150 – 161
9. Ichiyo Habuchi, “Accelerating Reflexivity,” in Personal, Portable, Pedestrian: Mobile Phones in Japan-nese Life, ed. Mizuko Ito, Daisuke Okabe, and Misa Matsuda (Cambridge, MA: MIT Press, 2005). P. 1.
10. Ito, Mizuko and Daisuke Okabe. 2005. “Technosocial Situations: Emergent Structures of Mobile Email Use.” in Personal, Portable, Pedestrian: Mobile Phones in Japanese Life. edited by M. Ito, D. Okabe, and Matsuda, M. Matsuda. Cambridge: MIT Press. P. 1 – 16.
11. Nakajima I., Himeno K., Yoshii H. Ido-denwa Riyuu no Fukyuu to sono Shakaiteki Imi (Diffusion of Cellular Phones and PHS and their Social Meaning). Tsuushin Gakkai-shi (Journal of Information and Communication Research). 1999. No. 16 (3). P. 79 – 92.

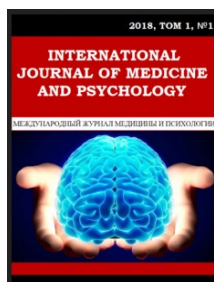
Информация об авторах

Быстрова Н.В., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7409-0481>, РИИЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=671854, Югорский государственный университет, n-75@list.ru

Метелева С.Э., Югорский государственный университет, Sofameteleva@yandex.ru

Панфилова О.В., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9487-9241>, Югорский государственный университет, oval.2011@mail.ru

© Быстрова Н.В., Метелева С.Э., Панфилова О.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.99

¹ Власюк К.Р.,

¹ Левадняя М.О.,

¹ Дальневосточный федеральный университет

Тренинг эмоционального интеллекта в управлении клиентоориентированностью сотрудников

Аннотация: в условиях высокой конкуренции в сфере продаж клиентоориентированность сотрудников является ключевым фактором успеха компании. Эмоциональный интеллект (ЭИ) признан важным инструментом повышения качества обслуживания за счет развития лояльности, коммуникативных навыков и ценностно-смысловой сферы персонала. Исследование, проведенное на выборке из 40 сотрудников отдела аренды компании недвижимости «КВАРТИРАНТ Плюс» (г. Владивосток), (25 женщин и 15 мужчин), изучало влияние тренинга ЭИ на компоненты клиентоориентированности. На основе авторского определения клиентоориентированности была предложена диагностическая модель, включающая лояльность, коммуникативную компетентность и ценностно-смысловую сферу. Корреляционный анализ подтвердил связь ЭИ с этими компонентами. Формирующий эксперимент с применением тренинга ЭИ показал значительный рост показателей в экспериментальной группе по сравнению с контрольной. Тренинг доказал эффективность в управлении клиентоориентированностью, что подчеркивает его практическую ценность для сферы услуг.

Ключевые слова: клиентоориентированность, эмоциональный интеллект, лояльность, коммуникативная компетентность, ценностно-смысловая сфера, тренинг, качество обслуживания, управление персоналом

Для цитирования: Власюк К.Р., Левадняя М.О. Тренинг эмоционального интеллекта в управлении клиентоориентированностью сотрудников // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 76 – 83.

Поступила в редакцию: 6 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Vlasjuk K.R.,

¹ Levadnyaya M.O.,

¹ Far Eastern Federal University

Emotional intelligence training in managing employee customer orientation

Abstract: in the context of intense competition in the sales sector, employee customer orientation is a critical factor for a company's success. Emotional intelligence (EI) is recognized as a vital tool for enhancing service quality by fostering loyalty, communication skills, and the value-meaning sphere of personnel. The study, conducted with a sample of 40 employees from the rental department of the real estate company "KVARTIRANT Plus" (Vladivostok), (25 women and 15 men), investigated the impact of EI training on components of customer orientation. Based on an original definition of customer orientation, a diagnostic model was proposed, encompassing loyalty, communicative competence, and the value-meaning sphere. Correlation analysis confirmed the relationship between EI and these components. A formative experiment involving a EI-training program demonstrated significant improvements in the experimental group compared to the control group. The training proved effective in managing customer orientation, highlighting its practical value for the service industry.

Keywords: customer orientation, emotional intelligence, loyalty, communicative competence, value-meaning sphere, training, service quality, personnel management

For citation: Vlasyuk K.R., Levadnyaya M.O. Emotional intelligence training in managing employee customer focus. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 76 – 83.

The article was submitted: April 6, 2025; Approved after reviewing: June 3, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Исследование актуально для сотрудников сферы продаж, так как развитие EI напрямую связано с повышением лояльности сотрудников к компании, улучшением их коммуникативных навыков и осознанием собственных ценностей. Лояльность сотрудников укрепляет их приверженность целям организации, что положительно сказывается на качестве обслуживания. Развитые коммуникативные навыки позволяют эффективно взаимодействовать с клиентами, а понимание своих ценностей помогает сотрудникам выстраивать доверительные отношения, ориентируясь на индивидуальные запросы клиентов.

Цель исследования: выявление динамики компонентов клиентоориентированности сотрудников под воздействием тренинга эмоционального интеллекта.

Основная гипотеза: тренинг эмоционального интеллекта повышает уровень клиентоориентированности сотрудников.

Дополнительная гипотеза: существует связь компонентов клиентоориентированности с уровнем эмоционального интеллекта сотрудников.

Выборка исследования: 40 сотрудников отдела аренды компании недвижимости «КВАРТИРАНТ Плюс» в г. Владивосток.

Клиентоориентированность в исследовании определена как «ключевая компетенция сотрудника в сфере продаж, основанная на эффективном взаимодействии с клиентами, с учетом их потребностей и ожиданий, через приверженность целям компании, эффективное общение и ценностно-осмысленное отношение к работе» [13, с. 45]. На основе этого определения и подхода Н.С. Иващенко, выделяющего межличностный уровень изучения клиентоориентированности [3, с. 47], была разработана диагностическая модель, включающая три ключевых компонента:

лояльность – приверженность сотрудника целям и ценностям компании, труду, профессии, готовность действовать в интересах клиентов;

коммуникативная компетентность – умение эффективно взаимодействовать с клиентами, устанавливать доверительные отношения,

разрешать конфликты, понимать ситуацию, уметь себя самопрезентовать;

ценностно-смысловая сфера – в данном исследовании как осознание и понимание своих ценностей, умение рефлексировать, ответственность и свобода в поиске возможностей влияющие на профессиональную деятельность.

Модель основана на теоретических положениях И. Манна, Н.С. Иващенко и А.Д. Мясниковой, подчеркивающих роль психологических факторов в клиентском сервисе [3, 8, 9].

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на базе компании недвижимости «КВАРТИРАНТ Плюс» в г. Владивосток. В исследовании приняли участие 40 человек в возрасте от 19 до 48 лет. Большая часть выборки представлена женским полом (25 человек), численность мужчин, принявших участие в исследовании 15 человек.

Наибольшая доля респондентов принадлежит к возрастной группе 19-24 года (24 чел., 60%). Второй по численности группой являются сотрудники 25-30 лет (8 чел, 20%). Остальные имеют следующее распределение: возрастная группа 31-36 лет – 5 чел. (12,5%), 37-42 лет – 1 чел. (2,5%), 43-48 лет – 2 чел. (5%).

Сотрудники занимают следующие должности: руководители – 5 чел. (12,5%), менеджеры – 25 чел. (62,5), стажеры – 10 чел. (25%).

Диагностика проводилась с использованием следующих методик:

опросник ЭмИн Д.В. Люсина для оценки общего, межличностного и внутриличностного ЭИ, а также понимания и управления эмоциями [6, 7];

опросник лояльности С.С. Баранской для измерения организационной, профессиональной лояльности и лояльности к труду [1];

опросник КОСКОМ В.Н. Куницыной для оценки коммуникативной компетентности [5];

шкала экзистенций А. Лэнгле и К. Оргелера для анализа ценностно-смысловой сферы (самодистанцирование, свобода, ответственность, экзистенциальность, исполненность, самотрансценденция) [14].

Для анализа связи ЭИ с компонентами

клиентоориентированности использовался метод ранговой корреляции Спирмена, устойчивый к ненормальному распределению данных, подтвержденному критерием Колмогорова-Смирнова.

Для реализации формирующего эксперимента 27 сотрудников с низким и средним уровнем ЭИ были разделены на экспериментальную ($n=14$) и контрольную ($n=13$) группы методом параллельных форм, обеспечивающим сопоставимость характеристик двух групп. Экспериментальная группа прошла 12-часовой тренинг ЭИ (2 дня по 6 часов), акцентированный на развитие «Понимания чужих эмоций», «Управления чужими эмоциями» и «Управления своими и чужими эмоциями». Программа включала упражнения на рефлексии ценностей, развитие ответственности и поиск смысла в работе. Диагностика с использованием перечисленных выше опросников проводилась до тренинга и через 14 дней после его окончания. Также непосредственно перед началом тренинга и сразу после его окончания использовалась модифицированная методика Дембо-Рубинштейна для самооценки участников по интересующим нас параметрам. Для анализа динамики уровня выраженности компонентов клиентоориентированности применялся Т-критерий Вилкоксона ($p \leq 0,013$).

Результаты и обсуждения

Корреляционный анализ с использованием метода Спирмена подтвердил наличие прямой положительной связи между ЭИ и компонентами клиентоориентированности.

Среди наиболее значимых связей выделяются корреляции общего ЭИ с организационной лояльностью ($r=0,883$), «Управлением эмоциями» с лояльностью к труду ($r=0,785$), «Пониманием эмоций» с организационной лояльностью ($r=0,808$), а также общего ЭИ с экзистенциальностью ($r=0,646$), что подчёркивает ключевую роль ЭИ в формировании лояльности, коммуникационных навыков и осмысленности работы. Сотрудники с высоким ЭИ демонстрируют лучшую способность понимать и регулировать эмоции, что усиливает их мотивацию, инициативность и способность выстраивать доверительные отношения с клиентами.

Однако слабые связи с «Самодистанцированием» ($r=0,299$) и «Контролем экспрессии» указывают на необходимость учитывать дополнительные факторы (опыт, стрессоустойчивость). В контексте работы с клиентами высокий ЭИ способствует снижению рисков недопонимания и выгорания, что особенно важно для поддержания высокого уровня клиентоориентированности [16, с. 53].

Сотрудники с высоким уровнем эмоционального интеллекта обладают выраженной экзистенциальной исполненностью, то есть ощущением осмысленности и полноты жизни. Это проявляется в их способности находить ценность в профессиональной деятельности, что мотивирует к глубокому вовлечению в клиентские задачи, такие как сопровождение сложных сделок или индивидуальная работа с клиентами, усиливая клиентоориентированность. Также, сотрудники с высоким уровнем эмоционального интеллекта более лояльны к компании и профессии, что улучшает взаимоотношения с клиентами и укрепляет репутацию компании. Связь с коммуникативной компетентностью продемонстрировала, что высокий эмоциональный интеллект способствует лучшему качеству общения и успешному разрешению конфликтов, пониманию людей, ситуации, а также стабильности в человеческих отношениях. Сотрудники с высоким эмоциональным интеллектом более уверены, умеют презентовать себя и свои услуги, что повышает удовлетворенность клиентов.

Формирующий эксперимент подтвердил гипотезу о положительном влиянии тренинга ЭИ на компоненты клиентоориентированности. В экспериментальной группе ($n=14$) наблюдалась значимая положительная динамика, в отличие от контрольной группы ($n=13$), где изменений не зафиксировано.

По результатам статистической проверки полученных данных можем отметить повышение средних показателей по всем шкалам. Результаты являются значимыми на уровне асимптотической значимости 0,001 и нулевой, что говорит об исключении случайных связей по результатам нашей выборки. Результаты представлены в табл. 1-3 и на рис. 1-3.

Таблица 1

Динамика выраженности эмоционального интеллекта по «ЭМИн».

Table 1

Dynamics of the expression of emotional intelligence according to "EmIn".

Показатели методики	До тренинга	После тренинга	T-критерий Вилкоксона	Асимптотическая значимость
Понимание чужих эмоций	22,14	27,86	-3,300	0,001
Управление чужими эмоциями	15,21	20,71	-3,301	0,001
Понимание своих эмоций	17,07	21,57	-3,186	0,001
Управление своими эмоциями	12,14	16,21	-3,184	0,001
Контроль экспрессии	11,00	13,57	-2,915	0,004
Межличностный ЭИ	37,36	48,57	-3,297	0,001
Внутриличностный ЭИ	40,21	51,71	-3,301	0,001
Понимание эмоций	39,21	49,43	-3,300	0,001
Управление эмоциями	38,36	50,50	-3,298	0,001
Общий ЭИ	77,57	100,21	-3,300	0,001

Повышение средних показателей представлены графически на рис. 1.

Рис. 1. Динамика изменения выраженности эмоционального интеллекта по «ЭМИн» в результате тренинга.
Fig. 1. Dynamics of changes in the expression of emotional intelligence according to "EmIn" as a result of training.

По методике «ЭМИн» в экспериментальной группе зафиксирован значительный рост средних показателей по всем шкалам (табл. 1). Наиболее выраженное улучшение наблюдалось по шкалам «Понимание эмоций» (с 39,21 до 49,43, $p=0,001$) и «Управление эмоциями» (с 38,36 до 50,50, $p=0,001$). Это указывает на развитие способности сотрудников распознавать эмоции клиентов и регулировать свои эмоциональные состояния, что особенно важно в стрессовых ситуациях, таких как

переговоры или разрешение конфликтов. Рост межличностного ЭИ (с 37,36 до 48,57, $p=0,001$) способствовал улучшению взаимодействия с клиентами, а внутриличностного ЭИ (с 40,21 до 51,71, $p=0,001$) – повышению саморегуляции и мотивации. Общий ЭИ увеличился с 77,57 до 100,21 ($p=0,001$), что согласуется с выводами Д.В. Люси-на о роли ЭИ в межличностных взаимодействиях [7, с. 15].

Таблица 2

Динамика выраженности лояльности по опроснику «Лояльности» и коммуникативной компетентности по опроснику «КОСКОМ».

Table 2

Dynamics of the expression of loyalty according to the “Loyalty” questionnaire and communicative competence according to the “KOSKOM” questionnaire.

Показатели методики	До тренинга	После тренинга	Т-критерий Вилкоксона	Асимптотическая значимость
Организационная лояльность	40,57	48,79	-3,302	0,001
Профессиональная лояльность	44,00	56,00	-3,303	0,001
Лояльность труду	32,64	41,00	-3,185	0,001
Коммуникативная компетентность	30,57	36,71	-3,312	0,001

Данные изменения выраженности представлены графически на рис. 2.

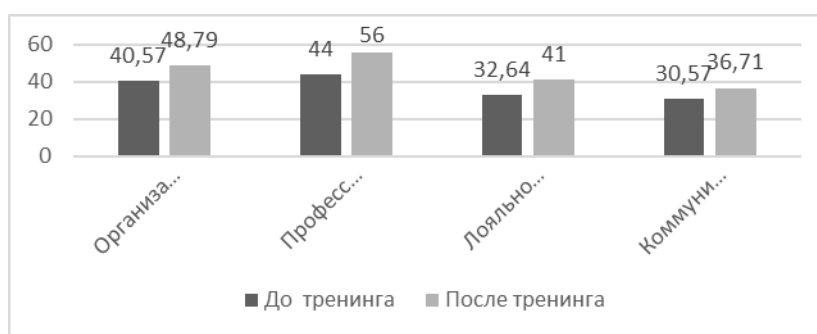

Рис. 2. Динамика выраженности лояльности по методике «Лояльность» и коммуникативной компетентности по методике «КОСКОМ» в результате тренинга.

Fig. 2. Dynamics of the expression of loyalty according to the “Loyalty” method and communicative competence according to the “KOSKOM” method as a result of training.

По методикам «Лояльность» и «КОСКОМ» наблюдался значительный рост показателей организационной, профессиональной и трудовой лояльности, а также коммуникативной компетентности (таблица 3). Организационная лояльность увеличилась с 40,57 до 48,79 ($p=0,001$), что отражает укрепление приверженности сотрудников компании и их готовность активно поддерживать корпоративные цели. Профессиональная лояльность выросла с 44,00 до 56,00 ($p=0,001$), демонстрируя повышенную мотивацию к профессиональному развитию. Лояльность к труду увеличилась с 32,64

до 41,00 ($p=0,001$), что связано с усилением чувства значимости работы. Коммуникативная компетентность выросла с 30,57 до 36,71 ($p=0,001$), что проявилось в улучшении навыков ведения переговоров, установления контакта с клиентами, уверенности в себе при разрешении конфликтных ситуаций, понимании ситуации и самопрезентации себя. Улучшение коммуникативных навыков позволило сотрудникам эффективнее выстраивать доверительные отношения с клиентами, что подтверждает выводы А.В. Капцова о роли ЭИ в клиентском сервисе [4, с. 79].

Таблица 3

Динамика изменения выраженности ценностно-смысловой сферы по методике «Шкала экзистенций» в результате тренинга.

Table 3

Dynamics of changes in the expression of the value-semantic sphere according to the “Scale of Existences” method as a result of training.

Показатели методики	До тренинга	После тренинга	Т-критерий Вилкоксона	Асимптотическая значимость
Самодистанцирование	27,71	30,43	-1,382	0,167
Самотрансценденция	63,14	65,43	-1,478	0,139
Свобода	39,79	47,50	-2,485	0,013
Ответственность	43,71	51,00	-2,546	0,011

Продолжение таблицы 3
Continuation of Table 3

Персональность	90,86	95,86	-1,635	0,102
Экзистенциальность	83,50	98,50	-2,607	0,009
Исполненность	174,36	194,36	2,480	0,013

Данные показатели представлены графически на рис. 3.

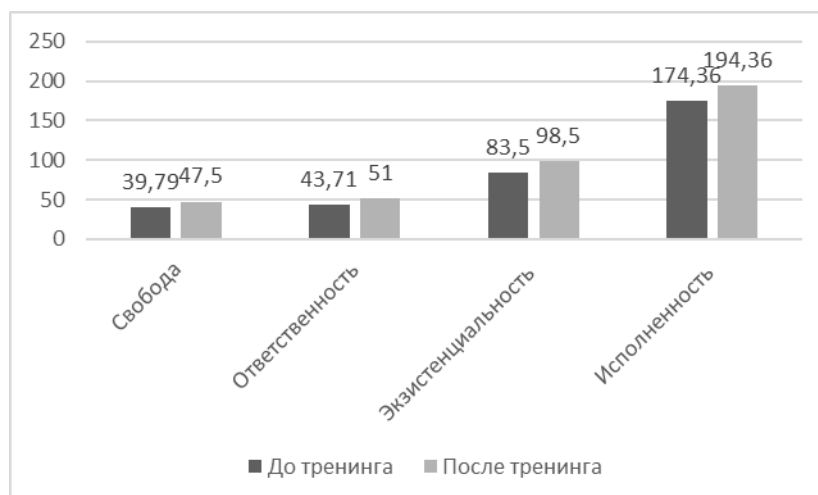

Рис. 3. Динамика изменения выраженности ценностно-смысловой сферы по методике «Шкала экзистенций» в результате тренинга.

Fig. 3. Dynamics of changes in the expression of the value-semantic sphere according to the “Scale of Existences” method as a result of training.

По методике «Шкала экзистенций» зафиксирован значимый рост по шкалам «Свобода», «Ответственность», «Экзистенциальность» и «Исполненность» (таблица 3). Показатель «Свобода» увеличился с 39,79 до 47,50 ($p=0,013$), что отражает рост самостоятельности и уверенности сотрудников в принятии решений и нахождении возможностей. «Ответственность» выросла с 43,71 до 51,00 ($p=0,011$), демонстрируя усиление чувства долга перед клиентами и компанией и взятие на себя ответственности в различных ситуациях. «Экзистенциальность» увеличилась с 83,50 до 98,50 ($p=0,009$), указывая на повышение осмысленности профессиональной деятельности. «Исполненность» выросла с 174,36 до 194,36 ($p=0,013$), что связано с усилением мотивации и удовлетворенности от работы. Показатели «Самодистанцирование» и «Самотрансценденция» показали умеренный рост, но не достигли статистической значимости ($p>0,05$). Что указывает на закрепление ценностных изменений. Это согласуется с выводами А.С. Данилова о влиянии осознания ценностей на профессиональную эффективность [2, с. 47].

В ходе тренинга сотрудники экспериментальной группы демонстрировали повышенную вовлеченность в упражнения, особенно в ролевых играх, моделирующих клиентские взаимодействия.

Участники отмечали улучшение понимания эмоциональных сигналов клиентов и снижение стресса в сложных ситуациях. Руководство компании сообщило о снижении числа жалоб клиентов на сотрудников экспериментальной группы в течение месяца после тренинга, что косвенно подтверждает практическую значимость программы.

Корреляционный анализ подтвердил, что ЭИ является ключевым фактором, влияющим на клиентоориентированность. Сильные связи с организационной лояльностью ($r=0,883$) и экзистенциальностью ($r=0,646$) подчеркивают роль ЭИ в формировании приверженности компании и осмысленности работы. Умеренная корреляция с коммуникативной компетентностью ($r=0,552$) указывает на необходимость дополнительных тренингов для усиления навыков общения [10, с. 23].

Результаты формирующего эксперимента демонстрируют, что тренинг ЭИ значительно улучшает все компоненты клиентоориентированности. Рост ЭИ способствовал лучшему распознаванию и регуляции эмоций, что усилило доверительные отношения с клиентами. Повышение лояльности укрепило эмоциональную связь с компанией, снижая текучесть кадров. Улучшение коммуникативной компетентности

подтверждает выводы С.М. Шингаева о роли ЭИ в эмпатичном взаимодействии [10, с. 38]. Развитие ценностно-смысловой сферы повысило мотивацию, особенно у стажеров, что согласуется с исследованиями А.С. Данилова [2, с. 47]. Отсутствие изменений в контрольной группе исключает влияние внешних факторов, подчеркивая эффективность тренинга. «Тренинг ЭИ позволяет сотрудникам лучше понимать клиентов и управлять своими эмоциями, что напрямую влияет на качество сервиса» [10, с. 40].

Выводы

Исследование подтвердило, что тренинг эмоционального интеллекта является эффективным инструментом управления клиентоориентированностью. Диагностическая модель, основан-

ная на лояльности, коммуникативной компетентности и ценностно-смысловой сфере, позволила структурировать анализ. Корреляционный анализ выявил сильную связь ЭИ с компонентами клиентоориентированности ($r=0,453-0,883$, $p\leq 0,01$). Формирующий эксперимент показал значительный рост показателей в экспериментальной группе, подтвержденный статистически ($p\leq 0,013$), с устойчивостью эффекта через 14 дней. Результаты подчеркивают практическую значимость тренинга для сферы недвижимости и его потенциал для других отраслей услуг. Дальнейшие исследования могут изучать долгосрочные эффекты, влияние тренинга на разные категории сотрудников и адаптацию программы для других отраслей.

Список источников

1. Баранская С.С. Методика диагностики лояльности персонала // Психология труда и управления. 2017. № 3. С. 14 – 20.
2. Данилов А.С. Влияние осознания ценностей на эмоциональный интеллект и эффективность работы сотрудников // Психология и экономика. 2019. № 3. С. 45 – 50.
3. Иващенко Н.С. Управление внутренней клиентоориентированностью как фактор устойчивого развития организации // МНИЖ. 2022. № 9 (123). С. 45 – 50.
4. Капцов А.В. Эмоциональный интеллект в системе профессиональных компетенций менеджера: взаимосвязь с клиентоориентированностью // Гуманитарные науки в Украине. 2018. № 4. С. 77 – 81.
5. Куницына В.Н. Опросник КОСКОМ: диагностика коммуникативной компетентности // Журнал практической психологии. 2001. № 2. С. 45 – 52.
6. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект. Теория, измерения, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. Москва: Институт психологии РАН, 2004. С. 29 – 36.
7. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭИИ // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3 – 22.
8. Манн И. Маркетинг на 100%: Как стать хорошим менеджером по маркетингу. Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 320 с.
9. Мясникова А.Д. Особенности структуры ценностно-смысловой сферы инженерно-технических работников // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2019. № 2. С. 30 – 35.
10. Шингаев С.М. Возможности внутрифирменного обучения в развитии эмоционального интеллекта педагогов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2019. № 1 (38). С. 38 – 40.
11. Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) // Psicothema. 2006. Vol. 18, Suppl. P. 13 – 25.
12. Bradberry T., Greaves J. Emotional Intelligence 2.0. San Diego: TalentSmart, 2009. 255 p.
13. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. New York: Bantam Books, 1995. 352 p.
14. Längle A., Orgler C. Existenzskala: Diagnostik der existenziellen Erfüllung // Existenzanalyse. 2004. № 21 (2). P. 15 – 23.
15. Salovey P., Mayer J.D. Emotional Intelligence // Imagination, Cognition and Personality. 1990. Vol. 9 (3). P. 185 – 211.
16. Cherniss C., Goleman D. The Emotionally Intelligent Workplace. San Francisco: Jossey-Bass, 2001. 384 p.

References

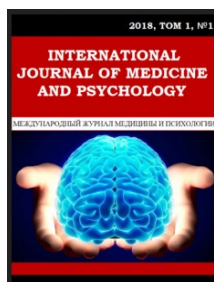
1. Baranskaya S.S. Methodology for diagnosing staff loyalty. Psychology of labor and management. 2017. No. 3. P. 14 – 20.
2. Danilov A.S. The influence of awareness of values on emotional intelligence and employee performance. Psychology and Economics. 2019. No. 3. P. 45 – 50.

3. Ivaschenko N.S. Managing internal customer focus as a factor in the sustainable development of the organization. MNIZH. 2022. No. 9 (123). P. 45 – 50.
4. Kaptsov A.V. Emotional intelligence in the system of professional competencies of a manager: relationship with customer focus. Humanities in Ukraine. 2018. No. 4. P. 77 – 81.
5. Kunitsyna V.N. KOSKOM questionnaire: diagnostics of communicative competence. Journal of practical psychology. 2001. No. 2. P. 45 – 52.
6. Lyusin D.V. Modern concepts of emotional intelligence. Social intelligence. Theory, measurements, research. Ed. by D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2004. P. 29 – 36.
7. Lyusin D.V. New technique for measuring emotional intelligence: EmIn questionnaire. Psychological diagnostics. 2006. No. 4. P. 3 – 22.
8. Mann I. Marketing 100%: How to become a good marketing manager. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2019. 320 p.
9. Myasnikova A.D. Features of the structure of the value-semantic sphere of engineering and technical workers. Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Psychology. 2019. No. 2. P. 30 – 35.
10. Shingaev S.M. Possibilities of in-house training in the development of emotional intelligence of teachers. Scientific support for the system of advanced training of personnel. 2019. No. 1 (38). P. 38 – 40.
11. Bar-On R. The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI). Psicothema. 2006. Vol. 18, Suppl. P. 13 – 25.
12. Bradberry T., Greaves J. Emotional Intelligence 2.0. San Diego: TalentSmart, 2009. 255 p.
13. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. New York: Bantam Books, 1995. 352 p.
14. Längle A., Orgler C. Existenzskala: Diagnostik der existenziellen Erfüllung. Existenzanalyse. 2004. No. 21 (2). P. 15 – 23.
15. Salovey P., Mayer J.D. Emotional Intelligence. Imagination, Cognition and Personality. 1990. Vol. 9 (3). P. 185 – 211.
16. Cherniss C., Goleman D. The Emotionally Intelligent Workplace. San Francisco: Jossey-Bass, 2001. 384 p.

Информация об авторах

Власюк К.Р., Дальневосточный федеральный университет
Левадняя М.О., Дальневосточный федеральный университет

© Власюк К.Р., Левадняя М.О., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 316.644

^{1, 2} **Марин Е.Б.,**

¹ **Ефиценко В.С.,**

¹ *Дальневосточный федеральный университет,*

² *Морской государственный университет им. Г.И. Невельского*

Анализ образов мер антикризисной государственной политики у молодежи Дальнего Востока

Аннотация: в кризисных ситуациях разные люди предпочитают различные способы поведения. Отличия в реакциях отчасти обуславливаются отличиями в восприятии и интерпретации того или иного контекста. В кризисах, затрагивающих большую часть населения и подразумевающих порой сильные изменения в образе жизни, важную роль играют субъективные факторы, влияющие на формирование тех или иных представлений, образов. Наибольший интерес представляют психологические закономерности и структуры образов государственной политики в представлении российской молодежи, так как, с одной стороны, молодые люди обладают немалым потенциалом в вопросе построения будущего страны, с другой, эффективность проводимых мер государственной антикризисной политики зависит от того, какая социально-психологическая ситуация складывается в обществе. На фоне прошедших нескольких лет мир достаточно сильно изменился в сторону повышенной неопределенности. Потеря чувства безопасности, недоверие к миру, эмоциональная напряженность в обществе, поляризация мнений и деление на «лагеря» и прочее приводят к тому, что горизонт планирования у современной молодежи может оказаться намного короче, чем десять лет назад. Тревожные настроения в обществе и возвращение в социальном контексте могут быть отчасти скомпенсированы государственной политикой по противодействию кризисам, но для проведения эффективных мероприятий нужно опираться на обратную связь от общества и учитывать социально-психологический климат.

Мы провели исследование с целью изучить структурно-содержательные характеристики образов антикризисной политики в представлении российской молодежи, проживающей на территории Дальнего Востока.

Ключевые слова: представление, ассоциативный эксперимент, молодежь, традиционные ценности, материнский капитал, СВО, Россия

Для цитирования: Марин Е.Б., Ефиценко В.С. Анализ образов мер антикризисной государственной политики у молодежи Дальнего Востока // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 84 – 92.

Поступила в редакцию: 7 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

^{1,2} **Marin E.B.,**

¹ **Efitsenko V.S.,**

¹ *Far Eastern Federal University,*

² *Maritime State University named after admiral G.I. Nevelskoy*

Analysis of images of anti-crisis state policy measures among the youth of the Far East

Abstract: in crisis situations, different people prefer different ways of behaving. Differences in reactions are partly due to differences in the perception and interpretation of a particular context. In crises that affect a large part of the population and sometimes involve drastic lifestyle changes, subjective factors that influence the formation of certain ideas and images play an important role. The psychological patterns and structures of public policy images in the minds of Russian youth are of the greatest interest, since, on the one hand, young people have considerable potential in building the country's future, on the other, the effectiveness of government anti-crisis policy measures depends on the socio-psychological situation in society. Over the past few years, the world has changed quite a lot towards increased uncertainty. The loss of a sense of security, distrust of the world, emotional tension in society, polarization of opinions and division into "camps" and so on lead to the fact that the planning horizon of modern youth may be much shorter than it was ten years ago. The alarming mood in society and the return in the social context can be partially compensated by government policy to counteract crises, but in order to carry out effective measures, it is necessary to rely on feedback from society and take into account the socio-psychological climate.

We conducted a study to study the structural and substantive characteristics of anti-crisis policy images in the minds of Russian youth living in the Far East.

Keywords: representation, associative experiment, youth, traditional values, maternity capital, SMO, Russia

For citation: Marin E.B., Efitsenko V.S. Analysis of images of anti-crisis state policy measures among the youth of the Far East. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 84 – 92.

The article was submitted: April 7, 2025; Approved after reviewing: June 4, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Реконструкция образов мер государственной политики молодых людей была выполнена в рамках методологии психосемантического подхода как области психологического научного знания, изучающей процесс формирования, структуры и специфические особенности функционирования систем значений.

При помощи психосемантических методов можно изучать значения в их различных формах, выявлять экспериментальным путем и далее интерпретировать предпосылки их формирования. Основания теории и методологии психосемантики лежат в работах Л.С. Выготского [1] и других исследователей, трактовавших значения и смыслы как ключевые аспекты психики в целом человеческого опыта.

Базовые методы психосемантики позволяют выявить имплицитные категориальные структуры, ключевые значения индивидуального и общественного сознания человека. Для этого применяются различные приемы, в частности построение модели семантического пространства оцениваемого стимула. Все это позволяет реконструировать картину мира, присущую как отдельному субъек-

ту, так и группе (например, половозрастной, профессиональной или этнической).

Данное исследование опирается на положения концепций зарубежных и отечественных авторов, таких как концепции социального восприятия Дж. Брунера [3], теория политического лидерства Ф. Гринштейна [13] и др. В отечественной науке анализ процесса формирования проводился в трудах Е.Б. Шестопаля [10,11], Л.А. Пресняковой [7], Е.В. Егоровой Гантман [4].

В научной практике не только в рамках нашей страны проводятся исследования в области изучения предпосылок формирования образа власти, политиков или политических мер. Китайские ученые [12], разрабатывавшие вопрос доверия к власти в условиях пандемии, указывали на важность повышения осведомленности граждан и прозрачности государственных мер для предотвращения защитного поведения, несущего вред здоровью и усилению тревожных настроений. На это указывают исследования и российских исследователей, добавляя, что само по себе доверие в формировании образа власти оказывает эффект наложения на характер восприятия и принятия той политики и проектов, которые проводит государство [2, 5].

К тому же, на примере последних исследований в области политической психологии, видно, что образы различных политических субъектов у российских граждан весьма размыты. К примеру, на это указывает работа Усмановой З.Р. [9], которая опросила более 400 респондентов и отметила размытость и нецелостность образов идеального парламента и политической партии, объясняя это тем, что, помимо формальных знаний об актуальной ситуации, люди эмоционально не заинтересованы и предпочитают находиться в стороне от политических процессов. На низкий политический активизм и эмоциональную непричастность, что приводит к неструктурированному и нечеткому образу политического субъекта, ученая указывает и в другой своей работе. Исследуя образ страны, Кецба В.И. и Ласария А.О. [6] отметили как раз неоднородность образа на осознаваемом и неосознаваемом уровнях. Так, респонденты наряду со стереотипичным представлением о стране ввиду когнитивной бедности образа позитивно воспринимали власть, лишая ее при этом субъектности, но чиновников представляли в более негативном ключе и как политических субъектов.

Стоит также отметить, что общественные потрясения и кризисные ситуации могут оказывать влияние на психоэмоциональное состояние людей, создавать контекст повышенной неопределенности и порождать сильную тревогу, связанную с меняющейся ситуацией. Кризисы различного характера, будь то пандемия, выборы или региональные конфликты усиливают внимание людей не только к профессиональным действиям, но и к личному поведению политических лидеров и проводимой ими политике, как отмечают Н.Н. Рогач [8] и др.

В ходе данного исследования были применены методы свободного ассоциативного эксперимента, униполярного дифференциала и фокусированного интервью. В рамках ассоциативного эксперимента мы попросили респондентов написать несколько слов или словосочетаний, которые ассоциируются у них с традиционными ценностями, материнским капиталом и специальной военной операцией. Полученные ассоциации были редуцированы, распределены по категориям и подвергнуты смысловому анализу. Помимо этого, была использована созданная авторами анкета, включающая в себя униполярный семантический дифференциал для оценивания вышеуказанных государственных мер, и разработан вопросник интервью, позволивший охватить и смежные темы,

такие как меры по ограничению аборт, морально-психологическое состояние с момента начала СВО и другие.

Наше внимание было приковано к изучению ряда мер государственной политики, на наш взгляд, имеющие потенциал для исследования ввиду актуальности вопросов – внедрение традиционных ценностей в жизнь молодых людей посредством воспитания и образования, программа материнского капитала и специальная военная операция, то есть меры, затрагивающие тем или иным образом большой пласт российского общества.

Целью исследования является изучение структурно-содержательных характеристик оценивания образов различных мер антикризисной политики у молодежи Дальнего Востока.

Материалы и методы исследований

Эмпирическое исследование проводилось среди молодежи российского Дальнего Востока, в частности, в г. Владивостоке и Приморском крае. Часть анкет была заполнена студентами ведущих городских вузов: Дальневосточного федерального университета, Морского государственного университета им. Г.И. Невельского и Владивостокского государственного университета. В исследовании приняли участие молодые люди с различным жизненным опытом в возрасте от 18 до 27 лет. Всего в исследовании участвовали 625 человек (593 человека посредством анкетирования, 32 человека давали интервью).

Участники интервью также были разделены на три группы

- Первая группа (10 чел.) – глубоко рефлексирющие, склонные к содержательным ответам, выражению личных установок и эмоций,
- Вторая группа (11 чел.) – прагматичные и умеренно включенные респонденты, которые в процессе предоставления ответов делали больший акцент на логике, применимости и реальной пользе политических решений,
- Третья группа (11 чел.) – отстраненные участники с предполагаемой эмоциональной перегрузкой, проявившие отстраненность и дачу фрагментарных и поверхностных ответов.

Результаты и обсуждения

После проведения факторного анализа была получена факторная структура оценивания трех стимулов респондентами. Сопоставление факторной структуры позволило обнаружить как общие факторы, так и их специфические особенности.

Таблица 1

Перечень факторных структур, реконструированных при оценке объектов.

Table 1

The list of factor structures reconstructed during the evaluation of objects.

Традиционные ценности		Материнский капитал		СВО	
Название фактора и % дисперсии	Ключевые дескрипторы	Название фактора и % дисперсии	Ключевые дескрипторы	Название фактора и % дисперсии	Ключевые дескрипторы
Позитивная оценка и привлекательность (42,9%)	Комфортный Интересный Интеллектуальный Свободный Привлекательный Добрый	Позитивная оценка и эмоциональность (43,8%)	Веселый Комфортный Красивый Добрый Легкий Привлекательный Свободный	Позитивная оценка и идеализация (43,8%)	Веселый Комфортный Красивый Добрый Легкий Привлекательный Свободный Интересный
Негативная отчужденность (18,3%)	Страшный Агрессивный Чужой Смертельный Тяжелый Бессмысленный	Рациональная оправданность и законность (15,7%)	Необходимый Разумный Эффективный Законный Честный Небессмысленный	Законность (15,7%)	Необходимый Разумный Эффективный Законный Честный
Прозрачность (4,7%)	Предсказуемый Понятный	Воспринимаемая сложность (11,3%)	Страшный Тяжелый Агрессивный Смертельный Рискованный	Деструктивность (11,4%)	Страшный Тяжелый Агрессивный Смертельный Рискованный

Факторный анализ выявил три ключевых измерения восприятия традиционных ценностей: доминирующий позитивный фактор «Позитивная личностная привлекательность» (42,9%), отражающий гармоничное восприятие традиций как источника комфорта и интеллектуального роста; негативный фактор «Негативная отчужденность» (18,3%), указывающий на конфликт с современными ценностями и эмоциональное отторжение; и малозначимый фактор «прозрачность» (4,7%), подчеркивающий потребность в предсказуемости и понимании. Высокая доля первого фактора свидетельствует о преобладании позитивного отношения к традициям среди молодежи, однако значимость второго фактора указывает на наличие напряжения, связанного с их восприятием как устаревших или навязчивых. Низкий вклад третьего фактора может отражать ограниченный интерес к формальной структурированности традиций.

В отношении материнского капитала также было выявлено три ключевых измерения восприятия доминирующий позитивный фактор «Позитивная оценка и эмоциональность» (43,8%), отражающий восприятие программы как доброжелательной и вдохновляющей; прагматичный фактор «Рациональная оправданность и законность» (15,7%),

подчеркивающий рациональную оценку ее необходимости и эффективности; и амбивалентный фактор «Воспринимаемая сложность» (11,3%), указывающий на сочетание ожиданий стабильности с опасениями по поводу трудностей и рисков. Высокая доля первого фактора свидетельствует о преобладании позитивного отношения к программе среди молодежи, однако значимость третьего фактора указывает на наличие барьеров, таких как бюрократия или недоверие, которые требуют внимания.

Факторный анализ выявил три ключевых измерения восприятия специальной военной операции: доминирующий позитивный фактор «Идеализированное восприятие» (43,8%), отражающий романтизацию и оптимистическое восприятие; прагматичный фактор «Законность» (15,7%), подчеркивающий восприятие операции как необходимой и законной; и негативный фактор «Негативная угроза» (11,4%), указывающий на страх и эмоциональное напряжение. Высокая доля первого фактора свидетельствует о преобладании идеализированного отношения к операции среди молодежи, возможно, под влиянием медийного дискурса. Однако значимость третьего фактора подчеркивает

наличие тревожности и негативных эмоций, которые требуют внимания.

В итоге, в факторной структуре представлений присутствует как общие категории оценивания, что проявилось ввиду присутствия факторов с наибольшей нагрузкой, включающих в себя схожие наборы характеристик оценивания, так и отличия в других выявленных факторах, так, традиционные ценности оцениваются не только с положительной стороны, но и позиции негативно настроенного отчужденного наблюдателя, также данный образ рассматривается и в плане его прозрачности и понятности для молодых людей. Материнский капитал и специальная военная операция между собой имеют общую категорию оценивания, а именно – фактор законности, который в отношении маткапитала приобрел и элемент рации-

ональной оправданности как важный для оценивания. Результаты свидетельствуют о сложном сочетании позитивного, прагматичного и негативного восприятия, отражающего влияние социокультурного контекста и медийного дискурса.

При рассмотрении результатов ассоциативного эксперимента первоначально стоит отметить общее количество ассоциаций, которые были вызваны у респондентов в ответ на предъявленные стимулы:

Традиционные ценности – 1221 ассоциация

Материнский капитал – 1031 ассоциация

СВО – 1171 ассоциация

Мы будем последовательно анализировать результаты, начиная с данных по стимулу «Традиционные ценности», где были выделены категории, отраженные в таблице ниже.

Таблица 2
Наполненность категорий ассоциаций, полученных на стимул «Традиционные ценности».

Table 2

Content of the categories of associations received for the stimulus "Traditional Values".

Категории ассоциаций	Наиболее упоминаемые
семейная символика (301)	Семья (207), брак (23), дети (14), маткапитал (9)
мораль и нравственность (286)	Патриотизм (54), любовь (34), традиции (25), религия (23), патриархат (12), вера (11)
Культура и история (311)	Культура (22), народ (14), обычаи (16), история (12), праздники (14)
политические символы (91)	Родина (24), пропаганда (13), государство (6)
сфера бизнеса и экономики (34)	Деньги (13), развитие (6)
природные символы (7)	Береза (2), поля (1), бетон (1), камень (1), деревня (1), природа (1)
негативная символика (75)	Ложь (14)
личные качества (114)	Уважение (25), честность (13), честь (6)

Выделение данных категорий обусловлено социокультурным контекстом, в котором находится молодежь 18-27 лет. Высокая частота упоминаний семьи (301) и семейных уз (286) может быть связана с акцентом на традиционных ценностях, которые остаются значимыми в условиях социальных изменений. Категории, связанные с модой и нравственностью (311) и культурой и историей (311), отражают интерес к идентичности и самовыражению, что характерно для данного возрастного сегмента, активно формирующего мировоззрение. Наличие политических символов (91) и сферы бизнеса и экономики (34) указывает на восприятие молодежью глобальных и локальных процессов, влияющих на их повседневную жизнь.

Негативные ассоциации (75), как ложь (14), могут свидетельствовать о критичном отношении к окружающему миру, что типично для молодых людей, сталкивающихся с информационным перегрузом и социальными вызовами. Личные качества (114) и такие аспекты, как честность (13) и честь (6), подчеркивают стремление к саморазвитию и этическим ориентирам. Низкая частота упоминания природных символов (7) и нейтральных ассоциаций (23) может указывать на меньшую значимость природного контекста в урбанизированной среде обитания данной группы.

Перейдем к следующему стимулу:

Таблица 3
Наполненность категорий ассоциаций, полученных на стимул «Материнский капитал».

Table 3

Content of the categories of associations received on the stimulus "Maternity capital".	
Категории ассоциаций	Наиболее упоминаемые
Положительная оценка (180)	Помощь (100), возможность (20)
Негативная оценка/символика (111)	Мало (13), Нищета (7), бедность (6)
Здоровье и безопасность (46)	Рождаемость (13), ответственность (5), безопасность (6)
Государственная символика (137)	Мера поддержки (82), демография (12), государство (9)
Семейные символы (214)	Дети (73), семья (40), многодетная семья (7), мать (13)
Материальная сфера (342)	Деньги (144), выплаты (28), ипотека (16),

Среди респондентов в первую очередь можем отметить большую наполненность образа материнского капитала как образа, наполненного формальностью, даже неким формализмом. Иными словами, опрошенные имеют четко представление о данном стимуле именно как о мере социальной политики в отношении семей с детьми, но за пределами этого яркость образа тускнеет в том смысле, что кроме определения и позиции по данному вопросу в категориях хорошо/плохо ассоциаций, которые имеют значение для интерпретации, находится немного.

Обращая внимание на наполненность категорий, заметим, что в первую очередь больше ассоциаций на стимул было из категорий государственной символики и материальной сферы. Эти ассоциации могут указывать на восприятие материнского капитала как части государственной системы и могут быть связаны с бюрократическими процессами или неясностью условий программы. При этом выраженность негативных ассоциаций может указывать на то, что среди молодежи присутствует скептическое отношение и возможное разочарование в формальном подходе к решению социальных задач.

Ассоциации категории «здоровье и безопасность» отражают связь материнского капитала с

базовыми потребностями семьи. Молодежь, возможно, ассоциирует поддержку государства с обеспечением стабильности и заботой о здоровье детей, что соответствует целям программы. Высокая частота термина «помощь» (100 упоминаний) в категории положительной оценки указывает на осознание социальной функции программы, направленной на улучшение материального положения семей.

Анализ ассоциаций по стимулу «Материнский капитал» показывает, что восприятие материнского капитала респондентами амбивалентно – с одной стороны, программа ассоциируется с поддержкой семьи и детей, с другой – вызывает скептицизм и достаточно безэмоциональное, прагматичное отношение, что может быть связано как с приоритетами молодых людей, которые выбирают либо вариант семьи в гражданском браке (без детей), то есть вопрос финансовой поддержки и обеспечение будущего ребенка не является острым, либо сама программа субъективно воспринимается как обычная мера государственной поддержки, находящейся на дистанции от самих опрошенных в силу возраста, в силу чего стимул не вызывает эмоционального отклика.

Таблица 4
Наполненность категорий ассоциаций, полученных на стимул «Специальная военная операция».

Table 4

Content of the categories of associations received under the stimulus "Special Military Operation".

Категории ассоциаций	Наиболее упоминаемые
Политика и власть (147)	Санкции (24), Украина (18), политика (11), патриотизм (10)
Смерть и потери (204)	Смерть (120), потеря (55), опасность (4)
Военные действия (373)	Война (127), защита (25) мобилизация (17), конфликт (14), жертвы (17), убийства (9)
Страх, тревога и эмоции (232)	Страх (69), боль (21), ужас (19), слезы (14)
Идеи, философия и мораль (100)	Бессмысленность (10), необходимость (6), справедливость (5), несправедливость (5), сила (7)
Медийные аспекты (37)	Zov/zv (9), гойда (5)
Исторические даты, события и символы (8)	Курск (2), вв 2 (2)

Продолжение таблицы 4
Continuation of Table 4

Люди, семья и общество (47)	Люди (5), освобождение заключенных (4), разногласия (3)
Экономика, финансы (23)	Деньги (9)

Выделение категорий позволяет выявить как рациональные, так и эмоциональные аспекты восприятия. Категории «смерть и потери» и «военные действия» доминируют, что объясняется прямой связью термина «Специальная военная операция» с военными действиями, вызывающими утраты и эмоциональное напряжение. Молодежь 18-27 лет, видимо, находится под влиянием текущих событий, что отражается в ассоциациях «война» (127), «санкции» (24) и «украина» (18).

Категория «страх, тревога и эмоции» (4) подчеркивает психологическое воздействие темы на молодежь. Высокая частота «страха» (69) может быть обусловлена неопределенностью и нестабильностью, сопровождающими военные действия. «Политика и власть» отражает восприятие операции как результата политических решений, что особенно актуально для молодежи, активно следящей за новостями.

Ассоциации «идеи, философия и мораль» и «исторические даты, события и символы» показывают стремление молодежи осмыслить конфликт через призму моральных ценностей и исторического опыта. Категории «люди, семья и общество» и «экономика, финансы» (8) указывают на практические последствия операции для повседневной жизни, включая финансовые трудности и изменения в социальных связях.

При рассмотрении текстов интервью нами были выделены три группы респондентов в зависимости от глубины и структурированности их высказываний, а также по характеру психоэмоционального фона.

Высокая эмоциональная включенность и конструктивная тревога респондентов первой группы могут быть интерпретированы как проявление зрелого эмоционального интеллекта. Их способность выражать личную позицию и анализировать внутреннее состояние указывает на развитую способность к рефлексии и саморегуляции. Особая чувствительность к темам прав и свобод человека, а также качествам государственной поддержки, может быть обусловлена высоким уровнем социальной ответственности и потребностью в справедливости. Эмоциональная перегрузка, наблюдаемая у части респондентов, может быть связана с гиперчувствительностью к социальным проблемам, что, возможно, отражает их личный опыт или высокую эмпатию. Для этой группы характерен

адаптивный стиль совладания, ориентированный на поиск решений, хотя перегрузка может приводить к риску эмоционального выгорания.

Рациональный подход второй группы, сопровождаемый умеренной тревогой и усталостью, может указывать на защитный механизм, связанный с избеганием эмоционального вовлечения. Такой стиль реагирования часто встречается у людей, стремящихся сохранить контроль в условиях неопределенности. Их фокус на применимости и доступности мер государственной поддержки отражает прагматичное мышление и ориентацию на конкретные результаты. Умеренная тревога и осторожность могут быть связаны с недоверием к внешним факторам, включая государственные институты, что заставляет респондентов избегать политических тем и сосредотачиваться на прикладных аспектах. Этот стиль совладания, хотя и эффективен в краткосрочной перспективе, может ограничивать эмоциональную глубину и приводить к накоплению внутренней напряженности.

Высокая неопределенность и стремление избежать оценки у респондентов третьей группы могут быть интерпретированы как признаки психоэмоционального истощения и снижения мотивации. Усталость, равнодушие и отказ от вовлеченности указывают на возможное состояние апатии, которое часто возникает в условиях хронического стресса или перегрузки. Тревога и дистанцирование, наблюдаемые у части участников, являются защитными механизмами, направленными на снижение психологической нагрузки. Неустойчивость установок может быть связана с недостаточной ясностью личных ценностей или отсутствием ресурсов для их формирования. Для этой группы характерен пассивный стиль совладания, который может усиливать чувство беспомощности.

Таким образом, различия в ответах отражают индивидуальные механизмы совладания с социальным стрессом, подчеркивая необходимость дифференцированного подхода к психологической поддержке: от усиления рефлексии и диалога для первой группы до предоставления ресурсов для восстановления мотивации третьей группе.

Выводы

В целом, анализ результатов позволяет говорить о том, что в отношении различных государственных мер отношение молодежи неоднородно. Обуславливается это как ассоциативной напол-

ненностью образов, в которых присутствует и негативный аспект оценивания, так и факторной структурой оценивания, где были обнаружены как общие факторы, проявившие свою специфику, так и уникальные критерии оценивания.

Образ традиционных ценностей, с одной стороны, включает в себя комфорт и доброту, семейную символику, наполненность ассоциациями нравственного и культурного характера, при этом с другой стороны – включает и фактор отторжения и страха вкупе с критическим отношением. Материнский капитал в глазах респондентов присутствует как образ очень формальный, воспринима-

ющийся с прагматичной позиции вкупе с критическим отношением и скептицизмом. Образ специальной военной операции вызывает яркие эмоциональные отклики с преобладанием категорий военных действий, смерти и потерь, страха и тревоги, что свидетельствует о сильном психологическом воздействии темы и ее связи с политическими и моральными аспектами. Неоднородность представлений зависит от ряда причин – от эмоционального наполнения (чем «тяжелее», тем психологически сложнее к нему возвращаться), до погруженности в тематику, и стратегии совладания у молодых людей.

Список источников

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
2. Гуриева С.Д., Клипова Н.В. Доверие как способ преодоления кризиса на примере КОВИД-19 // СИСП. 2020. № 2. С. 248 – 265.
3. Дж. Брунер Психология познания : За пределами непосредств. Информации: пер. с англ. К.И. Бабицкого; Предисл. и общ. ред. д. чл. АПН СССР А.Р. Лурия. Москва : Прогресс, 1977. 412 с.
4. Егорова-Гантман Е. В., Плешаков К. В. Политическая реклама. М.: Никколо М, 2002. 236 с.
5. Ежов Д.А. Особенности восприятия образа национальных проектов 2019-2024 в условиях динамики уровня доверия к власти // АНИ: экономика и управление. 2020. №4 (33). С. 22 – 24.
6. Кецба В.И., Ласария А.О. Политико-психологическое восприятие страны гражданами Российской Федерации от 18 до 30 лет // Российский социально-гуманитарный журнал. 2020. № 2. С. 167 – 178.
7. Преснякова Л.А. Структура личностного восприятия власти: теоретический анализ. Москва // Политическая психология: хрестоматия / Сост. Е.Б. Шестопал. Москва : Аспект Пресс, 2007. С. 330 – 342.
8. Рогач Н.Н., Шаяхметов А.М., Яковлева Е.А. Кризис как фактор восприятия региональных лидеров (на материалах Москвы, республики Башкортостан и Краснодарского края) // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2021. № 4. С. 76 – 92.
9. Усманова З.Р., Смулькина Н.В. Когнитивные и эмоциональные составляющие образа идеального парламента в сознании российских граждан // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 4. С. 77 – 82.
10. Шестопал Е.Б. Образ идеального будущего: нормативные российских граждан о власти // Вестн. Том. гос. ун-та. 2021. № 464. С. 99 – 112.
11. Шестопал Е.Б., Скипин Н.С., Лазарев А.А. и др. Трансформация образа своей страны под влиянием политического контекста // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 1. С. 7 – 28.
12. Dai Bibing, Fu D., Meng G., Qi L., Liu X The Effects of Governmental and Individual Predictors on COVID-19 Protective Behaviors in China: A Path Analysis Model. Public Administration Review. 2020 № 80. P. 797 – 804.
13. Greenstein F.J. Can Personality and Politics Be Studied Systematically // Political Psychology: Key Readings / ed. by John T. Jost and James Sidanius. New York: Taylor & Francis Books, 2004. P. 105 – 128.

References

1. Vygotsky L.S. Collected Works. Vol. 2. Problems of General Psychology. Moscow: Pedagogy, 1982. 504 p.
2. Gurieva S.D., Klipova N.V. Trust as a Way to Overcome the Crisis on the Example of COVID-19. SISP. 2020. No. 2. P. 248 – 265.
3. J. Bruner Psychology of Cognition: Beyond Immediate. Information: trans. from English by K.I. Babitsky; Preface and general. editor. member of the Academy of Pedagogical Sciences of the USSR A.R. Luria. Moscow: Progress, 1977. 412 p.
4. Egorova-Gantman E.V., Pleshakov K.V. Political Advertising. M.: Nikkolo M, 2002. 236 p.
5. Ezhov D.A. Features of the perception of the image of national projects 2019-2024 in the context of the dynamics of the level of trust in the authorities. ANI: economics and management. 2020. No. 4 (33). P. 22 – 24.

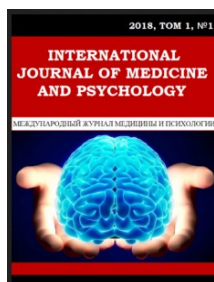
6. Ketsba V.I., Lasaria A.O. Political and psychological perception of the country by citizens of the Russian Federation from 18 to 30 years old. Russian social and humanitarian journal. 2020. No. 2. P. 167 – 178.
7. Presnyakova L.A. The structure of personal perception of power: theoretical analysis. Moscow. Political Psychology: anthology. Comp. E. B. Shestopal. Moscow: Aspect Press, 2007. P. 330 – 342.
8. Rogach N.N., Shayakhmetov A.M., Yakovleva E.A. Crisis as a factor in the perception of regional leaders (based on materials from Moscow, the Republic of Bashkortostan and Krasnodar Krai). Bulletin of Moscow University. Series 12, Political Sciences. 2021. No. 4. P. 76 – 92.
9. Usmanova Z.R., Smul'kina N.V. Cognitive and emotional components of the image of an ideal parliament in the minds of Russian citizens. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2021. No. 4. P. 77 – 82.
10. Shestopal E.B. The image of an ideal future: normative views of Russian citizens about power. Vestn. Tom. state University. 2021. No. 464. P. 99 – 112.
11. Shestopal E.B., Skipin N.S., Lazarev A.A. et al. Transformation of the Image of One's Country under the Influence of Political Context. Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences. 2022. No. 1. P. 7 – 28.
12. Dai Bibing, Fu D., Meng G., Qi L., Liu X The Effects of Governmental and Individual Predictors on COVID-19 Protective Behaviors in China: A Path Analysis Model. Public Administration Review. 2020, No. 80. P. 797 – 804.
13. Greenstein F.J. Can Personality and Politics Be Studied Systematically. Political Psychology: Key Readings. ed. by John T. Jost and James Sidanius. New York: Taylor & Francis Books, 2004. P. 105 – 128.

Информация об авторах

Марин Е.Б., кандидат исторических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, Морской государственный университет им. Г.И. Невельского

Ефиценко В.С., Дальневосточный федеральный университет, efitcenko.vs@dvfu.ru

© Марин Е.Б., Ефиценко В.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.07

¹ Радченко П.А.,

¹ Осинская С.А.,

¹ Дальневосточный федеральный университет

Жизнестойкость IT-специалистов с разным уровнем эмоционального интеллекта

Аннотация: в данной работе рассматриваются результаты эмпирического исследования жизнестойкости IT-специалистов с разным уровнем эмоционального интеллекта. В исследовании приняло участие 66 специалистов сферы информационных технологий г. Владивосток в возрасте от 18 до 45 лет. В ходе исследования было установлено, что в связи с особенностями профессиональной деятельности показатели жизнестойкости IT-специалистов имеют разную степень выраженности, а также статистически значимо отличаются в группах с низким, средним и высоким уровнем межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта. Также были выявлены значимые корреляционные связи между компонентами жизнестойкости и уровнем эмоционального интеллекта.

Ключевые слова: жизнестойкость, эмоциональный интеллект, психологическое здоровье, IT специалисты, межличностный эмоциональный интеллект, внутриличностный эмоциональный интеллект

Для цитирования: Радченко П.А., Осинская С.А. Жизнестойкость IT-специалистов с разным уровнем эмоционального интеллекта // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 93 – 97.

Поступила в редакцию: 7 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Radchenko P.A.,

¹ Osinskaya S.A.,

¹ Far Eastern Federal University

Hardiness of IT specialists with different levels of emotional intelligence

Abstract: this article describes the results of an empirical study of hardiness of IT specialists with different levels of emotional intelligence. The study involved 66 IT specialists from Vladivostok aged 18 to 45 years. The study found that the indicators of IT specialists' hardiness have different degrees of expression due to the specifics of their professional activities. The results also differ statistically significantly in groups with low, medium and high levels of interpersonal and intrapersonal emotional intelligence. The study also revealed significant correlations between the components of hardiness and the level of emotional intelligence.

Keywords: hardiness, emotional intelligence, psychological health, IT specialists, interpersonal emotional intelligence, intrapersonal emotional intelligence

For citation: Radchenko P.A., Osinskaya S.A. Hardiness of IT specialists with different levels of emotional intelligence. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 93 – 97.

The article was submitted: April 7, 2025; Approved after reviewing: June 4, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

На данный момент в мире активно осуществляется цифровизация многих процессов, и сотрудники сферы информационных технологий становятся

как никогда востребованы. Современные требования к работникам включают способность справляться с высокими информационными нагрузками, непрерывное обучение и освоение новых цифро-

вых продуктов. Все эти факторы в совокупности приводят к увеличению напряженности рабочего процесса и неблагоприятно сказываются на психологическом благополучии человека [1]. С активным ростом сферы ИТ усиливается необходимость анализа психологических особенностей сотрудников данной области с целью снижения риска профессионального выгорания [2] и потери смысла профессиональной деятельности [3], а также для обеспечения психологической безопасности. Вследствие чего, особо актуальной становится проблема жизнестойкости сотрудников, которую можно рассматривать как одну из основных составляющих, оказывающих влияние на результативное функционирование всей организации. По определению Д.А. Леонтьева жизнестойкость характеризует меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, при этом сохраняя внутренний баланс и не снижая успешность деятельности [4]. В зарубежных исследованиях С. Мадди определил данную личностную переменную как паттерн структуры установок и навыков, позволяющий превратить изменения окружающей действительности и стрессовые обстоятельства из потенциальных катастроф в возможности роста [5].

Также в связи с особенностями профессиональной деятельности, которая основана на взаимодействии с информационными технологиями и часто сопровождается уменьшением количества времени, которое человек проводит в социуме, актуальным является изучение эмоционального интеллекта ИТ специалистов. Некоторые исследователи отмечают влияние эмоционального интеллекта на уровень жизнестойкости [6]. Помимо этого ряд авторов указывает на значимую роль эмоционального интеллекта в процессе профессиональной деятельности [7, 8].

В данной работе была использована модель эмоционального интеллекта Д.В. Люсина, в которой выделяются два аспекта – межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект, а сам термин трактуется как «способность к пониманию и управлению эмоциями, как своими собственными, так и чужими» [9].

Материалы и методы исследований

Цель исследования: изучение структурных компонентов жизнестойкости ИТ специалистов с разным уровнем эмоционального интеллекта. В исследовании были использованы теоретические и эмпирические методы. Эмпирической базой исследования послужили организации г. Владивосток. В исследовании приняло участие 66 ИТ-специалистов (46 мужчин и 20 женщин), возраст респондентов 18-45 лет. Исходя из целей исследования был использован психодиагностический инструментарий: Тест жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой, 2006) [4]; Тест эмоционального интеллекта (ЭМИн) Д. Люсина [9].

Для обработки эмпирических данных были применены количественные и качественные методы, методы математико-статистического анализа данных (U-критерий Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Результаты и обсуждения

На первом этапе исследования полученные результаты были рассмотрены отдельно по методикам в общей выборке (n=66).

Результаты распределения респондентов по шкалам и уровню выраженности по методике «Тест жизнестойкости» С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой, 2006) представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты методики «Тест жизнестойкости» С. Мадди.

Table 1

Results of the “Viability Test” method by S. Maddi.

Шкалы	Низкий уровень человек (%)	Средний уровень человек (%)	Высокий уровень человек (%)
Общий показатель жизнестойкости.	14 человек (21,21%)	43 человек (65,15%)	9 человек (13,64%)
Вовлеченность	15 человек (22,73%)	48 человек (72,73%)	3 человек (4,54%)
Контроль	9 человек (13,64%)	47 человек (71,21%)	10 человек (15,15%)
Принятие риска	6 человек (9,09%)	39 человек (59,09%)	21 человек (31,82 %)

Исходя из результатов видно, что по шкале «Общий показатель жизнестойкости» достаточно высокий процент респондентов (21,2%) относится к группе с низким уровнем. При рассмотрении шкалы «Вовлеченность» было выявлено, что количество человек с низким уровнем в 5 раз превышает количество респондентов с высоким. Одной из причин низкого уровня вовлеченности может выступать проблема выгорания, которую исследователи отмечают в сфере ИТ [2].

Отметим, что показатель группы с высоким уровнем принятия риска составляет 31,8 %. Данный результат свидетельствует о том, что, в связи с особенностями профессиональной деятельности

ИТ-специалистов в условиях динамично меняющейся технологической среды, в структуре жизнестойкости шкала принятия риска играет особую роль и имеет высокие показатели. В исследованиях, посвященных изучению психологических особенностей сотрудников в профессиях информационного типа к ряду важных качеств для ИТ-специалистов относят толерантность к неопределенности [10], которая концептуально связана с принятием риска.

Далее рассмотрим результаты исследования эмоционального интеллекта специалистов в сфере информационных технологий (табл. 2).

Таблица 2

Результаты методики Тест эмоционального интеллекта (ЭмИн) Д. Люсина.

Table 2

Results of the Emotional Intelligence Test (EmIn) by D. Lyusin.

Шкалы	Низкий уровень человек (%)	Средний уровень человек (%)	Высокий уровень человек (%)
Межличностный ЭИ (МЭИ)	34 человек (51,51%)	21 человек (31,82%)	11 человек (16,7%)
Внутриличностный ЭИ (ВЭИ)	12 человек (18,18%)	28 человек (42,43%)	26 человек (39,39%)
Понимание эмоций (ПЭ)	24 человек (36,36%)	25 человек (37,88%)	17 человек (25,76%)
Управление эмоциями (УЭ)	18 человек (27,27%)	27 человек (40,91%)	21 человек (31,82%)

Как можно видеть в таблице по шкале межличностного ЭИ группа с низким уровнем является самой многочисленной (51,5%). Среди факторов, которые могут выступать причиной низкого уровня межличностного ЭИ ИТ-специалистов, можно выделить фокус на технических навыках, а не навыках коммуникации, недостаточное количество социального взаимодействия в результате длительной работы за компьютером. Однако, у ИТ-специалистов наблюдается достаточно высокий уровень внутриличностного ЭИ – 39,4%. Высокий уровень внутриличностного ЭИ способствует более эффективному обучению и адаптации к изменениям, помогает специалистам эффективно справляться со сложными задачами и сохранять эмоциональную стабильность в условиях ограни-

ченного временного ресурса, данный показатель необходим ИТ-специалистам для профессиональной реализации. В результате того, что в ИТ-среде ключевыми являются технические навыки, требующие развитого уровня внутриличностного ЭИ, и менее значимы коммуникативные навыки, возникает значительная разница в выраженности межличностного и внутриличностного ЭИ.

На следующем этапе был проведен сравнительный анализ показателей жизнестойкости ИТ-специалистов с разным уровнем межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта. Респонденты были разделены на группы с низким, средним и высоким ЭИ, различия рассматривались между группами попарно при помощи U-критерия Манна-Уитни (табл. 3).

Таблица 3

Различия показателей методики «Тест жизнестойкости» С. Мадди в группах с разным уровнем межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта.

Table 3

Differences in the indicators of the “Hardiness Test” method by S. Maddi in groups with different levels of interpersonal and intrapersonal emotional intelligence.

Межличностный эмоциональный интеллект			
	Низкий-высокий	Низкий-средний	Средний-высокий
Жизнестойкость	,003	,150	,030
Вовлеченность	,009	,323	,045
Контроль	,005	,187	,024
Принятие риска	,027	,259	,102
Внутриличностный эмоциональный интеллект			
	Низкий-высокий	Низкий-средний	Средний-высокий
Жизнестойкость	,000	,400	,000
Вовлеченность	,000	,391	,000
Контроль	,000	,231	,001
Принятие риска	,068	,988	,017

Согласно полученным данным, показатели по шкалам жизнестойкости, вовлеченности и контроля отличаются между группами ИТ-специалистов с низким-высоким, а также средним-высоким уровнем межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта так как асимптотическое значение ниже критического 0,05, различия между группами с низким и средним уровнем отсутствуют. Исходя из этого, можно утверждать, что выраженность структурных компонентов жизнестойкости ИТ-специалистов отличается в зависимости от уровня развития эмоционального интеллекта.

Также в исследовании были рассмотрены корреляционные связи между показателями жизнестойкости и эмоционального интеллекта при помощи непараметрического критерия ранговой корреляции Спирмена. В результате анализа были выявлены корреляции на уровне значимости $p \leq 0,01$ между шкалами Межличностный ЭИ и Жизнестойкость, Контроль, а также Внутриличностный ЭИ и Жизнестойкость, Вовлеченность, Контроль. Корреляции на уровне значимости $p \leq 0,05$ были выявлены между шкалами Межличностный ЭИ и Вовлеченность, Принятие риска, а также Внутриличностный ЭИ и Принятие риска. Полученные результаты показали, что существуют значимые корреляционные связи между всеми шкалами методики «Тест жизнестойкости» С. Мадди и показателями внутриличностного и межличностного эмоционального ЭИ. Следует отметить, что наличие корреляции не предполагает

причинно-следственных связей, однако позволяет предположить, что развитие компонентов эмоционального интеллекта может способствовать повышению жизнестойкости, а также, напротив, более высокая жизнестойкость способствует развитию эмоционального интеллекта. Для более глубокого понимания механизмов их взаимовлияния необходимо проведение дополнительных исследований, направленных на развитие обоих конструктов.

Выводы

1. По результатам теста жизнестойкости С. Мадди у ИТ-специалистов наблюдается низкий и средний уровень по шкале вовлеченности, средний и высокий уровень по шкале принятия риска.

2. По шкалам эмоционального интеллекта было выявлено различие между показателями межличностного и внутриличностного ЭИ: больше половины респондентов имеют низкий уровень межличностного эмоционального интеллекта, при этом внутриличностный ЭИ находится на среднем и высоком уровне.

3. Было обнаружено наличие различий показателей жизнестойкости в группах ИТ-специалистов с низким, средним и высоким уровнем межличностного и внутриличностного ЭИ. Показатели жизнестойкости ИТ-специалистов в группе с высоким уровнем эмоционального интеллекта значительно выше.

4. Было установлено наличие прямой корреляционной связи между всеми шкалами теста жизнестойкости С. Мадди и уровнем межличностного и внутриличностного ЭИ.

Список источников

1. Паскенова А.В., Макаричева Э.В., Фатхутдинова Л.М. Психологические особенности работников ИТ-сферы с различными профессиональными задачами // Неврологический вестник. 2018. № 1 (L). С. 33 – 36.
2. Гофман О.О., Водопьянова Н.Е., Джумагулова А.Ф., Никифоров Г.С. Проблема профессионального выгорания специалистов в сфере информационных технологий: теоретический обзор // Организационная психология. 2023. № 1 (13). С. 117 – 144.
3. Сорокоумова Е.А., Фадеев Д.С. Исследование психологических основ проблемы потери смысла профессиональной деятельности работников ИТ-сферы // Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт. 2022. № 1. С. 115 – 118.
4. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
5. Maddi S.R. The Story of Hardiness: Twenty Years of Theorizing, Research, and Practice // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 2002. № 3 (54). P. 173 – 185.
6. Клементинская Е.А., Назарова У.А. Влияние эмоционального интеллекта на уровень жизнестойкости // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). 2022. № 1 (9). С. 9 – 27.
7. Хлевная Е.А., Киселева Т.С., Сергиенко Е.А., Никитина А.А., Осипенко Е.И. Роль эмоционального интеллекта в профессиональном благополучии человека // Казанский педагогический журнал. 2020. № 6. С. 265 – 273.
8. Arjit P., Shardul Sh., Vijayshri T. Impact of Emotional Intelligence on employability of IT professionals // Management Insight - The Journal of Incisive Analysers. 2018. № 1 (14). P. 14 – 21.
9. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3 – 22.
10. Рубцова Н.Е., Ефремова Г.И. Психологические особенности субъектов труда в профессиях информационного типа // Психолого-педагогический поиск. 2021. № 3 (59). С. 147 – 163.

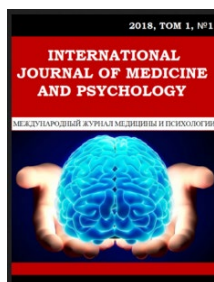
References

1. Paskenova A.V., Makaricheva E.V., Fatkhutdinova L.M. Psychological characteristics of IT workers with different professional tasks. Neurological Bulletin. 2018. No. 1 (L). P. 33 – 36.
2. Goffman O.O., Vodopyanova N.E., Dzhumagulova A.F., Nikiforov G.S. The problem of professional burnout of specialists in the field of information technology: a theoretical review. Organizational Psychology. 2023. No. 1 (13). P. 117 – 144.
3. Sorokoumova E.A., Fadeev D.S. Study of psychological foundations of the problem of loss of meaning in professional activity of IT workers. Meaning formation and its contexts: life, structure, culture, experience. 2022. No. 1. P. 115 – 118.
4. Leontiev D.A., Rasskazova E. I. Vitality test. Moscow: Smysl, 2006. 63 p.
5. Maddi S.R. The Story of Hardiness: Twenty Years of Theorizing, Research, and Practice. Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 2002. No. 3 (54). P. 173 – 185.
6. Klementinskaya E.A., Nazarova U.A. The influence of emotional intelligence on the level of viability. Innovative scientific modern academic research trajectory (INSIGHT). 2022. No. 1 (9). P. 9 – 27.
7. Khlevnaya E.A., Kiseleva T.S., Sergienko E.A., Nikitina A.A., Osipenko E.I. The role of emotional intelligence in a person's professional well-being. Kazan Pedagogical Journal. 2020. No. 6. P. 265 – 273.
8. Arjit P., Shardul Sh., Vijayshri T. Impact of Emotional Intelligence on employability of IT professionals. Management Insight – The Journal of Incisive Analysers. 2018. No. 1 (14). P. 14 – 21.
9. Lyusin D.V. New methodology for measuring emotional intelligence: the EmIn questionnaire. Psychological diagnostics. 2006. No. 4. P. 3 – 22.
10. Rubtsova N.E., Efremova G.I. Psychological characteristics of labor subjects in information-type professions. Psychological and pedagogical search. 2021. No. 3 (59). P. 147 – 163.

Информация об авторах

Радченко П.А., Дальневосточный федеральный университет, radchenko.pa@dvfu.ru

Осинская С.А., кандидат психологических наук, Дальневосточный федеральный университет, osinskaya.sa@dvfu.ru

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Рыбина С.А.,

¹ заведующий сектором, Департамент информационных технологий, Центр обслуживания вычислительной техники, Отдел обслуживания СВТ площадки №2, Территориальный сектор обслуживания компьютерных классов, Сибирский федеральный университет

Факторы цифровой среды, стимулирующие проявление агрессивности личности

Аннотация: по мере того как цифровая среда стремительно охватывает образование и социальные коммуникации, агрессия в интернете становится всё более привычным явлением. Это явление приобретает особую актуальность для педагогической психологии, так как требует переосмысления факторов, способствующих формированию агрессии личности в цифровой среде. В статье представлен обзор современных отечественных и зарубежных исследований, посвящённых изучению взаимосвязей между интернет- и смартфон-зависимостью, снижением уровня эмпатии, повышенной тревожностью и агрессивным поведением. Выделяется особая роль эмпатии как буферного механизма, снижающего риск агрессии при высоком уровне цифрового вовлечения. Рассмотрены также личностные предикторы агрессии – такие как нейротизм, импульсивность, когнитивные искажения, – а также психофизиологические и когнитивные аспекты, усугубляющие деструктивные формы поведения. Обосновано влияние феномена онлайн-дисингибиции и цифровой дезиндивидуации на снижение саморегуляции в сети. В завершение предложены направления психодиагностики и профилактики цифровой агрессии в образовательной среде. Автор приходит к выводу о необходимости комплексного подхода к изучению цифровой агрессии, учитывающего как индивидуально-личностные, так и средовые компоненты, что особенно важно в контексте психодиагностики и сопровождения обучающихся.

Ключевые слова: цифровая агрессия, интернет-зависимость, эмпатия, тревожность, кибербуллинг, психодиагностика, цифровая среда, подростки, педагогическая психология

Для цитирования: Рыбина С.А. Факторы цифровой среды, стимулирующие проявление агрессивности личности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 98 – 105.

Поступила в редакцию: 8 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Rybina S.A.,

¹ Head of the Sector, Department of Information Technology, Computer Technology Service Center, Department of Maintenance of SVT Site No. 2, Territorial Computer Classroom Service Sector, Siberian Federal University

Digital environment that stimulate the manifestation of personal aggressiveness

Abstract: in the context of the rapid expansion of the digital space and its integration into the educational and social environment, aggressive behavior in online communication is increasingly being recorded. This phenomenon is becoming particularly relevant for educational psychology, as it requires a rethink of the factors contributing to the formation of personality aggression in the digital environment. The article provides an overview of modern domestic and foreign studies devoted to the study of the relationship between Internet and smartphone addiction, decreased empathy, increased anxiety and aggressive behavior. A special role of empathy is highlighted as a buffer

mechanism that reduces the risk of aggression with a high level of digital engagement. Personal predictors of aggression, such as neuroticism, impulsivity, and cognitive distortions, as well as psychophysiological and cognitive aspects that exacerbate destructive behaviors, are also considered. The influence of the phenomenon of online disinhibition and digital disindividuation on a decrease in self-regulation on the web is substantiated. Finally, the directions of psychodiagnostics and prevention of digital aggression in the educational environment are proposed. It is concluded that there is a need for an integrated approach to the study of digital aggression, taking into account both individual and environmental components, which is especially important in the context of psychodiagnostics and student support.

Keywords: digital aggression, Internet addiction, empathy, anxiety, cyberbullying, psychodiagnostics, digital environment, adolescents, educational psychology

For citation: Rybina S.A. Digital environment that stimulate the manifestation of personal aggressiveness. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 98 – 105.

The article was submitted: April 8, 2025; Approved after reviewing: June 5, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Современное общество переживает интенсивную цифровую трансформацию, охватывающую как сферу образования, так и все аспекты социальной жизни. Интеграция цифровых технологий в повседневное общение сопровождается не только расширением возможностей социализации, но и ростом девиантных форм поведения, в частности агрессии, проявляющейся в онлайн-среде. Цифровая агрессия, включая кибербуллинг, троллинг, словесные нападки и деструктивные формы взаимодействия в социальных сетях, становится значимой психологической и педагогической проблемой [1, 10, 11].

Актуальность исследования определяется необходимостью выявления факторов, способствующих агрессивности личности в цифровом пространстве. Данные многочисленных эмпирических работ свидетельствуют о связи между интернет-зависимостью и агрессивным поведением. Так, Wu et al. (2022) установили, что интернет-зависимость у подростков достоверно коррелирует с агрессией, а тревожность выступает медиатором этой связи [16]. Аналогичные выводы подтверждаются и другими исследованиями, фиксирующими позитивную связь между избыточным интернет-потреблением и дисфункциональными реакциями гнева [17].

Деструктивное увлечение смартфонами также связано с проявлениями агрессии. Исследование Wu, Zou, Tang и др. (2024) показало двунаправленную связь между агрессией и смартфон-зависимостью, при этом аффективная эмпатия выступает модератором: при её низком уровне взаимосвязь усиливается, а при высоком – ослабевает [16, 17]. Снижение эмпатии как фактор цифровой агрессии рассматривается и в отечественных работах [6-9]. Кроме того, киберагрессоры чаще де-

монстрируют выраженные черты нейротизма и импульсивности, а также когнитивные искажения [5, 7], что коррелирует с положениями девиантологии [4, 20].

Психологические механизмы, лежащие в основе цифровой агрессии, в том числе эффект онлайн-дисингибиции и феномен цифровой дезиндивидуации, способствуют снижению саморегуляции и социального контроля в интернет-коммуникации [12, 18]. Всё это ставит перед педагогической психологией задачи более глубокой диагностики, профилактики и коррекции агрессивного поведения в цифровой образовательной среде [2, 15].

Научная значимость данного исследования заключается в систематизации и интерпретации разрозненных эмпирических данных о психологических и поведенческих предикторах цифровой агрессии, а также в интеграции современных зарубежных и отечественных подходов к пониманию её механизмов. Полученные выводы могут служить основой для разработки диагностических инструментов и профилактических программ в образовательной среде, направленных на снижение агрессивности и развитие цифровой эмпатии.

Цель статьи – осуществить обзор и анализ факторов цифровой среды, влияющих на агрессивность личности, опираясь на междисциплинарный подход и современные эмпирические данные.

Задачи исследования:

- Проанализировать результаты актуальных эмпирических исследований по теме цифровой агрессии;
- Рассмотреть психологические механизмы, лежащие в основе цифровой агрессии (включая тревожность, эмпатию, импульсивность, когнитивные искажения);
- Выделить направления психодиагностики и профилактики цифровой агрессии в

образовательной среде.

Понимание факторов цифровой среды, провоцирующих агрессию, представляет особую значимость для систем профилактики девиантного поведения, формирования безопасной образовательной среды и развития эмоционального интеллекта в условиях цифровизации образования [1, 14].

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено в формате обзорно-аналитической работы и опирается на междисциплинарный анализ отечественных и зарубежных эмпирических и теоретических источников по проблеме цифровой агрессии. Основу материала составили 20 научных публикаций, включая рецензируемые статьи в международных и российских журналах, изданные в период с 2002 по 2024 год.

Отбор источников осуществлялся на основании следующих критериев: (1) наличие эмпирических данных о взаимосвязи агрессивного поведения с факторами цифровой среды; (2) фокус на подростковой и юношеской аудитории; (3) соответствие тематике психологии образования и девиантного поведения в цифровой среде.

Методологической основой служили положения когнитивно-поведенческого подхода, личностной психологии, теории девиантного поведения, а также психологии общения. Анализ литературных источников проводился с использованием методов контент-анализа, концептуального обобщения, меж сравнительного анализа и систематизации данных.

Результаты и обсуждения

Исследование цифровой агрессии опирается на комплексный теоретико-методологический фундамент, объединяющий классические и современные подходы к пониманию агрессивного поведения, концепции девиантности в цифровой среде, а также личностные регуляторы, детерминирующие склонность к агрессии.

В классической психологии агрессия рассматривается как устойчивое поведение, направленное на нанесение вреда другому, с различием между враждебной и инструментальной агрессией [11]. В отечественной научной традиции агрессивность трактуется как черта личности, проявляющаяся в поведенческих и эмоциональных реакциях, формирующихся в процессе социального взаимодействия [1]. Девиантологический подход, представленный в работах Е.В. Змановской (2004), рассматривает агрессию как форму отклоняющегося поведения, обусловленную нарушениями социализации и системой ценностных ориентаций [4].

Современные исследования подчеркивают, что в условиях цифровой среды агрессия приобретает

специфические формы, отличающиеся анонимностью, снижением эмпатийной вовлеченности и нарушением традиционных механизмов социального контроля. В рамках концепции цифровых девиаций рассматриваются такие феномены, как интернет-зависимость, кибербуллинг, троллинг и деструктивная онлайн-коммуникация [3, 15]. Существенное влияние на формирование онлайн-агрессии оказывает феномен онлайн-дисингибиции, описанный Дж. Сулером [18], проявляющийся в ослаблении поведенческих ограничений в условиях виртуальной анонимности. Модель формирования агрессии в цифровом контексте, предложенная С. Barlett и D. Gentile (2012), акцентирует внимание на когнитивных искажениях, онлайн-обучении агрессии и недостатке обратной связи как факторах усиления девиантного поведения [12].

В качестве личностных регуляторов агрессии особое значение приобретают тревожность, нейротизм и уровень эмпатии. Эмпирические исследования демонстрируют, что сниженная аффективная эмпатия усиливает связь между цифровыми зависимостями и агрессией, в то время как высокая эмпатия выполняет буферную функцию [6, 17]. Лица с выраженными чертами нейротизма чаще оказываются вовлеченными в агрессивные формы онлайн-взаимодействия, включая кибербуллинг, как это показано в работах Солдатова и Чигарькова [7, 8].

Таким образом, методологическая основа настоящего исследования опирается на сочетание когнитивно-поведенческого, личностного и девиантологического подходов, что позволяет комплексно рассматривать агрессию как результат взаимодействия индивидуальных и средовых факторов в условиях цифровизации.

Результаты анализа эмпирических исследований

Современные эмпирические исследования демонстрируют устойчивую взаимосвязь между цифровыми девиациями, личностными характеристиками и проявлениями агрессивного поведения в онлайн-среде. Рассмотрение ключевых направлений эмпирического анализа позволяет конкретизировать механизмы воздействия цифровой среды на формирование агрессии, а также выделить личностные и медиаторные факторы.

Интернет-зависимость и тревожность как медиаторы агрессии

В исследовании Wu et al. (2022) установлено, что интернет-зависимость у подростков в условиях пандемии COVID-19 статистически значимо коррелирует с уровнем агрессии. При этом тревожность выступает медиатором данной связи, усиливая вероятность агрессивных форм реагиро-

вания в условиях высокой цифровой вовлечённости. Полученные данные свидетельствуют о том, что тревожные состояния, возникающие на фоне зависимости от онлайн-контента, снижают устойчивость к фрустрации и провоцируют агрессивные реакции. Этот эффект находит подтверждение и в более широком контексте исследований о психологических последствиях цифровой гиперстимуляции [3, 14].

Смартфон-зависимость и роль эмпатии

Работа Wu, Zou, Tang и соавт. (2024) демонстрирует двунаправленную связь между проблемным использованием смартфонов (PSU) и агрессивным поведением. Важным модератором этих отношений выступает уровень аффективной эмпатии: при её низких значениях наблюдается рост агрессии, тогда как высокая эмпатия оказывает сдерживающее воздействие. Авторы подчеркивают роль эмпатии как буферного психологического механизма, снижающего выраженность агрессивных реакций в условиях цифровой перегрузки. Эти выводы согласуются с результатами исследования Холмогоровой и Клименковой (2016), акцентирующими снижение эмпатийных способностей у подростков, активно взаимодействующих в интернет-пространстве [16].

Цифровая гиперстимуляция и реакция гнева

Исследование Sun Kyung Kang et al. (2023) выявило положительную связь между избыточным интернет-потреблением и дисфункциональными реакциями гнева у молодых людей [17]. Гиперстимулирующее воздействие цифровой среды приводит к снижению способности к саморегуляции, что проявляется в повышенной раздражительности, импульсивности и склонности к вербальной агрессии. Эти данные позволяют утверждать, что цифровая гиперстимуляция нарушает эмоционально-волевую сферу, повышая уязвимость к внешним и внутренним стрессорам.

Цифровая агрессия в контексте кибербуллинга

В контексте агрессивного поведения в онлайн-пространстве особое внимание уделяется феномену кибербуллинга. В исследовании Солдатовой и Чигарьковой (2022) показано, что агрессоры в ситуациях кибербуллинга характеризуются более высокой интернет-зависимостью, сниженной эмпатией и выраженными чертами девиантного поведения [7]. Эти результаты подтверждаются данными Власовой и Буслаевой (2023), а также Карауш и Погореловой (2023), которые демонстрируют наличие когнитивных искажений, повышенного нейротизма и импульсивности у субъектов, инициирующих цифровую агрессию [2, 5]. Таким образом, в кибербуллинге проявляется интеграция личностных и цифровых факторов, формирующих

устойчивые паттерны агрессивного взаимодействия в онлайн-среде.

В совокупности, эмпирические данные подтверждают мультифакторную природу цифровой агрессии, где ключевую роль играют интернет- и смартфон-зависимость, тревожность, эмпатия, а также личностные особенности, такие как нейротизм и импульсивность.

Интерпретация и синтез факторов цифровой среды

Анализ современных эмпирических исследований позволяет выделить совокупность взаимосвязанных факторов цифровой среды, способствующих проявлению агрессивного поведения личности. В их основе лежат как ситуативные, так и устойчивые личностные характеристики, опосредованные когнитивными и аффективными механизмами.

Интернет-зависимость как фактор риска

Интернет-зависимость выступает устойчивым предиктором цифровой агрессии, функционируя как в прямом, так и в косвенном отношении. С одной стороны, она способствует когнитивной перегрузке, снижая способность к произвольному контролю эмоций и поведения [17]. С другой – активирует медиаторные механизмы, включая повышенную тревожность, нарушения сна, ухудшение аффективной эмпатии и социальной рефлексии. Указанные механизмы подтверждаются как в зарубежных источниках, так и в российских работах, подчёркивающих феномен «цифрового сгорания» и его деструктивное влияние на регуляцию поведения [3].

Эмпатия как буферный и защитный фактор

Эмпатия выполняет ключевую защитную функцию, сдерживая развитие агрессии при высокой цифровой вовлечённости. Исследования показали, что низкий уровень аффективной эмпатии усиливает взаимосвязь между цифровыми девиациями и агрессивным поведением, в то время как её высокий уровень нивелирует подобные тенденции [6, 16]. Таким образом, эмпатия может рассматриваться как буферный психологический фактор, снижающий восприимчивость к деструктивным влияниям цифровой среды и модулирующий эмоциональную реактивность.

Личностные и когнитивные предикторы цифровой агрессии

Личностные черты, такие как нейротизм, импульсивность и сниженный уровень саморефлексии, оказывают значимое влияние на склонность к агрессии в онлайн-пространстве. Исследования Солдатовой и Чигарьковой (2022), а также Dobrynin et al. (2022) и Liu et al. (2024) подтвердили, что высокий уровень нейротизма способствует

повышенной чувствительности к фрустрации и восприимчивости к провокациям, а импульсивность – снижает способность к когнитивной переработке информации перед действием [7-9, 14, 16]. Кроме того, когнитивные искажения, такие как враждебная атрибуция или моральное оправдание агрессии, также усиливают проявления онлайн-девиантности [17].

Цифровая дезиндивидуация и эффект онлайн-дисингибиции

Важным средовым фактором цифровой агрессии является феномен дезиндивидуации, подробно описанный в работе Suler (2004) как эффект онлайн-дисингибиции [18]. Отсутствие немедленных социальных санкций, анонимность, иллюзия невидимости и разделённость физического и виртуального пространства ведут к снижению самоконтроля и обострению латентных форм агрессии. В таких условиях субъекты склонны к вербальной агрессии, буллингу и другим девиантным формам поведения, которые в офлайн-среде могли бы быть подавлены механизмами социальной регуляции [12, 15].

Таким образом, цифровая среда создаёт сложный комплекс воздействий, при котором сочетаются личностные предрасположенности, когнитивные искажения и ситуационные особенности онлайн-взаимодействия. Для полноценного понимания феномена цифровой агрессии необходим междисциплинарный подход, включающий психологические, социокультурные и технологические переменные.

Практические рекомендации для диагностики и профилактики

Разработка эффективных мер по диагностике и профилактике цифровой агрессии требует учёта её многомерной природы, включающей индивидуальные, личностные и средовые компоненты. В образовательной среде особенно актуально внедрение психолого-педагогических стратегий, направленных на раннее выявление и коррекцию факторов риска.

Психодиагностика цифровой агрессии в образовательных учреждениях.

Одним из ключевых направлений является организация регулярной диагностики учащихся с целью оценки уровня цифровой вовлечённости, тревожности, эмпатии и склонности к агрессии. Эмпирические данные свидетельствуют, что интернет-зависимость, снижение эмпатии и высокий уровень тревожности тесно связаны с рисками деструктивного поведения в цифровом пространстве [7, 17]. Рекомендуется использование комплексного скрининга, позволяющего вычленить учащихся с повышенным риском цифровой агрессии.

Примеры анкет и шкал для диагностики.

В диагностической практике могут быть применены следующие методики:

- Шкала интернет-зависимости К. Янг (IAT) – для оценки степени патологического интернет-потребления.
- Опросник эмпатии М. Дэвиса (Interpersonal Reactivity Index) – для измерения когнитивного и аффективного компонентов эмпатии.
- Шкала реактивной и личностной тревожности Ч. Спилбергера – для выявления тревожных состояний.

Комплексный анализ результатов по указанным методикам позволяет выделить учащихся, находящихся в зоне риска, и спланировать индивидуализированную профилактическую работу.

Психолого-педагогические технологии повышения цифровой эмпатии

Одним из эффективных подходов в профилактике цифровой агрессии выступает формирование и развитие цифровой эмпатии как ключевого регулятора межличностного взаимодействия. В условиях цифровизации коммуникации учащиеся нуждаются в целенаправленных интервенциях, направленных на осознание эмоциональных последствий онлайн-общения.

Рекомендуются следующие формы работы:

- Психолого-педагогические тренинги эмпатии, моделирующие онлайн-ситуации и обучающие стратегиям понимания чувств другого.
- Развивающие занятия с использованием медиа-контента, направленные на рефлекссию и анализ деструктивного и конструктивного поведения в сети.
- Проектные формы работы (дебаты, кейсы, игры), развивающие навыки цифровой этики и эмоционального самоконтроля.

Профилактика деструктивного интернет-потребления и развитие саморегуляции.

В целях профилактики интернет-зависимости и агрессивного реагирования в цифровой среде важно развивать навыки саморегуляции. К ним относятся способность к произвольному вниманию, эмоциональной саморефлексии и планированию онлайн-активности.

Профилактические мероприятия включают:

- Внедрение программ цифровой гигиены, обучающих осознанному использованию цифровых устройств.
- Развитие навыков тайм-менеджмента и стресс-менеджмента в условиях информационной перегрузки.
- Работу с родителями и педагогами, направленную на формирование единой среды

поддержки, контроля и эмпатийного взаимодействия с подростками.

Таким образом, профилактика цифровой агрессии должна носить системный характер и основываться на междисциплинарном подходе, сочетающем диагностические, коррекционные и развивающие компоненты в рамках образовательного пространства.

Выводы

Проведённое теоретико-эмпирическое исследование позволяет сделать ряд выводов о природе и психологических механизмах агрессивного поведения в цифровой среде. Анализ научной литературы и результатов актуальных эмпирических исследований подтвердил, что цифровая агрессия представляет собой полифакторное явление, в основе которого лежит сложное взаимодействие личностных, когнитивных и средовых детерминант.

Прежде всего, интернет-зависимость была выявлена как значимый фактор риска, способный как напрямую (через когнитивную перегрузку и снижение самоконтроля), так и опосредованно (посредством повышения тревожности, нарушений сна и дефицита эмпатии) усиливать проявления агрессии. Эмпатия, в свою очередь, продемонстрировала защитный потенциал, выступая в качестве буфера, смягчающего деструктивные поведенческие реакции, особенно в условиях высокой цифровой вовлечённости.

Личностные особенности – нейротизм, импульсивность, склонность к тревожности – также играют существенную роль в формировании агрессивных паттернов онлайн-поведения. Кроме того, феномены дезиндивидуации и онлайн-дисингибиции значительно ослабляют внутренние механизмы саморегуляции и морального контроля, что создаёт дополнительные условия для цифровой агрессии [17].

Реализация поставленных задач исследования позволила:

- проанализировать и систематизировать эмпирические данные последних лет, подтверждающие значимость как индивидуальных (эмоциональных и личностных), так и внешне-средовых факторов цифровой агрессии;

- выявить ключевые психологические механизмы цифровой агрессии, включая нарушения эмпатии, тревожность, аффективную неустойчивость и особенности когнитивной переработки информации в цифровом контексте;

- обозначить направления диагностики и профилактики, включающие использование валидных шкал и анкет, внедрение психолого-педагогических программ по развитию цифровой эмпатии и саморегуляции, а также просветительскую работу в образовательной среде.

Полученные результаты подчёркивают необходимость междисциплинарного подхода к изучению и коррекции цифровой агрессии. Эффективное противодействие агрессивным проявлениям в онлайн-пространстве требует интеграции усилий специалистов в области психологии, педагогики, медиакоммуникаций и цифровой гигиены. В перспективе важным направлением остаётся дальнейшая разработка и эмпирическая проверка превентивных программ, ориентированных на подростков и молодёжь – наиболее уязвимую группу пользователей. Кроме того, значительный потенциал представляют исследования, направленные на изучение цифровой агрессии в межкультурном контексте, а также её взаимосвязей с психофизиологическими показателями, стилями воспитания и особенностями семейного функционирования. Таким образом, углублённое понимание структуры и механизмов цифровой агрессии создаёт основу для формирования научно обоснованных профилактических и коррекционных стратегий, способствующих укреплению психологической безопасности личности в условиях современной цифровой среды.

Список источников

1. Бодалев А.А. Психология общения: избранные психологические труды. 2-е изд. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002. 384 с.
2. Власова Н.В., Буслаева Е.Л. Кибербуллинг в подростковом возрасте: агрессор и жертва // Психология и право. 2023. Т. 13. № 3. С. 56 – 71. DOI: 10.17759/psylaw.2023130305
3. Зинченко Ю.П. Психология безопасности в цифровом мире // Национальный психологический журнал. 2020. № 1 (37). С. 3 – 14. DOI: 10.11621/npj.2020.0101
4. Змановская Е.В. Девиантология: психология девиантного поведения. М.: Академия, 2004. 288 с.
5. Карауш Е.В., Погорелова Е.И. Личностные предикторы кибервиктимности и кибербуллинга в юношеском возрасте // Психология и право. 2023. Т. 13. № 1. С. 18 – 32. DOI: 10.17759/psylaw.2023130103
6. Холмогорова А.Б., Клименкова Е.Н. Общение в Интернете и эмпатия в подростковом и юношеском возрастах // Психолого-педагогические исследования. 2016. Т. 8. № 4. С. 102 – 112. DOI: 10.17759/psP.2016080411

7. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Специфика онлайн-общения, удовлетворённость жизнью и социальная ответственность у подростков и молодёжи с разным размером социального онлайн-капитала // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 1. С. 5 – 18.
8. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н. Роль агрессии в распространении деструктивного контента молодыми людьми // Национальный психологический журнал. 2022. № 3. С. 25 – 38.
9. Солдатова Г.У., Илюхина С.Н. Поколение цифровой социализации: гиперподключённость и новая социальность // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 5. С. 259 – 264.
10. Al-Turif G.A.R., Al-Sanad H.A.R. The roots of digital aggression: Exploring cyber-violence through a systematic literature review // International Journal of Information Management Data Insights. 2024. Vol. 4. Issue 2. C. 100281. DOI: 10.1016/j.jjimei.2024.100281
11. Anderson C.A., Bushman B.J. Human aggression // Annual Review of Psychology. 2002. Vol. 53. P. 27 – 51. DOI: 10.1146/annurev.psych.53.100901.135231
12. Barlett C.P., Gentile D.A. Attacking others online: The formation of cyberbullying in late adolescence // Psychology of Popular Media Culture. 2012. Vol. 1. No. 2. P. 123 – 135. DOI: 10.1037/a0028113
13. Bodalev A.A. Personality and communication. Moscow: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya, 1995. 324 p.
14. Dobrynin N.I., Dementieva I.G., Petrenko Y.D. Cognitive Neuroscience: Principles, Applications, Future Perspectives. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2022. 456 p.
15. Kowalski R.M., Giumetti G.W., Schroeder A.N., Lattanner M.R. Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth // Psychological Bulletin. 2014. Vol. 140. No. 4. P. 1073 – 1137. DOI: 10.1037/a0035618
16. Liu S., Wu X., Yuan J. The impact of growth environment on individual crime behavior // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. 22. P. 408 – 416. DOI: 10.54097/ehss.v22i.12489
17. Qiu Y., Sun Q., Wu B., Li F. Is high exposure to antisocial media content associated with increased participation in malicious online trolling? Exploring the moderated mediation model of hostile attribution bias and empathy // BMC Psychology. 2024. Vol. 12. P. 401. DOI: 10.1186/s40359-024-01898-0
18. Suler J. The online disinhibition effect // CyberPsychology & Behavior. 2004. Vol. 7. No. 3. P. 321 – 326. DOI: 10.1089/1094931041291295
19. Tokunaga R.S. Following you home from school: A critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization // Computers in Human Behavior. 2010. Vol. 26. No. 3. P. 277 – 287. DOI: 10.1016/j.chb.2009.11.014
20. Zmanovskaya E.V. Deviantology (Psychology of Deviant Behavior). Moscow: Academy Publishing Centre. 2003. 288 p.

References

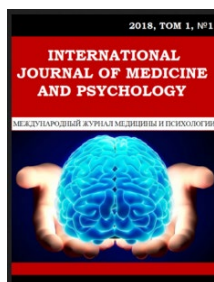
1. Bodalev A.A. Psychology of communication: selected psychological works. 2nd ed. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO "MODEK", 2002. 384 p.
2. Vlasova N.V., Buslaeva E.L. Cyberbullying in adolescence: aggressor and victim. Psychology and Law. 2023. Vol. 13. No. 3. P. 56 – 71. DOI: 10.17759/psylaw.2023130305
3. Zinchenko Yu.P. Psychology of security in the digital world. National Psychological Journal. 2020. No. 1 (37). P. 3 – 14. DOI: 10.11621/npj.2020.0101
4. Zmanovskaya E.V. Deviantology: Psychology of Deviant Behavior. Moscow: Academy, 2004. 288 p.
5. Karaush E.V., Pogorelova E.I. Personality Predictors of Cybervictimization and Cyberbullying in Adolescence. Psychology and Law. 2023. Vol. 13. No. 1. P. 18 – 32. DOI: 10.17759/psylaw.2023130103
6. Kholmogorova A.B., Klimenkova E.N. Online Communication and Empathy in Adolescence and Young Adulthood. Psychological and Pedagogical Research. 2016. Vol. 8. No. 4. P. 102 – 112. DOI: 10.17759/psP.2016080411
7. Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Ilyukhina S.N. Specificity of online communication, life satisfaction and social responsibility among adolescents and young people with different sizes of online social capital. Psychological Science and Education. 2023. Vol. 28. No. 1. P. 5 – 18.
8. Soldatova G.U., Chigarkova S.V., Ilyukhina S.N. The role of aggression in the dissemination of destructive content by young people. National Psychological Journal. 2022. No. 3. P. 25 – 38.
9. Soldatova G.U., Ilyukhina S.N. Generation of digital socialization: hyperconnectivity and new sociality. Psychological studies. 2021. Vol. 14. No. 5. P. 259 – 264.

10. Al-Turif G.A.R., Al-Sanad H.A.R. The roots of digital aggression: Exploring cyber-violence through a systematic literature review. *International Journal of Information Management Data Insights*. 2024. Vol. 4. Issue 2. P. 100281. DOI: 10.1016/j.jjime.2024.100281
11. Anderson C.A., Bushman B.J. Human aggression. *Annual Review of Psychology*. 2002. Vol. 53. P. 27 – 51. DOI: 10.1146/annurev.psych.53.100901.135231
12. Barlett C.P., Gentile D.A. Attacking others online: The formation of cyberbullying in late adolescence. *Psychology of Popular Media Culture*. 2012. Vol. 1.No. 2. P. 123 – 135. DOI: 10.1037/a0028113
13. Bodalev A.A. Personality and communication. Moscow: Mezhdunarodnaya pedagogicheskaya akademiya, 1995. 324 p.
14. Dobrynin N.I., Dementieva I.G., Petrenko Y.D. Cognitive Neuroscience: Principles, Applications, Future Perspectives. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2022. 456 p.
15. Kowalski R.M., Giumetti G.W., Schroeder A.N., Lattanner M.R. Bullying in the digital age: A critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological Bulletin*. 2014. Vol. 140.No. 4. P. 1073 – 1137. DOI: 10.1037/a0035618
16. Liu S., Wu X., Yuan J. The impact of growth environment on individual crime behavior. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 22. P. 408 – 416. DOI: 10.54097/ehss.v22i.12489
17. Qiu Y., Sun Q., Wu B., Li F. Is high exposure to antisocial media content associated with increased participation in malicious online trolling? Exploring the moderated mediation model of hostile attribution bias and empathy. *BMC Psychology*. 2024. Vol. 12. P. 401. DOI: 10.1186/s40359-024-01898-0
18. Suler J. The online disinhibition effect. *CyberPsychology & Behavior*. 2004. Vol. 7. No. 3. P. 321 – 326. DOI: 10.1089/1094931041291295
19. Tokunaga R.S. Following you home from school: A critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization. *Computers in Human Behavior*. 2010. Vol. 26.No. 3. P. 277 – 287. DOI: 10.1016/j.chb.2009.11.014
20. Zmanovskaya E.V. Deviantology (Psychology of Deviant Behavior). Moscow: Academy Publishing Centre. 2003. 288 p.

Информация об авторе

Рыбина С.А., заведующий сектором, Департамент информационных технологий, Центр обслуживания вычислительной техники, Отдел обслуживания СБТ площадки № 2, Территориальный сектор обслуживания компьютерных классов, Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79, srybina@sfu-kras.ru

© Рыбина С.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Бочкарева О.Н.,

¹ Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Психологическая безопасность образовательной среды вузов ФСИН России: определение, уровни

Аннотация: влияние психологической безопасности образовательной среды вузов на профессиональное становление личности будущего специалиста среды является предметом изучения современной психологической науки относительно недавно. В научной литературе представлен ряд концепций обеспечения психологической безопасности образовательной среды вузов, однако, концепции для ведомственных вузов, отражающую специфику, нет. В статье рассматриваются современные концепции психологической безопасности образовательной среды вузов и их применимость к образовательной среде ведомственного вуза. Описываются специфические особенности образовательной среды вузов ФСИН России, а также уровни ее обеспечения. Под психологической безопасностью образовательной среды вузов ФСИН России автор понимает такое состояние среды, при котором обеспечивается психологическая готовность к выполнению служебных задач и психологическая устойчивость к стресс факторам служебной деятельности.

Ключевые слова: психологическая безопасность, образовательная среды, вузы ФСИН России

Для цитирования: Бочкарева О.Н. Психологическая безопасность образовательной среды вузов ФСИН России: определение, уровни // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 106 – 112.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Bochkareva O.N.,

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

Psychological safety of the educational environment of higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia: definition, levels

Abstract: the influence of psychological safety of the educational environment of universities on the professional development of the personality of a future specialist in the environment has been the subject of study of modern psychological science relatively recently. In scientific literature, a number of concepts of ensuring psychological safety of the educational environment of universities are presented, however, there is no concept for departmental universities that reflects the specifics. The article examines modern concepts of psychological safety of the educational environment of universities and their applicability to the educational environment of a departmental university. Specific features of the educational environment of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as the levels of its provision are described. Under psychological safety of the educational environment of universities of the Federal Penitentiary Service of Russia, the author understands such a state of the environment, which ensures psychological readiness to perform official tasks and psychological resistance to stress factors of official activity.

Keywords: psychological safety, educational environment, universities of the Federal Penitentiary Service of Russia

For citation: Bochkareva O.N. Psychological safety of the educational environment of higher education institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia: definition, levels. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 106 – 112.

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 5, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Уголовно – исполнительная система (далее – УИС) осуществляет функции по исполнению уголовных наказаний, содержанию под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. В настоящее время система испытывает ряд проблем, одна из которых является недостаточность кадров. Профессиональная подготовка кадров для УИС осуществляется высшими учебными заведениями (далее – вуз), целью которых является как формирование необходимых профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления служебной деятельности, так и формирование личности сотрудника, психологически способного справиться с трудностями и стресс факторами служебной деятельности. Достижение указанной цели возможно лишь в определенных, специально созданных психолого – педагогических условиях, одним из которых является психологическая безопасность образовательной среды вузов ФСИН России. Психологическая безопасность образовательной среды как ключевой фактор эффективного обучения и личностного развития рассматривается в современной науке не так давно. Теоретическая обоснованность данной проблемы состоит из различных подходов и концепций, основная часть которых предназначена для гражданских вузов, при этом нет ориентированности на специфические особенности ведомственных вузов. Ведомственные вузы отличаются жесткой иерархией, повышенными требованиями к дисциплине, высокой степенью стрессогенности и др. Традиционные модели психологической безопасности образовательной среды вуза не учитывают эти особенности, что делает их малоэффективными в данной среде. В связи с этим актуальность нашего исследования представляется в виде необходимости разработки и обоснования специализированных определений и уровней психологической безопасности образовательной среды вузов ФСИН России. В ходе изучения данной проблематики мы изучили наиболее ярко представленные и распространенные концепции в науке. Гипотезой исследования является предположение о том, что современная психологическая наука не содержит концепций пригодных для ведомственных вузов, поскольку не отражают их специфику. В статье рассматриваются научные труды таких ученых,

как И.А. Баева, О.Н. Богомяткова, Н.В. Юдин, Е.М. Климова, И.В. Гайдамашко, М.В. Сокольская, О.Ю. Богомолова, Л.В. Ведерникова, С.А. Еланцева, Н.В. Карпова, Д.В. Деулин, В.В. Бедрина, А.В. Личутин, О.О. Андронникова, Г.Н. Казанцева, А.Г. Маджуга, А.Р. Загитов, С.Н. Пономарев. Автор предлагает собственное понимание психологической безопасности образовательной среды вузов ФСИН России, а также определяет ее критерии и уровни.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось с опорой на общепсихологические принципы системности, развития, единства сознания и деятельности. Психологическая безопасность образовательной среды вузов ФСИН России изучалась как целостная система, совокупность компонентов (системный подход). Основным направлением выступило выявление рисков в образовательной среде и ресурсов для их преодоления (риск – ресурсный подход). Главным субъектом психологической безопасности образовательной среды вуза является курсант, его мотив, цели, стремление к самоактуализации и др. (личностно-деятельностный подход).

Результаты и обсуждения

Наиболее распространённой концепцией психологической безопасности образовательной среды вуза является концепция И.А. Баевой. Стоит отметить, что работы автора легли в основу понимания психологической безопасности в области образования. Обозначим основные компоненты ее концепции.

Прежде всего, И.А. Баева под психологической безопасностью понимает состояние защищенности личности от: психологического насилия (буллинга, давления, дискриминации и др.); информационных перегрузок; эмоционального истощения (как у студентов, так и преподавателей); потери самоидентичности (отсутствие уверенности в себе, подавление индивидуальности личности).

Образовательная среда вуза, по мнению автора, психологически безопасна, если: создается эмоциональный комфорт (отсутствует страх, тревога и др.); присутствует доверие во взаимоотношениях с окружающими; обучающиеся вовлечены в образовательный процесс; существует возможность для самореализации (творческие коллективы, научные кружки и др.) [2, с. 5-19].

Итак, И.А. Баева понимает под психологической безопасностью образовательной среды вуза «состояние образовательной среды, свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению основных потребностей в личностно-доверительном общении, создающее референтную значимость среды и обеспечивающее психическое здоровье включенных в нее участников» [3, с. 5-19].

Основными положениями концепции являются:

1. Главной целью образования является формирование личности, способной к самоактуализации.

2. В структуру образовательной среды входит материальный компонент, дидактический компонент, социально-психологический компонент.

3. Образовательная среда содержит в себе множество рисков и угроз позитивному развитию личности.

4. Риски воспринимаются субъективно, поэтому необходимо формировать у обучающихся социально-психологические компетенции.

И.А. Баева обращается к риск – ресурсному подходу при обеспечении психологической безопасности. Главными рисками И.А. Баева называет нехватка педагогических работников, недостаточная материальная оснащенность, недостаточная методическая обеспеченность образовательного процесса, не вовлеченность студентов и преподавателей в образовательный процесс, недостаточная культура безопасности участников образовательного процесса, не сформированность условий для психологической безопасности.

Концепция И.А. Баевой имеет ряд последователей, которые дополняют и предлагают свои критерии: отсутствие дистресса (О.Н. Богомякова) [5, с. 60-68]; высокий адаптационный потенциал (Е.М. Климова и И.В. Гайдамашко) [9, с. 90-102]; количество конфликтных ситуаций (Н.В. Юдин) [12, с. 43.]; мотивация к достижению успехов в профессиональной деятельности (М.В. Сокольская) [11, с. 1-10], профессионально – важные качества будущих специалистов (Л.В. Ведерникова) [6, с. 130-135].

Д.В. Деулин главной целью образовательной среды вуза ставит «совершенствование профессионально-нравственной составляющей в образовательной среде вуза МВД России» [7, с. 128-140].

Важно отметить, что автор идет вслед за И.А. Баевой в своем исследовании и соглашается с предложенным ею определением психологической безопасности образовательной среды вузов.

Создание психологической безопасности в образовательной среде вуза МВД России Д.В. Де-

улин предлагает осуществлять по минимизации следующих групп рисков, а именно:

1. Риски психологического насилия.

2. Риски отсутствия удовлетворения в доверительном общении.

3. Риски межличностных отношений участников образовательной среды вуза.

В.В. Бедрина и А.В. Личутин указывают на несостоятельность концепции И.А. Баевой и предлагают собственную.

Авторы обнаружили некоторые теоретические противоречия. Так, И.А. Баева в своей работе, хоть и указывает на структуру образовательной среды, но при этом нет понимания специфики среды. Также И.А. Баева критерии психологической безопасности возводит в «Абсолют» и не оставляет «зазора» для естественных процессов («трений») в образовательной среде. Референтная значимость является скорее характеристикой отношений между субъектами образовательной среды. Авторы отмечают, что определение И.А. Баевой содержит тавтологию, что показывает не развертывание понятие, а его перефразирование. Так, например, сотрудничество и так предполагает и отсутствие психологического насилия, и диалогичность отношений. Психологическая защищенность это и есть психологическая безопасность. В целом авторы указывают на негибкость

В.В. Бедрина и А.В. Личутин предлагают резильентно-ориентированную модель психологической безопасности образовательной среды. Данная концепция строится на способности субъектов образовательной среды не только противостоять угрозам и рискам, но и трансформироваться под их воздействием, сохраняя целостность и развиваясь. Основывая на принципе динамической устойчивости (резильентности), авторы утверждают, что психологическая безопасность проявляется в способности к восстановлению после дестабилизации. Динамическая устойчивость среды развивается путем обеспечения взаимодействия студентов (развитие адаптивных стратегий), педагогов (гибкость методов в стрессовых ситуациях) и администрации (оперативное реформирование правил при кризисах). Также В.В. Бедрина и А.В. Личутин впервые в своей концепции рассматривают онлайн – пространство (чаты, социальные сети обучающихся) в системе психологической безопасности образовательной среды вуза. Авторы предлагают осуществлять мониторинг цифровых коммуникаций для выявления скрытых угроз (преследования, дезинформирования). Кроме того, авторы настаивают на установлении жестких нормативных рамок в образовательной организации, при этом с возможностью вариантов применения методов в

достижении целей обучающимися. Огромное значение авторы отдают психологической культуре, как способности диагностировать изменения в образовательной среде. Таким образом, под психологической безопасностью образовательной среды вуза авторы понимают состояние среды, при котором нейтрализованы психологические риски и угрозы в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе. [4, с. 157-169].

О.О. Андронникова соглашается с определением психологической безопасности образовательной среды вуза, предложенным И.А. Басовой [1, с. 19- 27].

Однако, отличительной особенностью концепции О.О. Андронниковой является допущение учебных угроз в образовательной среде вуза. Данная концепция особенно актуальна для специалистов, чья деятельность протекает в экстремальных условиях. Автор предлагает формировать психологическую безопасность образовательной среды вуза на:

1. Развитии адаптационного потенциала обучающихся, так как это обеспечит защищенность в меняющихся условиях.

2. На трех основных взаимосвязанных уровнях:

2.1. Нормативно-деятельностный уровень, который связан с выполнением административной работы, соблюдением требований нормативных правовых актов, формированием материально технической базы образовательного учреждения, формированием корпоративной культуры вуза и др.

2.2. Личностно-профессиональный уровень, который связан с ресурсами образовательной среды, способствующих самоактуализации обучающихся.

2.3. Социально-педагогический уровень, который связан с формированием профессиональных качеств обучающихся.

3. Подготовке к действиям в экстремальных ситуациях.

4. На ресурсном подходе (развитие воли, самоконтроля, копинг – стратегии и др.).

Г.Н. Казанцева, А.Г. Маджуга и А.Р. Загитов предлагают собственную концепцию психологической безопасности образовательной среды вуза.

Авторы предлагают обеспечение психологической безопасности строить на управлении рисками, то есть осуществление систематического мониторинга и прогнозирование рисков в образовательной среде. Также отмечают важность эффективного управления образовательной организацией, с точки зрения компетентности администрации вуза. Г.Н. Казанцева, А.Г. Маджуга и А.Р. Загитов называют компоненты психологической безопасности, а именно: организационно – управленческий, психолого-педагогический, информационно – технологический [8, с. 1-10].

Авторы утверждают, что формирование психологической безопасности образовательной среды вуза должно осуществляться по отношению к профессорско – преподавательскому составу. Если преподаватели испытывают притеснение со стороны администрации вуза, то так или иначе проецируют свое состояние на обучающихся, а такие ситуации создают риски для позитивного развития личности. Для обеспечения психологической безопасности авторы предлагают формировать эмоциональную культуру преподавателей [8].

Г.Н. Казанцева, А.Г. Маджуга и А.Р. Загитов критериями психологической безопасности образовательной среды вуза называют:

1) Создание условий для самоактуализации личности обучающихся.

2) Построение взаимодействий осуществляется на постулатах ненасильственного общения (по М. Розенбергу) [8].

Сравнительный анализ концепций психологической безопасности образовательной среды вузов представлен в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительный анализ концепций психологической безопасности образовательной среды.

Table 1

Comparative analysis of concepts of psychological safety of the educational environment.

Автор концепции	Сильные стороны концепции	Слабые стороны концепции
И.А. Басова, О.Н. Богомяг-кова, Н.В. Юдин, М.В. Сокольская, О.Ю. Богомол-ва, Л.В. Ведерникова, С.А. Еланцева и др.	Определены критерии. Подходит для гражданских вузов.	Нет учета специфики образовательной среды. Создание «тепличных» условий. Противоречие между необходимостью формирования социально-психологических компетенций и отсутствием «зазора» для учебных угроз. Нет понимания рисков в каждом компоненте образовательной среды

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

В.В. Бедрина, А.В. Личутин	Гибкость концепции, возможность использования без учета специфики вуза. Риск – ресурсный подход.	Анализируются только риски, в среде отсутствуют специально-организованные психолого-педагогические условия.
О. О. Андронникова	Концепция подходит для специалистов кризисного типа. Предусмотрены уровни психологической безопасности.	Нет понимания принадлежности критериев к определенному уровню.
Г. Н. Казанцева, А. Г. Маджуга и А. Р. Загитов	Акцент на эмоциональной культуре	Акцент только на преподавателях. Нет понимания сущности среды.

Совершенно очевидным становится тот факт, что обеспечение психологической безопасности образовательной среды вуза зависит от его специфики, необходимых профессиональных качеств и условий будущей деятельности.

Образовательная среда вуза ФСИН России специфична и отличается от образовательной среды гражданских вузов. Специфика образовательной среды вузов ФСИН России складывается из трех основных направлений, а именно:

1. Выполнение требований служебной и учебной деятельности.

В Федеральном законе от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» одним из принципов службы в УИС является «единоначалие и субординация (подчиненность) на службе в уголовно-исполнительной системе». Реализуется данный принцип в подчинении командам старшего по должности и по званию офицера. Так, например, во время учебного занятия курсанты приветствуют преподавателя стоя, при этом подается команда «Смирно!», садятся курсанты на свои места с разрешения преподавателя и команды «Вольно! Садись!». Строгое соблюдение иерархии во взаимоотношениях между курсантом и педагогом ведущую роль отдает педагогу.

Кроме того, образовательный процесс сопровождается служебной деятельностью. Курсанты заступают в наряды, пропуски учебных занятий после отработывают на индивидуальных консультациях у преподавателей, выполняя задания по пропущенной теме. Данный распорядок требует от курсанта высокой физической выносливости и психологической устойчивости, волевых усилий.

2. Установление отношений в служебном

коллективе.

Группы курсантов являются более закрытыми группами в отличие от групп студенческих. Курсанты проживают совместно в общежитие института. Общение строится в основном только с товарищами. Общение с родителями возможно только в личное время, поскольку распорядок дня предусматривает полную занятость.

3. Формирование социально-психологических компетенций, необходимых для дальнейшей служебной деятельности.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО), по которым осуществляется подготовка специалистов УИС основаны на компетентном подходе, в состав которого входит практико-ориентированный подход. Курсанты выходят на практику со 2 курса. На протяжении всего обучения происходит «приращение» профессиональных знаний и компетенций. Как отмечает С.Н. Пономарев, специализированное образование в вузах УИС обеспечивает подготовку «выпускника, приспособленного к работе в уголовно-исполнительной системе на любой должности» [10, с. 14.].

Таким образом, при формировании психологической безопасности образовательной среды вузов ФСИН России необходимо учитывать:

1. Жесткая иерархия и субординация, что проявляется в выполнении уставных норм, подчинении и контроле при несении службы.

2. Высокий уровень стресса и депривации, что проявляется в повышенных физических и психологических нагрузках и необходимости психологической подготовки к действиям в экстремальных ситуациях.

3. Закрытость системы и ограниченность личных свобод, так как ведомственные вузы действуют как изолированные системы. Также необходимо учитывать психологическое состояние курсантов при изолированности.

4. Особые критерии «безопасности», в ведомственных вузах безопасность связана с

условиями выживания в жестких условиях, что требует иных психологических механизмов.

Именно поэтому в попытки дать определение психологической безопасности образовательной среды вуза ФСИН России мы основывались на необходимости формирования личности сотрудника, способного выполнять служебные задачи без вреда для собственного здоровья и такие аспекты служебной деятельности, как:

✓ Необходимость адаптации к стрессу, вместо его минимизации или вовсе устранения.

✓ Необходимость формирования психологической устойчивости, а не просто создание эмоционального комфорта.

✓ Роль коллектива и сплоченности в условиях жесткой иерархии.

Выводы

Таким образом, мы предлагаем авторское определение психологической безопасности

образовательной среды вузов ФСИН России, под которым мы будем понимать такое состояние среды, при котором обеспечивается психологическая готовность к выполнению служебных задач и психологическая устойчивость к стресс факторам служебной деятельности.

Учитывая специфику образовательной среды, обеспечение психологической безопасности мы предлагаем осуществлять с помощью системного, риск – ресурсного и личностно-деятельностного подходов на следующих уровнях: нормативно-деятельностном (готовность действовать в условиях опасности); личностно-профессиональном (установление доверительных межличностных отношений в коллективе); социально-психологическом (формирование социально-психологических компетенций, необходимых для профессионального выполнения служебных задач).

Список источников

1. Андронникова О.О. Психологическая безопасность образовательной среды и ее роль в формировании и обучении личности. Актуальные проблемы специальной психологии образования // Мат VI и VII межрегиональных научно-практических конференций «Здоровье сберегающие технологии в семье и в школе (1-2 ноября 2006 г. и 26-27 ноября 2007 г.). Новосибирск: изд-во НГПУ, 2008. С. 19 – 27.
2. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании: монография. СПб.: Издательство «СОЮЗ», 2002. С. 112. ISBN 5-94033-148-3.
3. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды: становление направления и перспективы развития // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 3. С. 5 – 19.
4. Бедрина В.В., Личутин А.В. Психологическая безопасность образовательной среды: формирование понятия // Преподаватель XXI век. 2010. № 2. С. 157 – 169.
5. Богомягкова О.Н. Психологическая безопасность образовательного пространства вуза // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2013. № 1. С. 60 – 68.
6. Ведерникова Л.В., Еланцева С.А., Карпова Н.В. Становление личностно-профессиональных качеств студентов как индикатор психологической безопасности образовательной среды педагогического вуза // Педагогическое образование и наука Научно-методический журнал. 2016. № 2. С. 130 – 135.
7. Деулин Д.В. Психологическая безопасность образовательной среды вуза правоохранительной системы // Психолог. 2014. № 3. С. 128 – 140.
8. Казанцева Г.Н., Маджуга А.Г., Загитов А.Р. Эмоциональная культура как основа психологической безопасности образовательной среды // Медико-фармацевтический журнал «Пульс». 2013. № 1-4. С. 287 – 291.
9. Климова Е.М., Гайдамашко И.В. Психологическая безопасность образовательной среды вуза как основа формирования профессионала // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. № 1. С. 90 – 102.
10. Пономарев С.Н. Рязанский институт права и экономики: тридцатилетний опыт подготовки кадров для УИС России // Человек: преступление и наказание. 2000. № 1. С. 14 – 22.
11. Сокольская М.В., Богомолова О.Ю. Психологическая безопасность образовательной среды как фактор мотивационной готовности к деятельности студентов вуза // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 2. С. 1 – 10.
12. Юдин Н.В. Психологическая безопасность образовательной среды вуза правоохранительной системы // Психолог. 2014. № 3. С. 128 – 140.

References

1. Andronnikova O.O. Psychological safety of the educational environment and its role in the formation and training of the individual. Actual problems of special psychology in education. Proceedings of the VI and VII inter-regional scientific and practical conferences "Health-saving technologies in the family and at school (November 1-2, 2006 and November 26-27, 2007). Novosibirsk: NGPU Publishing House, 2008. P. 19 – 27.
2. Baeva I.A. Psychological safety in education: monograph. St. Petersburg: SOYUZ Publishing House, 2002. P. 112. ISBN 5-94033-148-3.
3. Baeva I.A. Psychological safety of the educational environment: formation of the direction and development prospects. *Extreme Psychology and Personal Safety*. 2024. V. 1. No. 3. P. 5 – 19.
4. Bedrina V.V., Lichutin A.V. Psychological safety of the educational environment: formation of the concept. *Teacher XXI century*. 2010. No. 2. P. 157 – 169.
5. Bogomyagkova O.N. Psychological safety of the educational space of the university. *Bulletin of Pseudomonas GPU. Series No. 1. Psychological and pedagogical sciences*. 2013. No. 1. P. 60 – 68.
6. Vedernikova L.V., Elantseva S.A., Karpova N.V. Formation of personal and professional qualities of students as an indicator of psychological safety of the educational environment of a pedagogical university. *Pedagogical education and science Scientific and methodological journal*. 2016. No. 2. P. 130 – 135.
7. Deulin D.V. Psychological safety of the educational environment of the university of the law enforcement system. *Psychologist*. 2014. No. 3. P. 128 – 140.
8. Kazantseva G.N., Madzhuga A.G., Zagitov A.R. Emotional culture as the basis for psychological safety of the educational environment. *Medical and pharmaceutical journal "Pulse"*. 2013. No. 1-4. P. 287 – 291.
9. Klimova E.M., Gaidamashko I.V. Psychological safety of the educational environment of the university as the basis for the formation of a professional. *Theoretical and experimental psychology*. 2023. No. 1. P. 90 – 102.
10. Ponomarev S.N. Ryazan Institute of Law and Economics: thirty years of experience in training personnel for the Federal Penitentiary Service of Russia. *Man: Crime and Punishment*. 2000. No. 1. P. 14 – 22.
11. Sokolskaya M.V., Bogomolova O.Yu. Psychological safety of the educational environment as a factor in the motivational readiness of university students for activities. *The World of Science. Pedagogy and Psychology*. 2020. No. 2. P. 1 – 10.
12. Yudin N.V. Psychological safety of the educational environment of a law enforcement university. *Psychologist*. 2014. No. 3. P. 128 – 140.

Информация об авторе

Бочкарева О.Н., преподаватель, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, olga.bochkareva88@mail.ru

© Бочкарева О.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.99

¹ Недашковская В.А.,

¹ Аристова И.Л.,

¹ Дальневосточный федеральный университет

Профессиональная идентичность сотрудников и стратегии поведения в конфликте

Аннотация: в статье была проанализирована взаимосвязь между типом профессиональной идентичности сотрудников и их стратегиями поведения в конфликтных ситуациях. Работа охватывала как теоретические, так и эмпирические аспекты данной проблемы, что позволило всесторонне подойти к её изучению. Особое внимание уделяется различным стилям конфликтного поведения и их зависимости от уровня сформированности профессиональной идентичности. Эмпирическое исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о наличии значимой связи между уровнем профессиональной идентичности и предпочтением определённых стратегий поведения в конфликте. Установлено, что сотрудники с достигнутой профессиональной идентичностью чаще прибегают к сотрудничеству и компромиссу, в то время как диффузный и преждевременный типы идентичности коррелируют с выбором соперничества и избегания. Это свидетельствует о том, что сформированная профессиональная идентичность не только способствует личностной устойчивости, но и оказывает положительное влияние на качество межличностных и рабочих отношений. Делается вывод о значимости развития профессиональной идентичности для повышения эффективности межличностных и профессиональных взаимодействий.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, стратегии поведения, конфликт, стиль взаимодействия, конструктивное поведение

Для цитирования: Недашковская В.А., Аристова И.Л. Профессиональная идентичность сотрудников и стратегии поведения в конфликте // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 113 – 118.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Nedashkovskaya V.A.,

¹ Aristova I.L.,

¹ Far Eastern Federal University

Professional identity of employees and conflict management strategies

Abstract: the article analyzes the relationship between the type of professional identity of employees and their strategies of behavior in conflict situations. The work covered both theoretical and empirical aspects of this problem, which allowed for a comprehensive approach to its study. Special attention is paid to various styles of conflict behavior and their dependence on the level of professional identity formation. Empirical research has confirmed the hypothesis that there is a significant relationship between the level of professional identity and the preference for certain behavioral strategies in conflict. It has been found that employees with an established professional identity are more likely to resort to cooperation and compromise, while diffuse and premature types of identity correlate with the choice of competition and avoidance. This indicates that the formed professional identity not only contributes to personal stability, but also has a positive impact.

Keywords: professional identity, behavioral strategies, conflict, interaction style, constructive behavior

For citation: Nedashkovskaya V.A., Aristova I.L. Professional identity of employees and conflict management strategies. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 113 – 118.

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

В условиях стремительных изменений в сфере труда и усложнения межличностных коммуникаций внутри организаций особую актуальность приобретает исследование профессиональной идентичности сотрудников и её влияния на поведение в конфликтных ситуациях. Современные коллективы характеризуются высокой степенью разнообразия профессиональных ролей, установок и норм, что усиливает вероятность возникновения противоречий. При этом способы, которыми сотрудники разрешают конфликты, во многом определяются не только ситуационными факторами, но и глубинными личностными установками, отражающимися в их профессиональной идентичности.

Вопросы формирования профессиональной идентичности рассматривались в трудах Э. Эриксона, Дж. Марсиа, К. Роджерса, Э. Фромма, а также отечественных исследователей: Л.Б. Шнейдер, И.С. Кона, В.А. Ядова, Н.С. Пряжников, В.Л. Примакова, Н.В. Антоновой. Психологические аспекты конфликтного поведения представлены в работах К. Томаса, Р. Блейка, Дж. Моултона, Г.М. Андреевой, Е.П. Белинской и других.

«Профессиональная идентичность – это психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной профессии и определенному профессиональному сообществу» [1, с. 14]. Это осознание способствует не только индивидуальному развитию, но и улучшению взаимодействия в профессиональной среде, что в свою очередь повышает общую эффективность работы команды.

Профессиональная идентичность представляет собой осознанное отношение индивида к своей профессиональной деятельности. Она включает в себя самоидентификацию с профессией, систему профессиональных целей и ценностей, выступает и фактором профессионального самоопределения, и показателем поведения личности в конфликтных ситуациях [2, с. 127].

Подобно тому, как осознание своей личной идентичности формирует человека, так и осознание профессиональной роли способствует его становлению как личности. Развитая профессиональная идентичность повышает стрессоустойчивость и мотивацию к дальнейшему профессиональному развитию [3, с. 196].

Образование, социальное окружение и профессиональный опыт оказывают воздействие на формирование профессиональной идентичности. Согласно исследованиям, до 60% профессиональной идентичности формируется благодаря взаимодействию с коллегами, наставниками и профессиональными сообществами, что подчеркивает значимость среды, в которой человек развивается как профессионал. В процессе профессиональной идентификации индивид осознает престиж и положение своей профессиональной группы в обществе [4, с. 201].

Профессиональная идентичность не является статичной и может изменяться на протяжении карьеры. Исследования показывают, что она может трансформироваться до 4-5 раз под влиянием внешних факторов, таких как смена работы, получение нового опыта или изменение жизненных целей. Эти изменения отражают адаптацию человека к новым условиям и требованиям профессиональной среды [5, с. 9].

Актуальность темы обусловлена необходимостью формирования эффективных инструментов управления конфликтами на основе индивидуально-психологических характеристик работников. В условиях глобализации, цифровизации и повышения требований к адаптивности персонала, профессиональная идентичность становится ключевым фактором устойчивости и эффективности индивидуального и командного функционирования. Особенно это значимо в российском контексте, где трансформация трудовых отношений сопровождается неопределённостью профессиональных траекторий и ростом конфликтного потенциала в коллективах.

Цель исследования – определение связи между стратегиями поведения в конфликте и типом профессиональной идентичности сотрудников.

Задачи исследования:

1. подобрать выборку респондентов;
2. подобрать методики для диагностики стратегий поведения в конфликте сотрудников с различным типом профессиональной идентичности;
3. организовать и провести эмпирическое исследование;
4. провести анализ данных, проинтерпретировать полученные результаты.

Гипотеза исследования: существует связь между типом профессиональной идентичности и

предпочитаемой стратегией поведения в конфликте.

Дополнительные гипотезы:

1. Тип профессиональной идентичности сотрудников определяет выраженность склонности к конструктивным или деструктивным стратегиям поведения в конфликте: при достигнутой идентичности наблюдается ориентация на сотрудничество и компромисс, при преждевременном и диффузном типе – на избегание и соперничество.

2. Сотрудники с малым профессиональным стажем (менее 1 года) чаще прибегают к стратегии приспособления, чем сотрудники со средним стажем (4-6 лет).

3. Сотрудники с информационным стилем идентичности чаще выбирают стратегию сотрудничества, чем сотрудники с нормативным стилем.

Материалы и методы исследований

Методы исследования: теоретический анализ психологической литературы по теме исследования; организационные – сравнительный; эмпирические – психодиагностические; способы обработки данных – методы математико-статистического анализа данных; интерпретационные – структурный.

Методики эмпирического исследования: методика исследования профессиональной идентичности (Л.Б. Шнейдер, 2007); тест Томаса-Килманна (адаптация Н. В. Шаньгина, 2015), методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев, 2004). Опросник стилей идентичности М. Берзонски ISI5 (адаптация И. Бронина, 2013).

Результаты и обсуждения

Исследование было проведено на базе компании ООО «Искра.Эксперт». В исследовании приняло участие 70 респондентов с разным опытом работы и уровнем образования: 40 женщин (57%) и 30 мужчин (43%) в возрасте от 18 до 40 лет. Средний возраст респондентов – 27 лет.

В результате проведения исследования с помощью методики исследования профессиональной идентичности Л.Б. Шнейдер [6, с. 314] было установлено следующее распределение баллов по уровню профессиональной идентичности: преждевременная идентичность выражена у 11 человек (16%), диффузная – 22 человека (32%), мораторий – 14 человек (20%), достигнутая – 9 человек (12%), псевдоидентичность – 14 человек (20%).

Анализ уровня профессиональной идентичности показал, что только у 12% респондентов выявлена достигнутая профессиональная идентичность, отражающая осознанное принятие профессиональной роли и устойчивую

интеграцию профессиональных ценностей в Я-концепцию. Напротив, почти половина выборки имеет неустойчивую идентичность – диффузную (32%) или псевдо-идентичность (20%). Это свидетельствует о доминировании у значительной части респондентов неосознанных, ситуативных или навязанных моделей профессионального самоопределения. Такая структура профессиональной идентичности может быть фактором, повышающим вероятность напряженности в межличностных отношениях и нестабильного поведения в конфликте.

По результатам анализа второй методики «Опросник стилей идентичности ISI5» М. Берзонски [7, с. 220] было установлено следующее распределение. Информационный стиль преобладает у 34 респондентов (49%), диффузный – у 17 респондентов (24%), нормативный – у 19 респондентов (27%).

Информационный стиль ассоциируется с критическим мышлением и устойчивым стремлением к самоопределению, что может способствовать конструктивному поведению в конфликте. Нормативный стиль, характеризующийся зависимостью от внешних норм и авторитетов, может способствовать ригидному поведению и снижению готовности к диалогу в конфликтных ситуациях. Диффузный стиль, связанный с избеганием и неуверенностью в выборе, может объяснять склонность к деструктивному поведению [8, с. 17].

Результаты по опроснику стилей идентичности ISI-5 показали, что информационный стиль преобладает у большинства респондентов (49%). Это позволяет говорить о развитом уровне когнитивной активности и склонности к исследованию собственной идентичности в контексте личностного и профессионального развития. Вместе с тем, наличие диффузного (24%) и нормативного (27%) стилей у большей части участников может объяснять наличие конфликтных затруднений и неустойчивого поведения в трудных ситуациях.

Третья методика, которая была использована в исследовании – тест Томаса-Килманна в адаптации Н. В. Шаньгина [9, с. 47]. Он показал, что избегание преобладает у 12 человек (17%), компромисс – у 18 человек (26%), приспособление – у 7 человек (10%), соперничество – у 21 человека (30%), сотрудничество – у 12 человек (17%).

Распределение по результатам теста продемонстрировало, что наиболее частыми стратегиями стали соперничество (21 человек – 30%) и компромисс (18 человек – 26%). Данное

распределение может свидетельствовать о доминировании установок, ориентированных либо на жёсткое отстаивание собственных интересов, нередко без учёта позиции оппонента, либо на поиск частичного удовлетворения обеих сторон за счёт взаимных уступок. Сотрудничество, которое считается наиболее конструктивной стратегией, встречается реже (12 человек – 17%), что может быть связано как с дефицитом навыков эффективного взаимодействия, так и с внутренними барьерами, связанными с особенностями идентичности.

Избегание (12 человек – 17%) и приспособление (7 человек – 10%), отражающие пассивные модели поведения, оказались менее выраженными. Они указывают на определённую неуверенность, избегание ответственности за решение конфликтной ситуации и потенциальную трудность с адаптацией в коллективе.

Следующая методика, которая была использована – «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев) [10, с. 219]. Она позволила диагностировать показатель общего уровня конфликтности, который может проявляться на трёх уровнях: низкий – 18 человек (26%), средний – 31 человек (44%), высокий – 21 человек (30%).

Подобное распределение свидетельствует о том, что почти треть участников обладает выраженной склонностью к конфликтам, что может быть обусловлено как индивидуально-личностными особенностями, так и факторами профессиональной среды – высокой конкуренцией, недостаточной командной культурой или отсутствием чётких ролевых границ. Данные показатели подтверждают необходимость комплексного подхода к диагностике и профилактике конфликтного поведения в организациях, особенно в контексте формирования и развития профессиональной идентичности сотрудников.

Корреляционный анализ по Спирмену показал значимые связи между типом профессиональной идентичности и стратегиями поведения в конфликте. Положительные коэффициенты были установлены для сотрудничества ($r = 0,236$; $p \leq 0,05$) и компромисса ($r = 0,796$; $p \leq 0,01$), что подтверждает гипотезу о том, что идентичность, отражающая осознанность профессионального выбора и внутреннюю согласованность (достигнутая идентичность), связана с конструктивными стратегиями взаимодействия.

Отрицательные корреляции с соперничеством ($r = -0,380$; $p \leq 0,01$) и избеганием ($r = -0,841$; $p \leq 0,01$) свидетельствуют о том, что типы

идентичности, характеризующиеся неопределённостью, противоречивостью (преждевременная, диффузная) связаны с выбором деструктивных моделей поведения, при которых конфликт воспринимается как угроза или препятствие, требующее либо защиты, либо избегания.

Для выявления статистически достоверных различий был применён U-критерий Манна-Уитни. Он предназначен для оценки различий между двумя выборками по уровню какого-либо количественно измеренного признака. Чем меньше область перекрещивающихся значений, тем более вероятно, что различия достоверны. Эмпирическое значение критерия U отражает то, насколько велика зона совпадения между рядами. Поэтому чем меньше Uэмп, тем более вероятно, что различия достоверны.

В ходе исследования было установлено статистически значимое различие между сотрудниками с малым (до 1 года) и средним (4–6 лет) профессиональным стажем ($p = 0,041$). Респонденты с меньшим стажем чаще используют стратегию приспособления. Это может объясняться меньшей уверенностью в профессиональной роли и стремлением к сохранению отношений за счёт уступок.

Существенные различия также были выявлены между сотрудниками с информационным и нормативным стилями идентичности по стратегии сотрудничества ($p = 0,001$). Представители информационного стиля значительно чаще выбирают сотрудничество, чем те, кто придерживается нормативного. Это подтверждает предположение о том, что осознанный, гибкий подход к самоопределению связан с конструктивным стилем разрешения конфликтов.

Выводы

Гипотеза исследования – существует связь между типом профессиональной идентичности и предпочитаемой стратегией поведения в конфликте – подтверждается. Все дополнительные гипотезы также подтверждаются. Выявлена значимая связь между типом профессиональной идентичности и стратегиями поведения в конфликте: достигнутая идентичность связана с сотрудничеством и компромиссом, тогда как диффузная и преждевременная – с соперничеством и избеганием.

Стаж работы связан с выбором стратегии – менее опытные сотрудники чаще используют приспособление, что может говорить об их стремлении избегать открытого конфликта в пользу адаптации.

Стиль идентичности также связан с поведением в конфликте – сотрудники с информационным

стилем чаще выбирают сотрудничество, в отличие от сотрудников с нормативным стилем, что подтверждает влияние когнитивной гибкости на конфликтное поведение.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения её результатов при разработке и внедрении корпоративных программ, направленных на развитие профессиональной

идентичности и повышение конфликтологической компетентности персонала. Учет уровня профессиональной идентичности при формировании рабочих групп, распределении задач и построении систем мотивации также может повысить общую эффективность взаимодействия в организации.

Список источников

1. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. 128 с.
2. Кучеренко С.В. Категориальный анализ понятия «профессиональная идентичность» // Гуманитарные науки. 2021. № 1 (53). С. 127 – 132.
3. Корчагин Е.Н. Профессиональная идентичность: обзор зарубежных исследований // Педагогика и психология образования. 2023. С. 190 – 203.
4. Голуб Н.Н. Роль Е.Д. Ивлева профессиональной идентичности сотрудника в управлении персоналом // Всероссийская научная конференция «Достижения науки и технологий-ДНиТ-2021». 2021. № 2. С. 199 – 205.
5. Брызгалин Е.А., Александрова Ю.Ю., Пряжников Н.С. Теоретико-психологический анализ современных представлений о профессиональной идентичности: общие принципы // Психологические исследования. 2023. Т. 16. № 92. 45 с.
6. Шнейдер Л.Б. Психология идентичности. М.: Юрайт, 2019. 328 с.
7. Berzonsky M.D., Soenens B., Luyckx K., Smits I., Papini D.R. Development and validation of the revised Identity Style Inventory (ISI-5): Factor structure, reliability, and validity // Psychological Assessment. 2013. № 25 (3). P. 217 – 235.
8. Белинская Е.П., Бронин И.Д. Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М. Берзонски // СибСкрипт. 2014. С. 12 – 24.
9. Шаньгина Н.В., Загорюев А.Л. Опросник стилей управления конфликтом Томаса-Килманна – русскоязычная версия. Екатеринбург: УИПП, 2015. 84 с.
10. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2011. 508 с.

References

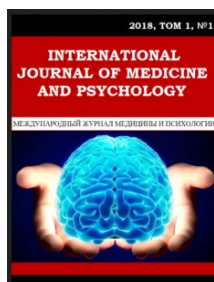
1. Schneider L.B. Personal, gender and professional identity: theory and methods of diagnostics. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute, 2007. 128 p.
2. Kucherenko S.V. Categorical analysis of the concept of "professional identity". Humanities. 2021. No. 1 (53). P. 127 – 132.
3. Korchagin E.N. Professional identity: a review of foreign studies. Pedagogy and psychology of education. 2023. P. 190 – 203.
4. Golub N.N. The role of E.D. Ivlev professional identity of an employee in personnel management. All-Russian scientific conference "Achievements of Science and Technology-DNiT-2021". 2021. No. 2. P. 199 – 205.
5. Bryzgalin E.A., Aleksandrova Yu.Yu., Pryazhnikov N.S. Theoretical and psychological analysis of modern ideas about professional identity: general principles. Psychological studies. 2023. Vol. 16. No. 92. 45 p.
6. Schneider L.B. Psychology of identity. Moscow: Yurait, 2019. 328 p.
7. Berzonsky M.D., Soenens B., Luyckx K., Smits I., Papini D.R. Development and validation of the re-viced Identity Style Inventory (ISI-5): Factor structure, reliability, and validity. Psychological Assessment. 2013. No. 25 (3). P. 217 – 235.
8. Belinskaya E.P., Bronin I.D. Adaptation of the Russian-language version of the identity styles questionnaire by M. Berzonsky. SibScript. 2014. P. 12 – 24.
9. Shangina N.V., Zagoryuev A.L. Questionnaire of conflict management styles by Thomas-Kilman – Russian-language version. Yekaterinburg: UIPP, 2015. 84 p.
10. Ilyin E.P. Motivation and motives. St. Petersburg: Piter, 2011. 508 p.

Информация об авторах

Недашковская В.А., Дальневосточный федеральный университет, nedashkovskaia.va@dvfu.ru

Аристова И.Л., кандидат психологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет

© Недашковская В.А., Аристова И.Л., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки)

УДК 159.9.07

¹ *Посохова А.В.,*

¹ *МИРЭА – Российский технологический университет*

Психологические инварианты профессионализма лидеров

Аннотация: в работе обосновывается важность и значимость проблемы лидерства, связанной с необходимостью формирования и развития психологических инвариантов как личностно-профессиональных свойств лидеров. Отмечены связи между лидерством и руководством, между успешностью лидерской деятельности и профессионализмом лидера как субъекта сложной деятельности, связанной с руководством.

Раскрыто смысловое содержание понятия «психологические инварианты профессионализма». Описаны виды психологических инвариантов – общие и специальные, психологические инварианты личности и деятельности, которыми должен обладать лидер. Особо отмечены такие психологические инварианты лидеров как психология победителя и масштабность личности.

Показано, что психологические инварианты лидерства можно успешно развивать с помощью психологических методов и технологий.

Ключевые слова: лидер, лидерство, профессионализм, руководитель, инвариантность, психологические инварианты профессионализма, психологические инварианты лидерства

Для цитирования: Посохова А.В. Психологические инварианты профессионализма лидеров // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 119 – 124.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ *Posokhova A.V.,*

¹ *MIREA – Russian Technological University*

Psychological invariants of leaders' professionalism

Abstract: the paper substantiates the importance and significance of the leadership problem associated with the need to form and develop psychological invariants as personal and professional properties of leaders. The links between leadership and management, between the success of leadership activities and the professionalism of the leader as a subject of complex activities related to management are noted.

The semantic content of the concept of «psychological invariants of professionalism» is revealed. The types of psychological invariants are described – general and special, psychological invariants of personality and activity that a leader should have. Such psychological invariants of leaders as the psychology of a winner and the scale of personality are especially noted.

It is shown that psychological invariants of leadership can be successfully developed with the help of psychological methods and technologies.

Keywords: leader, leadership, professionalism, manager, invariance, psychological invariants of professionalism, psychological invariants of leadership

For citation: Posokhova A.V. Psychological invariants of leaders' professionalism. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 119 – 124.

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 6, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Научные исследования и практика свидетельствуют, что лидерами становятся те, кто обладает превосходством над другими людьми, и это превосходство позволяет им управлять людьми, влиять на них, вести за собой. С психологической точки зрения данное превосходство выражается в существенно более высоком, по сравнению с другими людьми, уровне развития у лидеров вполне определенных лидерских качеств и умений. Данное положение является общим (за исключением случаев с ситуативными лидерами) и представляется убедительным. В то же время ориентация на него обуславливает возникновение ряда вопросов, ответы на которые важно получить для углубления представлений о психологической сущности лидерства. В частности, являются лидерские качества и умения, обеспечивающие превосходство, необходимыми и достаточными для всех видов лидерства? Существуют ли лидерские свойства (качества и умения), имеющие универсальный характер, позволяющие осуществлять лидерскую деятельность эффективно, независимо от видов лидерской деятельности и обстоятельств ее осуществления? Другими словами, существуют ли *инварианты* лидерских качеств и умений (инварианты лидерства)?

Материалы и методы исследований

Психологические исследования, связанные с проблемой лидерства, позволяют на эти вопросы ответить утвердительно, в том числе и относительно инвариантных лидерских качеств и умений. Поясним свою позицию.

Лидерская практика свидетельствует, что наибольших успехов добиваются лидеры, которые не только умеют использовать сложившуюся ситуацию, но и сами создают ее таким образом, чтобы это соответствовало целям их лидерской деятельности и их интересам. Для этого необходимо, в первую очередь, обладать высоким *профессионализмом* в своем деле. Именно в нем заложена возможность определения и формирования инвариантных лидерских качеств и умений.

Следует отметить, что проблема профессионализма лидеров (в основном политических) стала разрабатываться относительно недавно. Ее исходным основанием стало положение о том, что политическая деятельность сейчас стала деятельностью профессиональной, а следовательно, ее эффективность во многом определяется уровнем профессионализма ее субъектов (А.Р. Никифоров, А.П. Федоркина и др.) [5, 8]. Естественно, данное

положение распространялось и на лидеров как главных субъектов политического процесса. Психологи, политологи, социологи стали все больше говорить об успешных лидерах, как о «профессионалах своего дела», отмечая высокий уровень развития их личностно-профессиональных качеств и умений.

Результаты и обсуждения

Проблема профессионализма лидеров имеет следующее перспективное направление ее разработки. Оно связано с переносом имеющихся знаний по проблеме профессионализма на лидерскую деятельность и их адаптацией к объекту. Основанием для этого стал известный факт, что все реальные лидеры выполняют многочисленные управленческие функции, то есть являются руководителями. Это проявляется даже на уровне существующих представлений – при обсуждении проблемы лидерства часто можно встретить утверждения, что лидер «руководит массами», «под руководством лидера...», «...руководил процессами преобразований» и т.д. Другими словами, лидер – это всегда *руководитель*. Собственно, это следует из самого понятия «лидер».

Напомним, лидер – субъект, реально играющий центральную роль в целеполагании, планировании, выполнении, организации совместной деятельности и взаимоотношений. Руководитель – это субъект, осуществляющий руководство, а руководство – «деятельность, направленная на координацию усилий людей, при их совместном достижении определенной цели» [4]. В публикациях часто отмечается, что «руководство связано с лидерством, хотя полностью не идентично ему» (Е.С. Кузьмин, В.Е. Семенов и др.).

К сказанному следует добавить, что лидерство и руководство осуществляются с использованием практически одних и тех же средств воздействия, которые направлены на людей, на их сознание, поведение и отношения. И лидеры, и руководители используют убеждение, внушение, возможности психологического заражения, подражания, личный пример, свой авторитет и др. Кроме того, они оказывают влияние, транслируя свои признаваемые другими людьми преимущества. Аргументация может быть разной, а средства воздействия во многом одинаковые. Правда, не следует забывать, что руководители могут использовать еще административные и экономические меры воздействия, у лидеров таких возможностей существенно меньше.

В психологических исследованиях последнего времени было показано, что все профессионалы, независимо от сферы их деятельности, обладают так называемыми *психологическими инвариантами профессионализма* [1]. Они были сформулированы в обобщённой форме применительно к различным сферам профессиональной деятельности. Существенным является то, что удалось выявить и описать психологические инварианты профессионализма, характерные для руководителей. Поскольку любая лидерская деятельность, как уже подчёркивалось, непосредственно сопряжена с управлением и руководством, указанные инварианты в равной степени относятся и к лидерам.

Напомним, *инвариантность* – это особое свойство, проявляющееся в неизменности и независимости от чего-либо [7]. Инвариантность обеспечивает высокую степень стабильности и надёжности функционирования различных систем и процессов. В области психологии инвариантные характеристики были выявлены и описаны в ходе изучения личностно-профессиональных качеств специалистов высокого уровня, работающих в различных профессиональных областях.

Эмпирические данные указывают на то, что специалисты, независимо от специфики профессиональной сферы, обладают выраженным психологическим сходством. Это сходство проявляется в высоком уровне развития основных личностно-профессиональных качеств, сформированности фундаментальных психологических навыков, способности к самостоятельной мобилизации профессиональной и творческой активности, а также в характерных особенностях психической регуляции деятельности. Именно это отличает настоящих профессионалов.

Сходство видов и степени выраженности ключевых личностно-профессиональных качеств у высококвалифицированных специалистов позволило утверждать, что эти качества обладают инвариантностью – то есть не зависят от специфики осуществляемой профессиональной деятельности. Вышеуказанные характеристики были определены как психологические инварианты профессионализма. Помимо этого, профессионалы характеризуются устойчивостью к воздействию факторов, осложняющих выполнение деятельности: они обладают способностью к мобилизации внутренних ресурсов, обеспечивающих сохранение высокой эффективности функционирования в условиях неблагоприятной среды. Тем самым проявляется ещё один аспект инвариантности – независимость от внешних затрудняющих факторов.

Концепция устойчивости к влиянию внешней среды (в широком понимании – как совокупности

воздействий, преимущественно деструктивного характера) стала ключевым основанием для формулирования методологического принципа инвариантности. В рамках реализации этого принципа центральным является развитие функциональных компенсаторных и резервных возможностей личности, способных проявляться в профессиональной деятельности и нивелировать негативные влияния окружающей среды.

Формирование функциональных резервных возможностей компенсаторного типа осуществляется на основе принципа психологии труда, согласно которому «уровень знаний и умений, опредмеченных в живом труде при работе с техникой, должен быть выше уровня знаний, опредмеченных в самой технике» (Н.Д. Завалова, В.А. Пономаренко). Иными словами, субъект деятельности должен знать и уметь существенно больше, чем это необходимо для выполнения профессиональной деятельности в нормальных условиях, то есть в условиях, не осложнённых действием экстремальных факторов негативного характера. Эти дополнительные знания и умения являются резервными функциональными возможностями, которые подключаются в случае осложнения ситуации и являются гарантом стабильности деятельности.

Кроме того, профессионалам необходимо формировать гибкие навыки и умения, позволяющие быстро перестраиваться в зависимости от ситуации управления, что позволило бы выполнять две три разные задачи одновременно. Было обоснована необходимость усиления креативного компонента в деятельности, позволяющего решать дополнительные задачи эвристического характера.

Были даны определения психологическим инвариантам профессионализма [1].

Психологические инварианты профессионализма представляют собой ключевые качества и умения специалиста (в отдельных случаях – необходимые предпосылки), обеспечивающие устойчиво высокую результативность и надёжность профессиональной деятельности вне зависимости от её содержания и специфики. Эти инварианты проявляются не только в характеристиках деятельности, но и во внутренних мотивационных механизмах, способствующих активному личностному и профессиональному развитию субъекта, а также реализации его творческого потенциала.

Результаты эмпирических исследований позволили классифицировать психологические инварианты профессионализма на два типа:

- **общие** – универсальные характеристики, не зависящие от профессиональной специфики. К ним относятся: личностная сила, активность,

волевая устойчивость, развитая способность к антиципации, высокий уровень саморегуляции, креативность, самоэффективность, выраженные личностно-профессиональные стандарты, стабильная эффективность и надёжность функционирования;

- **специфические** – отражающие особенности конкретного вида профессиональной деятельности. Например, в профессиях типа «человек-человек» таким инвариантом выступает проницательность.

Современные исследования, основанные на методологическом принципе единства личности и деятельности, позволили дифференцировать психологические инварианты профессионализма на инварианты, относящиеся к личности, и инварианты, характеризующие саму деятельность.

Были определены *психологические инварианты профессионализма руководителей*, что имеет принципиальное значение для исследования феномена эффективного лидерства, поскольку лидерство по своей сущности предполагает выполнение управленческих функций. Профессионалом в сфере управления становится только тот, кто в полной мере обладает развитым набором общих психологических инвариантов. Отсюда вытекает, что формирование личностно-профессиональной компетентности лидеров и руководителей до уровня подлинного профессионализма должно осуществляться в комплексной, многоаспектной парадигме с приоритетным вниманием к развитию именно инвариантных характеристик. Иными словами, фундамент профессионального становления лидера заключается в систематическом развитии базовых инвариантов профессионализма.

У лидеров как субъектов управленческой деятельности можно выделить две взаимосвязанные группы психологических инвариантов профессионализма:

1. Инварианты профессионализма *личности лидера* (как руководителя):

Включают как универсальные, так и специфические качества, среди которых:

- выраженная личностная сила;
- ментальность победителя;
- волевые характеристики (целеустремлённость, настойчивость);
- масштабность личности;
- высокая конкурентоспособность;
- эмоциональная выразительность и способность влиять на эмоциональное состояние других;
- высокая самоэффективность;
- стрессоустойчивость и саморегуляция;
- адаптивность, гибкость мышления и поведения;

- чувствительность к инновациям и таланто-ориентированность;

- наличие развитых моральных ориентиров (честность, справедливость, надёжность, патриотизм и др.);

- психологическая компетентность.

2. Инварианты профессионализма *деятельности лидера* (как руководителя):

Отражают устойчивые и значимые характеристики управленческой деятельности:

- способность к целеполаганию;
- развитое прогностическое мышление;
- навыки стратегического и тактического планирования;
- способность принимать решения;
- умение осуществлять контроль;
- коммуникативные способности;
- психолого-педагогическая компетентность;
- способность создавать привлекательный образ идеи, проекта.

Многие из этих инвариантов можно развивать, используя современные психологические технологии, что открывает перспективы для целенаправленного формирования лидерского профессионализма.

Часть из отмеченных инвариантов профессионализма лидеров была в той или иной мере описана в литературных источниках. В то же время существуют лидерские инварианты, содержание которых было определено в последнее время и, в следствие этого, изучено недостаточно – это психология победителя и масштабность личности.

Настоящий лидер должен быть *победителем*. Победителей очень любят и ценят, им доверяют, прощают ошибки и промахи.

Главное у победителей – это сильный психологический настрой на победу, высокая уверенность в ней, отсутствие сомнений в успехе, высочайшая целеустремленность. С психологической позиции победитель – это индивид, обладающий устойчивой ориентацией на успех и способностью добиваться победы в различных жизненных и профессиональных ситуациях. Отличительной чертой таких людей является выраженное превосходство, придающее им силу и уникальность. Данное превосходство носит не только инструментальный характер, связанный с высоким уровнем освоения навыков и наличием необходимых ресурсов, но и выражено на уровне внутренне-психологической организации, формирующейся за счёт личностной устойчивости и силы духа.

Индивиды, обладающие «психологией победителя», отличаются выдающимися характеристиками в когнитивной, эмоциональной и волевой сфе-

рах, что позволяет им достигать не просто высоких, но принципиально новых, инновационных результатов. Они проявляют значительную устойчивость к манипулятивным воздействиям, направленным на индукцию тревоги, страха или панических реакций. Эту устойчивость усиливает сформированная, устойчивая и реалистичная самооценка, выступающая в качестве психологического защитного механизма, препятствующего внутренней девальвации, формированию чувства несостоятельности или ощущения «второсортности» под влиянием травмирующей информации.

Масштабность лидера является важным инвариантом его профессионализма. От этого свойства во многом зависит динамика и направленность лидерских достижений, возможности расширения сферы деятельности и выхода на новые уровни. Масштабность личности обуславливает способность к постановке и реализации сверхзадач, а также к прогрессивному личностно-профессиональному развитию, достигающему предельных, вершинных уровней – что критически важно для эффективного лидерства в условиях высокой ответственности и неопределённости. У лидеров с выраженной масштабностью доминирует мотивация достижения, представляющая собой либо проявление врождённой предрасположенности, либо результат становления устойчивой потребности в достижении значимых целей в процессе индивидуального развития. Наряду с этим, таким личностям присуща интенсивная мотивация к самореализации в избранной профессиональной области. Важной характеристикой их мотивационной структуры является высокая способность к самомотивации, обеспечивающая автономность и устойчивость целеполагания даже в условиях внешней неопределённости или дефицита поддержки.

Среди ключевых черт направленности личности у масштабных лидеров выделяются:

- повышенные личностные и профессиональные стандарты, демонстрирующие устойчивую динамику к постоянному усложнению и развитию;
- ярко выраженная склонность к инновационному мышлению и стремление к внедрению новаторских подходов;
- способность к формулированию и успешному решению задач предельной сложности;

- выраженная потребность в расширении сфер собственной деятельности и наращивании профессиональной компетентности;

- стойкий познавательный интерес к смежным и даже отдалённым областям знания, выходящим за пределы основной профессиональной специализации;

- доминирующая направленность на личностное развитие и стремление к постоянному самосовершенствованию;

- высокий уровень самооценки, характеризующийся реалистичностью и приближённостью к объективной самоидентификации.

Масштабность личности проявляется во многих аспектах, однако наиболее отчетливо – в контексте реализации лидерской функции. Именно в условиях лидерской деятельности особенно заметны такие черты, как опережающее мышление, способность к решению принципиально новых задач и выход за рамки собственной профессиональной специализации.

Проведённое исследование масштабности предпринимателей как одного из факторов их конкурентоспособности позволило получить систематизированное описание этой характеристики. На основе экспертной оценки был разработан обобщённый профиль масштабности как ключевого компонента предпринимательской эффективности. Сравнительный анализ параметров масштабных и конкурентоспособных предпринимателей выявил выраженную корреляцию между этими двумя феноменами, что подтверждает значимость масштабности личности как одного из условий высокой конкурентоспособности в бизнес-среде [3].

Выводы

В заключении обсуждения проблемы лидерских инвариантов, отметим, что личностно-профессиональное развитие лидеров должно осуществляться на основе развития инвариантов профессионализма личности и деятельности, которые создадут фундамент профессионализма лидеров. Эти личностно-профессиональные свойства являются главными для настоящих лидеров. В этом контексте проблема психологических инвариантов профессионализма приобретает ключевое значение в рамках общей исследовательской парадигмы психологии лидерства.

Список источников

1. Гайдамашко И.В., Зазыкин В.Г., Пугачева Е.В. Психологические инварианты профессионализма руководителей: монография. М.: Изд. центр РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина, 2018. 259 с.
2. Зазыкин В.Г. К проблеме масштабности личности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 1. С. 133 – 143.

3. Зазыкин В.Г., Посохова А.В. Масштабность предпринимателей как характеристика конкурентоспособности // European social science journal. 2017. № 12-2. С. 380 – 384.
4. Конюхов Н.И. Словарь-справочник по психологии. М.: Б. и., 1996. 154 с.
5. Никифоров А.Р. Политическая деятельность: эффективность, оптимальность, компетентность. М.: Альтекс, 2008. 276 с.
6. Пирогов А.И. Политическая психология учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по психологическим специальностям / Моск. открытый социал. ун-т. Москва: Трикта, Академический Проект, 2005. 362 с.
7. Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т.В. Егорова. М.: «Аделант», 2014. 800 с.
8. Федоркина А.П. Политическая акмеология: учеб.-методическое пособие. Москва: Изд-во РАГС, 2006. 253 с.

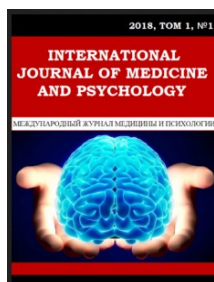
References

1. Gaidamashko I.V., Zazykin V.G., Pugacheva E.V. Psychological invariants of professionalism of managers: monograph. Moscow: Publishing center of the Russian State University of Oil and Gas (National Research University) named after I.M. Gubkin, 2018. 259 p.
2. Zazykin V.G. On the problem of the scale of personality. Economic and social-humanitarian studies. 2014. No. 1. P. 133 – 143.
3. Zazykin V.G., Posokhova A.V. The scale of entrepreneurs as a characteristic of competitiveness. European social science journal. 2017. No. 12-2. P. 380 – 384.
4. Konyukhov N.I. Dictionary and reference book on psychology. M.: B. i., 1996. 154 p.
5. Nikiforov A.R. Political activity: efficiency, optimality, competence. M.: Alteks, 2008. 276 p.
6. Pirogov A.I. Political psychology: a teaching aid for students of higher educational institutions studying in psychological specialties. Moscow Open Social University. Moscow: Triksa, Academic Project, 2005. 362 p.
7. Dictionary of foreign words of the modern Russian language. compiled by T.V. Egorova. M.: "Adelant", 2014. 800 p.
8. Fedorkina A.P. Political acmeology: a teaching aid. Moscow: RAGS Publishing House, 2006. 253 p.

Информация об авторе

Посохова А.В., доктор психологических наук, профессор, SPIN-код: 9960-5403, МИРЭА – Российский технологический университет, aposoхова@mai.ru

© Посохова А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 316.42:061.2:352.07

¹Рядинская Е.Н.,

¹Волобуев В.В.,

¹Чабелец Е.Н.,

¹Донбасская аграрная академия

Специфика социально-психологической адаптации уволенных в запас военнослужащих

Аннотация: в статье рассматриваются особенности социально-психологической адаптации военнослужащих, уволенных в запас. Подчеркивается, что процесс выхода из военной службы сопряжен с серьезной трансформацией образа жизни, идентичности и роли личности в обществе. Представлены результаты эмпирического исследования, в котором анализировались ключевые трудности адаптационного периода, уровень тревожности, изменения в социальной и профессиональной структуре личности. Новизной исследования являются предложенные рекомендации по формированию эффективной системы сопровождения демобилизованных. Исследование выполнено на базе Научно-консультационного психологического центра ФГБОУ ФО «Донбасская аграрная академия». В исследовании приняли участие 57 демобилизованных военнослужащих в возрасте от 25 до 47 лет, срок службы которых составил от 5 до 8 лет. Выявлено, что адаптация уволенных в запас военнослужащих – это комплексная задача, требующая системного междисциплинарного подхода. Преодоление адаптационных барьеров возможно только при совместной работе государства, научного сообщества и институтов гражданского общества. Разработка и внедрение программ сопровождения, основанных на эмпирических данных и научных моделях, позволит повысить эффективность адаптации и обеспечить достойную интеграцию ветеранов в гражданскую жизнь.

Ключевые слова: адаптация, социальная интеграция, трудности, военнослужащие, демобилизация, стресс, тревожность

Для цитирования: Рядинская Е.Н., Волобуев В.В., Чабелец Е.Н. Специфика социально-психологической адаптации уволенных в запас военнослужащих // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 125 – 130.

Поступила в редакцию: 10 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹Ryadinskaya E.N.,

¹Volobuev V.V.,

¹Chabelets E.N.,

¹Donbass Agrarian Academy

Specifics of social and psychological adaptation of military personnel dismissed from service

Abstract: the article examines the peculiarities of the socio-psychological adaptation of military personnel discharged into the reserve. It emphasizes that the process of leaving military service is associated with a serious transformation of lifestyle, identity, and the role of the individual in society. The results of an empirical study are presented, in which the key difficulties of the adaptation period, the level of anxiety, and changes in the social and professional structure of the individual were analyzed. The novelty of the study lies in the proposed recommendations for the formation of an effective support system for demobilized personnel. The study was conducted at the Scientific and Consultative Psychological Center of the Donbas Agrarian Academy. The study involved 57 demo-

bilized military personnel aged 25 to 47, whose length of service ranged from 5 to 8 years. It was found that the adaptation of military personnel discharged into the reserve is a complex task requiring a systematic interdisciplinary approach. Overcoming adaptation barriers is only possible through joint efforts by the state, the scientific community, and civil society institutions. The development and implementation of support programs based on empirical data and scientific models will increase the effectiveness of adaptation and ensure the dignified integration of veterans into civilian life.

Keywords: adaptation, social integration, difficulties, military personnel, demobilization, stress, anxiety

For citation: Ryadinskaya E.N., Volobuev V.V., Chabelets E.N. Specifics of social and psychological adaptation of military personnel dismissed from service. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 125 – 130.

The article was submitted: April 10, 2025; Approved after reviewing: June 7, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Начиная с 2014 года в обществе происходят дискуссии о психологических последствиях участия в боевых действиях для военнослужащих, вариативности применения психологических методов и техник для работы с ними и дальнейшей интеграции, адаптации и ресоциализации участников боевых действий к жизни в обществе после войны.

Увольнение из Вооружённых сил представляет собой радикальное изменение образа жизни, обусловленное не только профессиональными, но и личностными трансформациями. Военная служба формирует устойчивую структуру идентичности, опирающуюся на дисциплину, иерархию, стабильность и предсказуемость. Переход к гражданской жизни требует от военнослужащего перестройки всей системы адаптационных механизмов: восприятия, мышления, новых форм коммуникации и переосмысления собственной роли в обществе [5].

Многие современники, такие как Аниськова Т.А. [2], Беляева Л.А. [3], Дерягина Л.Е. [4], Булатецкий С.В. [4], Пучка И.В. [7], Рядинская Е.Н. [9], уделяют вопросу адаптации в отношении военной тематики, что свидетельствует об актуальности и потребности в изучении данного вопроса, в частности, у военнослужащих.

В научной литературе адаптация рассматривается как многоуровневый процесс интеграции личности в новую среду [6, 10]. Адаптация уволенного в запас военнослужащего охватывает следующие направления:

1. Психологическую перестройку от иерархической системы к горизонтальным связям.
2. Переход от институционального паттерна к индивидуальной ответственности.
3. Реконструкцию социальной идентичности и самооценки.
4. Усвоение новых норм трудовой и социальной жизни.

По мнению М.М. Абдуллаевой, в процессе адаптации военнослужащих к гражданской жизни задействованы когнитивные, поведенческие и эмоциональные компоненты [1]. Увольняясь с военной службы, демобилизованные при адаптации к гражданской жизни испытывают ряд сложностей социально-психологического характера, а именно:

- необходимость перехода к новому социальному статусу. Уволенные в запас имеют специфичный профессиональный опыт, найти применение которым в гражданской жизни достаточно сложно;
- смена образа жизни, места жительства, привычного круга общения, материального положения;
- сложности с трудоустройством и профессиональным ростом, которые связаны с качеством программ обучения и переподготовки;
- низкая информированность о возможных социальных гарантиях, льготах, субсидиях, порядке и условиях их получения, правах и обязанностях;
- психологические и культурные барьеры, связанные с переходом к гражданской жизни, включающие обостренное чувство справедливости, высокий уровень стресса и тревожности, заниженную самооценку и
- отсутствие чёткой маршрутизации ясного понимания порядка действий в условиях гражданской жизни.

Таким образом, актуальным и важным является изучение сложностей адаптационного периода военнослужащих, уволенных с военной службы, для оказания им своевременной и эффективной психологической помощи.

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено в рамках Гранта РФФИ 23-18-00848 «Исследование ценностно-смысловой сферы и разработка технологий психологической реабилитации населения региона в условиях ло-

кального военного конфликта и новых геополитических рисков» на базе Научно-консультационного психологического центра ФГБОУ ФО «Донбасская аграрная академия». В исследовании приняли участие 57 демобилизованных военнослужащих в возрасте от 25 до 47 лет, срок службы которых составил от 5 до 8 лет. На первом этапе исследования был использован метод исследовательского интервью, целью которого был сбор углублённой информации от военнослужащих. Оно позволило получить отчёты, мнения и перспективы из первых рук, которые могут способствовать всестороннему пониманию сложностей адаптации. На втором этапе исследования для изучения особенностей адаптации были использованы следующие методики: шкала социальной адаптации (по модификации Холмса и Раге); тест Спилбергера-Ханина для выявления уровня тревожности, шкала профессиональной идентичности Азбель.

Результаты и обсуждения

По результатам интервью, большая часть респондентов (57,4%) отметили, что на войне все понятно - где свои, где враги, кто чего стоит, что делать и от кого что можно ожидать, а по возвращению с фронта все становится сложным и непонятным - начиная от яркого контраста между военной и мирной жизнью, отношения к участникам боевых действий и заканчивая поисками своего места в жизни.

42,8% военнослужащих отметили, что психологические сложности вызывает продолжение беззаботной жизни людей, не знающих в реальности, что такое война. Военнослужащих сложно принять, что молодые люди, девушки, продолжают вести яркий и праздных образ жизни, как будто войны нет, нет тяжелых боев, грязи, потери боевых товарищей, а есть рестораны, клубы, дорогие машины.

65,4% военнослужащих, побывавших в боях высокой интенсивности, прошедших горнило войны, отмечают, что у них обостряется чувство справедливости, возникшее еще в условиях боевых действий и объясняют это достаточно просто: мир на войне черно-белый, дали приказ – действуй, а не рассуждай, а на в гражданской жизни – другая «цветовая гамма»: нужно думать, а потом действовать. Именно поэтому возникает граница между прошлым и будущим, между войной и обычной жизнью и проявляется реакция: в прошлом – хорошо, в будущем – плохо и несправедливо.

Еще одной сложностью является бюрократические проволочки в различных инстанциях: поликлиника, юридическая консультация, паспортный стол, МФЦ – различные организации и учреждения, где нужно проконсультироваться и своевременно получить помощь. 74,6 % опрошенных подчеркивают, что не всегда должностные лица, гражданское население понимают, что оказывать помощь данной категории людей нужно в первую очередь. Среди них распространено мнение, что, когда человек снимает форму, он становится таким же, как все и отношение к нему нередко такое же – как ко всем. Это вызывает недоумение, растерянность, а иногда гнев и апатию к происходящему.

47,2% ветеранов указывают, что еще одним сложным моментом в их адаптации к мирной жизни являются бытовые трудности. Значительная часть респондентов (28,4%) получили увечья, контузии, лишились конечностей, 58% имеют определенные проблемы с психикой, панические атаки и повышенную тревожность, 13% – лишились жилья и близких за время войны, 32,5% – развелись и переживает травму значимых отношений. Опрошенные отмечают, что к их сложностям в гражданском обществе не всегда относятся должным уважением и пониманием. Возникают трудности с установкой пандуса, подводке воды и оформлением пособия. На наш взгляд, все это и есть создание условий, помогающих ветеранам адаптироваться к мирной жизни – помочь наладить бытовую жизнь, направить учиться, найти применения уже имеющимся знаниям и умениям либо тому, что получено именно на СВО. Наглядно группы трудностей в адаптации военнослужащих, уволенных со службы, представлены на рисунке.

Кроме социально-бытовых сложностей, 84,2% военнослужащие отмечают, что испытывают целый спектр эмоциональных нарушений – от тревожности до посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

Как известно, ПТСР – это пролонгированный стресс, финальная стадия стрессового состояния [9]. Механизм его развития таков: вначале человек, никогда не видевший того, что происходит на фронте, получает стресс, затем наступает острое стрессовое расстройство, которое вследствие неполученной психологической помощи может трансформироваться в ПТСР. Выявить его можно не сразу, а в течение нескольких месяцев после травмирующего события.

Рис. 1. Основные трудности адаптации военнослужащих, уволенных в запас.
Fig. 1. The main difficulties of adaptation of military personnel discharged to the reserve.

81,4% опрошенных наблюдают у себя навязчивые тревожные воспоминания, имеющие яркий, но отрывочный характер; повторяющиеся тревожные сны и ночные кошмары; избегание мыслей, воспоминаний, мест, связанных с событием; стойкие и преувеличенные негативные мысли; отсутствие интереса к жизни, ярких эмоций; повышенная нервозность либо апатичность; раздражительность и вспышки гнева, а иногда – саморазрушительное поведение (употребление алкоголя, лекарственных препаратов для облегчения негативной симптоматики, агрессивное поведение и т.д.). Кроме того, часть военнослужащих (35,8%) констатирует, что им хочется изолироваться от близких людей и друзей, у 41,6 % ухудшились семейные и дружеские связи, 22% опрошенных отмечают сложности в новых коллективах.

На втором этапе исследования для изучения особенностей адаптации были использованы следующие методики: шкала социальной адаптации (по модификации Холмса и Раге); тест Спилберга-Ханина для выявления уровня тревожности, шкала профессиональной идентичности Азбель.

Обобщая результаты исследования, было выявлено, что значительная часть респондентов имеют негативные психоэмоциональные состояния: у 43,1% выявлен высокий уровень стрессогенности, у 29% проявляется выраженная тревожность, у 18,5% наблюдаются депрессивные симптомы (апатия, утомляемость, снижение мотивации), 12,2% военнослужащих обращались за психологической помощью к специалистам.

Что касается профессиональной реадаптации определено, что 24% военнослужащих, уволенных со службы, устроились по смежным профессиям (охрана, безопасность); 19% – сменили сферу деятельности (торговые представители, мерчендайзеры); 37% – на момент опроса оставались безработными; 20% – успешно адаптировались к новой профессии.

Таким образом, на основании анализа можно утверждать, что процесс адаптации включает не только социальную реинтеграцию, но и глубокие личностные трансформации. Отсутствие подготовки к гражданской жизни, неопределенность будущего, утрата статуса и отсутствие поддержки со стороны общества усугубляют адаптационные трудности. Особую обеспокоенность вызывает низкий уровень профессиональной переориентации. Бывшие военнослужащие сталкиваются с невостребованностью их специфического опыта, что снижает мотивацию и самооценку. Трудности в социализации усугубляются отсутствием структурированной поддержки. Для успешной адаптации уволенным в запас военнослужащим необходима такая поддержка, в том числе психологическая.

Выводы

На основании результатов эмпирического исследования, составлены рекомендации по созданию условий, помогающих ветеранам успешно адаптироваться к гражданской жизни

1. Введение обязательных программ преддемонстрационной подготовки, включающих психо-

логические тренинги, юридическое просвещение, профориентацию.

2. Создание специализированных центров социальной и профессиональной реабилитации.

3. Укрепление роли НКО и ветеранских организаций в адаптационном сопровождении.

4. Популяризация образа ветерана как ценного члена общества, обладающего уникальными компетенциями.

Подытоживая, можно утверждать, что адаптация уволенных в запас военнослужащих – это

комплексная задача, требующая системного междисциплинарного подхода. Преодоление адаптационных барьеров возможно только при совместной работе государства, научного сообщества и институтов гражданского общества. Разработка и внедрение программ сопровождения, основанных на эмпирических данных и научных моделях, позволит повысить эффективность адаптации и обеспечить достойную интеграцию ветеранов в гражданскую жизнь.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках Гранта РНФ 23-18-00848 «Исследование ценностно-смысловой сферы и разработка технологий психологической реабилитации населения региона в условиях локального военного конфликта и новых геополитических рисков»

Список источников

1. Абдуллаева М.М. Формирование профессиональной идентичности у студентов-психологов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 7 (693). С. 20 – 33.
2. Аниськова Т.А. Технология педагогического сопровождения профессиональной адаптации курсантов женского пола к образовательному процессу ведомственного вуза // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6 (97). С. 7 – 9.
3. Беляева Л.А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социс. 2001. № 6. С. 44 – 53.
4. Дерягина Л.Е., Булатецкий С.В. Особенности социально-психологической и физиологической адаптации курсантов вуза МВД к условиям служебной деятельности // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. № 13 (3). С. 193 – 207. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2021-13-3-193-207>
5. Новикова Я.О., Финикова О.В. Психолого-педагогические аспекты реадaptации и реабилитации участников специальной военной операции // Проблемы правоохранительной деятельности. 2024. № 3. С. 82 – 86. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_71239656_59233529.pdf (дата обращения: 13.02.2025)
6. Проценко С.А. Проблемы адаптации ветеранов СВО к гражданской жизни // Личность: ресурсы и потенциал. 2024. № 4. С. 9 – 16. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_79697084_67447183.pdf (дата обращения: 13.02.2025)
7. Пучка И.В. Проблемы адаптивности и мотивации достижения военнослужащих по контракту на первоначальном этапе службы // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 4. С. 51 – 53.
8. Рядинская Е.Н., Волобуев В.В. Психологические особенности посттравматических стрессовых расстройств у участников боевых действий // Психология человека и общества. 2022. № 6 (47). С. 9 – 12.
9. Рядинская Е.Н., Волобуев В.В., Чабелец Е.Н. Особенности адаптированности курсантов вузов МВД к условиям служебной деятельности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2023. № 29 (2). С. 178 – 183. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-2-178-183>
10. Трофимов С.В. О некоторых аспектах социальной защиты участников специальной военной операции // Военно-юридический журнал. 2024. № 2. С. 28 – 34. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_59909123_36659371.pdf (дата обращения: 13.02.2025)

References

1. Abdullaeva M.M. Formation of professional identity in psychology students. Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2014. No. 7 (693). P. 20 – 33.
2. Aniskova T.A. Technology of pedagogical support of professional adaptation of female cadets to the educational process of a departmental university. The world of science, culture, education. 2022. No. 6 (97). P. 7 – 9.
3. Belyaeva L.A. Strategies for survival, adaptation, prosperity. Socis. 2001. No. 6. P. 44 – 53.
4. Deryagina L.E., Bulatetsky S.V. Features of socio-psychological and physiological adaptation of cadets of the Ministry of Internal Affairs University to the conditions of service activities. Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. No. 13 (3). P. 193 – 207. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2021-13-3-193-207>

5. Novikova Ya. O., Finikova O. V. Psychological and pedagogical aspects of readaptation and rehabilitation of participants in a special military operation. Problems of law enforcement activity. 2024. No. 3. P. 82 – 86. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_71239656_59233529.pdf (date of access: 13.02.2025)

6. Protsenko S.A. Problems of adaptation of veterans of the SVO to civilian life. Personality: resources and potential. 2024. No. 4. P. 9 – 16. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_79697084_67447183.pdf (date of access: 13.02.2025)

7. Puchka I.V. Problems of adaptability and motivation to achieve contract servicemen at the initial stage of service. Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2017. No. 4. P. 51 – 53.

8. Ryadinskaya E.N., Volobuev V.V. Psychological features of post-traumatic stress disorders in combatants Psychology of man and society. 2022. No. 6 (47). P. 9 – 12.

9. Ryadinskaya E.N., Volobuev V.V., Chabelets E.N. Features of the adaptability of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs to the conditions of service activities. Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2023. No. 29 (2). P. 178 – 183. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-2-178-183>

10. Trofimov S.V. On some aspects of social protection of participants in a special military operation. Military Law Journal. 2024. No. 2. P. 28 – 34. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_59909123_36659371.pdf (date of access: 13.02.2025)

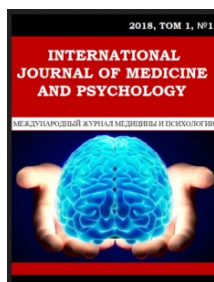
Информация об авторах

Рядинская Е.Н., доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии, Донбасская аграрная академия, gooodpsychologist@gmail.com

Волобуев В.В., кандидат медицинских наук, доцент, член-корреспондент МАНПО, Донбасская аграрная академия

Чабелец Е.Н., Донбасская аграрная академия

© Рядинская Е.Н., Волобуев В.В., Чабелец Е.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.922

¹ **Панфилова О.В.,**

¹ **Конева В.А.,**

¹ **Быстрова Н.В.,**

¹ Югорский государственный университет

Профилактика интернет-зависимости у старших подростков

Аннотация: в статье основное внимание фокусируется на феномене интернет-зависимости как устойчивом расстройстве поведения, проявляющемся в навязчивом стремлении подключиться к сети и трудностях в произвольном прекращении пребывания в интернете. Выявлены психологические особенности подростков как предикторы интернет-зависимости. Описаны возможности организации и реализации коммуникативного тренинга как средства профилактики интернет-зависимости у старших подростков.

Представлены результаты опытно-экспериментальной работы по профилактике интернет-зависимости у старших подростков посредством коммуникативного тренинга.

Целью данного исследования является теоретическое обоснование и экспериментальная проверка эффективности реализации программы коммуникативного тренинга как средства профилактики интернет-зависимости у старших подростков.

В задачи исследования входит раскрытие основных понятий темы: «профилактика», «интернет-зависимость», «коммуникативный тренинг»; разработка, реализация и проверка эффективности программы коммуникативного тренинга по предупреждению и/или снижению уровня интернет-зависимости у старших подростков, а также разработка методических рекомендаций по профилактике интернет-зависимости у данной возрастной категории.

Результаты проведенного исследования могут представлять практический интерес и ценность для специалистов, работающих с молодежью, и всех тех, кто непосредственно связан с развитием психологически благополучной личности подрастающего поколения.

Ключевые слова: старший подросток, интернет-зависимость, предикторы интернет-зависимости, коммуникативный тренинг, профилактическая программа

Для цитирования: Панфилова О.В., Конева В.А., Быстрова Н.В. Профилактика интернет-зависимости у старших подростков // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 131 – 137.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ **Panfilova O.V.,**

¹ **Koneva V.A.,**

¹ **Bystrova N.V.,**

¹ Yugra State University

Prevention of Internet addictions among older teens

Abstract: the article focuses on the phenomenon of Internet addiction as a persistent behavioral disorder manifested in compulsive desire to connect to the network and difficulties to voluntarily stop being on the Internet. Psychological features of teenagers as predictors of Internet addiction are revealed. The possibilities of organizing and implementing communicative training as a means of preventing Internet addiction in older teenagers are described.

The results of experimental work on the prevention of Internet addiction among older teenagers through communicative training are presented.

The purpose of this study is the theoretical justification and the effective implementation of the communicative training program's experimental verification as a means of preventing Internet addiction in older teenagers.

The objectives of the study include disclosure of the topic's main concepts: "prevention", "Internet addiction", "communicative training"; development, implementation and testing of the effectiveness of the communicative training program to prevent and/or reduce the level of Internet addiction in older teenagers, as well as the development of methodological recommendations for the prevention of Internet addiction in this age category.

The results of the conducted research may be of practical interest and value for specialists working with young people and all those who are directly related to the development of the younger generation's mentally healthy personality.

Keywords: older adolescent, internet addiction, predictors of internet addiction, communication training, prevention program

For citation: Panfilova O.V., Koneva V.A., Bystrova N.V. Prevention of Internet addictions among older teens. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 131 – 137.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

На сегодняшний день развитие высоких технологий, в частности Интернета, прочно вошло в структуру повседневной жизни. Цифровая среда всё активнее влияет на психологическое состояние, социальные связи и культурные установки человека. Формируются новые форматы межличностного взаимодействия, значительная часть которых реализуется через социальные сети. Количество пользователей сети неуклонно растёт, расширяется спектр доступных онлайн-ресурсов, а активность в интернете охватывает всё большие группы населения разных возрастов и социального положения. Компания Mediascope представила результаты исследования, посвящённого популярности социальных сетей среди подростков. Несмотря на ограничения, введённые для российских пользователей TikTok в 2022 году, именно эта платформа остаётся самой востребованной среди молодёжи.

Согласно данным отчёта, подростки в возрасте от 12 до 17 лет ежедневно тратят на TikTok около 71 минуты. Второе место занимает Telegram, где юные пользователи проводят в среднем 59 минут в сутки. Третье место досталось «ВКонтакте», с ежедневной аудиторией в 21 минуту. Однако по количеству охвата в течение дня лидирует Telegram: ежедневно его посещают 80,6% подростков указанной возрастной категории. «ВКонтакте» также показывает высокую вовлечённость, привлекая 64,9% аудитории, тогда как TikTok привлекает внимание 62,2% молодых пользователей [1].

Все больше пользователей начинают отдавать предпочтение виртуальной среде, где социальные

сети постепенно подменяют реальные формы социальной активности. Особенно уязвимыми в этом контексте оказываются подростки, чья психика ещё не достигла зрелости, а личностные установки и мировоззрение находятся в стадии формирования. Даже кратковременное отсутствие доступа к интернету у подростков, склонных к зависимости, способно вызывать повышенное напряжение, тревожность и эмоциональную нестабильность. Виртуальное общение постепенно вытесняет живое взаимодействие, ограничивая подростка в возможности выстраивать полноценные социальные связи в оффлайн-среде. Важно предупредить интернет-зависимость ещё до появления ее первых признаков, в этом поможет коммуникативный тренинг.

В данном виде тренинга возможно использование ситуационно-ролевых, дидактических, творческих, организационно-деятельностных игр, которые помогут подростку преодолеть коммуникативный барьер, вести разговор со сверстниками и окружающими, уметь отстаивать свои личные границы и находить друзей в оффлайн пространстве.

Феномен интернет-зависимости вызывает серьёзную обеспокоенность у психологов и государственных структур, заинтересованных в проведении исследований, направленных на разработку стратегий по борьбе с интернет-зависимостью среди подростков и её профилактике [1].

«Проблема зависимости начинается тогда, когда стремление ухода от реальности, связанное с изменением психического состояния, начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей...» [2, с. 87].

Эти слова психолога Ц.П. Короленко подтверждают мысль о навязчивости увлечений, быстроте превращения их в зависимость, что является важной отличительной характеристикой интернет-зависимой личности от интернет-активной личности, которая, с точки зрения А.И. Лучинкина А.И., Е.С. Аль-Шаер, «активно использует интернет для коммуникации, поиска информации, развлечений и других целей» [3, с. 135].

Что же может выступать предикторами интернет-зависимости у подростка?

По мнению Д.Г. Кулиной, на возникновение интернет-зависимости влияет совокупность факторов. К ним относятся: – биологические (специфика работы нервной системы, особенности внутриутробного развития); – социальные (раннее приобщение к интернет-пространству, рост числа пользователей молодого возраста, расширение функциональных возможностей сети); – индивидуально-психологические (личностные черты и особенности характера) [4].

Ф.Г. Ловпаче подчёркивает, что подростки входят в категорию повышенного риска по развитию интернет-зависимости. Это связано с тем, что подростковый возраст – один из наиболее сложных периодов в становлении личности, в рамках которого активизируется процесс формирования самосознания [5].

Н.В. Грисенко указывает на то, что акцентуации характера могут выступать как предикторы склонности к интернет-зависимому поведению. Иными словами, подростки с определённым типом акцентуации чаще подвержены чрезмерному использованию интернета, тогда как у лиц без выраженных акцентуаций такая склонность проявляется реже [6].

Подростки могут получить зависимость от социальных сетей, когда пытаются догнать по популярности своего кумира: снимают множество видеороликов, активно следят за трендами, тем самым проводят в социальных сетях большое количество времени.

Таким образом, предикторы к зависимого поведения у подростков могут быть разные: желание стать популярнее своих сверстников, проблемы в семье или в обучении, чувство одиночества и недостатка любви, но одной из главных причин автор данной работы отмечает отсутствие интереса к реальному (оффлайн) миру и проблемы в коммуникации со сверстниками и построении межличностных отношений. Наиболее эффективным профилактическим средством по снижению интернет-зависимости у старших подростков, на наш взгляд, является коммуникативный тренинг.

Коммуникативный тренинг – это интерактивная форма обучения, предполагающая, прежде всего, обучение на своем опыте, дающая возможность экспериментировать со своим поведением, творчески относиться к жизни и самому себе [7].

Возможности организации и реализации коммуникативного тренинга по профилактике интернет – зависимости: 1. Создание благоприятной атмосферы доверия. Тренинги строятся на принципах группового взаимодействия, где подросткам предоставляется возможность открыто обсуждать личные проблемы и трудности, связанные с использованием интернета. Атмосфера взаимоподдержки помогает снять чувство изоляции и повысить уровень самопринятия. 2. Развитие социально-коммуникативной компетенции. Подростки получают знания и практические навыки эффективного общения, такие как умение начинать разговор, поддерживать беседу, разрешать конфликты мирным путем. Данные навыки помогают молодым людям успешнее интегрироваться в реальную социальную среду и уменьшить потребность в виртуальных заменителях общения. 3. Самопознание и осознание проблем. Важная задача тренингов заключается в формировании осознанного отношения к своему поведению в интернете. Участники приобретают способность критически оценивать собственное поведение, замечать признаки зависимости и понимать негативные последствия чрезмерного погружения в виртуальную реальность. 4. Обучение методам саморегуляции и контроля над интернет-поведением. Проведение упражнений и практик, позволяющих управлять своим временным ресурсом, планировать занятия и контролировать количество часов, проведенных в интернете. Подростки осваивают техники планирования и приоритизации деятельности, направленные на формирование сбалансированного образа жизни. 5. Психологическая поддержка и профилактика стресса. Коммуникативный тренинг способствует улучшению психоэмоционального состояния подростков, снижают уровень тревожности и депрессии, часто сопровождающие длительное пребывание в интернете. Совместные обсуждения и работа в группе позволяют участникам чувствовать себя понятыми и принятыми сверстниками, создавая ощущение поддержки и безопасности в реальной жизни. 6. Использование интерактивных методов обучения. Игровые упражнения, ролевые игры, дискуссии стимулируют активное участие подростков, повышают интерес к обучению и улучшают усвоение материала. Применение инновационных технологий, включая элементы мультимедиа и информационных ресур-

сов, повышает привлекательность занятий и эффективность восприятия информации.

Материалы и методы исследований

В рамках исследования были использованы теоретические методы (анализ, обобщение и систематизация научной литературы); эмпирические (психолого-педагогический эксперимент, тестирование: шкала интернет-зависимости Чена - шкала CIAS [8], «Оценка уровня общительности» В.Ф. Ряховского [9], опросник аффилиации А. Мехрабиана [10], опросник Басса-Дарки (диагностика агрессивных и враждебных реакций)) [11]. Применение методов математической статистики (ф-критерий (Фишера)), позволило подтвердить поставленную в начале исследования гипотезу, согласно которой уровень выраженности интернет-зависимости у старших подростков, возможно, удастся снизить, если реализовать программу коммуникативного тренинга, направленную на формирование умения управлять временем, проводимым в интернете; уменьшение симптомов отмены; предотвращение нарушений в социальной, коммуникативной, эмоционально-волевой сферах.

Опытно-экспериментальная работа проводилась на базе АУ «Югорский колледж-интернат олимпийского резерва». В ней принимали участие 40 учеников 10-11 класса, экспериментальная группа – ЭГ – 20 человек и контрольная группа – КГ – 20 человек.

Исследование проводилось в три этапа. На констатирующем этапе исследования была проведена первичная диагностика уровня интернет-зависимости у обучающихся колледжа-интерната, распределённых на контрольную и экспериментальную группы. На формирующем этапе с участниками экспериментальной группы была реализована программа коммуникативного тренинга, направленная на формирование умения управлять временем, проводимым в интернете; уменьшение симптомов отмены; предотвращение нарушений в социальной, коммуникативной, эмоционально-волевой сферах. В контрольной группе аналогичная работа не проводилась. Контрольный этап включал повторную диагностику уровня интернет-зависимости с целью оценки эффективности реализованной программы коммуникативного тренинга и проверки выдвинутой исследовательской гипотезы. Результаты опытно-экспериментальной работы были систематизированы, обобщены и подвергнуты аналитической обработке.

Результаты и обсуждения

Результаты анкетирования интернет-зависимости у подростков по шкале CIAS на констатирующем этапе эксперимента оказались следующими: в контрольной группе преобладающим

является средний уровень интернет-зависимости: в контрольной группе он зафиксирован у 13 подростков (65 %), в тоже время в экспериментальной – у 8 человек (40 %). Это свидетельствует о наличии устойчивой, но не критической интернет-привязанности, характеризующейся умеренным нарушением саморегуляции и предпочтением виртуального общения в ряде жизненных ситуаций в контрольной группе. Низкий уровень интернет-зависимости продемонстрировали 3 участника (15 %) контрольной группы и 2 человека (10 %) из экспериментальной группы. Эти подростки демонстрируют адекватное использование интернет-пространства, сохраняют интерес к офлайн-активностям и обладают достаточным уровнем самоконтроля. Высокий уровень интернет-зависимости показали 4 респондента (20 %) из контрольной группы и 10 респондентов (50%) из экспериментальной, что указывает на необходимость формирующей работы, требующей профилактического и/или коррекционного вмешательства.

Результаты анкетирования по методике «Оценка уровня общительности» В.Ф. Ряховского, проведённого на констатирующем этапе, демонстрируют различия в уровне развития коммуникативных навыков у учащихся контрольной и экспериментальной групп. В экспериментальной группе преобладают участники со средним уровнем общительности – 10 человек (50 %). Несколько меньшая доля подростков (7 человек, 35 %) продемонстрировала низкий уровень, что может свидетельствовать о затруднённой коммуникации, наличии трудностей в самовыражении и налаживании социальных контактов. Высокий уровень общительности был выявлен у 3 участников (15 %), что говорит о выраженном стремлении к взаимодействию и коммуникативной активности. В контрольной группе наибольшее количество подростков также продемонстрировало средний уровень общительности – 12 человек (60 %), что соответствует норме. Низкий уровень отмечен у 5 человек (25 %), тогда как высокий уровень – у 3 подростков (также 15 %).

Согласно результатам по методике А. Басса-Дарки, направленной на выявление уровня агрессивных и враждебных реакций у подростков, у 10 испытуемых (50 %) выявлен средний уровень агрессивности, возможно, как ситуативное проявление агрессии в рамках нормативного поведения. У 3 испытуемых (15%) был отмечен низкий уровень агрессивности, указывающий на выраженную склонность к самоконтролю, эмоциональной устойчивости, сдержанному поведению. 7 испытуемых (35 %) продемонстрировали высокий уро-

вень агрессивных и враждебных реакций, что характеризует их как конфликтных, с неустойчивым эмоциональным фоном. В контрольной группе преобладают подростки со средним уровнем агрессивности (11 человек, 55 %). Низкий уровень наблюдается у 7 человек (35 %). Лишь 2 человека (10 %) показали высокие показатели агрессии, что указывает на относительно благополучный психологический фон в группе.

По результатам методики А. Мехрабиана, направленной на выявление уровня аффилиации – стремления личности к установлению и поддержанию позитивных межличностных контактов, были выявлены следующие результаты: в экспериментальной группе у большинства подростков (11 человек 55 %) зафиксирован средний уровень аффилиации, что указывает на сбалансированную потребность в общении: такие подростки стремятся к взаимодействию с окружающими, но не испытывают чрезмерной зависимости от социальных контактов. Высокий уровень аффилиации проявился у 5 участников (25 %), что может свидетельствовать о повышенной потребности в принятии, принадлежности к группе и эмоциональной поддержке. В то же время 4 человека (20 %) продемонстрировали низкий уровень аффилиации, что может говорить о сниженной мотивации к социальному взаимодействию, предпочтении в уединении и меньшей ориентированности на межличностные связи. В контрольной группе преобладают подростки со средним уровнем аффилиации (10 человек, 50 %), что аналогично экспериментальной группе. Высокий уровень стремления к социальному взаимодействию выявлен у 7 подростков (35 %), а низкий – у 3 человек (15 %). В целом, можно отметить, что в обеих группах преобладают подростки со средними показателями аффилиации, однако в контрольной группе наблюдается незначительное преобладание подростков с высоким уровнем аффилиативных потребностей, в то время как в экспериментальной – чуть выше доля подростков с низкой аффилиацией.

Обобщённые результаты всех методик демонстрируют наличие ряда личностных и поведенческих особенностей у подростков, включая признаки интернет-зависимости: неустойчивость в общении, повышенную раздражительность и выраженные эмоциональные потребности.

Реализация программы коммуникативного тренинга позволила затронуть ключевые аспекты профилактики интернет-зависимого поведения: умение управлять временем, проводимым в интернете; уменьшение симптомов отмены; предотвращение нарушений в социальной, коммуника-

тивной, эмоционально-волевой сферах. Тематический план реализации тренинговых занятий в рамках профилактической программы включал несколько блоков:

1. Блок, направленный на предотвращение нарушений в социальной и коммуникативной сферах.

2. Блок, направленный на предотвращение нарушений в эмоционально-волевой сфере.

3. Блок, направленный на формирование умения управлять временем, проводимым в интернете.

4. Блок, направленный на уменьшение симптомов отмены.

Результаты проверки эффективности данной программы на контрольном этапе эксперимента показали, что в экспериментальной группе количество испытуемых с низким уровнем интернет-зависимости увеличилось на 50%, со средним уровнем – на 5%, а с высоким уровнем снизилось до 5 %. В контрольной группе существенных изменений не произошло.

Для проверки эффективности профилактической программы был проведён сравнительный анализ долей подростков с высоким уровнем интернет-зависимости до и после её реализации. Сформулируем гипотезу: H_0 : Программа не оказывает влияния на уровень интернет-зависимости. H_1 : Программа оказывает влияние на уровень интернет-зависимости. $1,64$ для $p \leq 0,05$; $2,33$ для $p \leq 0,01$. $\phi_{\text{эмп}} = 2,56$, следовательно, $\chi^2_{\text{эмп}} > \chi^2_{\text{кр}}$. $\phi > 1.64$ – до проведения эксперимента. Различие значимо на уровне $p < 0.05$ $\phi > 2.33$ – после проведения эксперимента. Различие значимо на уровне $p < 0.01$ Расчёт по формуле ϕ (Фишера) показал значение $\phi = 2.56$, что превышает критическое значение 2.33 при уровне значимости $p < 0.01$. Это свидетельствует о статистически значимом снижении уровня интернет-зависимости в экспериментальной группе, что подтверждает результативность проведённой работы. Нулевая гипотеза H_0 о статистическом сходстве между состоянием до и после профилактической работы в экспериментальной группе отклоняется. Принимается альтернативная гипотеза H_1 о наличии статистически значимых различий. Уровни интернет-зависимости у старших подростков до и после реализации программы достоверно различаются.

Выводы

В условиях цифровизации общества проблема интернет-зависимости среди подростков становится все более актуальной. Подростки, находящиеся в стадии активного личностного и социального становления, особенно подвержены риску развития аддиктивного поведения, связанного с чрез-

мерным использованием интернета. Данная работа была посвящена изучению возможностей профилактики интернет-зависимости у старших подростков посредством коммуникативного тренинга. Нами были изучены ключевые характеристики интернет-зависимой личности старшего подростка. На основе анализа научной литературы была выявлена необходимость комплексного подхода к профилактике, включающего развитие коммуникативной компетентности, саморегуляции и устойчивости к стрессу.

Практическая часть исследования включала проведение констатирующего, формирующего и контрольного этапов эксперимента. На констатирующем этапе были зафиксированы высокие показатели интернет-зависимости и недостаточный уровень развития коммуникативных навыков у

значительной части подростков. С целью профилактики была разработана и реализована программа коммуникативного тренинга, направленная на развитие навыков общения, эмоциональной регуляции и формирования позитивного отношения к офлайн-реальности.

Результаты проверки эффективности формирующего этапа эксперимента показали статистически значимое снижение доли подростков с высоким уровнем интернет-зависимости в экспериментальной группе. Это позволяет считать реализованную профилактическую программу, направленную на развитие коммуникативных и эмоционально-волевых навыков, действенным средством снижения интернет-зависимости у данной возрастной категории.

Список источников

1. Жичкина А.Н. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста // Психология и интернет. URL: http://flogiston.ru/articles/netpsy/avtoref_zhichkina (дата обращения: 19.06.2025).
2. Войскунский А.Е. Интернет – новая область исследований в психологической науке // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Москва: Смысл, 2002. Вып. 1. С. 82 – 101.
3. Лучинкина А.И., Аль-Шаер Е.С. Психологические особенности интернет-активной личности // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Т. 8. № 4. С. 133 – 139.
4. Белинская Е.П. Психология интернет-коммуникации: учеб. пособие. Москва: Издательство Московского университета, 2013. 240 с.
5. Психология подростка: полное руководство / под ред. А.А. Реана. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак; Москва: ОЛМА-Пресс, 2003. 432 с.
6. Толстых, Н.Н., Прихожан А.М. Психология подросткового возраста [Электронный ресурс]: учебник и практикум для вузов. Электрон. текстовые данные. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 446 с. URL: <https://urait.ru/bcode/560427> (дата обращения: 22.02.2025)
7. Грецов А.Г. Тренинг общения для подростков. Москва: Питер, 2005. 160 с.
8. Риски в цифровой среде: диагностика, профилактика, коррекция: учеб-метод. пособие / под редакцией О.В. Рубцовой [и др.]. Москва: АНО «Центр глобальной ИТ-кооперации», 2024. 152 с.
9. Рогов Е.И. Настольная книга практического психолога: учеб. пособие: в 2 кн. Москва: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. Кн. 2: Работа психолога со взрослыми. Коррекционные приемы и упражнения. 480 с.
10. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Москва: Изд-во Института Психотерапии. 2002. 490 с.
11. Хван А.А., Зайцев Ю.А., Кузнецова Ю.А. Стандартизированный опросник измерения агрессивных и враждебных реакций А. Басса и А. Дарки: метод. рекомендации. Кемерово: КРИПКиПРО, 2006. 68 с.

References

1. Zhichkina A.N. The relationship between identity and behavior on the Internet of adolescent users. Psychology and the Internet. URL: http://flogiston.ru/articles/netpsy/avtoref_zhichkina (date of access: 19.06.2025).
2. Voyskunsky A.E. The Internet is a new area of research in psychological science. Scientific notes of the department of general psychology of Moscow State University. Moscow: Smysl, 2002. Issue 1. P. 82 – 101.
3. Luchinkina A.I., Al-Shaer E.S. Psychological characteristics of an Internet-active personality. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Vol. 8. No. 4. P. 133 – 139.
4. Belinskaya E.P. Psychology of Internet communication: textbook. manual. Moscow: Moscow University Publishing House, 2013. 240 p.
5. Teenager Psychology: A Complete Guide. edited by A.A. Rean. St. Petersburg: Prime-Euroznak; Moscow: OLMA-Press, 2003. 432 p.

6. Tolstykh, N.N., Prikhozhan A.M. Psychology of Adolescence [Electronic Resource]: A Textbook and Workshop for Universities. Electronic text data. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 446 p. URL: <https://urait.ru/bcode/560427> (accessed: 22.02.2025)
7. Gretsov A.G. Communication Training for Teenagers. Moscow: Piter, 2005. 160 p.
8. Risks in the digital environment: diagnostics, prevention, correction: a teaching aid. Edited by O.V. Rubtsova [and others]. Moscow: ANO "Center for Global IT Cooperation", 2024. 152 p.
9. Rogov E. I. Handbook of a practical psychologist: a teaching aid: in 2 books. Moscow: Humanitarian publishing center VLADOS, 1999. Book 2: A psychologist's work with adults. Correctional techniques and exercises. 480 p.
10. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manuilov G.M. Social and psychological diagnostics of personality and small group development. Moscow: Publishing house of the Institute of Psychotherapy. 2002. 490 p.
11. Khvan A.A., Zaitsev Yu.A., Kuznetsova Yu.A. Standardized questionnaire for measuring aggressive and hostile reactions by A. Bass and A. Darki: method. recommendations. Kemerovo: KRIPKiPRO, 2006. 68 p.

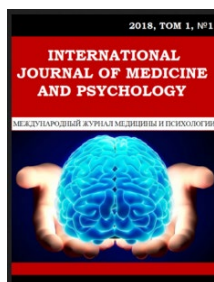
Информация об авторах

Панфилова О.В., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9487-9241>, РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?authorid=675534, Югорский государственный университет, oval.2011@mail.ru

Конева В.А., Югорский государственный университет, vera.koneva.01@mail.ru

Быстрова Н.В., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7409-0481>, РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=671854, Югорский государственный университет, n-75@list.ru

© Панфилова О.В., Конева В.А., Быстрова Н.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.072

¹ **Королёв Е.Г.,**

¹ *Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского*

Программа развития личностных качеств и копинг-стратегий для повышения готовности IT-специалистов к инновациям

Аннотация: в настоящее время в условиях экономической и политической нестабильности, а также повсеместной цифровой трансформации жизни общества организациям и их рабочим коллективам необходимо быть гибкими и уметь подстраиваться под требования высококонкурентной и динамичной внешней среды, что во многом достигается за счет освоения наиболее востребованных инноваций. В современных условиях это, в первую очередь, инновации, связанные с цифровизацией и внедрением систем искусственного интеллекта. Эффективность инновационных процессов, в свою очередь, зависит от способности к адаптации сотрудников организации к новым требованиям и новым организационно-трудовым условиям. IT-персонал является основным кадровым ресурсом, обеспечивающим процесс внедрения инноваций в области информационных технологий, цифровизации и искусственного интеллекта, поэтому успешность внедрения таких инноваций связана с профессиональной компетентностью, творческой активностью, мотивацией IT-специалистов, их отношением к инновациям, особенностями восприятия нового и адаптации к изменениям. В статье описаны результаты анализа взаимосвязей инновационной готовности IT-специалистов с их личностными качествами и копинг-стратегиями; предложена программа тренинга развития личностных качеств и копинг-стратегий для повышения готовности IT-специалистов к инновациям.

Ключевые слова: инновации, инновационная готовность, копинг-стратегии, личностные качества, отношение к инновациям, программа развития, IT-специалисты, цифровизация

Для цитирования: Королёв Е.Г. Программа развития личностных качеств и копинг-стратегий для повышения готовности IT-специалистов к инновациям // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 138 – 144.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ **Korolev E.G.,**

¹ *Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky*

A program for the development of personal qualities and coping strategies to increase the readiness of IT specialists for innovation

Abstract: in the current conditions of economic and political instability, as well as the widespread digital transformation of society, organizations and their work teams need to be flexible and adapt to the requirements of a highly competitive and dynamic external environment, which is largely achieved through the development of the most popular innovations. In today's context, these are primarily innovations related to digitalization and the implementation of artificial intelligence systems. The effectiveness of innovation processes, in turn, depends on the ability of the organization's employees to adapt to new requirements and organizational and labor conditions. IT personnel is the main human resource that ensures the process of introducing innovations in the field of information technology, digitalization, and artificial intelligence. Therefore, the success of such innovations depends on the professional competence, creativity, motivation, and attitude of IT specialists.

Keywords: innovation, innovative readiness, coping strategies, personal qualities, attitude to innovation, development program, IT specialists, digitalization

For citation: Korolev E.G. A program for the development of personal qualities and coping strategies to increase the readiness of IT specialists for innovation. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 138 – 144.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Развитие ИТ-индустрии играет ключевую роль в обеспечении экономического роста и цифровой трансформации современного общества. Современные условия требуют от ИТ-сектора быстрого реагирования на технологические изменения и внедрения инновационных решений. Однако консервативный подход некоторых специалистов к разработке программного обеспечения создает препятствия для научно-технического прогресса, что может ограничить реализацию стратегических планов развития России в этой области [1-3]. Актуальность таких планов подтверждается следующими документами:

- Указ Президента РФ от 2 марта 2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации»;

- Постановление Правительства РФ от 24 января 2017 г. № 57 «О создании Российского фонда развития информационных технологий».

Таким образом, в современных условиях важно развивать у ИТ-специалистов психологическую готовность к целенаправленному участию в инновационных процессах, определяющую их эффективность в реализации инновационных проектов. Готовность к инновациям, предположительно, связана с психологическими характеристиками сотрудников и проявляется в применении различных стратегий совладания в сложных ситуациях, т.к. ситуация внедрения изменений в привычные условия работы организации может стать причиной стрессовых реакций у сотрудников, что подтверждается исследованиями в данной области. Поэтому знание о копинг-стратегиях и индивидуально-личностных особенностях сотрудников может стать ключом к пониманию проблем, связанных с инновационной готовностью и сопротивлением внедрению инноваций в организации [4-8].

Для повышения инновационной готовности ИТ-специалистов необходимы меры по повышению их квалификации, переподготовке, стимулированию обмена знаниями между разработчиками для интеграции новых и старых подходов, а также обеспечению психологической готовности со-

трудников к принятию инноваций, которая играет не меньшую роль в формировании инновационной готовности, чем обретение новых компетенций [9-13]. Это обуславливает необходимость проведения в организациях психодиагностической и аналитической работы, результаты которой позволят оценить уровень инновационной готовности сотрудников, выявить его связи с их индивидуально-личностными особенностями и особенностями копинг-поведения с целью разработки мер по повышению инновационной готовности отдельных категорий сотрудников. В настоящее время такая работа практически не проводится в организациях и не внедрена в практику управления инновациями. Таким образом, научное исследование, направленное на выявление связи личностных особенностей и копинг-стратегий ИТ-специалистов с их готовностью к внедрению инноваций в организации, является актуальным.

Материалы и методы исследований

Объектом исследования являются ИТ-специалисты крупной ИТ организации, 53 человека. Выборка представлена 45 респондентами мужского пола (84,9%) и 8-ю респондентами женского пола (15,1%).

Предметом исследования является инновационная готовность ИТ-специалистов.

Гипотеза исследования – существуют взаимосвязи между инновационной готовностью и определенными личностными особенностями, и копинг-стратегиями ИТ-специалистов.

В исследовании были использованы следующие психодиагностические методики: «Краткий личностный опросник TIPI-RU» в адаптации А.С. Сергеевой, Б.А. Кириллова, А.Ф. Джумагуловой (2016); «Индикатор копинг-стратегий» (CSI) Д. Амирхана в адаптации Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского (1994); «Опросник совладания со стрессом COPE» в адаптации Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осина, Е.И. Рассказовой и др. (2010); «Опросник инновационной готовности персонала» В.В. Пантелеевой, Т.П. Кнышевой (2016).

В работе был проведен анализ взаимосвязей между признаками, измеренными с помощью перечисленных выше методик.

Результаты и обсуждения

В результате корреляционного анализа были выявлены следующие статистически достоверные корреляционные связи:

- средние прямые связи открытости новому опыту (TIPI-RU) и общей (0,579, $p < 0,001$), в т.ч. эмоциональной (0,536, $p < 0,001$) и мотивационной (0,543, $p < 0,001$) инновационной готовности;
- умеренная прямая связь эмоциональной стабильности (TIPI-RU) и личностной инновационной готовности (0,440, $p < 0,001$);
- средняя прямая связь экстраверсии (TIPI-RU) и личностной инновационной готовности (0,518, $p < 0,001$);
- умеренная прямая связь экстраверсии (TIPI-RU) и когнитивной готовности (0,430, $p < 0,01$);
- средние прямые связи копинг-стратегии активного совладания (COPE) и общей (0,563, $p < 0,001$), в т.ч. мотивационной (0,537, $p < 0,001$), когнитивной (0,643, $p < 0,001$), личностной (0,637, $p < 0,001$) инновационной готовности.

Таким образом, результаты исследования показали, что с различными аспектами готовности к инновациям, включая эмоциональную, мотивационную, личностную и когнитивную готовность положительно коррелируют такие личностные характеристики, как открытость новому опыту, эмоциональная стабильность, экстраверсия, а также копинг-стратегия активного совладания, предполагающая активные шаги (прямые действия) в направлении преодоления стрессовой ситуации.

На основе результатов корреляционного анализа предлагается программа развития личностных качеств и копинг-стратегий для повышения готовности IT-специалистов к инновациям.

Целью программы является развитие у участников личностных качеств (открытость новому опыту и эмоциональная стабильность) и конструктивных копинг-стратегий (активное совладание), необходимых для успешного внедрения инноваций в профессиональной деятельности.

Задачи программы: развитие открытости новому опыту и эмоциональной и мотивационной готовности IT-специалистов к инновациям; развитие эмоциональной стабильности и личностной готовности IT-специалистов к инновациям; развитие когнитивной готовности к инновациям; развитие навыков управления проблемами в условиях неопределенности через осознание собственных реакций и стратегий совладания.

Программа основана на принципах когнитивно-поведенческой терапии, теории личностных черт и концепции социально-психологической готовности к инновациям. Участие в программе позволит участникам развить личностные и профессиональ-

ные качества, необходимые для повышения успешности адаптации к IT-инновациям.

Программа рассчитана на IT-специалистов, заинтересованных в развитии своих профессиональных компетенций и улучшении адаптации к условиям цифровизации и внедрения систем искусственного интеллекта. Программа рассчитана на 5 занятий общей продолжительностью 10-14 часов. Рассмотрим краткое содержание программы.

Занятие 1. Формирование готовности к инновациям.

Занятие направлено на развитие открытости новому опыту и эмоциональной готовности к инновациям.

Цель занятия: развитие ключевых навыков, необходимых для готовности к инновациям, таких как открытость новому опыту, эмоциональная гибкость и креативное мышление.

1. Знакомство и постановка целей, установление правил. Ведущий озвучивает правила тренинга. Каждый участник представляет себя и рассказывает о своих ожиданиях от участия в группе.

2. Обсуждение преимуществ открытости новому опыту. Участники вспоминают ситуации из своей жизни, когда открытость новому опыту помогла им достичь успеха или избежать ошибок.

3. Упражнения на развитие эмоциональной гибкости:

- участники получают карточки с эмоциями (например, радость, грусть, страх, удивление), им нужно по очереди разыграть каждую эмоцию без слов;

- один участник загадывает эмоцию, остальные пытаются угадать ее, задавая вопросы.

4. Упражнения на развитие креативности:

- участники разбиваются на пары, каждой паре дается случайный предмет (например, ручка, блокнот, маркер) и ставится задача – придумать как можно больше необычных способов использования этого предмета;

- участникам предлагается составить список идей по потенциальному практическому использованию информационных технологий в новых областях или новыми способами.

5. Рефлексия и обратная связь. Под руководством ведущего участники подводят итоги занятия, сообщают, в чем, по их мнению, состояла польза данного занятия.

Занятие 2. Развитие эмоциональной стабильности и личностной готовности к инновациям.

Занятие направлено на развитие эмоциональной стабильности и личностной готовности к инновациям.

Цель занятия: развитие навыков идентификации и осознания эмоций, а также навыков управ-

ления стрессом, необходимых для повышения эмоциональной стабильности и личностной готовности к инновациям.

1. Упражнение «Контроль над эмоциями». Участники делятся на команды. Каждая команда получает карточку с эмоцией (например, радость, грусть, страх, удивление). Им нужно вместе описать, как проявляется эта эмоция, как она влияет на поведение и настроение. Далее команды представляют свои наблюдения всей группе и обсуждают способы контроля над эмоциями.

2. Диагностика уровня стресса. Ведущий предлагает каждому участнику заполнить короткую анкету для оценки уровня стресса. Результаты анонимно собираются и анализируются ведущим. На основании результатов анкетирования проводится групповая дискуссия о причинах стресса и способах его снижения.

3. Упражнение «Копинг-стратегии». Участникам предлагается выбрать один из копингов (активное совладание, юмор, использование эмоциональной социальной поддержки др.) и разыграть ситуацию, где этот копинг помогает справиться с эмоциональной нагрузкой. После представления участники обсуждают, насколько эффективно данное средство в разных ситуациях.

4. Рефлексия и обратная связь. Участники подводят итоги занятия, сообщают, в чем, по их мнению, состояла польза данного занятия.

Занятие 3. Формирование мотивации к инновациям.

Занятие направлено на повышение открытости новому опыту и мотивационной готовности к ИТ-инновациям.

Цель занятия: развитие открытости новому опыту и мотивационной готовности к инновациям через осознание и преодоление барьеров к изменениям.

1. Упражнение «Инноваторы и консерваторы». Участники делятся на две команды: мечтателей и реалистов. Каждой команде дается набор карточек с утверждениями, отражающими разные точки зрения (например, «Изменения ведут к лучшему» или «Стабильность – ключ к успеху» и др.). Командам нужно выбрать три утверждения, которые лучше всего характеризуют их позицию, и аргументировать свой выбор. После презентации позиций команд проводится общее обсуждение, в котором участники обмениваются мнениями.

2. Интерактивная презентация «Истории успеха». Ведущий показывает короткие видеоролики или слайд-шоу с примерами успешных инноваций и изменений в ИТ-сфере (примеры успешного внедрения систем искусственного интеллекта или реализации проектов цифровой трансформации).

После просмотра участники делятся своими впечатлениями и размышляют о том, что общего в этих историях успеха и какие уроки можно извлечь.

3. Анализ личных барьеров. Участникам предлагается обдумать и записать основные причины, которые не позволяют им легко адаптироваться к новому опыту и ИТ-инновациям. Затем участники под руководством ведущего анализируют эти причины с целью отнесения их к реальным или воображаемым.

4. Разработка плана действий по преодолению личных барьеров, затрудняющих адаптацию к новому опыту и ИТ-инновациям. Участники делятся на малые группы и разрабатывают планы действий для преодоления этих барьеров. Планы должны включать конкретные действия и временные рамки. Затем каждая группа презентует свои планы и получает обратную связь от остальных участников.

5. Упражнение «ИТ-пессимист и ИТ-оптимист». Участники делятся на пары и обсуждают предложенные ведущим проблемные ситуации, связанные с внедрением и использованием ИТ-инноваций. Один участник играет роль ИТ-пессимиста, другой – ИТ-оптимиста. Задача – совместный поиск оптимального решения проблемной ситуации.

6. Рефлексия и обратная связь. Под руководством ведущего участники подводят итоги занятия, сообщают, в чем, по их мнению, состояла польза данного занятия.

Занятие 4. Повышение когнитивной готовности к инновациям.

Занятие направлено на развитие когнитивной составляющей инновационной готовности.

Цель занятия: развитие ключевых навыков, необходимых для повышения когнитивной готовности к инновациям, таких как креативное мышление, скоростное восприятие информации и совместное генерирование идей.

1. Ведущий демонстрирует видеоролик или слайд-шоу с информацией о новой ИТ-технологии или ИТ-продукте. Участники должны быстро записать ключевые моменты увиденного и поделиться ими с другими участниками.

2. Упражнение «Технологический прогноз». Участники делятся на команды и получают задание предсказать будущее определенной ИТ-технологии или продукта через 5 лет. Каждая команда представляет свои прогнозы и объясняет, почему они считают, что именно так будет развиваться данная технология или продукт.

3. Участники делятся на команды и получают задание придумать как можно больше идей для

улучшения рабочего процесса или организации работы IT-отдела. Каждая команда представляет свои идеи и обсуждает, какие из них могут быть реализованы в реальности.

4. Рефлексия и обратная связь. Под руководством ведущего участники подводят итоги занятия, сообщают, в чем, по их мнению, состояла польза данного занятия.

Занятие 5. Управление проблемами в ситуации неопределенности.

Занятие направлено на развитие навыков управления проблемами через осознание собственных реакций и стратегий совладания, а также поиска конкретных решений проблемных ситуаций с использованием собственного потенциала.

Цель занятия: развитие навыков, необходимых для управления проблемами: осознание собственных эмоций, анализ ситуации, анализ стратегий совладания и развитие креативного подхода к решению сложных задач, адаптация к изменяющимся условиям, эффективное использование ресурсов.

1. Упражнение «Сборка головоломки». Участники делятся на команды. Каждой команде дается набор деталей головоломки. Задача – собрать головоломку быстрее соперников. После сборки команды обсуждают, какие навыки они использовали для быстрого и правильного решения задачи.

2. Упражнение «Препятствие». Участники делятся на команды. Каждой команде дается подушка, которую нужно перенести из одного конца помещения в другой, не касаясь пола. После выполнения задания команды обсуждают, какие стратегии и физические приемы они использовали для преодоления препятствия.

3. Ролевая игра «Проблемный клиент». Участники делятся на команды. Одной команде достается роль клиента с проблемой, другой – роль сотрудников службы IT-поддержки. Клиенты описывают свою проблему, сотрудники предлагают возможные решения. Затем команды меняются ролями. После игры команды обсуждают, какие стратегии и подходы к решению проблем были наиболее эффективными, какие навыки, активированные при выполнении упражнений «Сборка головоломки» и «Препятствие» были использованы.

4. Упражнение «Фантастическое путешествие». Участники делятся на команды и получают задание представить, что они оказались на необитаемом острове с заброшенной компьютерной лабораторией. При этом каждой команде выдаются карточки с эмоциями (например, радость, грусть,

страх, удивление). Необходимо распределить эмоции по шкале от наименьшей к наибольшей по степени вызываемого дискомфорта. Команды обсуждают, как разные эмоции влияют на поведение участников и подход к решению проблем.

Задача – разработать план действий по выживанию и поиску способа вернуться домой с помощью информационных технологий, используя ресурсы лаборатории с учетом специализации каждого участника. Затем команды презентуют свои планы и выбирают лучший.

5. Упражнение «Решение проблемы в условиях неопределенности». Участники делятся на команды. Каждой команде дается сложная IT-задача или проблема, для решения которой необходимо придумать как можно больше различных способов. Неожиданно ведущий объявляет, что теперь проблемная ситуация изменилась и участники должны предлагать решения с учетом новых данных. Завершив упражнение, команды обсуждают, как им удавалось генерировать идеи, что помогало перестраиваться при изменении условий, по каким критериям выбирались новые пути решения проблемы.

6. Рефлексия и обратная связь. Под руководством ведущего участники подводят итоги занятия, сообщают, в чем, по их мнению, состояла польза данного занятия.

Таким образом, прохождение описанной программы позволит IT-специалистам развить качества, необходимые для повышения успешности адаптации к IT-инновациям, связанным, в том числе, с цифровизацией и внедрением систем искусственного интеллекта.

Выводы

В результате корреляционного анализа были выявлены прямые связи открытости новому опыту с эмоциональной и мотивационной инновационной готовностью, а также копинг-стратегии активного совладания с мотивационной составляющей инновационной готовности. Выявленные связи подтверждают гипотезу исследования о существовании взаимосвязи между инновационной готовностью и определенными личностными особенностями, и копинг-стратегиями IT-специалистов. Подтверждение гипотезы исследования позволило получить данные, на которых была основана разработанная тренинговая программа, целью которой стало развитие у участников личностных качеств и копинг-стратегий, необходимых для успешного внедрения инноваций в IT-сфере.

Список источников

1. Голубева Г.Ф., Спасенников В.В. Экономико-психологические проблемы инновационного менеджмента // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2008. № 11. С. 33 – 41.
2. Гофман О.О., Водопьянова Н.Е., Джумагулова А.Ф., Никифоров Г.С. Проблема профессионального выгорания специалистов в сфере информационных технологий: теоретический обзор [Электронный ресурс] // Организационная психология, 2023. Т. 13. № 1. С. 117 – 144.
3. Наумцева Е.А. Психологическая готовность к организационным изменениям: подходы, понятия, методики // Организационная психология. 2016. Т. 6. № 2. С. 55 – 74.
4. Данилова А.В. Обзор психологической литературы по проблеме совладающего поведения // Молодой ученый. 2021. № 43 (385). С. 61 – 63.
5. Корнев К.И. Проблемы исследования ситуационного контекста совладающего поведения / под ред. Л.И. Дементий // Личность в трудных жизненных ситуациях как актуальное научное направление копинг-исследований в России: мат. Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участ., посвящ. 35-летию ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. С. 6 – 10.
6. Меркурьев В.Д. Совладающее поведение личности: обзор исследований // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 1 (21). С. 48 – 57.
7. Общая психология и психология личности / под ред. А.А. Реана. М.: АСТ: Астрель; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2011. 639 с.
8. Гуревич П.С. Психология личности: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 559 с.
9. Беляева Е.Н. Структурные особенности самореализации личности ИТ-специалистов / Самореализация личности в эпоху цифровизации: глобальные вызовы и возможности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Москва, РУДН, 29-30 марта 2022 г. / под ред. С.И. Кудинова, С.С. Кудинова. Москва: РУДН, 2022. 461 с.
10. Булгаков А.В., Булгакова Е.А., Кучева Н.А. Трудности профессионализации ИТ-специалистов в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2023. № 3. С. 109 – 122.
11. Плоткина Л.Н. Профессионально-личностное становление ИТ-специалиста: психолого-педагогический аспект // Казанский педагогический журнал. 2011. № 1. С. 120 – 128.
12. Кудинов С.И., Беляева Е.Н. Индивидуально-психологические предпосылки самореализации личности специалистов информационных технологий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. Т. 12, вып. 3 (47). С. 215 – 226.
13. Холодцов В.В., Плинер В.А. Личностный профиль ИТ-специалиста: многомерный анализ и практическое применение // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 2А. С. 88 – 96.

References

1. Golubeva G.F., Spasennikov V.V. Economic and psychological problems of innovation management. FES: Finance. Economy. Strategy. 2008. No. 11. P. 33 – 41.
2. Goffman O.O., Vodopyanova N.E., Dzhumagulova A.F., Nikiforov G.S. The problem of professional burnout of specialists in the field of information technology: a theoretical review [Electronic resource]. Organizational Psychology, 2023. Vol. 13. No. 1. P. 117 – 144.
3. Naumtseva E.A. Psychological readiness for organizational changes: approaches, concepts, methods. Organizational Psychology. 2016. Vol. 6. No. 2. P. 55 – 74.
4. Danilova A.V. Review of psychological literature on the problem of coping behavior. Young scientist. 2021. No. 43 (385). P. 61 – 63.
5. Kornev K.I. Problems of studying the situational context of coping behavior. edited by L.I. Dementiy. Personality in difficult life situations as a relevant scientific direction of coping research in Russia: Proc. All-Russian scientific and practical conf. with international participation, dedicated to the 35th anniversary of Omsk State University named after F.M. Dostoevsky. Omsk: Publishing house of Omsk. state University, 2009. P. 6 – 10.
6. Merkuriev V.D. Coping behavior of the individual: a review of studies. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Education and Health Care. 2023. No. 1 (21). P. 48 – 57.
7. General psychology and psychology of personality. edited by A.A. Rean. Moscow: AST: Astrel; St. Petersburg: Prime-EVROZNAK, 2011. 639 p.

8. Gurevich P.S. Psychology of personality: a textbook for university students. Moscow: UNITY-DANA, 2015. 559 p.
9. Belyaeva E.N. Structural features of self-realization of the personality of IT specialists. Self-realization of the personality in the era of digitalization: global challenges and opportunities: Proc. Int. scientific-practical. conf. Moscow, RUDN, March 29-30, 2022. edited by S.I. Kudinov, S.S. Kudinov. Moscow: RUDN, 2022. 461 p.
10. Bulgakov A.V., Bulgakova E.A., Kucheva N.A. Difficulties in the professionalization of IT specialists in Russia. Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Psychological Sciences. 2023. No. 3. P. 109 – 122.
11. Plotkina L.N. Professional and personal development of an IT specialist: psychological and pedagogical aspect. Kazan pedagogical journal. 2011. No. 1. P. 120 – 128.
12. Kudinov S.I., Belyaeva E.N. Individual psychological prerequisites for self-realization of information technology specialists. Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Acmeology of education. Developmental psychology. 2023. Vol. 12. Issue 3 (47). P. 215 – 226.
13. Kholodtsov V.V., Pliner V.A. Personality profile of an IT specialist: multidimensional analysis and practical application. Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2025. Vol. 14. No. 2A. P. 88 – 96.

Информация об авторе

Королёв Е.Г., аспирант, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 191023, Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, 15, лит. А, stribog.tm@yandex.ru

© Королёв Е.Г., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.01

¹ **Кравченко С.В.,**

¹ Новосибирский государственный педагогический университет

Экзистенциальная перспектива удовлетворенностью жизнью

Аннотация: целью данной статьи является анализ феномена удовлетворенности жизнью в контексте экзистенциального осмысления. Автором предпринята попытка представить позиции исследователей относительно удовлетворенности жизнью в четыре ключевых направления. Предложенная классификация данного феномена способствовала систематизации накопленных исследовательских данных и углублению понимания данной многогранной психологической категории. Выделенные автором подходы носят гипотетический характер, поскольку в ходе анализа выявлены их концептуальные пересечения и междисциплинарные связи, выходящие за рамки психологического знания. В статье дается авторское определение удовлетворенности жизнью, представляющее собой интегративный компонент счастья, формируемый кластером взаимосвязанных элементов: качеством жизни (финансовая стабильность, социальная и физическая комфортность), психологическим благополучием (резистентность к негативным факторам), позитивной когнитивной оценкой жизненных обстоятельств и профессиональной самореализацией.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, экзистенциальный кризис, экзистенциальная перспектива, экзистенциальная фрустрация, экзистенциальная тревога, смысл жизни, качество жизни

Для цитирования: Кравченко С.В. Экзистенциальная перспектива удовлетворенностью жизнью // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 145 – 151.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ **Kravchenko S.V.,**

¹ Novosibirsk State Pedagogical University

The existential perspective of life satisfaction

Abstract: the purpose of this article is to analyze the phenomenon of life satisfaction in the context of existential comprehension. The author attempts to present the positions of researchers regarding life satisfaction in four key areas. The proposed classification of this phenomenon contributed to the systematization of accumulated research data and a deeper understanding of this multifaceted psychological category. The approaches identified by the author are hypothetical, since the analysis reveals their conceptual intersections and interdisciplinary connections that go beyond psychological knowledge. The article provides the author's definition of life satisfaction, which is an integrative component of happiness formed by a cluster of interrelated elements: quality of life (financial stability, social and physical comfort), psychological well-being (resistance to negative factors), positive cognitive assessment of life circumstances and professional self-realization.

Keywords: life satisfaction, existential crisis, existential perspective, existential frustration, existential anxiety, meaning of life, quality of life

For citation: Kravchenko S.V. The existential perspective of life satisfaction. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 145 – 151.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Современного человека нередко поглощает экзистенциальная пустота – тягостное состояние утраты жизненных ориентиров, усугубляемое внутренним вакуумом.

Людам в 21 веке, в отличие от животных, инстинкты не диктуют, что им нужно. Нет сейчас и жестких традиций, предписывающих, что они должны, как это было столетие назад. Не понимая ни первого, ни второго, человек утрачивает ориентиры своих потребностей и желаний, и, как следствие, испытывает фрустрацию. Если у человека нет ясного пути, он неизбежно задумывается: «какой тогда смысл в моей жизни? Что мне нужно для счастья и удовлетворения? Подобные вопросы касаются самых главных вещей бытия и относятся к числу экзистенциальных.

При сопоставительном анализе теоретических подходов, разработанных в рамках западной и российской научных школ, обнаруживаются конвергентные элементы и повторяющиеся тенденции. Выявленная общность методологических позиций создает основу для интеграции современных академических представлений о феномене «удовлетворенность жизнью». Несмотря на пристальное внимание исследователей, четкое и общепринятое определение этой категории до сих пор отсутствует.

Материалы и методы исследований

Целью данной статьи является анализ феномена удовлетворенности жизнью в контексте экзистенциального осмысления.

Материалами исследования выступают работы отечественных авторов, в числе которых Е.Е. Бочарова, М.И. Жегалова, Р.Ф. Сулейманов, О.В. Бельтюкова, М.А. Варнакова, С.Н. Ведерникова, М.И. Волк, А.Е. Мазанова, М.Е. Халак, Е.В. Дорофеев, Е.А. Припорова, М.А. Щукина, Л.А. Ширман и др.

При написании статьи использовались следующие методы: диалектический анализ, синтез, анализ, дедуктивный и индуктивный методы, обобщение.

Результаты и обсуждения

Автором были систематизированы научные труды относительно понятия «удовлетворенность жизнью» с точки зрения различных подходов.

Первый подход рассматривает удовлетворенность жизнью как составляющую счастья. Например, Е.Е. Бочарова [1, с. 162], анализируя

это понятие, подчеркивает термин «счастье», что указывает на когнитивную природу удовлетворенности жизнью в рамках данного феномена. В своей работе исследователь опирается на труды Д.А. Леонтьева (раскрывающего сходство между категориями «счастье» и «удовлетворенность жизнью»), а также И.А. Джидарьяна (определяющего оба понятия как оценочные суждения личности о соответствии своей жизни внутренним идеалам). Автор подчеркивает высокую степень изученности проблематики удовлетворенности жизнью и счастья в научной литературе, что обусловлено фундаментальным стремлением человека к достижению состояния счастья [1, с. 163].

М.И. Жегалова и Р.Ф. Сулейманов, анализируя взаимосвязь счастья и удовлетворенности жизнью, основываются на гипотезах Е.П. Ильина, М. Аргайла и М. Селигмана, согласно которым счастье тождественно глобальной удовлетворенности различными аспектами жизни [2, с. 83-84].

О.В. Бельтюкова, интерпретируя позиции М. Аргайла, И.А. Джидарьяна, Д. Леонтьева и А. Маслоу, делает вывод, что счастье – это комплексная удовлетворенность жизнью, которая включает в себя реализацию базовых и высших потребностей человека [3, с. 56-57].

Второй подход видит корни удовлетворенности жизнью в психическом здоровье. Так, Н.В. Вязова, В.М. Мелехова [4, с. 17] анализируют модель «психологического благополучия» (N. Bradburn), ставящую удовлетворенность во главу угла, определяя благополучие как процесс, в котором человек сводит воедино свои радостные и горестные осознания, формируя в итоге позитивный взгляд на жизнь. Авторы предлагают считать термины «удовлетворенность жизнью» и «психологическое благополучие» в этой модели равнозначными.

Другой исследователь М.И. Волк связывает чувство удовлетворенности жизнью с состоянием психического благополучия и обозначает его как «реализацию человеческого потенциала в духовной, физической и социальной сферах» [5, с. 2]. Автор ссылается на интерпретации Н. Брэдбурна и Э. Динера, обуславливающих прямую зависимость психоэмоционального благополучия от когнитивной оценки текущих условий жизни, степени самореализации и переживания гедонистических состояний. М.И. Волкова, дополняя данный подход, подчеркивает

значимость сохранения устойчивого эмоционального баланса и выстраивания синергичных социальных взаимодействий как базовых элементов личностной гармонии [5, с. 2-3].

Третий подход к пониманию удовлетворенности жизнью связан с профессиональной самореализацией и активной деятельностью. Исследователи В.И. Крячко и Е.А. Яковлева утверждают, что трудовая деятельность способствует удовлетворению высших потребностей личности. Согласно их точке зрения, профессиональная реализация придает жизни смысл, обеспечивает социальный статус, общественное признание и материальное благосостояние [6, с. 113-114].

Аналогичную позицию занимают Т.В. Круглинская и Л.В. Вахидова, определяя удовлетворенность жизнью как результат продуктивной деятельности и успешного применения стратегий целеполагания [7, с. 116].

В рамках четвертого подхода жизненная удовлетворенность трактуется как интегральный компонент качества существования. Исследователь А.Е. Мазанова и соавторы акцентируют, что данное состояние выступает ключевым маркером при оценке жизненных стандартов, формируя их смысловое ядро [8, с. 78]. Авторы М.А. Щукина и Л.А. Ширман расширяют это понятие, представляя качество жизни как полифакторную систему. В их интерпретации она объединяет три взаимосвязанных аспекта: телесное благополучие, социальную реализацию и материальную обеспеченность [9, с. 17].

Анализ научных публикаций за период 2019–2024 гг. демонстрирует доминирование интерпретаций удовлетворенности жизнью через призму категории счастья, что релевантно для психологической науки, традиционно рассматривавшей данную проблематику в философском контексте. Детализация структуры феномена выявила методологические сложности в разработке универсального дефиниционного аппарата, обусловленные наличием разнонаправленных, а в некоторых случаях конфликтующих теоретических позиций. Тем не менее на основании синтеза существующих концепций автором предложено следующее определение: «Удовлетворенность жизнью представляет собой интегративный компонент счастья, формируемый кластером взаимосвязанных элементов: качеством жизни (финансовая стабильность, социальная и физическая комфортность), психологическим благополучием (резистентность к негативным факторам), позитивной когнитивной оценкой

жизненных обстоятельств и профессиональной самореализацией».

Авторская модель включает четыре измерения:

1. Витальное (физиологический комфорт).
2. Рефлексивное (осмысленность бытия).
3. Трансцендентное (выход за пределы эго).
4. Коннективное (качество социальных связей).

Согласно экзистенциальному подходу, удовлетворенность жизнью не является просто следствием внешних обстоятельств или материальных благ. Она зависит от внутреннего состояния человека, его способности находить смысл в жизни, принимать свои переживания и делать осознанный выбор [10].

Экзистенциальная перспектива акцентирует внимание на таких аспектах, как:

- поиск и нахождение личного смысла в жизни, что может включать в себя цели, ценности и убеждения;
- признание своей свободы в принятии решений и осознание последствий этих решений;
- принятие ответственности за свою жизнь и выбор, а также за влияние на окружающих;
- стремление быть верным себе и своим убеждениям, а не следовать социальным ожиданиям;
- осознание того, что жизнь может быть неопределенной и абсурдной, и умение находить радость и удовлетворение, несмотря на это.

Таким образом, экзистенциальная перспектива удовлетворенности жизнью подчеркивает важность внутреннего мира человека и его отношения к жизни, что может привести к более глубокому и устойчивому чувству удовлетворения.

Россия стоит на 116 месте по уровню ощущения счастья у ее жителей согласно исследованию И.Н. Аммосовой и И.С. Даниловой [11, с. 12]. Когда человек не знает, что он хочет, ему сложно быть счастливым.

Психологи отмечают тревожную тенденцию: запрос на поиск смысла жизни и удовлетворенности ей становится одним из самых частых. Люди приходят с ощущением, что «идут не своей дорогой», «живут чужой жизнью», испытывают тотальную неудовлетворенность и не понимают своих истинных целей. Бывает, человек вкладывает все силы в достижение чего-либо, но на пике усилий его охватывает сомнение: «А туда ли я иду? Нужно ли мне это?» Как итог, опустошающее чувство безысходности и внутренней пустоты (экзистенциальный вакуум). Это состояние одинаково разрушительно для лиц, независимо от пола. В периоды такого кризиса удовлетворенность жиз-

нью просто исчезает [12]. Вместе с тем понимание критериев удовлетворенности жизнью и опора на индивидуальные ориентиры являются ключевыми элементами психологического благополучия и социальной адаптации. Это позволяет не только структурировать личный опыт, но и формировать стратегии для достижения гармонии в условиях динамично меняющейся реальности.

Представим кратко основные аргументы, подтвержденные исследованиями в области психологии, социологии и нейронаук относительно феномена удовлетворенности жизнью:

- определение критериев субъективной удовлетворенности жизнью способствует развитию рефлексивных навыков, что напрямую влияет на способность человека управлять эмоциями, поведением и целями. Субъективная удовлетворенность жизнью включает когнитивную оценку достижений и эмоциональный фон. Без четких критериев человек теряет ориентиры для такой оценки;

- личные ориентиры выступают «внутренним компасом», помогающим адаптироваться к внешним вызовам;

- удовлетворенность жизнью зависит от гибкости в трансформации поведения и восприятия человеком новых условий;

- отсутствие ясных критериев удовлетворенности коррелирует с риском развития тревожности, депрессии и социальной дезадаптации;

- негативные когнитивные установки (катастрофизация, персонализация) напрямую связаны с низким уровнем удовлетворенности жизнью, тогда как позитивные убеждения усиливают психологическую устойчивость.

- у людей с низкой удовлетворенностью жизнью чаще наблюдаются неконструктивные методы снятия стресса (алкоголь, курение) и снижение качества здоровья.

Понимание критериев удовлетворенности жизнью и опора на личные ориентиры выступают не просто инструментом самоанализа, а механизмом выживания в современном мире. Это понимание позволяет:

- снижать риски дезадаптации через осознанный выбор стратегий;

- формировать устойчивость к стрессам за счет внутренних ресурсов;

- укреплять социальные связи через взаимное понимание ценностей.

В условиях нестабильности, к которым в полной мере относится сегодняшнее время, люди с четкими критериями благополучия чаще демонстрируют оптимизм и высокую

адаптивность. Таким образом, осознание своих ориентиров – это путь к личной гармонии и общественной стабильности.

Однако, как было неоднократно отмечено выше, именно в отсутствии субъективных критериев у большинства людей и заключается проблема.

М.С. Лобанова относит к признакам экзистенциального вакуума внутреннюю пустоту, скуку, утрату значимых целей, потерю внутренних ориентиров, сужение круга интересов: «ничего не интересно, чувство одиночества и скуки. Удовлетворения ни от чего нет» [10, с. 23].

Чувства внутренней тревоги и беспокойства, вызванные вопросами о смысле и осознании существования, называются экзистенциальным кризисом [13, с. 70]. Если рассматривать жизнь как процесс, то кризис можно считать препятствием на жизненном пути, и это препятствие нарушает естественный ход событий. В этом случае появляется экзистенциальная тревога. Экзистенциальную тревогу можно определить как неопределенность, бессмысленность, безнадежность, ощущение отсутствия опор за пределами личности. Она становится источником постоянных сомнений, поскольку человек сталкивается с неуверенностью в том, что совершил правильный выбор или принял верное решение. Экзистенциальное отчуждение от самого себя, других людей, окружающего мира – также исходная характеристика человеческой жизни (мы никогда не можем быть уверены, что знаем самих себя, другого человека или понимаем происходящее в мире). Столкнувшись с этим, человек может испытывать экзистенциальную вину – вину перед собой, за «неполное», бессмысленное проживание жизни, нереализованные возможности. И, наконец, вновь обозначим термин экзистенциальный вакуум или фрустрация – переживание пустоты, скуки, тоски, безысходности; утрата ценностных ориентиров, смысла, вовлеченности.

В. Франкл писал «озабоченность или даже отчаяние человека по поводу смысла жизни есть экзистенциальное страдание, но не заболевание» [14].

В практике психологического консультирования лиц, переживающих кризисные состояния, специалисты регулярно фиксируют феномен экзистенциальной пустоты. Люди описывают ангедонию и дефицит смыслов, формулируя это через призму рутинности бытия: «Присутствует стабильная работа, семейные обязательства. Ежедневный алгоритм действий повторяется, однако внутреннее состояние

характеризуется эмоциональной опустошенностью. Это порождает вопрос: является ли данное существование полноценной жизнью?»

Ключевым аспектом психотерапевтического вмешательства в таких случаях становится работа с системой ценностей. На сегодняшний день популярна методика изучения ценностных ориентации М. Рокича, она основана на иерархическом структурировании ценностных категорий. Эмпирические данные свидетельствуют: диссонанс между декларируемыми и актуализированными ценностями формирует у индивида переживание «экзистенциальной неаутентичности». Конфликт между идеальными устремлениями и реальными жизненными паттернами создает барьер для достижения субъективного благополучия, что коррелирует с феноменом хронической неудовлетворенности.

Особый исследовательский интерес представляет проблема утраты субъективно-смысловых ориентиров, которая выступает актуальной исследовательской проблемой, несмотря на недостаточную теоретическую проработку в теоретических и практических исследованиях.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод, что экзистенциальная перспектива – это философский и психологический подход, который фокусируется на индивидуальном существовании, свободе выбора, ответственности и поиске смысла жизни.

Удовлетворенность жизнью представляет собой многообразное понятие, которое объединяет когнитивное и эмоциональное восприятие человеком своей жизни в целом. Внутри этого понятия находится качество жизни, складывающееся из нескольких ключевых элементов: физического самочувствия, материального достатка, социального благополучия, психического здоровья, карьерных достижений и внутреннего одобрения собственной жизни.

За 2019-2024 гг. в контексте стремительных изменений в мире, обществе, экономике и политике, удовлетворенность жизнью претерпевает значительные изменения. Для многих людей события, связанные с политической ситуацией в мире, перевернули представления о ценностях. В настоящее время чувство потери смысла жизни, удовлетворенность ею и связанное с этим ощущение пустоты стало серьезной проблемой. К сожалению, этой проблеме исследователями уделяется недостаточное количество внимания. Так, большое количество людей существует в экзистенциальном вакууме, говоря о «бессмысленности» своей жизни и /или об ощущении проживания «не своей жизни».

В психологической работе с такими запросами для помощи клиентам целесообразно и уместно использовать разные инструменты и методы работы. Вместе с тем, определить ценности, лучше понять свои желания и потребности людям помогут стандартизированные тесты.

Список источников

1. Бочарова Е.Е. Взаимосвязь дискриминационных установок и характеристик удовлетворенности жизнью, счастья у представителей молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Академия образования. Психология развития. 2020. Т. 9. № 2 (34). С. 162 – 169.
2. Жегалова М.И., Сулейманов Р.Ф. Исследование счастья у людей разных социальных категорий // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 11 (91). С. 82 – 87.
3. Бельтюкова О.В., Варнакова М.А., Ведерникова С.Н. Представления о счастье мужчин и женщин зрелого возраста // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 7 (99). С. 55 – 60.
4. Вязовова Н.В., Мелехова В.М. Особенности отношения к карьере лиц с различным уровнем психологического благополучия // Гаудеамус. 2021. № 3 (49). С. 14 – 25.
5. Волк М.И. Специфика эмоционального состояния у людей, состоящих и не состоящих в брачно-семейных и партнерских отношениях в условиях самоизоляции COVID-19 // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 3. С. 1 – 9.
6. Яковлева Е.А., Крячко В.И. Профессиональная продуктивность и субъективное благополучие // Journal of Economic Regulation. 2021. Т. 12. № 4. С. 110 – 120.
7. Круглинская Т.В., Вахидова Л.В. Взаимосвязь субъектности со степенью удовлетворенности жизнью женщин: анализ экспериментальной работы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 6-1 (69). С. 116 – 123.
8. Мазанова А.Е., Халак М.Е., Дорофеев Е.В., Припорова Е.А. Удовлетворенность жизнью: проблема исследования на примере студентов нижегородских университетов // Endless Light in Science. 2022. № 5. С. 78 – 82.

9. Щукина М.А., Ширман Л.А. Психологические предикторы удовлетворенности жизнью людей старшего возраста (на примере клиентов благотворительного фонда) // Национальный психологический журнал. 2022. № 1 (45) С. 15 – 29.
10. Лобанова. М.С. Понятие экзистенциальный вакуум и его взаимосвязь с особенностями смысло-жизненных ориентаций личности // Психология особых состояний: от теории к практике: материалы V Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Красноярск, 25 апреля 2022 года / Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2022. С. 22 – 23.
11. Данилова И.С., Аммосов И.Н. Зарубежный и отечественный опыт оценки качества жизни населения // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2019. № 1 (13). С. 5 – 14.
12. Дементий Л.И., Малёнов А.А. Субъектность как фактор личностного развития на этапе самореализации // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26 № 2. С. 68 – 78.
13. Черняева А.В. Экзистенциальный вакуум и перспективы форм поведения людей // Научное познание и истина: историко-философские, социально-экономические и правовые аспекты: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Е.М. Фрадлиной, Волгоград, 28-29 апреля 2020 года. Волгоград: Волгоградский государственный аграрный университет, 2020. С. 68 – 73.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 418 с.

References

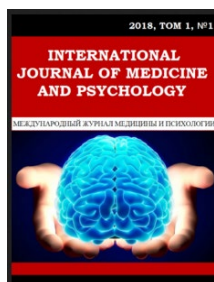
1. Bocharova E.E. The relationship between discriminatory attitudes and characteristics of life satisfaction, happiness among young people. Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Acmeology of education. Developmental psychology. 2020. Vol. 9. No. 2 (34). P. 162 – 169.
2. Zhegalova M.I., Suleimanov R.F. A study of happiness in people of different social categories. Society: sociology, psychology, pedagogy. 2021. No. 11 (91). P. 82 – 87.
3. Belyukova O.V., Varnakova M.A., Vedernikova S.N. Ideas about happiness of mature men and women. Society: sociology, psychology, pedagogy. 2022. No. 7 (99). P. 55 – 60.
4. Vyazova N.V., Melekhova V.M. Features of the attitude towards a career of individuals with different levels of psychological well-being. Gaudeamus. 2021. No. 3 (49). P. 14 – 25.
5. Volk M.I. Specifics of the emotional state of people in and out of marriage and partnership relationships in the context of COVID-19 self-isolation. World of Science. Pedagogy and Psychology. 2022. Vol. 10. No. 3. P. 1 – 9.
6. Yakovleva E.A., Kryachko V.I. Professional productivity and subjective well-being. Journal of Economic Regulation. 2021. Vol. 12. No. 4. P. 110 – 120.
7. Kruglinskaya T.V., Vakhidova L.V. The relationship between subjectivity and the degree of satisfaction with life of women: analysis of experimental work. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. No. 6-1 (69). P. 116 – 123.
8. Mazanova A.E., Khalak M.E., Dorofeev E.V., Priporova E.A. Satisfaction with life: a research problem using the example of students of Nizhny Novgorod universities. Endless Light in Science. 2022. No. 5. P. 78 – 82.
9. Shchukina M.A., Shirman L.A. Psychological predictors of life satisfaction in older people (using the example of clients of a charitable foundation). National Psychological Journal. 2022. No. 1 (45) P. 15 – 29.
10. Lobanova. M.S. The concept of existential vacuum and its relationship with the features of the personality's meaningful life orientations. Psychology of special states: from theory to practice: materials of the V All-Russian scientific and practical conference of students, master's and postgraduate students, Krasnoyarsk, April 25, 2022. Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, 2022. P. 22 – 23.
11. Danilova I.S., Ammosov I.N. Foreign and domestic experience in assessing the quality of life of the population. Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series: Economics. Sociology. Cultural Studies. 2019. No. 1 (13). P. 5 – 14.
12. Dementiy L.I., Malenov A.A. Subjectivity as a Factor of Personal Development at the Stage of Self-Realization. Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2020. Vol. 26 No. 2. P. 68 – 78.

13. Chernyaeva A.V. Existential Vacuum and Prospects of Forms of Human Behavior. Scientific Knowledge and Truth: Historical, Philosophical, Socio-Economic and Legal Aspects: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Memory of Professor E.M. Fradlina, Volgograd, April 28-29, 2020. Volgograd: Volgograd State Agrarian University, 2020. P. 68 – 73.
14. Frankl V. Man in Search of Meaning. Moscow: Progress, 1990. 418 p.

Информация об авторе

Кравченко С.В., соискатель, Новосибирский государственный педагогический университет, kravsve@gmail.com

© Кравченко С.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.07

¹ *Липовая О.А.,*

² *Макарова Е.А.,*

¹ *Таганрогский институт имени А.П. Чехова, филиал Ростовского государственного экономического университета,*

² *Донской государственный технический университет*

Особенности проявления эмпатии, коммуникативных и организаторских склонностей при осуществлении волонтерской деятельности у обучающихся педагогических профилей подготовки

Аннотация: в статье рассматриваются особенности проявления эмпатии, коммуникативных и организаторских склонностей у обучающихся педагогических профилей подготовки, занятых волонтерской деятельностью. В работе большое внимание уделено рассмотрению коммуникативных, организаторских склонностей и эмпатических проявлений у студентов-будущих педагогов как важнейших качеств личности для будущих педагогов, формируемых через занятия волонтерской деятельностью. Отмечается, что коммуникативные, организаторские способности и эмпатия являются важными личностными качествами не только в осуществлении волонтерской, но и педагогической деятельности. Установлено, что волонтерство в системе высшего образования выполняет важную роль в организации и подготовке к профессиональной педагогической деятельности самих добровольцев, способствуя развитию важных для педагога личностных качеств, в состав которых входят коммуникативные и организаторские склонности, эмпатия.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, коммуникативные склонности, организаторские склонности, эмпатия, студенческая молодежь, профессиональное становление, профессиональные компетенции педагога, личностное развитие

Для цитирования: Липовая О.А., Макарова Е.А. Особенности проявления эмпатии, коммуникативных и организаторских склонностей при осуществлении волонтерской деятельности у обучающихся педагогических профилей подготовки // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 152 – 157.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ *Lipovaya O.A.,*

² *Makarova E.A.,*

¹ *Taganrog Institute named after A.P. Chekhov, branch of Rostov State University of Economics,*

² *Don State Technical University*

Features of the manifestation of empathy, communicative and organizational inclinations in the implementation of volunteer activities among students of pedagogical training profiles

Abstract: the article examines the features of the manifestation of empathy, communicative and organizational inclinations among students of pedagogical training profiles engaged in volunteer activities. Much attention is paid to the consideration of communicative, organizational inclinations and empathic manifestations among students-future teachers as the most important personality traits for future teachers, formed through volunteering. It is noted that communication, organizational skills and empathy are important personal qualities not only in volunteering,

but also in teaching. It has been established that volunteering in the higher education system plays an important role in organizing and preparing for professional teaching activities of the volunteers themselves, contributing to the development of important personal qualities for the teacher, which include communicative and organizational inclinations, empathy.

Keywords: volunteering, volunteerism, communicative inclinations, organizational inclinations, empathy, student youth, professional development, professional competencies of a teacher, personal development

For citation: Lipovaya O.A., Makarova E.A. Features of the manifestation of empathy, communicative and organizational inclinations in the implementation of volunteer activities among students of pedagogical training profiles. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 152 – 157.

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 9, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Подготовка будущих педагогических кадров в вузе осуществляется в тесном взаимодействии учебной и воспитательной составляющих. Доминирование академического стиля представления учебного материала, нацеленность на формирование знаниевой основы у будущих специалистов долгое время преобладали в образовательных учреждениях высшего образования. Но современные социально-политические условия диктуют иные вызовы, которые ориентированы, в основном, на приоритет практических профессиональных умений, формируемых не только классическими средствами и способами, но и инновационными.

На наш взгляд, профессиональная подготовка будущих учителей должна включать разнообразные возможности развития личностных качеств обучающихся, которые будут способствовать их профессиональному становлению и начальной профессиональной социализации. Это возможно посредством включения обучающихся в волонтерскую деятельность.

Как известно, одними из важных профессиональных качеств будущего учителя являются коммуникативные и организаторские способности, а также возможность проявлять эмпатию. Отметим, что одной из актуальных социально-психологических проблем современного общества является отсутствие теплых человеческих взаимоотношений, проявления способности к сопереживанию и сочувствию в отношениях и общении с другими людьми, а также невозможность организовать свое время и пространство и других людей, чрезмерная сконцентрированность на себе, доходящая до ярко выраженного эгоизма. Круг этих проблемных вопросов особенно остро обозначился в профессиональном педагогическом сообществе, в среде студенческой молодежи.

В психологической науке феномены «коммуникация» и «эмпатия» исследованы не в полной мере.

Волонтерская и педагогическая деятельность достаточно широко и имеют междисциплинарный характер рассмотрения, но специфика проявления психологических особенностей этих понятий в волонтерской и педагогической деятельности, на наш взгляд, представлена не в полной мере.

В волонтерской и педагогической деятельности коммуникация и эмпатия занимают особое место, так как могут служить важными регуляторами взаимоотношений между людьми и способствовать развитию гуманистических ценностей, что достаточно ценно в профессии педагога. Поэтому формированию коммуникативных навыков и эмпатических свойств личности необходимо уделять внимание еще на этапе профессионального обучения будущих педагогов.

В определении В.В. Бойко эмпатия понимается «...как форма рационально-эмоционально-интуитивного отражения другого человека, которая позволяет преодолеть его психологическую защиту и постичь причины и следствия проявлений в целях прогнозирования и адекватного воздействия на его поведение» [1].

Роль эмпатии в профессиональной деятельности рассмотрена в работах И.М. Юсупова, О.И. Цветковой и др. Исследованием механизмов эмпатии занимались В. К. Вилюнас, А.П. Сопиков, Т.И. Пашукова и др. Произвели классификацию ценностно-ориентационной системы личности, вовлеченной в волонтерскую деятельность, исследователи В.Р. Кейсельман, Л.Е. Сикорская, Ю.В. Паршина и др. [3, 4, 5].

По мнению исследователей А.Г. Дмитриевой и Е.А. Лаврентьевой, «...способность к эмпатии – это не только способность "вчувствоваться" в эмоциональное состояние других людей, но и умение отличать, разграничивать свои личные эмоциональные состояния от состояний окружающих, что помогает успешно коммуницировать с ними» [6, с. 120].

Таким образом, можно констатировать, что развитие коммуникативных и эмпатических навыков взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Материалы и методы исследований

В исследовании приняли участие обучающиеся Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ) в количестве 202 человека (от 17 лет до 23 лет). В качестве исследуемых характеристик были рассмотрены эмпатические способности, а также коммуникативные и организаторские склонности студентов старших курсов, вовлеченных в занятия волонтерской деятельностью (101 человек), и у студентов-первокурсников без опыта волонтерской деятельности (101 человек).

«Опросник В.В. Бойко на изучение эмпатических способностей» и «Методика выявления коммуникативных и организаторских склонностей (КОС-2) (Б.А. Федоришина)» были взяты для диагностики. Для проверки статистической значимости был использован U-критерий Манна-Уитни.

«Опросник В.В. Бойко на изучение эмпатических способностей» позволили оценить значимость ведущих установок личности будущих педагогов и определить степень их эмпатической готовности к волонтерской деятельности.

«Методика выявления коммуникативных и организаторских склонностей (КОС-2) (Б.А. Федоришина)» была использована для выявления коммуникативных и организаторских склонностей личности (умения быстро и четко устанавливать деловые и товарищеские контакты с людьми, стремление к расширению сферы контактов, участия в общественных и групповых мероприятиях, умения влиять на людей, стремление проявлять инициативу и т.д.).

Результаты и обсуждения

В общепринятом понимании осуществление волонтерской деятельности сопряжено с развитыми коммуникативными и организаторскими навыками и проявлением эмпатии. Но, как показывают исследования, далеко не все добровольцы эмпатически настроены и способны к эффективной коммуникации, особенно ярко дефицитарность указанных проявлений обозначена в молодежной среде.

Как известно, добровольчество, являясь популярным общественным движением, приобрело статус одного из приоритетных социальных институтов современного общества. По нашему мнению, занятия добровольческим трудом еще в период обучения закладывают основы формирования осознанного восприятия профессиональной деятельности через отношение к другим людям, отражают готовность к целеполаганию и стратеги-

ческому планированию деятельности, что так важно в освоении профессии «учитель». Считаем, что эмпатические и коммуникативные свойства личности студентов старших курсов и студентов первого курса имеют отличия в зависимости от вовлеченности в занятия волонтерской деятельностью.

Мы исходили из того, что вовлечение будущих педагогов в систематические занятия волонтерской деятельности будет способствовать развитию коммуникативных навыков и эмпатических свойств, а также общепрофессиональной компетентности на этапе профессионального образования, что в дальнейшем создаст условия для более успешного профессионального становления и самореализации в профессии.

Целью статьи является исследование особенностей проявления эмпатии, коммуникативных и организаторских склонностей у обучающихся педагогических профилей подготовки, занимающихся волонтерской деятельностью, и у вновь поступивших обучающихся, еще не вовлеченных в добровольческие проекты. Мы полагаем, что эмпатические свойства личности, коммуникативные и организаторские склонности могут иметь разные показатели у лиц, являющихся волонтерами, и у тех, кто только начинает осваивать особенности добровольчества.

Обучающиеся «Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ)» вошли в состав выборки исследования: 204 человека (от 17 лет до 23 лет). Проявления особенностей эмпатии, коммуникативных и организаторских склонностей выступили в качестве материала для исследования. Указанный показатель подвергался диагностике в двух группах испытуемых: в первую группу вошли студенты старших курсов (102 человека), являющиеся волонтерами, во вторую группу – первокурсники, еще не приступавшие к занятиям волонтерской деятельностью (102 человека).

«Опросник В.В. Бойко на изучение эмпатических способностей» и «Методика выявления коммуникативных и организаторских склонностей (КОС-2) (Б.А. Федоришина)» были использованы в качестве диагностического инструмента для определения ведущих установок респондентов и степени их эмпатической и коммуникативной готовности. Статистическая достоверность результатов исследования была проверена с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Исследования степени выраженности эмпатических и коммуникативных проявлений были проведены в каждой группе испытуемых.

«Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко» в нашем исследовании

использовалась для оценки умения сопереживать и понимать мысли и чувства другого человека, что является важным фактором, по нашему мнению, в работе волонтера и профессиональном становлении педагога.

Как показали результаты диагностики, данные «Рационального канала эмпатии (РКЭ)» не имеют явно выраженных противопоставлений: у студентов первого курса (27 %) и обучающихся старших курсов (30 %). Представители обеих групп респондентов способны проявлять непосредственный интерес к другому лицу, к его внутреннему миру на базе спонтанности, не рассчитывая на выгоду.

Показатели «Эмоционального канала эмпатии (ЭКЭ)» у студентов старших курсов – 28 %, у первокурсников – 25 % свидетельствуют о том, что абсолютное большинство будущих педагогов (как старших курсов, так и первокурсников) способны эмоционально откликаться, проявлять эмпатию и при необходимости настраиваться на ту же эмоциональную волну, что и партнер.

Показатели «Интуитивного канала эмпатии (ИКЭ)» у студентов-старшекурсников – 30 %, у первокурсников – 20 %, что позволяет предположить, что студенты-старшекурсники, активные участники волонтерской деятельности, способны предвидеть поведение партнера даже в ситуации недостатка объективной информации о партнере (результативность показателей находится на высоком уровне), в то время, как показатели студентов-первокурсников находятся на заниженном уровне по этому критерию.

У студентов-старшекурсников, активных участников волонтерского движения, преобладают установки (УЭ), способствующие облегчению процесса эмпатии (30 баллов – высокий уровень), что способствует надежной работе канала эмпатии. Показатели первокурсников находятся на заниженном уровне и составляют 19 баллов, что может говорить о преобладании установок, препятствующих эмпатийности, ограничивающих эмпатическое восприятие, затрудняющих действие каналов эмпатии и приводящих к избеганию личных контактов.

Показатели критерия «Проникающая способность в эмпатии (ПЭ)» у респондентов группы старшего курса находятся на среднем уровне – 27 баллов, у группы первокурсников – на заниженном, близком к очень низкому уровню (15 баллов). Студенты старших курсов в общении стремятся к созданию атмосферы открытости и доверительности, в то время как у первокурсников часто возникают ситуации напряженности и подозрительно-

сти, о чем говорят показатели заниженного уровня.

Уровень «Идентификации (ИЭ)» раскрывает высокие показатели у студентов-старшекурсников (29 баллов), что свидетельствует о легкости, подвижности и гибкости их эмоционального плана и возможности понять партнера, поставив себя на его место. Понимание другого на основе сопереживания дается первокурсникам с трудом, показатель этого уровня находится на очень низком уровне и соответствует 10 баллам.

После вовлечения первокурсников в волонтерскую деятельность произошли позитивные изменения, которые отразились на их уровне эмпатии. Число студентов-первокурсников с «высоким» и «выше среднего» уровнями показало динамику роста на 8%.

Результаты нашего исследования имеют некоторые совпадения с результатами исследований «влияния эмпатии на формирование профессиональной коммуникативной компетентности будущих педагогов-психологов» Е.В. Мельник (2007) [7].

Статистическая обработка данных, полученных по методике В. В. Бойко, показала существенные различия, в основном, в показателях критерия «Интуитивный канал эмпатии (ИКЭ)», а также показателей критерия «Проникающая способность в эмпатии (ПЭ)» и «Идентификации (ИЭ)». Показатели критического значения «U-критерия Манна-Уитни» является подтверждением статистической значимости сравниваемых показателей ($p \leq 0,05$, $p \leq 0,01$).

Данные исследования показывают, что первокурсники предпочитают установки, препятствующих эмпатийности, ограничивающие ее восприятие, затрудняющие действие каналов эмпатии, снижающие количество личных контактов и приводящие к тактике «избегания». Этим можно объяснить часто возникающие ситуации напряженности и подозрительности, затянувшегося неловкого молчания при взаимодействии с другими людьми. Трудности не исчезают и в практике понимания другого.

Студентов-волонтеры, напротив, предпочитают отношения, способствующие эмпатийности, что повышает эффективность работы канала эмпатии, а также в общении старшекурсники стремятся создать атмосферу открытости и доверительности, легкости, мобильности и гибкости своих эмоциональных планов. Все это способствует возникновению возможности поставить себя на место другого и тем самым понять его.

Результаты по «Методике выявления коммуникативных и организаторских склонностей (КОС-2)

(Б.А. Федоришина)» выявили положительную тенденцию высокого уровня в группе студентов-волонтеров в уровне сформированности знания собственных личностных черт, затрудняющих процесс общения, знания вербальных и невербальных средств общения, а также умения владеть вербальными средствами общения и проявлять эмпатию.

В группе первокурсников показатели низкого уровня были выявлены в области знания коммуникативных барьеров, правильно воспринимать людей как личностей и оценивать ситуацию межличностного общения, а также выстраивать отношения с вышестоящими лицами и своевременно реагировать в конфликтных ситуациях. Однако, в группе первокурсников выявлены высокие показатели в умении устанавливать и поддерживать необходимые контакты, что говорит о тенденции

развитой коммуникабельности, но неумении грамотно выстраивать сам процесс эффективной коммуникации.

Выводы

Результаты исследования позволяют переосмыслить и скорректировать психологические механизмы, которые являются основанием для формирования профессионально значимых свойств личности будущего работника системы образования еще на этапе его профессионального обучения.

Таким образом, волонтерство в системе высшего образования выполняет важную роль в организации и подготовке к профессиональной педагогической деятельности, что способствует формированию важных для педагога личностных качеств, среди которых – эмпатия, коммуникативные и организаторские склонности [7, 8, 9, 10].

Список источников

1. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М: Информационно-издательский дом "Филин", 1996. 472 с.
2. Бойко В.В. Диагностика уровня эмпатических способностей // Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / ред. и сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Свет, 2001. С. 486 – 490.
3. Шнайдер М.И. Эмпатия как форма отражения другого человека // Гуманизация образования. 2016. № 2. С. 60 – 65.
4. Юсупов И.М. Психология эмпатии: (Теоретические и прикладные аспекты): автореферат дис. ... доктора психологических наук / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 1995. 34 с.
5. Кузьмина В.П. Теоретический аспект исследования эмпатии как актуальная проблема современной психологии // Вестник Вятского государственного университета. 2007. № 17. С. 107 – 112.
6. Дмитриева А.Г., Лаврентьева Е.А. Анализ значимости эмпатии в педагогической деятельности преподавателя вуза // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2021. № 6 (июнь). С. 119 – 130. URL: <http://e-koncept.ru/2021/211046.htm> (дата обращения: 20.02.2025)
7. Мельник Е.В. Влияние эмпатии на формирование профессиональной коммуникативной компетентности будущих педагогов-психологов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2007. 23 с.
8. Липовая О.А. Ценностные и смысложизненные ориентиры будущих педагогов, вовлеченных в добровольческую деятельность // Журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии». 2025. Т. 8. № 3. С. 166 – 173.
9. Липовая О.А. Ценностные и смысложизненные ориентиры будущих педагогов, вовлеченных в добровольческую деятельность // Журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии». 2025. Т. 8. № 3. С. 166 – 173.
10. Липовая О.А. Особенности психологической готовности будущих педагогов к осуществлению волонтерской деятельности // Журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии». 2025. Т. 8. № 4. С. 270 – 277.
11. Липовая О.А. Ценностные предпочтения молодых и «серебряных» волонтеров // Обзор педагогических исследований. 2025. Т. 7. № 4. С. 33 – 40. URL: <https://opi-journal.ru/archives/10230>

References

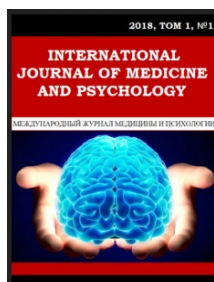
1. Boyko V.V. Energy of emotions in communication: a look at yourself and others. Moscow: Information and publishing house "Filin", 1996. 472 p.
2. Boyko V.V. Diagnostics of the level of empathic abilities. Practical psychodiagnostics. Methods and tests: textbook. ed. and compiled by D.Ya. Raigorodsky. Samara: Svet, 2001. P. 486 – 490.
3. Schneider M.I. Empathy as a form of reflection of another person. Humanization of education. 2016. No. 2. P. 60 – 65.

4. Yusupov I.M. Psychology of empathy: (Theoretical and applied aspects): abstract of dis. ... Doctor of Psychology. St. Petersburg. state University. St. Petersburg, 1995. 34 p.
5. Kuzmina V.P. Theoretical aspect of the study of empathy as a topical problem of modern psychology. Bulletin of Vyatka State University. 2007. No. 17. P. 107 – 112.
6. Dmitrieva A.G., Lavrenteva E.A. Analysis of the significance of empathy in the pedagogical activity of a university teacher. Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2021. No. 6 (June). P. 119 – 130. URL: <http://e-koncept.ru/2021/211046.htm> (date accessed: 02.20.2025)
7. Melnik E.V. The influence of empathy on the formation of professional communicative competence of future educational psychologists: author's abstract. dis. ... Cand. Psychol. Sci. (2007). 23 p.
8. Lipovaya O. A. Value and life-meaning orientations of future teachers involved in volunteer activities. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Vol. 8. No. 3. P. 166 – 173.
9. Lipovaya O. A. Value and life-meaning orientations of future teachers involved in volunteer activities. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Vol. 8. No. 3. P. 166 – 173.
10. Lipovaya O. A. Features of psychological readiness of future teachers to carry out volunteer activities. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Vol. 8. No. 4. P. 270 – 277.
11. Lipovaya O.A. Value preferences of young and “silver” volunteers. Review of pedagogical research. 2025. Vol. 7. No. 4. P. 33 – 40. URL: <https://opi-journal.ru/archives/10230>

Информация об авторах

Липовая О.А., кандидат филологических наук, доцент, SPIN-код 6445-8900, Таганрогский институт имени А.П. Чехова, филиал Ростовского государственного экономического университета, osherban11@mail.ru
Макарова Е.А., доктор психологических наук, профессор, SPIN-код 3737-0346, Донской государственный технический университет, makarova.h@gmail.com

© Липовая О.А., Макарова Е.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 37.015.32

¹ Цветкова Н.А.,

² Стригунова Р.Д.,

¹ Макарова Е.Ю.,

¹ Московский педагогический государственный университет,

² психолог-консультант

Особенности стрессоустойчивости многодетных матерей

Аннотация: в статье описаны результаты сравнительного анализа уровня стрессоустойчивости у многодетных и малодетных матерей. Выборку исследования составили 142 женщины, из них 37 женщин – многодетные матери (три и более ребенка) и 105 человек – малодетные матери (один или два ребенка). С помощью методики «Тест на определение уровня стрессоустойчивости личности» Усатова И.А. установлено, что у многодетных женщин уровень стрессоустойчивости значимо выше по сравнению с одно- и двухдетными женщинами. У многодетных матерей с разным отношением к материнству (материнство – это счастье и радость; это огромный труд; это большая ответственность) не выявлено значимых различий в уровне стрессоустойчивости, тогда как у малодетных матерей выявлено наличие более высокого уровня стрессоустойчивости, когда они воспринимают материнство более позитивно, то есть как счастье и радость, а не как огромный труд или как большую ответственность. Многодетные матери чаще, чем малодетные, занимаются своим бизнесом и реже работают по найму. Этот факт отражает то обстоятельство, что многодетные матери, даже будучи сильно загруженными домашней работой, тем не менее в гораздо большей степени, чем малодетные матери, замотивированы вносить свой посильный вклад в финансово-материальное обеспечение семьи.

Ключевые слова: материнство, многодетная мать, малодетная мать, стресс, стрессоустойчивость, отношение к материнству

Для цитирования: Цветкова Н.А., Стригунова Р.Д., Макарова Е.Ю. Особенности стрессоустойчивости многодетных матерей // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 158 – 164.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Tsvetkova N.A.,

² Strigunova R.D.,

¹ Makarova E. Yu.,

¹ Moscow Pedagogical State University

² Consulting Psychologist

Features of stress resistance in high-child mothers

Abstract: the article describes the results of a comparative analysis of the level of stress tolerance among mothers with many children and those with few children. The study sample consisted of 142 women, of whom 37 were mothers with many children (three or more children) and 105 were mothers with few children (one or two children). Using the method "Test for determining the level of stress tolerance of personality" by I.A. Usatov, it was found that women with many children have a significantly higher level of stress tolerance compared with single and two-child women. Mothers with many children with different attitudes to motherhood (motherhood is happy-

ness and joy; it is a lot of work; it is a great responsibility) showed no significant differences in the level of stress tolerance, while mothers with few children showed a higher level of stress tolerance when they perceive motherhood more positively, that is, as happiness and joy, rather than as a lot of work or as a big responsibility. Mothers with many children are more likely than mothers with few children to run their own businesses and are less likely to be employed. This fact reflects the fact that mothers with many children, who are heavily burdened with household work, are also more motivated than mothers with few children to contribute financially and materially to their families.

Keywords: motherhood, mother with many children, mother with few children, stress, stress tolerance, attitude to motherhood

For citation: Tsvetkova N.A., Strigunova R.D., Makarova E.Yu. Features of stress resistance in high-child mothers. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 158 – 164.

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 9, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Актуальность темы исследования определяется несколькими факторами. Это, прежде всего, возрастание социального запроса на психологическую поддержку стабильности семей, особенно многодетных. Сохранение благополучия семьи как важнейшей малой социальной группы является одной из приоритетных социальных задач нашего государства.

Демографический спад, обусловленный многими причинами, но прежде всего низкой рождаемостью (в 2023 году в России суммарный коэффициент рождаемости или среднее число детей в расчете на одну женщину составил 1,41) [5], поставил задачу увеличения количества многодетных семей в ряд задач государственной важности.

Согласно Указу Президента Российской Федерации «О мерах социальной поддержки многодетных семей» [7], многодетным семьям гарантируется финансовая поддержка в виде выплаты различных государственных пособий, предоставляются жилищные и другие льготы, обеспечивается поддержка в сфере трудовых отношений.

Государственная политика в области приумножения самого ценного ресурса – человеческого капитала, привела к увеличению доли многодетных семей, воспитывающих троих и более детей несовершеннолетнего возраста. Количество многодетных семей в стране растет; в 2023 году оно достигло 2,4 млн.; в среднем количество детей в многодетной семье сейчас составляет 3,3 ребенка [2].

Вторым фактором, обуславливающим актуальность темы исследования, является то, что вместе с расширением состава семьи увеличивается и нагрузка на супружескую подсистему, повышаются требования к стрессоустойчивости обоих су-

пругов, к их способности совладать с повседневными трудностями, избегая разрушающих семейную сплоченность конфликтов [1, 4].

Несмотря на обширную литературу по вопросам супружеского взаимодействия, исследования, посвященные проблемам супружества в многодетных семьях, не многочисленны. Хотя очевидно, что статус многодетности накладывает на супругов дополнительную ответственность за качество семейной атмосферы, которая обеспечивала бы высокое качество семейного воспитания и давала возможность обоим супругам развиваться как личность, как родитель, как активный член общества.

Нередки в многодетных семьях и проблемы психолого-педагогического характера: нехватка у супругов ресурсов времени, эмоциональной энергии, опыта, отсутствие знаний, умений и навыков для выбора педагогических стратегий воспитания детей разного возраста, хроническая усталость, эмоциональное выгорание, эпизоды депрессии и психической неустойчивости [9]. В этой связи все более востребованной становится психологическая помощь многодетным семьям, для качественного осуществления которой необходимы новые знания о психологических особенностях многодетных матерей.

Третьим важным фактором, обеспечивающим актуальность темы исследования, является то, что весомый вклад в то, как многодетные матери справляются со своими родительскими обязанностями, вносят переживаемые ими социальные и другие стрессы. Зачастую нагрузка оказывается настолько высокой, что справиться с ней самостоятельно, без квалифицированной помощи психолога, женщина не может [10]. А практические психологи, работающие с многодетными семьями, испытывают дефицит знаний об особенностях переживания стресса многодетными матерями.

Все вышесказанное обуславливает актуальность и высокую практическую значимость проведенного эмпирического исследования.

Материалы и методы исследований

Целью проведенного исследования явилось выявление особенностей стрессоустойчивости у многодетных матерей. Общей гипотезой выступило предположение, что существуют особенности в стрессоустойчивости у матерей в многодетных семьях по сравнению с этой же характеристикой у матерей в малодетных семьях.

В качестве психодиагностического инструментария использовалось а) анкетирование; б) методика «Тест на определение уровня стрессоустойчивости личности» Усатова И.А. [8].

Выборку исследования составили 142 человека, из них 37 человек – женщины-матери из многодетных семей (три и более детей в семье; многодетные матери) и 105 человек – женщины-матери из одно- и двухдетных семей (малодетные матери). Все респонденты проживают в г. Москве и Московской области. У большинства респондентов – высшее образование (95,1%): как среди одно-, двухдетных матерей (95,2%), так и среди многодетных матерей (94,6%).

Анкета содержала вопросы об отношении к материнству (респондентам предлагалось на выбор три варианта: материнство – это счастье и радость; это огромный труд; это большая ответственность), а также о роде занятий (домохозяйка; учусь; работаю по найму; у меня свой бизнес).

Результаты и обсуждения

Анализ работ отечественных и зарубежных психологов, посвященных проблеме стрессоустойчивости, позволил сделать вывод о том, что в настоящее время стрессоустойчивость определяют как свойство личности, характеризующее степень её адаптации к воздействию стрессовых факторов окружающего мира и заключающееся во взаимосвязи всех характеристик индивидуума, обеспечивающей постоянство его внутреннего мира в условиях проживания стрессовой ситуации, что позволяет сохранить нормальное взаимодействие субъекта со всеми составляющими окружающей среды [10].

К факторам, влияющим на стрессоустойчивость, относятся: эмоциональная зрелость индивидуума; пластичность психики (гибкость реагирования на изменения внешней среды, готовность к изменениям); тип темперамента; уровень развития рефлексии; интеллектуальный фактор (способность индивидуума оценить требования сложившейся ситуации); социально-экономические условия жизни индивидуума; характер работы или деятельности, выполняемой индивидуумом.

Анализ выборки проведенного нами эмпирического исследования по роду занятий респондентов показал, что

– среди многодетных женщин чаще всего встречаются женщины, имеющие свой бизнес (37,9%), в 35,1% случаях многодетные женщины работают по найму, в 18,9% случаях не работают и ведут домашнее хозяйство, в 8,1% случаях женщины данной группы учатся;

– среди одно- и двухдетных женщин чаще всего встречаются женщины, которые работают по найму (55,2%), в 26,7% случаях данные женщины имеют свой бизнес, в 16,2% случаях не работают и ведут домашнее хозяйство, в 1,9% случаях женщины данной группы учатся.

Таким образом, многодетные матери чаще, чем одно- и двухдетные, занимаются своим бизнесом и реже работают по найму. Этот факт отражает то обстоятельство, что многодетные матери, сильно загруженные домашней работой, в то же время в гораздо большей степени, чем малодетные матери, замотивированы вносить посильный вклад в финансово-материальное обеспечение семьи.

Частотный анализ вопроса анкеты об отношении женщин к материнству показал, что

– для большинства многодетных женщин материнство – это счастье и радость (37,9% респондентов); 35,1% из них считают, что материнство – это огромный труд; 27% из них полагают, что материнство – это большая ответственность;

– для большинства одно- и двухдетных женщин материнство – это большая ответственность (40% респондентов), 33,3% из них полагают, что материнство – это счастье и радость; 26,7% считают, что материнство – это огромный труд.

Таким образом, для многодетных матерей материнство – это счастье, радостью и огромный труд; малодетные матери чаще всего считают, что материнство – это большая ответственность.

Изучение уровня стрессоустойчивости, выполненное с помощью методики «Тест на определение уровня стрессоустойчивости личности» Усатова И.А., показало, для женщин-матерей, проживающих в Москве и Московской области, независимо от количества детей, характерен средний уровень стрессоустойчивости. Это означает, что женщины оценивают свою жизнь как в меру напряженную, что стрессовые ситуации оказывают на них достаточно большое влияние. При этом у многодетных женщин показатель стрессоустойчивости несколько ниже, чем у малодетных женщин.

На рис. 1 приведено частотное распределение уровней стрессоустойчивости в группах много- и малодетных матерей.

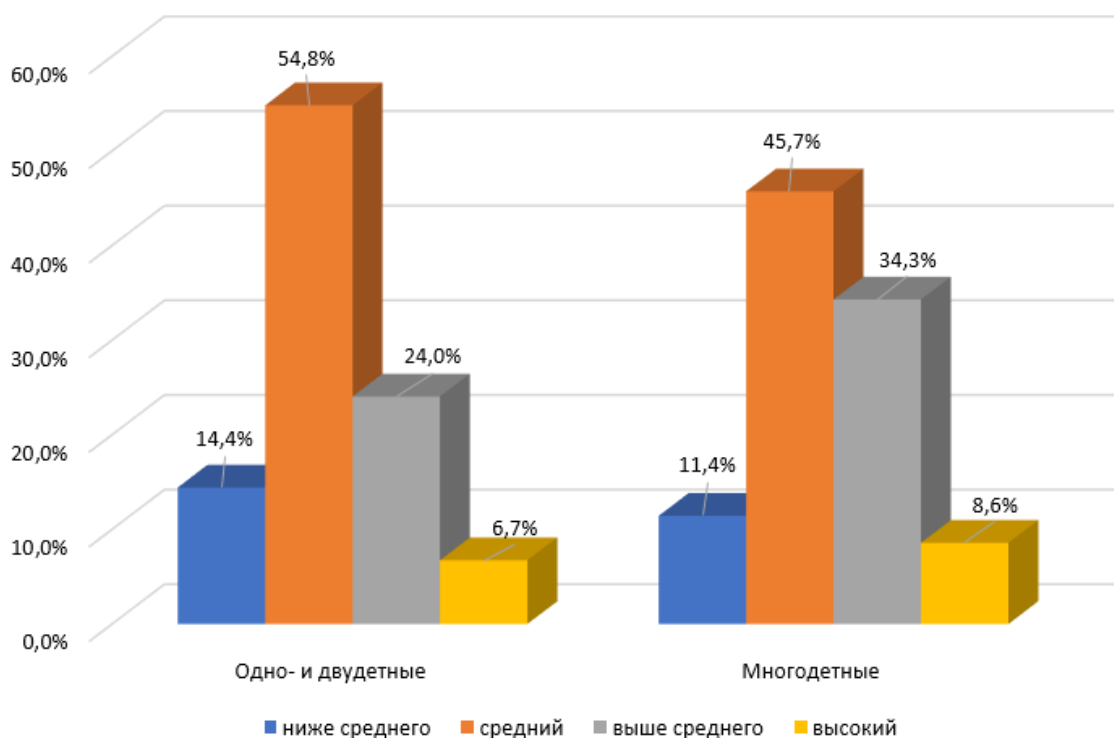

Рис. 1. Частотное распределение уровней стрессоустойчивости в группах много- и малодетных матерей.
Fig. 1. Frequency distribution of stress resistance levels in groups of mothers with many and few children.

Из рисунка видно, что

а) у многодетных матерей

- наиболее распространен средний уровень стрессоустойчивости (45,7% респондентов),
- вторым по частоте распространенности является уровень стрессоустойчивости выше среднего (34,4% многодетных женщин);
- третьим по частоте распространенности является уровень стрессоустойчивости ниже среднего (11,4% многодетных женщин);

б) у малодетных матерей

- наиболее распространен средний уровень стрессоустойчивости (54,8% женщин);
- вторым по частоте распространенности является уровень стрессоустойчивости выше среднего (24,0%);
- третьим по частоте распространенности является уровень стрессоустойчивости ниже среднего (14,4%).

Меньше всего женщин в выборке с высоким уровнем стрессоустойчивости (6,7% у малодетных женщин, у 8,6% многодетных женщин).

Итак: несмотря на то, что у большинства женщин в обеих исследуемых группах чаще всего наблюдается средний уровень стрессоустойчивости, тем не менее в группе многодетных, по сравнению с одно- и двухдетными женщинами, чаще наблюдаются случаи уровня стрессоустойчивости выше средних и высоких значений.

Для доказательства гипотезы исследования, которая предполагает существование особенностей в стрессоустойчивости у матерей в многодетных семьях по сравнению с этой же характеристикой в одно- и двухдетных семьях, был проведен сравнительный анализ с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни для данных, измеренных в метрической шкале, и χ^2 Пирсона для данных, измеренных в номинативной шкале. Данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа исследуемых переменных между группами много- и малодетных матерей.

Table 1

Results of comparative analysis of the studied variables between groups of mothers with many and few children.

	U Манна-Уитни	Z	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Уровень стрессоустойчивости	1405,5*	-2,0	0,044

Примечания: * при $p < 0,05$.

Notes: * when $p < 0.05$.

Из табл. 1 видно, что между много- и малодетными матерями существуют статистически значимые различия по уровню стрессоустойчивости ($U=1405,5$ при $p=0,044$), а именно: у многодетных женщин, уровень стрессоустойчивости значимо выше по сравнению с одно- и двухдетными женщинами.

Далее с целью найти ответ на вопрос, имеющий большую практическую значимость: существуют ли различия в стрессоустойчивости при разном отношении к материнству у много- и малодетных женщин, был проведен сравнительный анализ с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни. Были рассмотрены три типа отношения к материнству: это счастье и радость; это огромный труд; материнство – это большая ответственность.

В результате проведенного сравнительного анализа в группе малодетных матерей выявлены

– значимые различия по уровню стрессоустойчивости ($U=1324,5$ при $p=0,036$) при восприятии материнства как огромного труда по сравнению с матерями, которые воспринимают материнство как счастье и радость (стрессоустойчивость значимо выше у тех матерей, которые воспринимают материнство как счастье и радость);

– значимые различия по уровню стрессоустойчивости ($U=417,0$ при $p=0,001$) при восприятии материнства как большой ответственности или счастья и радости (стрессоустойчивость значимо выше у тех матерей, которые воспринимают материнство как счастье и радость по сравнению с матерями, которые воспринимают материнство как большую ответственность).

В группе многодетных матерей значимых различий в уровне стрессоустойчивости у женщин с разным отношением к материнству выявлено не было. Этот результат можно объяснить тем, что у

многодетных матерей общий уровень стрессоустойчивости выше, и поэтому он меньше подвержен влиянию такой характеристики, как отношение к материнству.

Выводы

Сочетание в жизни современных многодетных матерей стрессоров, обычных для современных женщин (таких, как высокий темп жизни, давление социальных стереотипов о необходимости успешности во всех сферах жизни, в том числе вне семьи), и стрессоров, типичных для многодетных семей (таких, как мультизадачность, дефицит времени и опыта воспитания сильно разновозрастных детей и многих других) создает для многодетных матерей ситуацию хронического стресса, порождает в многодетных семьях конфликтность, ведет к появлению синдромов эмоционального выгорания и хронической усталости у обоих родителей, что оказывает существенное влияние на качество жизни и здоровья многодетных матерей.

В проведенном исследовании доказано, что у многодетных женщин уровень стрессоустойчивости значимо выше по сравнению с одно- и двухдетными женщинами. При этом у многодетных матерей разное отношение к материнству не оказывает влияния на уровень стрессоустойчивости, а для малодетных матерей характерно наличие более высокого уровня стрессоустойчивости, когда они воспринимают материнство более позитивно, то есть как счастье и радость, а не как огромный труд или как большую ответственность. Многодетные матери, несмотря на более сильную, чем малодетные, загруженность домашней работой, чаще занимаются своим бизнесом и реже работают по найму, что отражает их высокую мотивацию вносить посильный вклад в финансово-материальное обеспечение семьи.

Список источников

1. Ачильдиева Е.Ф. Многодетная семья в современной России // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 12 – 14.
2. Банных Г.А., Зайцева Е.В., Костина С.Н., Кузьмин А.И. Феномен многодетности в России: социологический анализ изменений // Вопросы управления. 2019. № 1 (37). С. 22 – 36.
3. Куваева И.О. Психология стресса: учебное пособие / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2024. С. 27.
4. Курис О.В. Многодетная семья: социологический анализ // Вестник гуманитарного образования. Киров, 2016. № 1. С. 93 – 96.
5. Рождаемость в России: меры и мнения [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116649>
6. Сахарова Т.Н., Цветкова Н.А. Многодетные семьи: особенности межличностного общения супругов и способов совладания с супружескими конфликтами // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 4. С. 47 – 58. Индекс УДК 316.6 Код ГРНТИ 15.81.65
7. Усатов И.А. Авторская методика «Тест на определение уровня стрессоустойчивости личности» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86148.htm/> (дата обращения: 05.03.2024)
8. Указ Президента РФ от 23.01.2024 N 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей». <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401230001>
9. Цветкова Н.А., Карпова Д.Н. Межличностное общение в супружеской диаде одно- и многодетных семей // Евразийское научное объединение. 2019. № 5-7 (51). С. 475 – 478.
10. Цветкова Н.А., Крекер М.Ю. Матери, выросшие в многодетных семьях: особенности взаимодействия с собственным ребенком-младшим школьником // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2023. № 07. С. 54 – 61.

References

1. Achildieva E.F. Large family in modern Russia. Questions of psychology. 2009. No. 2. P. 12 – 14.
2. Bannykh G.A., Zaitseva E.V., Kostina S.N., Kuzmin A.I. The phenomenon of large families in Russia: a sociological analysis of changes. Questions of management. 2019. No. 1 (37). P. 22 – 36.
3. Kuvaeva I.O. Psychology of stress: a tutorial. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University. Ekaterinburg: Publishing house of the Ural. University, 2024. P. 27.
4. Kuris O.V. Large family: sociological analysis. Bulletin of humanitarian education. Kirov, 2016. No. 1. P. 93 – 96.
5. Birth rate in Russia: measures and opinions [Electronic resource]. Official website of the All-Russian Public Opinion Research Center URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116649>
6. Sakharova T.N., Tsvetkova N.A. Large families: features of interpersonal communication of spouses and ways of coping with marital conflicts. Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences. 2024. No. 4. P. 47 – 58. UDC Index 316.6 GRNTI Code 15.81.65
7. Usatov I.A. Author's technique "Test for determining the level of personality stress resistance". Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2016. Vol. 11. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86148.htm/> (date accessed: 05.03.2024)
8. Decree of the President of the Russian Federation of 23.01.2024 N 63 "On measures of social support for large families". <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202401230001>
9. Tsvetkova N.A., Karpova D.N. Interpersonal communication in a marital dyad of single- and large families. Eurasian Scientific Association. 2019. No. 5-7 (51). P. 475 – 478.
10. Tsvetkova N.A., Kreker M.Yu. Mothers who grew up in large families: features of interaction with their own child-primary school student. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Cognition. 2023. No. 07. P. 54 – 61.

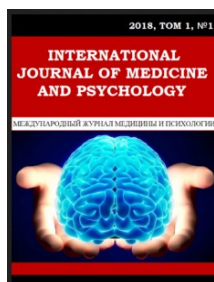
Информация об авторах

Цветкова Н.А., руководитель психологической службы, Московский педагогический государственный университет, na.tsvetkova@mpgu.su

Стригунова Р.Д., магистр психологии, психолог-консультант, strigunovaradmila@yandex.com

Макарова Е.Ю., доцент, Московский педагогический государственный университет, eyu.makarova@mpgu.su

© Цветкова Н.А., Стригунова Р.Д., Макарова Е.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9

¹ *Соболевская Т.В.,*

¹ *Высшая школа психологии,*

Тихоокеанский государственный университет

Современная структура учебно-профессиональной деятельности студентов в условиях цифровизации образования

Аннотация: статья посвящена исследованию структуры учебно-профессиональной деятельности студентов в условиях цифровизации образования. Рассматривается роль цифровых технологий в формировании профессиональной компетентности, идентичности и готовности студентов к будущей профессиональной деятельности. Выделяются четыре основных вида учебно-профессиональной деятельности: теоретическая, практическая, проектная и научно-исследовательская, каждый из которых выполняет специфические функции в профессиональном становлении. Теоретическая учебно-профессиональная деятельность обеспечивает освоение базовых знаний, практическая – развитие профессиональных навыков, проектная – формирование компетенций через решение междисциплинарных задач, научно-исследовательская – развитие аналитических и исследовательских способностей. Особое внимание уделяется интеграции традиционных и цифровых методов обучения, способствующих развитию цифровой грамотности, критического мышления и творческого подхода к решению профессиональных задач. На основе анализа современных исследований подчеркивается значимость сбалансированного подхода к использованию цифровых технологий для гармоничного развития студентов в профессиональной среде.

Ключевые слова: учебно-профессиональная деятельность, студенты, цифровизация образования, теоретическая деятельность, практическая деятельность, проектная деятельность, научно-исследовательская деятельность

Для цитирования: Соболевская Т.В. Современная структура учебно-профессиональной деятельности студентов в условиях цифровизации образования // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 165 – 172.

Поступила в редакцию: 13 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ *Sobolevskaya T.V.,*

¹ *Higher School of Psychology,
Pacific National University*

The modern structure of students' academic and professional activities in the context of digitalization of education

Abstract: the article is devoted to the study of the structure of educational and professional activities of students in the context of digitalization of education. The role of digital technologies in the formation of professional competence, identity and readiness of students for future professional activity is considered. There are four main types of educational and professional activities: theoretical, practical, design and research, each of which performs specific functions in professional development. Theoretical educational and professional activities ensure the development of basic knowledge, practical – the development of professional skills, project – the formation of competencies through solving interdisciplinary tasks, research – the development of analytical and research abilities. Spe-

cial attention is paid to the integration of traditional and digital teaching methods that promote the development of digital literacy, critical thinking and a creative approach to solving professional tasks. Based on the analysis of modern research, the importance of a balanced approach to the use of digital technologies for the harmonious development of students in a professional environment is emphasized.

Keywords: educational and professional activities, students, digitalization of education, theoretical activities, practical activities, project activities, research activities

For citation: Sobolevskaya T.V. The modern structure of students' academic and professional activities in the context of digitalization of education. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 165 – 172.

The article was submitted: April 13, 2025; Approved after reviewing: June 10, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Учебно-профессиональная деятельность студентов представляет собой особую форму деятельности, направленную на освоение будущей профессии и формирование профессиональных компетенций. Важная цель этой деятельности – общее и профессиональное развитие личности, то есть постепенная трансформация учебной деятельности в профессиональную. Подчеркивается, что учебно-профессиональная деятельность выступает «преддверием» профессионального становления студента и является ключевым фактором формирования будущего профессионализма [7]. Изучение аспектов учебно-профессиональной деятельности студентов приобретает сегодня особую значимость в условиях стремительных изменений на рынке труда, обусловленных цифровизацией и внедрением новых технологий. Отмечается, что цифровые компетенции стали «ключевыми для участия в обществе, включая обучение на протяжении жизни и возможности трудоустройства» [9]. Также современные требования предполагают не только наличие узкоспециализированных знаний, но и развитые метапредметные компетенции. В этой связи исследование учебно-профессиональной деятельности как процесса, обеспечивающего формирование профессиональной идентичности и готовности к будущей карьере, становится актуальным.

Целью данной работы является анализ современной структуры учебно-профессиональной деятельности студентов в условиях цифровизации образования.

Материалы и методы исследований

В работе использован анализ научной литературы по теме учебно-профессиональной деятельности студентов и влияния цифровых технологий на образование. Были изучены труды российских и зарубежных авторов, посвященные профессиональной подготовке студентов и цифровизации образования. Также учитывался практический опыт преподавания в вузе и наблюдение за изме-

нениями в учебной деятельности студентов. Методами исследования стали: анализ и обобщение научных источников; сравнение традиционных и цифровых форм учебной деятельности; систематизация полученной информации по видам учебно-профессиональной деятельности студентов.

Результаты и обсуждения

Для более глубокого понимания сущности учебно-профессиональной деятельности обратимся к различным трактовкам этого понятия, представленным в современной научной литературе.

Н.А. Хомова определяет учебно-профессиональную деятельность как вид субъективной активности личности, имеющий развернутую структуру, регулируемую осознанной профессиональной целью сознательного и целенаправленного овладения профессией [7]. Согласно Н.А. Хомовой, учебно-профессиональная деятельность предполагает развитие у студентов способности осознанно соотносить свои личностные цели с профессиональными, что требует формирования высокого уровня учебной активности, постепенно приобретающей профессиональный характер. Автор выделяет три ключевых компонента: профессиональная мотивация (направленность на будущую профессиональную деятельность, характеризующаяся высоким уровнем осознанности и активности); учебно-профессиональные действия (аналитические действия, направленные на осмысление профессиональных задач); профессиональное целеполагание (способность формулировать профессионально значимые цели, основанные на концепции собственной профессиональной деятельности и профессиональной идентичности) [7].

Г.М. Сибеева и Ю.М. Махмутов понимают учебно-профессиональную деятельность как развивающийся психолого-педагогический процесс, суть которого заключается в овладении профессиональными компетенциями, формировании обобщенных учебно-профессиональных умений, навыков и личностной субъектной позиции, обретении опыта эмоционально-ценностных отношений [5].

В.И. Земцова подчеркивает, что учебно-профессиональная деятельность направлена на обучение, развитие и воспитание личности, удовлетворяя её познавательные и профессиональные потребности [3]. Эта деятельность формируется на основе профессионально ориентированных мотивов участников образовательного процесса и определяется целями обучения конкретной профессии, а также развитием общих и профессиональных компетенций будущего специалиста. Она реализуется через использование педагогических методов и материальных средств, создающих учебно-профессиональные ситуации, и опирается на содержание образования, соответствующее государственным стандартам, а также на методическое сопровождение учебных дисциплин [3].

Нередко учебно-профессиональную деятельность трактуют через сочетание учебных и профессиональных составляющих. Так, М.А. Турсунов отмечает, что профессиональная деятельность может рассматриваться как «учебно-профессиональная деятельность студентов – образовательная по форме и профессиональная по содержанию» [10]. Это определение подчёркивает двойственную природу процесса: он обеспечивает образовательную (учебную) структуру для студентов, но при этом наполнен реальными профессиональными задачами и контентом.

Анализ представленных определений позволяет выделить общие черты учебно-профессиональной деятельности: её интегративный характер, направленность на формирование профессиональных компетенций и развитие личности как субъекта профессионального становления. Вместе с тем каждый подход акцентирует внимание на различных аспектах – от мотивационно-целевых до психолого-педагогических и организационно-методических.

Учитывая многоаспектность существующих подходов, в рамках данной работы под учебно-профессиональной деятельностью студентов предлагается понимать целостный процесс, объединяющий учебную и профессиональную активность студентов, направленный на формирование профессиональной компетентности, идентичности и готовности к будущей профессиональной деятельности. Этот процесс характеризуется осознанным целеполаганием и интеграцией теоретических знаний с практическими навыками.

Базируясь на анализе современных исследований и практического опыта организации образовательного процесса, можно выделить четыре основных вида учебно-профессиональной деятельности студентов, каждый из которых выполняет специфические функции в профессиональном ста-

новлении будущих специалистов: теоретическая, практическая, проектная и научно-исследовательская УПД.

Теоретическая УПД выполняет фундаментальную функцию освоения базовых знаний, законов, принципов и концепций, составляющих основу профессиональной области. Данный вид деятельности реализуется преимущественно через лекционные занятия и семинары, где происходит систематическое изучение теоретических основ будущей профессии. В рамках этого вида деятельности преподаватель выступает в роли носителя и транслятора знаний, обеспечивая студентам доступ к фундаментальным профессиональным концепциям, в то время как студент занимает позицию активного реципиента, осваивающего теоретическую базу для последующего профессионального развития.

Практическая УПД направлена на применение теоретических знаний для формирования профессиональных навыков и умений в условиях, приближенных к реальной профессиональной среде. Этот вид деятельности включает разнообразные формы: практические занятия, лабораторные работы, различные виды практик (учебные, производственные, педагогические, преддипломные), а также деловые и ролевые игры, тренинги. Роль преподавателя трансформируется в наставника и фасилитатора, который направляет практическую деятельность студентов и обеспечивает обратную связь, в то время как студент становится активным практиком, применяющим знания в конкретных профессиональных ситуациях.

Проектная УПД фокусируется на разработке и реализации проектов, направленных на решение профессиональных или междисциплинарных задач, способствуя развитию навыков планирования и командной работы. Данный вид деятельности осуществляется через проектную работу, а также выполнение курсовых и дипломных работ. Проектная деятельность характеризуется высокой степенью самостоятельности студентов и требует интеграции различных видов знаний и навыков для достижения конкретного результата. Преподаватель выполняет функции куратора и консультанта, обеспечивая методическое сопровождение и экспертную поддержку, в то время как студент выступает в роли проектировщика и исполнителя.

Научно-исследовательская УПД предполагает проведение исследований, изучение актуальных проблем профессиональной области, развитие аналитического мышления и способности к инновациям. Этот вид деятельности реализуется через участие в научных конференциях и семинарах, подготовку научных работ (статей, докладов), а

также выполнение исследовательских компонентов курсовых и дипломных работ. Преподаватель играет роль научного руководителя, направляющего исследовательскую деятельность студентов, а студент выступает как начинающий исследователь, формирующий навыки научного познания и аналитического мышления.

Сегодня все формы учебно-профессиональной деятельности испытывают влияние стремительно развивающихся цифровых технологий, что приводит к существенным трансформациям в их организации и содержании. В условиях цифровизации образования особое значение приобретает формирование профессиональных компетенций, включающих способность решать профессиональные задачи с использованием информационно-коммуникационных технологий [8]. Профессиональная мотивация, как отмечает Т.А. Челнокова, формируется через вовлечение студентов в цифровые образовательные ресурсы, что способствует осознанному целеполаганию и развитию профессиональной идентичности [8]. Т.А. Челнокова отмечает, что проектный подход в педагогической деятельности, ориентированный на освоение современных гаджетов и автоматизированных комплексов, играет ключевую роль в развитии практических навыков, необходимых для работы в цифровой экономике [8]. Широкое распространение интернет-технологий, онлайн-платформ и доступных цифровых ресурсов модифицирует существующие формы УПД и создает новые возможности для образовательного процесса. Рассмотрим какие существуют на данный момент изменения в ранее представленных составляющих УПД.

Теоретическая составляющая УПД существенно обогащается благодаря доступности разнообразных онлайн-ресурсов и цифровых образовательных платформ. Традиционные лекции теперь дополняются открытыми онлайн-курсами, видеолекциями, интерактивными учебными материалами и электронными библиотеками. Студенты получили расширенный доступ к актуальной информации, специализированным базам данных и экспертным знаниям. Значительную роль начинают играть системы поиска и обработки информации, включая нейросетевые технологии, которые помогают студентам в поиске релевантной информации, создании конспектов и структурировании знаний. Цифровые инструменты позволяют создавать интерактивные презентации, ментальные карты и визуализации, что способствует более глубокому пониманию материала. В этих условиях роль преподавателя трансформируется от единственного источника знаний к навигатору в информационном пространстве и методическому консультанту. Преподаватель помогает студентам критически оценивать найденную информацию, выбирать качественные источники и интегрировать разрозненные знания в целостную картину. Как отмечает А.М. Тавандян, В.А. Зима, Н.Б. Хусаинова, теоретическая составляющая УПД включает формирование информационной культуры как части общечеловеческой культуры, что является ключевым аспектом в условиях цифровизации как социокультурного процесса [6]. В табл. 1 представлены ключевые аспекты трансформации теоретической УПД.

Таблица 1

Трансформация теоретической УПД.

Table 1

Transformation of theoretical EPA.

Трансформация образовательных форм		
Классическая форма	Цифровая трансформация	Гибридная модель
Лекционные занятия; семинары	Онлайн-курсы и видео-лекции; интерактивные материалы; электронные библиотеки; ИИ-инструменты для поиска информации; ментальные карты и визуализации	Интеграция очных занятий с цифровыми ресурсами, критическая оценка информации, структурирование знаний
РОЛИ		
Преподаватель – транслятор знаний Студент – реципиент	Преподаватель – навигатор, методический консультант Студент – активный исследователь информации	

Источник: Составлено автором на основании анализа современных исследований и практического опыта организации образовательного процесса.

Source: Compiled by the author based on an analysis of modern research and practical experience in organizing the educational process.

В условиях цифровизации практическая УПД обогащается за счет применения разнообразных цифровых инструментов и сервисов, которые способствуют формированию профессиональных навыков в интерактивной и динамичной среде [1]. Практическая УПД адаптируется к цифровым возможностям через использование доступных образовательных технологий. Она обогащается за счет использования современных технологий, таких как электронные учебные системы и платформы онлайн-обучения, которые способствуют формированию профессиональных компетенций [8]. Широкое распространение получили онлайн-тренажеры, симуляторы и интерактивные обучающие платформы, доступные через веб-браузеры. Л.Г. Волкова указывает, что использование таких платформ, как Mentimeter, Zoom, AhaSlides и других позволяет реализовать методы проблемного обучения, геймификации и интерактивного обучения, включая кейс-технологии, деловые игры, си-

муляции [1]. Дистанционное обучение также расширило возможности практической подготовки через виртуальные лаборатории и онлайн-платформы для выполнения практических заданий. Студенты получают доступ к удаленным ресурсам и специализированным программам без необходимости их локальной установки. Преподаватель в этих условиях выступает как консультант, помогающий студентам освоить цифровые инструменты и интегрировать их в учебный процесс. Студент развивает навыки работы с профессиональным программным обеспечением и цифровыми платформами, что соответствует современным требованиям рынка труда. Таким образом, цифровизация практической подготовки расширяет возможности для формирования профессиональных компетенций, обеспечивая студентам гибкость и доступ к актуальным образовательным ресурсам. В табл. 2 представлены ключевые аспекты трансформации практической УПД.

Таблица 2

Трансформация практической УПД.

Table 2

Transformation of practical EPA

Трансформация от классической к цифровой		
Классическая форма	Цифровая трансформация	Гибридная модель
Практические занятия; лабораторные работы; традиционные практики; деловые и ролевые игры, тренинги	Онлайн-тренажеры и симуляторы; виртуальные лаборатории; интерактивные платформы; дистанционное обучение	Сочетание физических и виртуальных лабораторий, интеграция цифровых навыков в традиционную практику
РОЛИ		
Преподаватель – наставник Студент – практик	Преподаватель – консультант по цифровым инструментам Студент – практик в цифровом пространстве	

Источник: Составлено автором на основании анализа современных исследований и практического опыта организации образовательного процесса.

Source: Compiled by the author based on an analysis of modern research and practical experience in organizing the educational process.

Проектная деятельность получает новые возможности благодаря широкодоступным цифровым инструментам для планирования и организации работы. Студенты активно используют системы управления проектами, платформы для совместной работы и облачные хранилища для обмена файлами. Социальные сети и профессиональные платформы становятся инструментами для создания портфолио, поиска участников проектных команд и установления профессиональных контактов. Студенты учатся презентовать свои проекты с использованием современных цифровых инструментов.

Растет популярность участия в онлайн-конкурсах и проектах, которые позволяют студентам получить опыт работы над реальными задачами и расширить профессиональную сеть. Исследования в области проектной деятельности студентов в условиях цифровизации также подчеркивают её значимость для формирования профессиональных компетенций. Например, И.В. Вологодина, О.И. Вагавова и Е.С. Сторова в своей работе акцентируют внимание на формировании компетенций студентов через проектную деятельность, подчеркивая роль цифровых инструментов в создании интерактивного образовательного пространства и повышении самостоятельности студентов [2]. Эти выводы подтверждают, что ис-

пользование систем управления проектами, платформ для совместной работы и цифровых портфолио способствует развитию навыков планирования, командной работы и профессиональной ком-

муникации, что соответствует современным требованиям рынка труда. В табл. 3 представлены ключевые аспекты трансформации проектной УПД.

Таблица 3

Трансформация проектной УПД.

Table 3

Transformation of the design EPA.

Классическая форма	Цифровая трансформация	Гибридная модель
Курсовые работ; дипломные проекты; групповая работа в аудитории	Системы управления проектами; платформы совместной работы; облачные хранилища; цифровые портфолио; онлайн-конкурсы и проекты	Интеграция очной командной работы с виртуальной коллаборацией, расширение профессиональных контактов
РОЛИ		
Преподаватель – куратор Студент – проектировщик	Преподаватель – цифровой куратор Студент – сетевой проектный участник, цифровой коллаборатор	

Источник: Составлено автором на основании анализа современных исследований и практического опыта организации образовательного процесса.

Source: Compiled by the author based on an analysis of modern research and practical experience in organizing the educational process.

Научно-исследовательская деятельность студентов существенно трансформируется благодаря доступности электронных научных баз данных, онлайн-библиотек и исследовательских платформ. Студенты получают возможность работать с актуальными научными публикациями через различные электронные системы, что значительно расширяет горизонты их исследовательской работы. Исследование Л.В. Лаврентьевой, А.Д. Вихаревой и А.А. Дерябиной подтверждает, что внедрение цифровых методов, таких как индивидуализированные образовательные маршруты и онлайн-ресурсы, способствует росту успеваемости студентов на 25% и улучшает их исследовательские компетенции, при этом подчеркивается важность

наставничества преподавателя в цифровой среде [4]. Цифровые инструменты для обработки и анализа данных становятся неотъемлемой частью исследовательского процесса. Онлайн-сервисы для создания и проведения опросов позволяют собирать данные для исследований, а системы управления библиографией упрощают работу с источниками. Онлайн-конференции и вебинары расширяют возможности для представления результатов исследований и профессионального развития. Многие студенты начинают участвовать в научных сообществах в цифровом пространстве. В табл. 4 представлены ключевые аспекты трансформации научно-исследовательской УПД.

Таблица 4

Трансформация научно-исследовательской УПД.

Table 4

Transformation of the research and development EPA.

Трансформация of the Research and Development ERA:		
Классическая форма	Цифровая трансформация	Гибридная модель
Очные конференции; традиционные методы сбора данных	Электронные научные базы; онлайн-библиотеки; цифровые инструменты анализа; онлайн-опросы; системы управления библиографией; вебинары и онлайн-конференции; научные сообщества в сети	Сочетание традиционного научного руководства с цифровыми исследовательскими методами и глобальным научным взаимодействием
РОЛИ		
Преподаватель – научный руководитель Студент – начинающий исследователь	Преподаватель – цифровой научный наставник, консультант по исследовательским платформам Студент – исследователь цифровых ресурсов	

Источник: Составлено автором на основании анализа современных исследований и практического опыта организации образовательного процесса.

Source: Compiled by the author based on an analysis of modern research and practical experience in organizing the educational process.

Выводы

Обобщая рассмотренные аспекты трансформации УПД в условиях цифровизации, можно сделать следующие выводы. Современная учебно-профессиональная деятельность характеризуется не заменой традиционных форм цифровыми аналогами, а их гармоничным сосуществованием и взаимным дополнением. Цифровые технологии расширяют возможности традиционных методов обучения, делая их более гибкими, доступными и интерактивными. Формируется гибридная модель УПД, в которой очные занятия сочетаются с онлайн-активностями, традиционные лекции дополняются цифровыми ресурсами, а групповая работа в аудитории интегрируется с виртуальной коллаборацией. Такой подход позволяет использовать преимущества как традиционных, так и цифровых форм обучения.

Представленная структура учебно-профессиональной деятельности отражает комплексный ха-

рактер профессиональной подготовки, где каждый вид деятельности вносит специфический вклад в формирование профессиональной компетентности будущих специалистов. Интеграция всех четырех видов деятельности в условиях цифровой трансформации образования обеспечивает гармоничное развитие теоретических знаний, практических навыков, проектных компетенций и исследовательских способностей. Современные изменения в УПД способствуют развитию у студентов цифровой грамотности и готовности к работе в современной профессиональной среде, где цифровые технологии являются неотъемлемой частью трудовой деятельности. Вместе с тем сохраняется важность живого человеческого взаимодействия, критического мышления и творческого подхода к решению профессиональных задач, что обеспечивается сбалансированным использованием традиционных и цифровых методов обучения.

Список источников

1. Волкова Л.Г. Влияние цифровизации на практическую подготовку студентов // Наука и образование. 2022. № 5 (1). С. 126.
2. Вологодина И.В., Кобалян А.С., Ваганова О.И. Проектная деятельность студентов в условиях цифровизации // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81-3. С. 69 – 71.
3. Земцова В.И. Управление учебно-профессиональной деятельностью студентов на основе функционально-деятельностного подхода: монография. М.: Компания Спутник+, 2008. 207 с.
4. Лаврентьева Л.В., Вихарева А.Д., Дерябина А.А. Эффективность внедрения элементов цифровизации в научно-исследовательскую деятельность студентов вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-2. С. 232 – 235.
5. Сибяева Г.М., Махмутов Ю.М. Взаимосвязь учебно-профессиональной деятельности и развития личности будущих педагогов // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59-4. С. 247 – 250.
6. Тавадян А.М. Зима В.А., Хусаинова Н.Б. Теоретические основы подготовки студентов к педагогической деятельности в условиях цифровизации образования // KANT. 2019. № 3 (32). С. 137 – 141.
7. Хомова Н.А. Психологические условия развития учебно-профессиональной деятельности студентов как системообразующего компонента их профессиональной компетенции // Интеграция образования. 2012. № 4. С. 71 – 76.
8. Челнокова Т.А. Профессиональное развитие студента в условиях цифрового общества // Современное педагогическое образование. 2020. № 9. С. 99 – 103.
9. Digital Competencies and Skills [Электронный ресурс] // UNESCO. Режим доступа: <https://www.unesco.org/en/digital-competencies-skills> (дата обращения: 29.01.2025)
10. Tursunov M.A. Modern factors of forming independent learning skills in engineers using digital electronic textbooks // European Journal of Pedagogical Initiatives and Educational Practices. 2025. № 3 (6). P. 8 – 11.

References

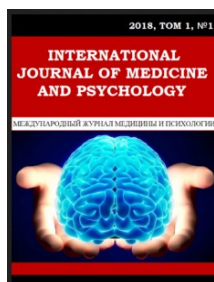
1. Volkova L.G. The Impact of Digitalization on the Practical Training of Students. Science and Education. 2022. No. 5 (1). P. 126.
2. Vologdina I.V., Kobalyan A.S., Vaganova O.I. Project Activities of Students in the Context of Digitalization. Problems of Modern Pedagogical Education. 2023. No. 81-3. P. 69 – 71.
3. Zemtsova V.I. Management of Students' Educational and Professional Activities Based on the Functional-Activity Approach: Monograph. Moscow: Sputnik+ Company, 2008. 207 p.

4. Lavrenteva L.V., Vikhareva A.D., Deryabina A.A. Efficiency of Implementing Digitalization Elements in the Research Activities of University Students. *Problems of Modern Pedagogical Education*. 2023. No. 79-2. P. 232 – 235.
5. Sibaeva G.M., Makhmutov Yu.M. The relationship between educational and professional activities and the development of the personality of future teachers. *Problems of modern pedagogical education*. 2018. No. 59-4. P. 247 – 250.
6. Tavadyan A.M., Zima V.A., Khusainova N.B. Theoretical foundations of preparing students for pedagogical activity in the context of digitalization of education. *KANT*. 2019. No. 3 (32). P. 137 – 141.
7. Khomova N.A. Psychological conditions for the development of educational and professional activities of students as a system-forming component of their professional competence. *Integration of education*. 2012. No. 4. P. 71 – 76.
8. Chelnokova T.A. Professional development of students in the digital society. *Modern pedagogical education*. 2020. No. 9. P. 99 – 103.
9. Digital Competencies and Skills [Electronic resource]. UNESCO. Access mode: <https://www.unesco.org/en/digital-competencies-skills> (accessed: 29.01.2025)
10. Tursunov M.A. Modern factors of forming independent learning skills in engineers using digital electronic textbooks. *European Journal of Pedagogical Initiatives and Educational Practices*. 2025. No. 3 (6). P. 8 – 11.

Информация об авторе

Соболевская Т.В., ассистент, SPIN-код 3275-3920, Высшая школа психологии, Тихоокеанский государственный университет, 012748@togudv.ru

© Соболевская Т.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

^{1, 2} Соловьев В.Е.,

¹ Адвокатское бюро города Москвы «ПАРАДИГМА»,

² Российский государственный социальный университет

Психологические особенности игры «Шахматы» в коррекции делинквентного поведения человека

Аннотация: цели статьи – охарактеризовать влияние игры в шахматы на поведение человека, в частности изучить взаимосвязь шахматной игры с проявлениями агрессии, совершением противоправных действий. Проанализировать воздействие регулярной игры в шахматы на девиантное поведение, в том числе в условиях ограничения свободы в исправительных учреждениях. На основе исследования, проведенного в исправительной колонии с осужденными по статьям коррупционной и общеуголовной направленности, определены предпочтения по играм среди осужденных, выявлена тенденция выбора игры и статьи, по которой осужденный отбывает наказание.

Ключевые слова: шахматы, шахматная игра, вид спорта, поведение, когнитивные функции, агрессия, краткосрочное планирование, долгосрочное планирование, девиантное поведение, делинквентное поведение, противоправное поведение, коррупция, коррупционер, коррупциогенная личность, коррупционные практики, осужденные

Для цитирования: Соловьев В.Е. Психологические особенности игры «Шахматы» в коррекции делинквентного поведения человека // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 173 – 178.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

^{1, 2} Solovyev V.E.,

¹ Moscow City Law Firm "PARADIGMA",

² Russian State Social University

Psychological features of the game «Chess» in the correction of delinquent human behavior

Abstract: the purpose of this article is to characterize the impact of playing chess on human behavior, in particular, to study the relationship between chess playing and aggressive behavior and the commission of illegal actions. The article aims to analyze the impact of regular chess playing on deviant behavior, including in conditions of restriction of freedom in correctional institutions. Based on a study conducted in a correctional colony with convicts convicted of corruption and general criminal offenses, the article identifies the preferences for games among convicts and reveals the tendency to choose a game and the article under which the convict is serving their sentence.

Keywords: chess, chess game, sport, behavior, cognitive functions, aggression, short-term planning, long-term planning, deviant behavior, delinquent behavior, illegal behavior, corruption, corrupt official, corruptogenic personality, corrupt practices, convicts

For citation: Solovyev V.E. Psychological features of the game «Chess» in the correction of delinquent human behavior. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 173 – 178.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Шахматы являются одной из самых древних и распространенных по всему миру игрой, истоки возникновения которой ведут на территорию современной Индии. Именно там в III веке н.э. впервые появилась игра – чатуранга, которую исследователи относят к предшественнику шахмат [5]. Несколько позже в VII веке игра стала распространяться в арабском мире, Китае и разных регионах Востока, приобретая особые национальные черты [4]. Модернизация игры, происходящая в соответствии с культурой региона распространения, отражала политический, социальный, культурный уклад, традиции, обычаи и психологию населения.

Название «шахматы» произошло от персидских слов «шах мат», означающих «король мертв». Примечательно, что в персидской версии шахмат, называвшейся «шатрандж», пешка, достигая последнего ряда имела возможность трансформироваться исключительно в ферзя, ограниченного в подвижности и представляющего собой визиря, то есть советника короля. Перспектива развития, ограниченная рамками, отражала традиционные представления и уклад народа, принципы, согласно которым строилась власть и государственность.

В свою очередь, в западной культуре именно фигура советника короля была заменена на королеву [8], что отражало традиционный уклад и ценности христианского мира, оптимальную модель развития.

Само зарождение, правила игры и их трансформация показывают, что, прежде всего, игра является стратегией определенного поведения, применяемой в жизни. Установление правил, соответствующих эпохе и культуре, наделяют игру реалистичностью и позволяют проецировать реальные возможности на игровом поле. Игра предполагает наличие четкой цели у каждого игрока, правила устанавливают рамки в которых приходится принимать решения, существуют внешние неконтролируемые обстоятельства в виде действий оппонента, в связи с чем действия необходимо планировать в условиях частичной неопределенности.

Необходимо анализировать, рассчитывать варианты и принимать решения, позволяющие стать успешным, то есть прийти к победе, или

наоборот – проиграть. При этом победа может наступить при минимальных потерях, в короткое время, а может сопровождаться большой потерей ресурсов, ожесточенным боем.

Наличие правил игры предполагает возможность проявления отклоняющего поведения – по общему правилу, поведения, не соответствующим нормам, принятым обществом, членом которого является человек [9].

В свете появившийся в СМИ информации о причастности именитого гроссмейстера К. к организации государственного переворота в зарубежной стране, а также обвинения данного гроссмейстера, являющегося иноагентом, в создании террористического общества, в его руководстве, финансировании террористической деятельности, в публичном оправдании терроризма (ст. 205.4, 205.2, 205.1 УК РФ) и заочного ареста российским судом, считаем рассмотрение указанной темы актуальным и целесообразным.

Материалы и методы исследований

Основной целью исследования было выявление предпочтений по играм, в том числе шахмат, среди осужденных исправительных колоний общего и строго режима за разные преступления. Для реализации указанной цели в исследовании использовались методы тестирования и сравнения.

Тест «Картинки», автор Соловьев В.Е., апробирован в рамках кандидатской диссертации автора теста «Психологические детерминанты участников коррупционных схем». Блок теста № 2 содержит 3 пары изображений разных игр, респонденту предлагается сделать выбор наиболее предпочитаемой игры в каждой паре. Для данного исследования использованы результаты по одной паре изображений, с возможностью выбора шахмат.

Исследование проводилось среди осужденных в учреждениях: ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Ставропольскому краю, ФКУ СИЗО-2 УФСИН России по Ставропольскому краю, ФКУ ИК-3 УФСИН России по Ставропольскому краю, ФКУ ИК-4 УФСИН России по Ставропольскому краю, ФКУ ИК-5 УФСИН России по Ставропольскому краю, ФКУ ИК-6 УФСИН России по Ставропольскому краю, ФКУ ИК-11 УФСИН России по Ставропольскому краю.

Возраст респондентов от 20 до 65 лет, все лица мужского пола, осужденные по ст. ст. 159 (мошенничество), 160 (присвоение или растрата), 285 (злоупотребление должностными полномочиями), 286 (превышение должностных полномочий), 290 (получение взятки), 291 (дача взятки), 158 (кража), 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), 161 (грабеж), 163 (вымогательство), 228 (незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества), 241 (организация занятия проституцией).

Тестирование проводилось под наблюдением сотрудников психологической службы соответ-

ствующей исправительной колонии, соответствующего следственного изолятора, на добровольной основе, без использования и обработки персональных данных осужденных.

После прохождения тестирования под наблюдением сотрудников психологической службы исправительной колонии, тесты были переданы исследователям для обработки полученных данных.

Данная методика позволяет выявить тенденцию предпочтения игр у осужденных, определить взаимосвязь вида игры и вида преступного поведения. Тест предполагает наиболее эффективное взаимодействие с указанной группой анкетируемых в связи с условиями их содержания и возможностью обработки результата.

Результаты и обсуждения

Данные исследования, проведенного в исправительных учреждениях представлены на рис. 1.

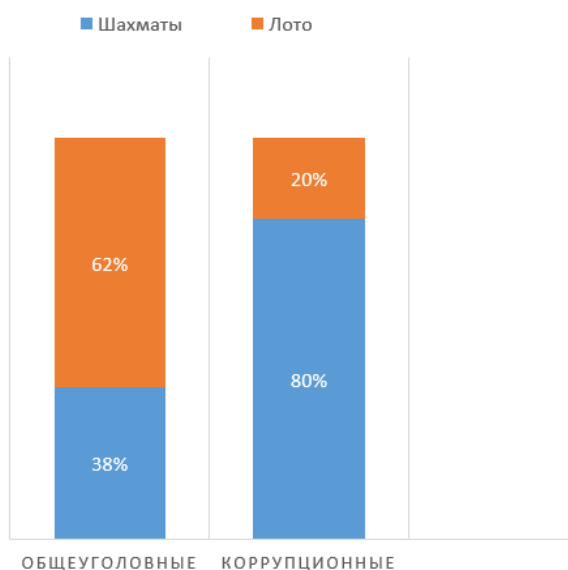

Рис. 1. Результаты исследования игровых предпочтений у осужденных, 2025 г.

Fig. 1. Results of the study of gaming preferences among convicts, 2025.

Согласно данным, полученным в ходе исследования в исправительных учреждениях федеральной системы исполнения наказания, осужденные по статьям коррупционной направленности, например, по ст. ст. 159 (мошенничество), 160 (присвоение или растрата), 285 (злоупотребление должностными полномочиями), 286 (превышение должностных полномочий), 290 (получение взятки), 291 (дача взятки), в большей степени выбирают игру в шахматы.

В свою очередь, осужденные по другим общеуголовным статьям, например, по ст. ст. 158 (кража), 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), 161 (грабеж), 163 (вымогательство), 228 (незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или

психотропные вещества), 241 (организация занятия проституцией), в большинстве предпочитают игры, в которых результат определяется посредством вероятности, в нашем исследовании – это лото.

Коррупционные преступления в большинстве своем предполагают реализацию обдуманного, планомерного действия, по совершению преступного деяния и его сокрытию.

Кроме того, реализуются в тесной связи с исполнением трудовой функцией одним из участников преступления, в связи с чем коррупционные практики реализуются не стихийно и ситуационно, а планомерно и с особой осмысленностью.

Коррупционные преступления имеют один из самых высоких показателей латентности, что подразумевает детальное планирование сокрытия самого деяния и последствий.

Шахматы требуют от игрока обдумывание и взвешенный выбор более результативного шага. Регулярная игра в шахматы предполагает человеку анализировать имеющийся у него выбор действий с учетом их последствий и вероятности их наступления, что значительно снижает вероятность проявления делинквентного поведения.

Эндшпиль, представляя собой заключительную стадию шахматной партии, употребляется в переносном смысле для обозначения заключительного этапа определенного мероприятия, например, военной операции, махинации, затянувшейся экономической войны [10]. Стратегия по достижению эндшпиля в экономических битвах на выгодных условиях и в оптимальные сроки позволяет сохранить выгодную позицию. Эндшпиль, как завершающий этап, имеет огромную значимость, так как определяет исход предыдущих событий и действий. Существует вероятность при отличной игре, минимальных потерях и максимальной эффективности, совершить ошибку и потерять все ресурсы в финале.

В коррупции завершающий этап также имеет решающее значение, успешная реализация схемы и получение незаконного дохода не гарантируют возможность реализации полученных преступных путем денег и ценностей. Сокрытие дохода путем его выведения за пределы юрисдикции государства или легализации – это эндшпиль в коррупционных практиках. Зачастую отсутствие долгосрочного планирования, цепочки логических рассуждений, являются уязвимостью коррупционных преступников. Эндшпилем их преступной деятельности становится публичная

демонстрация предметов роскоши, нарядного убранства домов, автомобилей класса люкс, проведение масштабных мероприятий с участием видных представителей музыкальной и творческой индустрии.

Важнейшим навыком для регуляции поведения человека является способность к последовательному мышлению, которая развивается с помощью шахмат. Кроме того, «игра в шахматы развивает силу воли и характер, направляет на целеустремленность», а регулярные шахматные поединки способствуют развитию системного характера мышления, умению выстраивать логические цепочки, эффективнее адаптироваться к обстоятельствам, исключая уменьшение концентрации внимания и хаотический разброс мыслей при принятии быстрых решений [12].

Умение быстро адаптироваться в условиях частичной неопределенности позволяет избегать стремительных необдуманных поступков, которые при выходе за рамки закона становятся преступлениями. Выстраивание логических цепочек, анализ долгосрочной перспективы и взвешенные решения позволяют снизить уровень агрессии, осознать перспективу разрушительных последствий от деяния и выбрать наиболее целесообразную линию поведения, не характеризующуюся как делинквентная (преступная).

Шахматы, как «активная мыслительная деятельность, протекающая в условиях единоборства двух интеллектов» [1], способствует активизации когнитивных способностей человека и его творческого потенциала [6, 2, 13].

Выводы

При проведении эмпирического исследования в рамках кандидатской диссертации, получены данные о предпочтениях в играх коррупционных преступников и других общеуголовных. Согласно результатам исследования осужденные, отбывающие наказание за совершение преступлений коррупционной направленности, предпочитают игру в шахматы, в отличие от осужденных по другим статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, которые, в свою очередь, выбирают игры, результат которых определяется вероятностью.

Исследователи отмечают, что регулярная игра в шахматы способствует укреплению и развитию логического мышления. Кроме того, известно, что существует методика шахматной терапии, позволяющая разрешить внутренние конфликты и осознать причинно-следственные связи [6].

Регулярная игра в шахматы способствует лучшей концентрации, вниманию и прогнозированию наступления событий. Характер игры, отмечают исследователи, способствует «снижению эмоционального напряжения» [6], что позволяет успешно проводить психологическую коррекцию поведения человека.

Игра в шахматы на регулярной основе тренирует усидчивость, силу воли и духа, повышает стрессоустойчивость, непосредственно влияя на личностное развитие человека [11].

В подтверждение данной теории считаем эффективной мерой по перевоспитанию и исправлению осужденных, Всероссийский чемпионат по шахматам среди осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, который организовывается Федеральной службой исполнения наказаний Российской Федерации.

«Самый быстрый путь не самый короткий» [3].

Список источников

1. Алифиров А.И., Михайлова И.В., Зарыкина А.В. Шахматная игра как средство развития психологических качеств студентов // Актуальные проблемы развития современной науки и образования. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 апреля 2015 г.: в 5 ч. Часть IV. М.: «АР-Консалт», 2015. С. 10 – 12.
2. Афанасьева С.В. Шахматы как средство интеллектуального развития детей старшего дошкольного возраста // Традиции и новации в дошкольном образовании. 2021. № 3 (20). С. 9 – 11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47367849> (дата обращения: 27.02.2025)
3. Годунов И.В., Соловьев В.Е. Коррупция – настало время трезво оценить // Газета «Президент». 2025. С. 7. URL: <https://presidentmedia.ru/blog/2025/06/09/korruptsiya-mozhet-privesti-k-impotenczii-ozhireniyu-psihicheskomu-rasstrojstvu-i-vyrozhdeniyu-roda> (дата обращения: 23.02.2025)
4. Дворянинова Т.А. История происхождения шахмат // Всероссийский сборник статей и публикаций института развития образования, повышения квалификации и переподготовки. 2024. URL: <https://ropkip.ru/publication/412712> (дата обращения: 25.02.2025)
5. Душенко К.В. Мишель Пастуро. Появление шахмат в западной Европе // Вестник культурологии. 2013. № 4 (67) С. 163 – 167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mishel-pasturo-poyavlenie-shahmat-v-zapadnoy-evrope> (дата обращения: 26.02.2025)
6. Кентлер А. Шахматный букварь-раскраска. 2-е изд., доп. [Б. м.]: Фирма КОСТА, 2005. С. 40: ил.; 29 см.; ISBN 5-98408-028-1 (в обл.): 11 000 экз.
7. Мелина Е.В. Шахматы и шашки как доступный вид адаптивной физической культуры для студентов с инвалидностью // Инклюзия в образовании. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 6 – 15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46168969> (дата обращения: 27.02.2025)
8. Пастуро М. Появление шахмат в Западной Европе // Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья. СПб.: Alexandria, 2012. С. 289 – 311.
9. Платонов К.К. Структура и развитие личности / отв. ред. А.Д. Глоточкин; АН СССР, Ин-т психологии. Москва: Наука, 1986. С. 254.
10. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. С. 795.
11. Стефанишина Е.И., Комалова Л.Р. Влияние фактора «игра в шахматы» на уровень когнитивных способностей человека // Этнопсихоллингвистика. 2023. № 4 (15). С. 67 – 79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-faktora-igra-v-shahmaty-na-uroven-kognitivnyh-sposobnostey-cheloveka> (дата обращения: 27.02.2025)
12. Хакимов А.О., Зотин В.В. Спектр влияния шахмат на мышление и мозг // Проблемы качества физкультурно-оздоровительной и здоровьесберегающей деятельности образовательных организаций: сборник материалов 9-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 23 апреля 2019 г., г. Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург: РГППУ, 2019. С. 324 – 328.
13. Karapetyan L.G., Charchyan A.R. Analysis of the experience of chess teachers teaching students with autism // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 12-6 (80). С. 5 – 14. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47698552> (дата обращения: 27.02.2025)

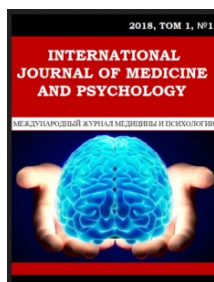
References

1. Alifirov A.I., Mikhailova I.V., Zaryvkina A.V. Chess game as a means of developing students' psychological qualities. Actual problems of development of modern science and education. Collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference of April 30, 2015: in 5 parts. Part IV. Moscow: "AR-Consult", 2015. P. 10 – 12.
2. Afanasyeva S.V. Chess as a means of intellectual development of senior preschool children. Traditions and innovations in preschool education. 2021. No. 3 (20). P. 9 – 11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47367849> (date of access: 02/27/2025)
3. Godunov I.V., Soloviev V.E. Corruption – it's time to soberly assess. Newspaper "President". 2025. P. 7. URL: <https://presidentmedia.ru/blog/2025/06/09/korruptsiya-mozhet-privesti-k-impotenczii-ozhireniyu-psihicheskomu-rasstrojstvu-i-vyrozhdeniyu-roda> (date of access: 23.02.2025)
4. Dvoryaninova T.A. History of the origin of chess. All-Russian collection of articles and publications of the Institute for the Development of Education, Advanced Training and Retraining. 2024. URL: <https://ropkip.ru/publication/412712> (date of access: 25.02.2025)
5. Dushenko K.V. Michel Pastoureau. The emergence of chess in Western Europe. Bulletin of Cultural Studies. 2013. No. 4 (67) P. 163 – 167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mishel-pasturo-poyavlenie-shahmat-v-zapadnoy-evrope> (date of access: 02/26/2025)
6. Kentler A. Chess ABC-coloring book. 2nd ed., suppl. [B. m.]: Firma KOSTA, 2005. P. 40: ill.; 29 cm; ISBN 5-98408-028-1 (in the cover): 11,000 copies.
7. Melina E.V. Chess and checkers as an accessible type of adaptive physical education for students with disabilities. Inclusion in education. 2020. Vol. 5. No. 2 (18). P. 6 – 15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46168969> (date of access: 27.02.2025)
8. Pastouro M. The emergence of chess in Western Europe. Pastouro M. Symbolic history of the European Middle Ages. SPb.: Alexandria, 2012. P. 289 – 311.
9. Platonov K.K. Structure and development of personality. Ed. A.D. Glotochkin; USSR Academy of Sciences, Institute of Psychology. Moscow: Nauka, 1986. P. 254.
10. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. RAS, Institute of Linguistic Studies; Ed. A.P. Evgenyeva. 4th ed., reprinted. Moscow: Russian language; Polygraphresources, 1999. P. 795.
11. Stefanishina E.I., Komalova L.R. The influence of the factor "chess game" on the level of human cognitive abilities. Ethnopsycholinguistics. 2023. No. 4 (15). P. 67 – 79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-faktora-igra-v-shahmaty-na-uroven-kognitivnyh-sposobnostey-cheloveka> (date of access: 02.27.2025)
12. Khakimov A.O., Zotin V.V. The spectrum of the influence of chess on thinking and the brain. Problems of the quality of physical education, health and health-preserving activities of educational organizations: collection of materials of the 9th All-Russian scientific and practical conference with international participation, April 23, 2019, Yekaterinburg. Russian state prof. ped. univ. Yekaterinburg: RSPPU, 2019. P. 324 – 328.
13. Karapetyan L.G., Charchyan A.R. Analysis of the experience of chess teachers teaching students with autism. Actual scientific research in the modern world. 2021. No. 12-6 (80). P. 5 – 14. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47698552> (date of access: 02.27.2025)

Информация об авторе

Соловьев В.Е., аспирант, Российский государственный социальный университет, клинический психолог, судебный психологический эксперт, адвокат, Адвокатское бюро города Москвы «ПАРАДИГМА», solovev.advocate@gmail.com

© Соловьев В.Е., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 378+159.947.33

¹ Асафьева Н.В.,

¹ Жуков П.С.,

¹ Уфимский университет науки и технологий

Роль самоорганизации и саморегуляции в организационной культуре педагогов современных общеобразовательных учреждений

Аннотация: современная политика в области образования и воспитания уделяет большое внимание обеспечению высокого уровня трудовой и учебной деятельности, фундаментом которой выступают саморегуляция и самоорганизация каждого педагога. Социально-эмоциональная компетентность педагогического состава оказывает прямое влияние на эффективность учебного процесса, работу коллег и создание благоприятной для работы и обучения среды в образовательном учреждении. Следовательно, иерархическая совокупность учебных мероприятий базируется на организационной культуре, способствующей контролю и координации коллективов, а также их интеграции в единую ценностную систему, механизм которой четко и слажено функционирует не только при соблюдении должностных инструкций, определенных норм и рекомендаций, но и при наличии у педагогов навыков по самоорганизации и саморегуляции. Качество управления, профессиональный опыт и зрелость коллектива тесно коррелируют с организационной культурой учреждения, так как соответствие последней способствует формированию убеждений, принципов и приоритетов обучающихся и обучающихся. По итогу проведенного исследования были сформулированы следующие выводы: существующие типы культур выбираются в зависимости от ментальности народа, где она инкорпорируется – в российских реалиях наиболее релевантен синтез культур организации, доминантой в котором выступает «ролевая».

Ключевые слова: саморегуляция, самоорганизация, организационная культура, общеобразовательное учреждение, педагог, типология Харрисона, ролевая культура

Для цитирования: Асафьева Н.В., Жуков П.С. Роль самоорганизации и саморегуляции в организационной культуре педагогов современных общеобразовательных учреждений // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 179 – 183.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Asafyeva N.V.,

¹ Zhukov P.S.,

¹ Ufa University of Science and Technology

Role of self-organization and self-regulation in the organizational culture of teachers of modern educational institutions

Abstract: modern policy in the field of education and upbringing pays great attention to ensuring a high level of work and educational activities, the foundation of which is the self-regulation and self-organization of each teacher. The socio-emotional competence of the teaching staff has a direct impact on the effectiveness of the educational process, the work of colleagues and the creation of a work- and learning-friendly environment in an educational institution. Consequently, the hierarchical set of educational activities is based on an organizational culture that promotes the control and coordination of teams, as well as their integration into a single value system, the mecha-

nism of which functions clearly and harmoniously not only in compliance with job descriptions, certain norms and recommendations, but also if teachers have skills in self-organization and self-regulation. The quality of management, professional experience and maturity of the team are closely correlated with the organizational culture of the institution, as compliance with the latter contributes to the formation of beliefs, principles and priorities of teachers and students. Based on the results of the research, the following conclusions were formulated: the existing types of cultures are chosen depending on the mentality of the people, where it is incorporated – in Russian realities, the synthesis of cultures of the organization is most relevant, in which the "role-playing" is dominant.

Keywords: self-regulation, self-organization, organizational culture, educational institution, teacher, Harrison's typology, role culture

For citation: Asafyeva N.V., Zhukov P.S. Role of self-organization and self-regulation in the organizational culture of teachers of modern educational institutions. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 179 – 183.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 12, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

До начала 1980-х годов на мировом рынке труда преобладало мнение, что устоявшаяся стратегия действий, а также существующая организационная структура являются модифицируемыми элементами, изменения в которых наилучшим образом характеризуют организацию. Однако впечатляющий успех японских предприятий (ранее дефинируемых как «производители низкосортного товара» и «средоточие некомпетентных специалистов») на американском рынке вызвал большой интерес к специфике организационной культуры [10, p. 27].

Сквозь призму эмоционального самопонимания (саморегуляции), и самоорганизацию (способности к релевантному распределению сил, тайм-менеджменту, целеполаганию, планированию, контролю выполняемых действий и рефлексии) формируется социально-эмоциональная компетентность. Данные качества гармонируют с организационной культурой учреждения, являющейся также концептуальным интегративным единством деятельности и личностного развития обучающего лица.

Материалы и методы исследований

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы: анализ, синтез, систематизацию и обобщение полученных результатов.

Результаты и обсуждения

Осознание того факта, что организация занимает человека в целом, а не только его профессиональные навыки, привело к тому, что нематериальные ресурсы и так называемые «мягкие» концепции управления, среди которых организационная культура часто упоминается на первом месте, приобрели важное значение [10, p. 27]. Фундаментом организационной культуры образовательного

учреждения стала совокупность моделей внутренних и межличностных устойчивых и значимых связей в коллективе, «отношений работников к материальным и нематериальным ценностям, а также специфических моделей поведения, созданных организацией в ходе адаптации к условиям внешней среды и принимаемых большинством членов данной организации» (определение А.О. Блинова) [2, с. 18; 7, с. 612]. Соответственно, организационная культура – это основной потенциал будущего учебного учреждения и фактор, формирующий конкурентное положение среди остальных учреждений аналогичного характера.

В настоящее время организационная культура интерпретируется не только как механизм сплочения сотрудников, но и как важный стратегический источник с экономическим аспектом [10, p. 27]. Более того, данная культура способна обеспечивать высокий уровень развития школьной организации, поэтому ее четкость и отлаженность являются свидетельством зрелости и опытности коллектива, а также высокого качества управления.

В данной статье доминирующим определением исследуемого понятия выступает интерпретация организационной культуры А.М. Моисеева (2008), согласно которой под обозначенной дефиницией подразумевается «совокупность реально действующих, бытующих в организации ценностей, традиций, обычаев, ритуалов, поведенческих привычек, правил общения и взаимодействия» [5, с. 63; 3, с. 42].

Согласно исследованиям Е.В. Яковлевой (2020), организационная культура тесно взаимосвязана с саморегуляцией, в основе которой «мотивация к управлению собственными эмоциями, чувствами, переживаниями и поведением» [8, с. 63]. От данных коррелятов зависят: (а) качество учебной деятельности, которое может обеспечи-

вать педагог; (б) атмосфера в образовательном учреждении в целом, и микроклимат в классе в частности; (в) желание аудитории обучаться и самообучаться далее на протяжении всей своей жизни. Более того, как подчеркивают А. Гурбанова Кызы Фуад и А. Касаева Васифа Кызы (Gurbanova Qizi Fuad, Kasayeva Vasif Qizi 2025), повышение когнитивной и эмоциональной компетентности помогает снижать стресс, связанный с работой, и повышать эффективность преподавания [9, р. 11].

Педагогическая деятельность в современных общеобразовательных учреждениях требует от сотрудников «высокого уровня активности, основанного на способности к самоконтролю, самоуправлению, принятию оптимальных профессиональных решений» [8, с. 63], так как эмоциональный контроль, стратегии управления и регуляция эмоций служат повышению эффективности преподавания [9, р. 12].

Нормы поведения, способы действий и ценности, которые разделяет большинство членов коллектива образовательной организации в современной реальности, существенно отличаются от тех, которые преобладали в доцифровой эпохе. С момента активного включения в жизнь обучающихся и обучающихся мобильных устройств и интернета самоорганизация и саморегуляция стали в некоторой степени зависеть от:

(1) воздействия на психику времяпрепровождения и контента цифровой реальности, в т.ч. подверженности деструктивному воздействию негативного трафика. Как подчеркивает в своих исследованиях В.А. Романова (2024), «виртуальная среда может формировать поведение и эмоциональное состояние пользователей» [6, с. 1483]: в социальных сетях люди делятся подробностями своей жизни, в т.ч. педагоги и обучающиеся, в результате чего в период общения по учебным вопросам через образовательные платформы из-за намеренно создаваемых идеализированных образов данный контент может вызвать у обеих сторон чувство неполноценности или жадности [6, с. 1481], заставить думать не о самоорганизации, а сменить планы и мысли на другую деятельность, выходящую за рамки учебного процесса.

Помимо этого, существует угроза «интернет-зависимости», которая также распространяется на пользование мобильными устройствами, наличием у всех участников учебной деятельности: обучающие могут нарушать течение и структуру занятий из-за данной проблемы, что негативно воздействует на мотивацию и эмоциональный потенциал педагога – в результате происходит де-

структуризация личности, выводящая ее за рамки организационной культуры учебного заведения.

(2) целесообразности включения в организационный и учебный процесс информационных технологий и различных инструментов электронного обучения: мобильных устройств, приложений, в т.ч. таких обучающих платформ, как, например, Учи.ру, «Открытое образование», *Duolingo* и др. или программ для обмена учебной информацией: «Сферум», «Юрайт», «Алгоритмика» и т.д.;

(3) организационной культуры общественного учреждения, которая или учла и детально рассмотрела все нюансы использования цифровых устройств, или не приняла во внимание либо подошла к данной проблематике чрезмерно общо, из-за чего педагогический состав должен на свое усмотрение контролировать и регулировать интеграцию в учебный процесс всех инноваций, которые связаны с интернет-ресурсами и их источником (компьютер, планшет, телефон и пр.).

Данные тенденции и их последствия коррелируют с организационной культурой, которая либо способствует совершенствованию самоорганизации и саморегуляции педагогов, либо действует на них негативно. В основе организации «социальная регуляция общества как системы, а саморегуляция базируется на основе самоорганизации как особого вида организации, связанной с внутренними причинами» [1, с. 7].

Для более детального представления эффективности той или иной культуры учебной организации актуально обратиться к **типологии Харрисона** [10, р. 33]:

1. Первый тип (**«Ролевая культура»**) характерен конформизмом, строгим распределением ролей среди участников учебного процесса и системой иерархии. Согласно данному типу культуры педагог следует четко обозначенным и описанным регламентам (чаще всего – это должностная инструкция) – полное соответствие заданным характеристикам и критериям позволяет оценивать уровень компетенции сотрудника как высокий, между тем уменьшается значение его самоорганизации, саморегуляции, инициативности, креативности и навыков принятия самостоятельных решений. Социальным эквивалентом ролевой культуры является авторитарный тип руководства.

2. Организационная культура **«Ордена»**, фундаментом которой становятся **власть и сила**: учреждение ориентировано на ценности, представления, ожидания центрального руководителя. Основной целью каждого педагога при такой культуре являются рост и развитие – в

российских реалиях данными ориентирами чаще всего руководствуются инновационные учебные заведения. Как следствие, для «выживания» педагога в такой атмосфере требуется высокий уровень самоорганизации и саморегуляции.

3. Организационная культура «Сверхзадачи», ориентированная на решение проблем: в основе данного типа культуры коллективный метод работы. Принятие окончательных решений остается за педагогом, взявшим на себя ответственность за выполнение поставленной перед командой задачи.

Самоорганизация и саморегуляция в контексте русской ментальности при таком типе организационной культуры существенно снижается, т.к. вследствие чрезмерного превалирования обсуждений чаще всего является аморфной и медлительной. При этом не выражена иерархия и нет строгих рамок ответственности (нет четкого представления и дифференцирования тех, кто отвечает за конкретный блок работы, т.к. эти лица часто меняются друг с другом).

Вследствие того, что основной процент россиян воспитан в ролевой культуре, для педагогов отечественных учебных учреждений проблематично использовать в своей профессиональной среде культуру «Сверхзадачи». К тому же руководитель организации при таком типе работы команды чувствует свою роль как лидера ослабленной, с заниженным авторитетом. При этом его система стимулов и поощрений оказывается малоэффективной, т.к. команды, решающие задачу, часто тяготеют к замкнутости и не обмениваются с другими группами информацией, имеют низкую степень управляемости, что затрудняет выполнение проекта.

4. Организационная культура, **ориентированная на людей** – их личные достижения и профессиональную компетентность.

Отсутствие стабильного формального и неформального профессионального общения между педагогами снижает процент самоорганизации и саморегуляции каждого из них, т.к. наблюдается большой разброс в уровнях личных профессиональных достижений специалистов: высокая компетентность одних умалет успехи и снижает самооценку других – тех, кто не смог реализовать свой потенциал из-за психоэмоциональной подав-

ленности, зависти или ревности, развитых на фоне высоких профессиональных результатов более компетентных коллег. А именно, в русской культуре принято скрывать свои достижения, т.к. ценятся сдержанность и скромность. При этом чем выше статус и больше наград у человека, тем меньше сочувствующих людей с ним остается рядом и тем больше появляется завистников и недоброжелателей, поэтому такой тип организационной культуры для педагогов Российской Федерации нерелевантен.

Несмотря на то, что основной задачей руководителя при таком типе организационной культуры является повышение личной компетентности каждого члена учебного учреждения и его продвижение по карьерной лестнице путем самоорганизации и саморегуляции сотрудника, чаще всего это все реализовывается с лицами, кто импонирует по тем или иным причинам руководству, а также приближен к нему по родственным или дружественным связям. Русская культура полихромна – это заставляет педагогический состав интуитивно защищать и продвигать интересы «своих», и ставить препятствия «чужим» (например, тем, кто только пришел работать в учреждение, кто не вписывается в стереотипное представление коллектива о нормах поведения, профессиональной компетенции и методах преподавания, имеет расходящиеся с методами и представлениями остальных свои наработки и т.д.).

Основные члены организации при таком типе культуры в российских реалиях поддерживают оценку и тип отношения к кому-либо, сформированные руководством, соответственно, одни педагоги часто занимают лидирующие позиции, отодвигая на задний план других сотрудников не зависимо от их личных и профессиональных качеств.

Выводы

В учебных учреждениях редко встречается только один строго регламентируемый тип организационной культуры – чаще всего все четыре типа синтезируются в уникальную оригинальную культуру. Между тем, в российской действительности доминирующим типом является «Ролевая», которая формирует определенные навыки самоорганизации и саморегуляции, однако, не придает им должного значения.

Список источников

1. Бандурин А.П. Корпоративная культура и корпоративное право в саморегуляции и организации системы социальной регуляции России // Общество и право. 2007. № 2 (16). С. 6 – 12.
2. Блинов А.О. Теория организации и организационное поведение (теория и практика). Москва: КНОРУС, 2016. 284 с.

3. Жиркова З.С. Позиционная модель формирования организационной культуры образовательного учреждения // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 1. С. 41 – 45.
4. Ибрагимов Н.Г. Специфика развития мобильных умений самоорганизации студента в интерактивной образовательной среде // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6-3 (96). С. 50 – 53.
5. Моисеев А.М., Моисеева О.М. Основы стратегического управления школой. Москва: Центр пед. образования, 2008. 251 с.
6. Романова В.А. Психологические аспекты влияния интернета на психику человека // Вестник науки. 2024. № 12 (81). С. 1480 – 1485.
7. Хамзатова М.Ш. Основные подходы к определению сущности организационной культуры учителя // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №81-2. С. 611 – 614.
8. Яковлева Е.В. Профессиональная саморегуляция педагогов: структура, этапы формирования и адаптационные возможности // Высшее образование сегодня. 2020. № 4. С. 63 – 67.
9. Gurbanova Qizi Fuad A., Kosayeva Vasif Qizi A. The Role of Cognitive and Social Skills in Teachers' Self-Regulation. Health and Society. 2025. № 5 (01). P. 12 – 26. <https://doi.org/10.51249/hs.v5i01.2382>
10. Klat K., Matejun M. identifying and Evaluating Organizational Culture by Young Managers. In book: Managing the Potential of Small and Medium-Sized Enterprises in Business Practice. Publisher: Technical University of Lodz Press. Editors: M. Matejun. 2010. P. 27 – 53.

References

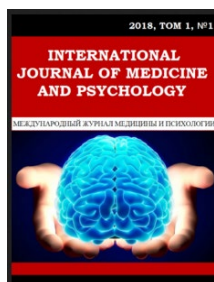
1. Bandurin A.P. Corporate culture and corporate law in self-regulation and organization of the social regulation system of Russia. Society and Law. 2007. No. 2 (16). P. 6 – 12.
2. Blinov A.O. Theory of organization and organizational behavior (theory and practice). Moscow: KNORUS, 2016. 284 p.
3. Zhirkova Z.S. Positional model of formation of organizational culture of educational institution. Bulletin of Buryat State University. 2011. No. 1. P. 41 – 45.
4. Ibragimov N.G. Specifics of development of mobile skills of student self-organization in an interactive educational environment. International Research Journal. 2020. No. 6-3 (96). P. 50 – 53.
5. Moiseev A.M., Moiseeva O.M. Fundamentals of Strategic School Management. Moscow: Center for Pedagogical Education, 2008. 251 p.
6. Romanova V.A. Psychological Aspects of the Influence of the Internet on the Human Psyche. Science Bulletin. 2024. No. 12 (81). P. 1480 – 1485.
7. Khamzatova M.Sh. Basic Approaches to Defining the Essence of a Teacher's Organizational Culture. Problems of Modern Pedagogical Education. 2023. No. 81-2. P. 611 – 614.
8. Yakovleva E.V. Professional Self-Regulation of Teachers: Structure, Stages of Formation, and Adaptation Capabilities. Higher Education Today. 2020. No. 4. P. 63 – 67.
9. Gurbanova Qizi Fuad A., Kosayeva Vasif Qizi A. The Role of Cognitive and Social Skills in Teachers' Self-Regulation. Health and Society. 2025. № 5 (01). P. 12 – 26. <https://doi.org/10.51249/hs.v5i01.2382>
10. Klat K., Matejun M. Identifying and Evaluating Organizational Culture by Young Managers. In book: Managing the Potential of Small and Medium-Sized Enterprises in Business Practice. Publisher: Technical University of Lodz Press. Editors: M. Matejun. 2010. P. 27 – 53.

Информация об авторах

Асафьева Н.В., кандидат психологических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий, a197222@yandex.ru

Жуков П.С., аспирант, Уфимский университет науки и технологий, grp.d.ufa@mail.ru

© Асафьева Н.В., Жуков П.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Байрамкулова А.У.,

¹ Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева

Креативность как ресурс саморегуляции и адаптации психолога к изменяющимся условиям социальной среды

Аннотация: в условиях социальной нестабильности и неопределённости возрастает значимость креативности как внутреннего ресурса адаптации и устойчивости психолога. Настоящая статья посвящена изучению креативности как способности, обеспечивающей успешную саморегуляцию в постоянно изменяющейся профессиональной среде. Рассмотрены теоретические основания взаимосвязи креативности, произвольной саморегуляции и психологической адаптивности. Представлены результаты эмпирического исследования с использованием психодиагностических методик. Обоснована гипотеза о том, что высокий уровень креативности у психологов сопровождается выраженными регуляторными способностями и адаптивными стратегиями поведения. Полученные результаты могут быть применимы в подготовке, сопровождении и поддержке специалистов помогающих профессий, работающих в условиях высокой динамичности и социальной неопределённости. В статье рассматривается креативность как значимый личностный ресурс, способствующий адаптации специалиста к изменениям профессиональной среды. Показано, что высокая креативность может выступать основанием для произвольной саморегуляции, устойчивости к внешнему давлению и способности действовать в ситуации неопределённости. В теоретическом обзоре обоснована связь между адаптивным поведением, регуляторными механизмами личности и творческими способностями. Эмпирическое исследование подтвердило наличие положительной зависимости между уровнем креативности и выраженностью саморегуляции у практикующих психологов. Сделан вывод о том, что развитие креативности может служить эффективным направлением психопрофилактической работы с людьми «помогающих» профессий.

Ключевые слова: креативность, саморегуляция, адаптация, устойчивость, профессиональное развитие, психолог, ситуация неопределённости, психологическая поддержка, стресс, эмоциональное выгорание, психологическое здоровье

Для цитирования: Байрамкулова А.У. Креативность как ресурс саморегуляции и адаптации психолога к изменяющимся условиям социальной среды // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 184 – 190.

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Bayramkulova A.U.,
¹ Umar Aliev Karachay-Cherkess State University

Creativity as a resource for self-regulation and adaptation of a psychologist to changing conditions of the social environment

Abstract: In conditions of social instability and uncertainty, the importance of creativity as an internal resource for adaptation and stability of a psychologist increases. This article is devoted to the study of creativity as an ability that ensures successful self-regulation in an ever-changing professional environment. The theoretical foundations of the relationship between creativity, voluntary self-regulation and psychological adaptability are considered. The results of an empirical study using psychodiagnostic techniques are presented. The hypothesis is substantiated that a high level of creativity in psychologists is accompanied by pronounced regulatory abilities and adaptive behavior strategies. The results obtained can be applied in the training, support and support of specialists in helping professions working in conditions of high dynamism and social uncertainty. The article considers creativity as a significant personal resource that helps a specialist adapt to changes in the professional environment. It is shown that high creativity can serve as the basis for arbitrary self-regulation, resistance to external pressure and the ability to act in a situation of uncertainty. The theoretical review substantiates the relationship between adaptive behavior, regulatory mechanisms of personality and creative abilities. Empirical research has confirmed the existence of a positive relationship between the level of creativity and the severity of self-regulation among practicing psychologists. It is concluded that the development of creativity can serve as an effective direction of psychoprophylactic work with people of "helping" professions.

Keywords: creativity, self-regulation, adaptation, resilience, professional development, psychologist, uncertainty situation, psychological support, stress, emotional burnout, psychological health

For citation: Bayramkulova A.U. Creativity as a resource for self-regulation and adaptation of a psychologist to changing conditions of the social environment. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 184 – 190.

The article was submitted: April 15, 2025; Approved after reviewing: June 12, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Современное общество характеризуется высоким уровнем неопределённости, нестабильности и постоянными изменениями в профессиональной среде. В условиях стремительно трансформирующегося мира труда особую актуальность приобретает исследование индивидуальных ресурсов личности, способствующих адаптации специалиста к вызовам профессиональной среды. Одним из таких ресурсов выступает креативность, позволяющая находить нестандартные решения и гибко реагировать на внешние изменения. Наряду с креативностью важную роль в адаптационных процессах играет произвольная саморегуляция, обеспечивающая целенаправленное поведение, контроль действий и устойчивости к стрессовым ситуациям.

Практикующие психологи находятся в зоне профессионального риска, связанного с эмоциональной перегрузкой, высокой степенью ответственности и необходимостью принятия решений в условиях неопределённости. В таких условиях особенно значимы когнитивные и личностные характеристики, которые могут выступать внутренними опорами в профессии. Креативность в дан-

ном контексте рассматривается как важный психологический ресурс, способствующий не только эффективной профессиональной деятельности, но и адаптации к меняющимся условиям. Произвольная саморегуляция, в свою очередь, обеспечивает устойчивость, способность к планированию, рефлексии и самоконтролю, что критически важно для профессионального функционирования психолога.

Научный интерес вызывает исследование взаимосвязи между креативностью и уровнем саморегуляции как предикторов адаптационного потенциала специалиста. Понимание механизмов данной связи позволит уточнить структуру профессиональной устойчивости, а также разработать более точные рекомендации по поддержке и развитию специалистов в помогающих профессиях. Это особенно актуально в период постпандемических и социокультурных трансформаций, когда психологи работают в условиях повышенной неопределённости и социальной нестабильности.

Научная новизна исследования заключается в акценте на креативности как ресурсе профессиональной адаптации, а также в попытке связать

проявления креативности с произвольной саморегуляцией и устойчивостью специалиста. Практическая значимость состоит в возможности интеграции результатов в подготовку и сопровождение специалистов в сфере психологического консультирования, образования и клинической практики.

Актуальность и степень разработанности проблемы заключается в следующем. Современная профессиональная деятельность характеризуется высокой степенью неопределённости, что особенно ярко проявляется в условиях социальных, экономических и технологических трансформаций. Психологи, работающие в помогающих профессиях, ежедневно сталкиваются с необходимостью быстрой адаптации к меняющимся требованиям, эмоциональным нагрузкам и множественным вызовам. В этих условиях устойчивость и профессиональная адаптивность специалиста перестают быть факультативными качествами - они становятся системными ресурсами сохранения эффективности и психологического здоровья.

Одним из центральных компонентов, обеспечивающих успешное функционирование специалиста в ситуации неопределённости, выступает способность к саморегуляции. Однако традиционное понимание саморегуляции как произвольного контроля поведения и эмоций требует расширения: всё чаще она рассматривается как интегративная система личностных ресурсов, включающая в себя мотивационные, когнитивные и поведенческие элементы.

Параллельно с этим, в научном и прикладном дискурсе возрастает интерес к креативности не только как способности к нестандартному мышлению, но и как к адаптивному потенциалу личности. Креативность в этом контексте рассматривается как инструмент продуктивного выхода из неопределённых, конфликтных и неоптимальных профессиональных ситуаций. Вместе с тем, взаимосвязь между креативностью и способностью к адаптации через саморегуляцию остаётся до конца не прояснённой и требует дальнейшего осмысления.

Таким образом, научный интерес к исследованию роли креативности в системе личностных адаптивных ресурсов, опосредуемой механизмами саморегуляции, представляется обоснованным и актуальным для современной психологии профессионального развития.

Материалы и методы исследований

Целью данной научной статьи является изучение взаимосвязи между уровнем развития креативности и способностью к произвольной саморегуляции как личностным ресурсом адаптации пси-

холога к условиям профессиональной неопределённости.

В рамках поставленной цели были определены следующие задачи:

- раскрыть понятие креативности в контексте адаптивного потенциала личности;
- охарактеризовать феномен саморегуляции как систему внутренних регуляторов устойчивости и адаптации;
- обозначить теоретические основания для рассмотрения креативности и саморегуляции в едином адаптивном контексте;
- провести эмпирическое исследование взаимосвязи уровней креативности и саморегуляции;
- выделить практические рекомендации по поддержанию адаптивности у психологов.

На основании цели и задач данного исследования, мы предполагаем, что высокий уровень креативности у практикующих психологов будет позитивно коррелировать с выраженной произвольной саморегуляцией, а их сочетание формирует основу устойчивой адаптации к изменяющимся профессиональным условиям.

Современные профессиональные контексты характеризуются высокой степенью неопределённости, нестабильности и сложности, что требует от специалистов постоянной гибкости мышления, инициативности и способности к нетривиальным решениям. В этой связи креативность рассматривается не просто как особенность мышления, а как адаптивный ресурс, обеспечивающий успешную самореализацию личности в быстро меняющейся профессиональной среде.

М.А. Рунко подчёркивает, что креативность является неотъемлемым компонентом психологической устойчивости, поскольку позволяет формировать альтернативные сценарии действий в новых условиях [11]. Э.Ф. Зеер связывает креативность с личностной мобильностью, открытостью опыту и способностью к смысловой переработке профессиональных затруднений [6]. Д.А. Леонтьев акцентирует внимание на смысловой креативности, как способности личности к порождению индивидуальных смыслов и стратегий в неопределённых ситуациях, что особенно актуально для представителей помогающих профессий [8].

Исследования Е.Ю. Березиной показали, что высокий уровень креативности связан с активным использованием копинг-стратегий, таких как переоценка, поиск социальной поддержки и планирование [4]. Это подтверждает роль креативности в регуляции эмоционального состояния и в выборе конструктивных форм адаптации. Аналогичные выводы представлены в статье В.В. Цымбала и Т.В. Осиповой, где подчёркивается значимость

креативного мышления в условиях неопределённости как условия формирования продуктивных жизненных стратегий [14].

Так, креативность можно рассматривать как центральный компонент адаптивного поведения профессионала в условиях профессиональной турбулентности.

В условиях высокой вариативности профессиональной среды важнейшую роль приобретает способность личности к саморегуляции. Под саморегуляцией понимается система внутренних процессов, направленных на целенаправленное управление поведением, эмоциональным состоянием и когнитивной активностью субъекта в соответствии с актуальными задачами [10]. Данный феномен рассматривается как ключевой механизм психологической устойчивости, ресурс личностной и профессиональной адаптации.

Согласно концепции В.И. Моросановой, саморегуляция охватывает мотивационные, волевые и рефлексивные компоненты и обеспечивает произвольную активность субъекта в процессе решения профессиональных и жизненных задач. И.Н. Бондаренко подчёркивает значимость произвольной саморегуляции для формирования профессиональной идентичности и устойчивости к стрессу, особенно в условиях неопределённости и дефицита внешней поддержки.

А.В. Мещерякова, изучая взаимосвязь саморегуляции и креативности, отмечает, что высокий уровень осознанной регуляции способствует более успешной адаптации и позволяет реализовать творческий потенциал личности в профессиональной сфере [10]. Это согласуется с выводами Е.Ю. Березиной, показывающей роль саморегуляции в активизации позитивных копинг-стратегий и способности к конструктивной адаптации [4].

Таким образом, саморегуляция выступает не только как психический процесс, но и как интегральный личностный ресурс, позволяющий эффективно справляться с вызовами современной профессиональной реальности и сохранять функциональность в условиях нестабильности.

Психологическая практика предъявляет высокие требования к гибкости мышления психолога, способности к принятию нестандартных решений и быстрой адаптации в условиях неопределённости. В этом контексте креативность рассматривается как важный адаптивный потенциал профессионала, обеспечивающий продуктивное взаимодействие с изменяющейся социальной средой.

Согласно модели М.А. Рунко, креативность не ограничивается генерацией идей, но включает в себя умение трансформировать нестабильность в продуктивные стратегии [11]. Креативный психо-

лог способен быстро перестраиваться, видеть альтернативные пути взаимодействия с клиентом, выбирать индивидуальные методы работы. По мнению многих ученых, именно это свойство оказывается значимым для поддержания устойчивости в профессии [7, 13]. По мнению А.В. Мещеряковой, креативное мышление напрямую связано с успешной адаптацией студентов и специалистов, поскольку расширяет поведенческий репертуар.

Результаты и обсуждения

Целью эмпирического этапа исследования стало выявление взаимосвязи между уровнем креативности и выраженностью саморегуляторных стратегий у практикующих психологов, работающих в условиях профессиональной неопределённости. Гипотеза заключалась в предположении, что высокий уровень креативности способствует более эффективной саморегуляции, выступая ресурсом адаптации к динамичным требованиям профессиональной среды.

Выборку составили 36 специалистов с психологическим образованием, имеющих стаж практической деятельности от 3 до 15 лет. Участники представляли различные направления консультирования (семейное, арт-терапевтическое, гештальт, клиническое), объединённые опытом работы в ситуации неопределённости (в условиях перехода в онлайн, смены клиентских запросов, нестабильности дохода). Исследование носило констатирующий характер, соблюдались этические стандарты конфиденциальности и добровольного участия.

Для проведения исследования были отобраны методики, соответствующие цели выявления взаимосвязи между уровнем креативности и саморегуляции как адаптивного ресурса личности психолога. При этом особое внимание было уделено тем подходам, которые сочетают академическую валидность с практической применимостью.

Основным инструментом оценки саморегуляции выступил опросник саморегуляции поведения в профессиональной деятельности (ССМП), разработанный В.И. Моросановой и И.Н. Бондаренко [10]. Методика охватывает такие компоненты, как целеполагание, планирование, моделирование, программирование действий и контроль, что позволяет оценить уровень произвольной саморегуляции, актуальный в условиях профессиональной неопределённости.

Оценка адаптационных возможностей проводилась с использованием авторского метода «Ключ» Х.М. Алиева, ориентированного на тренировку осознанного управления состоянием и снижению уровня психоэмоционального напряжения [1]. Несмотря на телесно-ориентированный характер методики, её компоненты (ритмодинами-

ческие и когнитивно-смысловые упражнения) способствуют развитию регуляторной гибкости и устойчивости в профессиональной деятельности.

Дополнительным ориентиром в интерпретации данных выступили подходы М. Е. Сандомирского, включающие практики нейрофизиологической саморегуляции, активизации парасимпатического ответа и снижения стрессовой нагрузки через осознанную работу с телом и вниманием [12]. Хотя предложенные им техники не оформлены в виде стандартизированного теста, они широко используются в психотерапевтической и тренинговой практике специалистов.

Эмпирическое исследование проводилось на выборке из 36 практикующих психологов с разным стажем и специализацией. Анализ данных, полученных с помощью опросника ССМП (В. И. Моросанова, И. Н. Бондаренко), показал, что 40 % респондентов обладают выраженным уровнем произвольной саморегуляции, тогда как 43 % демонстрируют средний уровень, и только 17 % – низкий. Наиболее развитые компоненты у высоко-регулируемых испытуемых – целеполагание и моделирование профессиональных ситуаций, тогда как слабые – программирование и контроль.

Использование метода «Ключ» Х.М. Алиева как инструмента тренировки показало, что у испытуемых, регулярно практикующих данный подход, показатели саморегуляции оказались выше на 12 % в среднем по шкале ССМП. Участники отмечали субъективное повышение концентрации и снижение тревожности при выполнении профессиональных задач.

В рамках сопоставления уровней саморегуляции с данными о креативности (по данным диссертационного исследования автора и теоретическим положениям М. Рунко и Д.А. Леонтьева) была установлена устойчивая положительная корреляция между произвольной регуляцией и креативным мышлением. Психологи с высоким уровнем саморегуляции чаще демонстрировали гибкость мышления, нестандартные подходы и способность к быстрому перестраиванию в сложных профессиональных ситуациях.

В свою очередь, высокий уровень креативности оказался связан с более благополучными показателями адаптации, что подтверждено обобщением качественных и количественных данных.

Таким образом, выявлен ряд взаимосвязей: саморегуляция способствует развитию креативности, а креативность, в свою очередь, является ресурсом адаптации в условиях профессиональной неопределённости.

Выводы

Полученные результаты подтверждают гипоте-

зу о том, что креативность является важным адаптивным ресурсом психолога в условиях профессиональной неопределённости. Высокий уровень саморегуляции, зафиксированный у части респондентов, обеспечивает когнитивную гибкость и эмоциональную устойчивость — именно эти качества способствуют генерации оригинальных решений и успешной адаптации к изменяющимся условиям деятельности.

Проведённое исследование позволило установить, что креативность выступает значимым адаптивным потенциалом личности психолога. В условиях профессиональной неопределённости способность к творческому мышлению и гибкому реагированию на нестандартные ситуации становится необходимым условием устойчивости и эффективности в работе.

Результаты диагностики подтвердили гипотезу о наличии взаимосвязи между уровнем креативности и выраженностью произвольной саморегуляции. Психологи с высокими показателями саморегуляции демонстрировали не только способность к конструктивной адаптации, но и высокую степень когнитивной гибкости, что позволяет рассматривать саморегуляцию как опосредующий механизм, способствующий проявлению креативности.

Использование методик Х.М. Алиева и М.Е. Сандомирского подтвердило эффективность телесно-ориентированных и психофизиологических техник в повышении осознанности, эмоционального контроля и устойчивости, что в свою очередь укрепляет базу для креативного функционирования в профессиональной среде.

На основе проведённого анализа можно рекомендовать интеграцию практик произвольной саморегуляции (метод «Ключ», телесно-ориентированные техники) в профессиональное обучение и психологическое сопровождение специалистов помогающих профессий. Эти практики способствуют не только снижению стресса, но и развитию условий, благоприятных для креативной деятельности.

Включение диагностики уровня саморегуляции и креативности в программы профотбора и супервизии позволит своевременно выявлять риски профессионального выгорания, снижения адаптивности и креативной продуктивности. Современная профессиональная среда требует не только устойчивости, но и способности к созданию новых решений — именно это обеспечивает синтез креативности и регуляторных ресурсов [2, 3, 5].

Будущие исследования могут быть направлены на более детальное изучение механизмов взаимодействия между уровнями саморегуляции, эмоциональной устойчивостью и креативностью в раз-

личных профессиональных группах. Представляет интерес также анализ гендерных и возрастных различий в адаптационных стратегиях у специалистов с разной степенью творческого потенциала. Кроме того, перспективным направлением является эмпирическое сравнение различных авторских методик саморегуляции и их влияния на когнитивно-креативные процессы, что позволит уточ-

нить и дополнить существующие модели профессиональной устойчивости.

Таким образом, креативность выступает не только когнитивным ресурсом, но и личностной опорой в профессиональной деятельности психолога, позволяющей ему не только адаптироваться, но и развиваться в условиях перемен.

Список источников

1. Алиев Х.А. Психология устойчивости личности: синхрометод. М.: Юрайт, 2019. 267 с.
2. Антипина О.И., Семенова Ф.О. Влияние уровня социального интеллекта врача на выбор стратегии поведения в неопределенной ситуации // Актуальные проблемы науки и техники. 2021: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 17-19 марта 2021 года. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2021. С. 423 – 425.
3. Байрамкулова А.У. Креативность как профессионально важное качество психолога // Алиевские чтения: Материалы научной сессии, Карачаевск, 15-20 апреля 2024 года. Карачаевск: Карачаево-черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2024. С. 25 – 30.
4. Березина Е.Ю. Креативность и копинг-стратегии как ресурсы устойчивости в изменяющейся социальной среде // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2023. Т. 16. № 2. С. 47 – 55.
5. Бостанова С.Н., Боташев О.А. Эмоциональная компетентность в структуре эмоциональной саморегуляции студентов-психологов // Психология личностного взаимодействия в современном обществе: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Армавир, 12 апреля 2023 года / Под общей редакцией И.В. Ткаченко. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. С. 185 – 189. DOI 10.31483/r-106038
6. Зеер Э.Ф. Психология профессий: учебное пособие. М.: Академический проект, 2020. 336 с.
7. Кузьмин Е.С., Васина А.И., Чернышев К.С. Развитие саморегуляции и стрессоустойчивости у специалистов помогающих профессий // Вестник практической психологии образования. 2022. № 3. С. 41 – 49.
8. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2011. 511 с.
9. Мещерякова А.В. Взаимосвязь креативности и адаптивности у студентов медицинского вуза // Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. 2022. № 11 (68). С. 113 – 118.
10. Моросанова В.И., Бондаренко И.Н. Саморегуляция и личностные ресурсы профессиональной деятельности. М.: Когито-Центр, 2015. 320 с.
11. Рунко М.А. Креативность: теория, исследования, применение. М.: Смысл, 2014. 480 с.
12. Сандомирский М.Е. Психосоматика и телесная психотерапия: пособие для врачей и психологов. М.: Институт психотерапии, 2021. 248 с.
13. Семенова Ф.О. Социально-психологические предпосылки женской профессионализации в России и её влияние на жизнь и деятельность женщин // Имидж женщины-матери как фактор интеграции многополярного мира: Материалы VIII Международного женского конгресса, Черкесск, 17-19 мая 2024 года. Москва: Академия имиджологии, 2024. С. 138 – 147.
14. Цымбал В.В., Осипова Т.В. Психологическая адаптация и жизненные стратегии личности в условиях неопределенности // Психологическая наука и образование. 2022. № 5. С. 72 – 84.

References

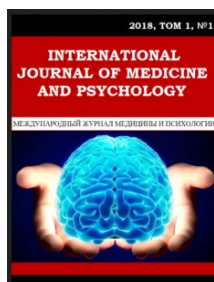
1. Aliev H.A. Psychology of personality stability: a synchromethod. Moscow: Yurait, 2019. 267 p.
2. Antipina O.I., Semenova F.O. The influence of the level of social intelligence of a doctor on the choice of a behavior strategy in an uncertain situation. Actual problems of science and technology. 2021: Proceedings of the All-Russian (national) scientific and practical conference, Rostov-on-Don, March 17-19, 2021. Rostov-on-Don: Don State Technical University, 2021. P. 423 – 425.
3. Bayramkulova A.U. Creativity as a professionally important quality of a psychologist. Aliev readings: Materials of a scientific session, Karachayevsk, April 15-20, 2024. Karachayevsk: Karachay-Karabakh State University named after U.D. Alieva, 2024. P. 25 – 30.

4. Berezina E.Yu. Creativity and coping strategies as resources of sustainability in a changing social environment. Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 47 – 55.
5. Bostanova S.N., Botashev O.A. Emotional competence in the structure of emotional self-regulation of psychology students. Psychology of personal interaction in modern society: Collection of materials of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation, Armavir, April 12, 2023. Under the general editorship of I.V. Tkachenko. Cheboksary: Limited Liability Company "Publishing House" Sreda ", 2023. P. 185 – 189. DOI 10.31483 / r-106038
6. Zeer E.F. Psychology of professions: a tutorial. M.: Academicheskyy proekt, 2020. 336 p.
7. Kuzmin E.S., Vasina A.I., Chernyshev K.S. Development of self-regulation and stress resistance in specialists of helping professions. Bulletin of practical psychology of education. 2022. No. 3. P. 41 – 49.
8. Leontiev D.A. Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality. M.: Smysl, 2011. 511 p.
9. Meshcheryakova A.V. The relationship between creativity and adaptability in medical students. Modern scientific research: current issues, achievements and innovations. 2022. No. 11 (68). P. 113 – 118.
10. Morosanova V.I., Bondarenko I.N. Self-regulation and personal resources of professional activity. Moscow: Cogito-Center, 2015. 320 p.
11. Runko M.A. Creativity: theory, research, application. Moscow: Smysl, 2014. 480 p.
12. Sandomirsky M.E. Psychosomatics and body psychotherapy: a manual for doctors and psychologists. Moscow: Institute of Psychotherapy, 2021. 248 p.
13. Semenova F.O. Socio-psychological prerequisites for female professionalization in Russia and its impact on the life and work of women. The image of a woman-mother as a factor in the integration of a multipolar world: Proceedings of the VIII International Women's Congress, Cherkessk, May 17-19, 2024. Moscow: Academy of Imageology, 2024. P. 138 – 147.
14. Tsymbal V.V., Osipova T.V. Psychological adaptation and life strategies of an individual in conditions of uncertainty. Psychological science and education. 2022. No. 5. P. 72 – 84.

Информация об авторе

Байрамкулова А.У., аспирант, SPIN-код: 2686-4875, Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, aspirant.asya@mail.ru

© Байрамкулова А.У., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9.07

¹ Кудрявцева П.С.,

¹ Высшая школа психологии,

Тихоокеанский государственный университет

Развитие уровня рефлексии студентов посредством актёрского тренинга

Аннотация: в статье рассматривается развитие уровня рефлексии студентов через внедрение актерского тренинга в учебный процесс в течении полугода. Создана особая программа работы с занятиями актёрским тренингом два раза в неделю, а также внедрение элементов театрализации в учебные предметы студентов. Результатом занятий является постановка студентами спектакля на базе детского сада.

Проведено теоретическое исследование понятия рефлексия, её особенностей и способов развития. Представлено исследование уровня рефлексии личности студентов разных направлений через опросник рефлексивности Карпова до и после внедрения тренинга в учебный процесс на протяжении полугода. Доказано, что регулярные творческие занятия способствуют развитию рефлексии и рефлексивных навыков, что положительно сказывается на учебном процессе, принятии решений и креативном разрешении задач.

Ключевые слова: психология творчества, рефлексия, рефлексивные навыки, рефлексивность, актёрское мастерство, театральная деятельность, арт терапия, рефлексивная психология, педагогическая психология, театрализация

Для цитирования: Кудрявцева П.С. Развитие уровня рефлексии студентов посредством актёрского тренинга // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 191 – 198.

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Kudryavtseva P.S.,

¹ Higher School of Psychology,
Pacific State University

Development of students' reflection level through acting training

Abstract: the article discusses the development of students' reflection level through the introduction of acting training into the educational process for six months. A special program of work with acting training classes twice a week, as well as the introduction of theatricalization elements into students' academic subjects, has been created. The result of the classes is the staging of a performance by students at a kindergarten.

A theoretical study of the concept of reflection, its features and methods of development has been conducted. A study of the level of personal reflection of students of different fields is presented through Karpov's reflexivity questionnaire before and after the introduction of training into the educational process for six months. It has been proven that regular creative classes contribute to the development of reflection and reflexive skills, which has a positive effect on the educational process, decision-making and creative problem solving.

Keywords: psychology of creativity, reflection, reflexive skills, reflexivity, acting, theatrical activity, art therapy, reflexive psychology, educational psychology, theatricalization

For citation: Kudryavtseva P.S. Development of students' reflection level through acting training. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 191 – 198.

The article was submitted: April 15, 2025; Approved after reviewing: June 13, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Рефлексивные навыки играют важнейшую роль в формировании личности. Особенное значение они представляют для студентов, являясь фундаментом в их учебно-познавательной деятельности. Множество исследований касаются формирования этих навыков в университетской среде, однако основные вопросы всё ещё являются открытыми, так как большинство исследователей всё ещё не сходятся в определениях «рефлексии» и «рефлексивных умений». Это процесс осмысления и анализа человеком особенностей своего внутреннего мира: знаний и эмоций, целей, мотивов, установок.

Это достаточно позднее новообразование, в полной мере формирующееся у человека только к 9 годам. Она выступает сложным и неоднозначным в своих научных трактовках феноменом, а исследования рефлексивных проявлений не имеют единого результата. В основном становлению рефлексии как таковой и развитию её способствовали философские течения. Согласно Дж. Локку, «рефлексия представляет собой отражение, отклонение как перенос осознаваемых внутренних деятельностей души в сферу божественного, разумного» [13]. В философии начала XX века выделяются два основных направления в понимании и разработке проблемы рефлексии: как универсального способа анализа феноменов и содержания сознания (феноменология) и как источника и основания самосознания человека (экзистенциализм). В дальнейшем рефлексия способом понимания человеком собственного существования и мышления, а также того, как его мышление относится к миру внешних объектов. Сейчас это во многом междисциплинарные исследования на стыках психологии, философии, этнографии, социологии и прочих [8].

Само понятие «рефлексия» произошло от латинского *reflectio* – «отражение». Существуют так же два направления рефлексии: внутренняя и внешняя – интро и интер. Термин ввел в научный обиход французский философ Рене Декарт, который отождествлял его со способностью сосредоточиваться на содержании своих мыслей. Дальнейшая разработка этого понятия связана со взглядами философов Готфрида Лейбница и Джона Локка, в работах которых рефлексия тесно переплетена с процессом самопознания.

Существует множество вариантов классификации рефлексии, начиная с уровневой деления и заканчивая определенными видовыми формациями. Например, экспериментально были выделены быстрая рефлексия и фоновая рефлексия, их часто приравнивают друг к другу, однако, они работают по-разному. В соответствии с В.А. Лефевром, быстрая рефлексия – это, можно сказать, встроенный в психику человека «врожденный информационный процессор, функция которого состоит в автоматической генерации этих образов вместе с их субъективным миром. Работа такого «процессора» порождает специфический спектр человеческих реакций, никак сознательно не контролируемых и протекающих чрезвычайно быстро (одна-две миллисекунды). Этот вид рефлексии, в отличие от традиционной, был назван быстрой рефлексией» [12. с. 34]. Фоновая рефлексия же установлена В.П. Зинченко, он заметил, что «эффекты такой процессуальной фоновой рефлексии обнаружены не в конце действия и не в начале, а по ходу его протекания. Они случаются до трех-четырёх раз в секунду [6. с. 26-41]. В свою очередь, А.В. Карпов выделил одиннадцать направлений изучения рефлексии.

Отдельно следует упомянуть особенности организации рефлексивных умений личности, среди которых:

- Самооценка, уровень которой влияет на отношение человека к самому себе и к другим. Неадекватная самооценка искажает процесс рефлексии как восприятия и понимания процесса общения с другими;

- Дифференцированность представлений о себе, под влиянием которой человек способен замечать в других те качества, что замечает в себе, или хотя бы задумывается об их наличии. Восприятие других часто искажается из-за бессознательного проецирования теневых черт личности или, напротив, приписывание желательных, которыми сам человек хотел бы обладать;

- Умение использовать свои сильные черты как инструмент воздействия. Инструментальность в данном случае является маркером высокого уровня саморефлексии личности, которая способна осуществлять рефлексивный анализ событий, требований и осознанно влиять на свое саморазвитие [8].

Рефлексия способствует множеству иных психологических процессов, среди которых можно отметить: самопознание; обучение через анализ как личного, так и чужого опыта; управление стрессом и негативными эмоциями; целеполагание. Однако, существуют и мешающие рефлексии механизмы психики, среди которых отмечаются: личностные защитные механизмы; высокий уровень тревожности и склонность к непродуктивной «руминации»; пресыщенность информацией при отсутствии времени на её обработку; несформированный в связи с нарушением связи между матерью и ребенком навык соотношения внутреннего с внешним (отсутствие «остражения»).

Рефлексивные умения также во многом связываются со способностью замечать свои мысли, чувства, эмоции, анализировать свое поведение и принятые решения, и благодаря этому постоянно расти как в личностном, так и профессиональном плане. Это достаточно позднее новообразование, в полной мере формирующееся у человека только к 9 годам, хотя начало её зарождение некоторыми исследователями отмечается в возрасте двух месяцев: младенцы способны оценивать величину и удаленность показываемых им предметов. В этом лежит основа любого рефлексивного акта – соизмерить возможности с условиями достижения [10].

Существует разделение на внутреннюю и внешнюю рефлексия. Внутренняя рефлексия касается нас и наших пережитых чувств, эмоций и осознания своих собственных желаний и потребностей. Внешняя же рефлексия позволяет нам проанализировать и понять психику других людей и встать на место другого человека. И если мы посмотрим на то, как работает театр, именно так мы и создаем роль. Мы пытаемся поставить себя на место другого человека, воссоздать его повадки, черты, внутренний монолог и особенности речи. Стоит отметить, что даже здесь проявляются особые формации рефлексии, влияющие на разработку роли. Так, например, рефлексия протекает не в течение всего времени внутреннего диалога, а лишь в момент «прерывания непрерывного» – когда нет возможности продолжать прежнюю деятельность из-за задержки. В результате субъект вынужден прервать текущую деятельность и обратиться к её когнитивной оценке. В этом случае функция анализа состоит в том, чтобы выяснить причину возникшей остановки и найти иной вариант действия. В театральной терминологии похожие механизмы используют для описания так называемой «оценки» – процесса перехода из одного события в другое, в период которого человек отвлекается от одного действия, переосмысляет

его и оценивает, решая, как поступать далее. В оценке умирает предыдущее событие и рождается новое.

Можно заметить, что рефлексия связано с понятиями эмпатии, идентификации и проекции. Ведь эмпатия это также способность сопереживать чувствам человека. И чем лучше мы понимаем человека и его предпосылки поведения, тем в большей степени мы способны ему сочувствовать.

Театр и психология тесно связаны. Многие психологические упражнения являются пересмысленными театральными тренингами, и наоборот, а театр во многом обращался к древнеритуальным способам обучения через тело. В свою очередь древние ритуалы мы можем назвать самым старым способом психологической помощи.

Более того, многие упражнения из актерского тренинга основаны на ретроспективной рефлексии – анализу уже случившихся событий. В этом случае предметы рефлексии – предпосылки, мотивы и причины произошедшего. Метод беспредметного действия и этюды на действенную память опираются на опыт человека в прошлом и анализ привычных действий.

В театральной среде считается, что актером может быть лишь тонко чувствующий человек с высоким уровнем самоанализа, вниманием и наблюдательностью. Данные качества опосредованно можно считать проявлением высокорефлексивной личности. Главными критериями высокого уровня рефлексии принято считать:

- Способность человека осознавать первопричины и последствия своих поступков, просчитывать варианты разрешения ситуаций и выбирать наиболее подходящий план действий в соответствии с целями, которых добивается. Немаловажным является умение признавать свои ошибки и нести за них ответственность;

- Осознанное поведение и самодисциплина;

- Контроль над эмоциями и побуждениями, в следствии чего человек реже поддается импульсам.

В следствии изучения этих феноменов нами была выдвинута гипотеза: регулярные занятия актерским мастерством тренируют рефлексивные навыки и повышают уровень рефлексивных способностей личности.

Низкий уровень рефлексии, в свою очередь, проявляется в:

- Неспособности оценить влияние своих слов и поступков на других, как следствие нетактичность, невнимательность и подверженность сиюминутным эмоциям;

- Систематическое повторение одних и тех же ошибочных паттернов поведения, так как для критической оценки своих поступков требуется самоанализ;

- Высокий уровень наличия алекситимии, человеку сложно распознавать свои эмоции, как следствие регулировать их и объяснять причины их возникновения другим.

Материалы и методы исследований

В исследовании участвовали 56 студентов Тихоокеанского государственного университета города Хабаровска, группы гуманитарных специальностей (22 человека), технических специальностей (22 человека), а также студенты направления физической культуры (12 человек).

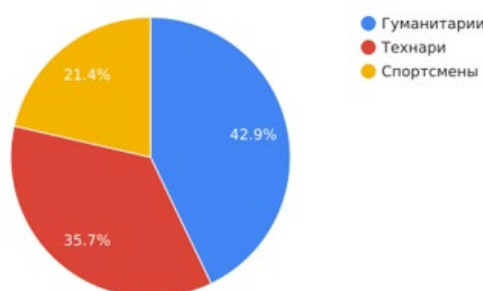

Рис. 1. Структура группы испытуемых.

Fig. 1. Structure of the test group.

Была создана авторская анкета, которая позволяла нам больше узнать о личности человека. Считает ли он себя творческим человеком, какими именно видами творчества занимается и с какой периодичностью. Всё это позволило произвести качественную выборку и получить более широкие данные.

Далее испытуемые проходили опросник рефлексивных способностей Карпова и опросник рефлексивного функционирования. Эти опросники позволили нам также оценить способность к рефлексии человека до программы театрального тренинга.

Результаты первого заполнения позволили сделать выводы, что к высокому уровню рефлексии больше были склонны личности, которые до этого занимались творчеством (чаще всего это личности из гуманитарных специальностей). Низкий уровень рефлексии же чаще встречался у студентов-спортсменов, но также некоторые студенты технических специальностей были к нему предрасположены.

Средний уровень рефлексии чаще всего наблюдался у участников, которые занимались творчеством ситуационно, то есть не последовательно и не постоянно, «по велению вдохновения».

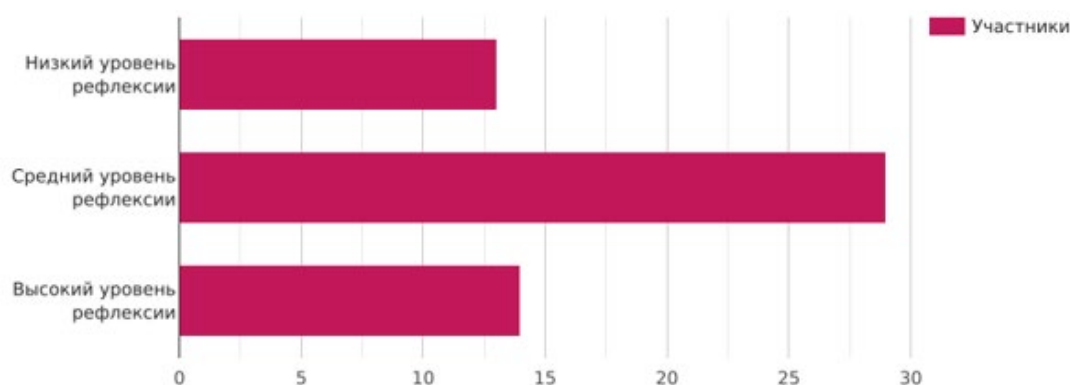

Рис. 2. Уровень рефлексии по опроснику рефлексивности Карпова до проведения театральных тренингов.

Fig. 2. Level of reflection according to Karpov's reflexivity questionnaire before conducting theatrical trainings.

После получения первичных результатов мы проводили занятия актерским мастерством в группах на протяжении полугода дважды в неделю, уделяя внимание проработке воображения, сопереживания, внутреннего анализа личности и её проявления. Мы проводили различного рода занятия, театральные тренинги, упражнения по ораторскому искусству, старались понять себя, проанализировать разные стороны своей психофизики, а также знакомились с созданием ролей. Создание этюдов, кинолента видения, тренинг беспредметных действий в своей основе содержат обращение к рефлексивности за чет анализа действий в прошлом, своих реакций на них и внутренних ощущений и мыслей в процессе. Разработка ролей же, как финальная работа, была направлена на объединение внешней и внутренней рефлексии. Как следствие были представлены не-

большие театральные сценки, которые потом презентовали детям из детских садов и детских домов.

Стоит заметить, что групповой вариант работы так же способствовал более комплексному развитию рефлексии, так как студенты в ходе работы в группе могли не только оценить себя, но и друг друга. В данном случае групповая работа, а также обязательный шеринг после занятия позволял наиболее полно проанализировать результат работы.

Результаты и обсуждения

Результаты после экспериментальных занятий показали, что низкий уровень рефлексии сократился в половину, возрос показатель высокого уровня рефлексии, но особенно вырос показатель среднего уровня рефлексии.

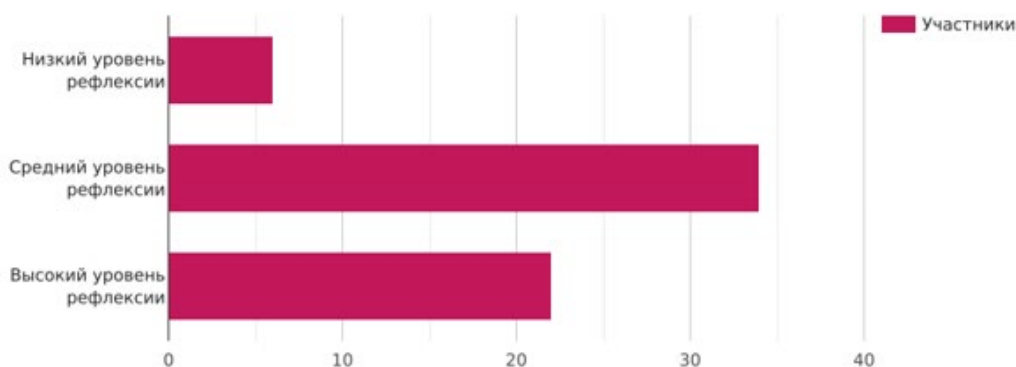

Рис. 3. Уровень рефлексии по опроснику рефлексивности Карпова после проведения театральных тренингов.

Fig. 3. Level of reflection according to Karpov's reflexivity questionnaire after conducting theatrical trainings.

Из низкого уровня рефлексии в средний переходили реже, чаще всего средний уровень рефлексии возрастал по проценту. Средний уровень рефлексии возрос, особенно благодаря тому, что те, кто занимались творчеством ситуационно либо не

занимались вообще, попробовали регулярные занятия в этой сфере. Со среднего уровня рефлексии очень многие, кто занимался творчеством ситуационно, в связи с тем, что была налажена регулярность, перешли в высокий уровень рефлексии.

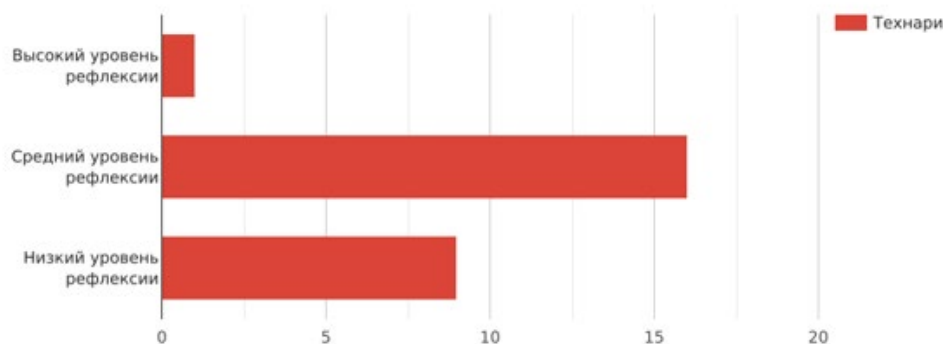

Рис. 4. Уровень рефлексии по опроснику рефлексивности Карпова после проведения театральных тренингов у группы гуманитарных специальностей.

Fig. 4. The level of reflection according to Karpov's reflexivity questionnaire after conducting theatrical trainings for a group of humanitarian specialties.

Высокий уровень рефлексии у студентов гуманитарных специальностей оказался самым значительным из всей выборки, а низкий уровень – самым незначительным. Несмотря на преобладающую

значение среднего уровня рефлексии, следует отметить, что у студентов так или иначе возрастали баллы рефлексивности в опроснике, пусть и оставались в шкале средних значений.

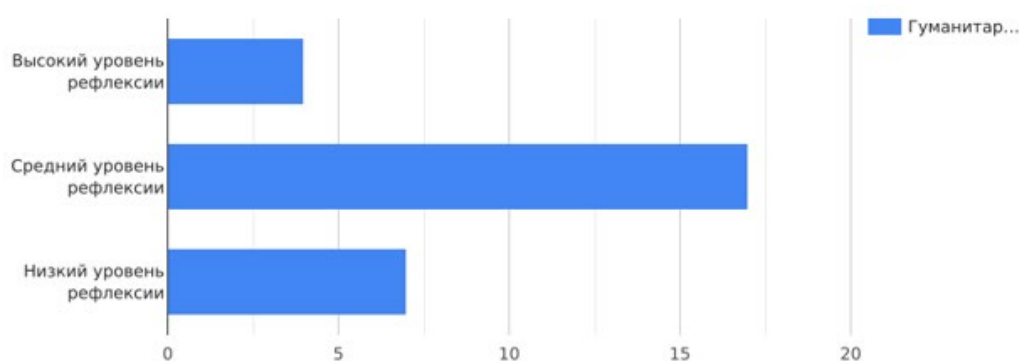

Рис. 5. Уровень рефлексии по опроснику рефлексивности Карпова после проведения театральных тренингов у группы технических специальностей.

Fig. 5. The level of reflection according to Karpov's reflexivity questionnaire after conducting theatrical trainings for a group of technical specialties.

В среде представителей технических направлений показатели низкого уровня рефлексии оказались выше, чем в среде гуманитарных. Это объясняется прежде всего особенностями обучения: гуманитарные специальности чаще прочих связаны со сферой «человек-человек», в процессе обучения студенты в большей степени вынуждены разви-

вать навыки рефлексии, коммуникации и креативности. Технические специальности являются более шаблонными и автономными, в них не требуется анализ личности. Само собой, значение имеют и личностные особенности, однако в данном исследовании мы не анализировали их детально.

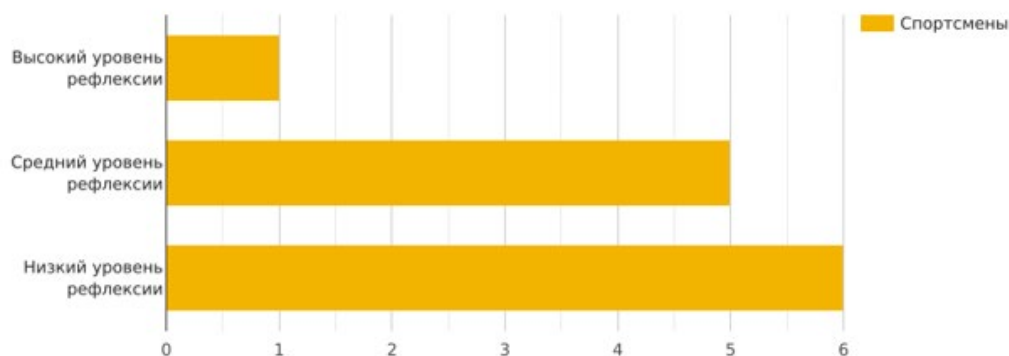

Рис. 6. Уровень рефлексии по опроснику рефлексивности Карпова после проведения театральных тренингов у группы специальности физической культуры.

Fig. 6. The level of reflection according to Karpov's reflexivity questionnaire after conducting theatrical trainings for the physical education specialty group.

Студенты спортивного направления показали самый значительный низкий уровень рефлексивных способностей, что может быть связано с сосредоточенностью на физических реакциях тела и организма в связи со спецификой их обучения, а так же строгими правилами и традициями внутри спортивного сообщества.

Выводы

Таким образом, исследование показало, что регулярные занятия актёрским мастерством способствуют развитию уровня рефлексии личности. Уровень внутренней рефлексии возрастал благодаря регулярному обращению внутрь себя в связи с анализом роли, исследованием своих чувств и реакций, обращением к прошлому опыту личности и обсуждению опыта и реакций других. Взаимо-

действие в группе особенно способствовало поиску компромиссов, детальному обсуждению чувств, эмоций и действий друг друга в безопасной обстановке. Внешний уровень рефлексии возрастал как раз благодаря групповой работе и тренингам. В дальнейшем испытуемые отмечали, что чаще начали ставить себя на место другого человека, критически оценивать свое поведение и реже оказывались втянуты в конфликты. Стоит отметить так же, что итоговая работа в форме показа театральной постановки способствовало проживанию творческого катарсиса и психофизическому проживанию полученного опыта, а также его закреплению. Исследования показали, что имитация ситуации и опыта в ролевом формате равнозначно реальному проживанию данного опыта.

Список источников

1. Бритаева Н.Х. Эмоции и чувства в сценическом творчестве. Саратов, Саратовский университет. 1986. 157 с.
2. Вильсон Г. Психология артистической деятельности. М., «Когито-Центр», 2001. 484 с.
3. Войтик И.М., Семенов И.Н. Оценка и развитие рефлексивного мышления: учебное пособие. Новосибирск: СибАГС, 2011. 144 с.
4. Выготский Л.С. Опыты теоретической рефлексии и монизм в психологии. М., Амфора, 2011. 78 с.
5. Гиппиус С.В. Гимнастика чувств. Секреты развития психики. М., 2003. 340 с.
6. Гордеева Н.Д., Зинченко В.П. Роль рефлексии в построении предметного действия. М., «Когито-Центр», 2002. Т. 2. № 2. С. 133 – 147.
7. Гройсман А.Л. Личность, творчество, регуляция состояний. М., Магистр, 1988. 430 с.
8. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М., ИП РАН, 2004. 626 с.
9. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики. Психологический журнал. 2013. Т. 24. № 5. С. 45 – 57.
10. Козловская И.Б. Афферентный контроль произвольных движений. М., Наука, 1976. 296 с.
11. Лефевр В.А. Рефлексия. М., «Когито-Центр», 2003. 496 с.
12. Лефевр В.А., Адамс-Веббер Дж. Функции быстрой рефлексии в биполярном выборе. Рефлексивные процессы и управление, 2001. № 1. С. 34 – 36.
13. Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. М., Соцэкгиз, 1960. Т. 1. 734 с.

14. Пьянкова Г.С. Личностная и профессиональная рефлексия: психологический практикум. Красноярск., Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева., 2012. 244 с.
15. Щедровицкий Г.П. Коммуникация, деятельность, рефлексия. Алма-Ата. Исследования речемыслительной деятельности, 1974. 798 с.

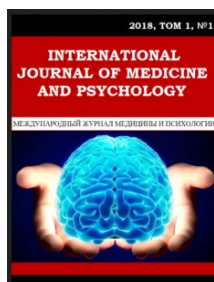
References

1. Britaeva N.Kh. Emotions and feelings in stage creativity. Saratov, Saratov University. 1986. 157 p.
2. Wilson G. Psychology of artistic activity. M., "Kogito-Center", 2001. 484 p.
3. Voitik I.M., Semenov I.N. Assessment and development of reflexive thinking: a tutorial. Novosibirsk: SibAGS, 2011. 144 p.
4. Vygotsky L.S. Experiments in theoretical reflection and monism in psychology. M., Amphora, 2011. 78 p.
5. Gippius S.V. Gymnastics of feelings. Secrets of psyche development. M., 2003. 340 p.
6. Gordeeva N.D., Zinchenko V.P. The Role of Reflection in the Construction of Object Action. Moscow, "Kogito-Center", 2002. Vol. 2. No. 2. P. 133 – 147.
7. Groysman A.L. Personality, Creativity, Regulation of States. Moscow, Magister, 1988. 430 p.
8. Karpov A.V. Psychology of Reflexive Mechanisms of Activity. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2004. 626 p.
9. Karpov A.V. Reflexivity as a Mental Property and Methods of Its Diagnostics. Psychological Journal. 2013. Vol. 24. No. 5. P. 45 – 57.
10. Kozlovskaya I.B. Afferent Control of Voluntary Movements. M., Nauka, 1976. 296 p.
11. Lefebvre V.A. Reflection. M., "Cogito-Center", 2003. 496 p.
12. Lefebvre V.A., Adams-Webber J. Functions of fast reflection in bipolar choice. Reflexive processes and control, 2001. No. 1. P. 34 – 36.
13. Locke J. Selected philosophical works: in 2 volumes. M., Sotsekgiz, 1960. Vol. 1. 734 p.
14. Pyankova G.S. Personal and professional reflection: psychological workshop. Krasnoyarsk., Krasnoyarsk state ped. university named after V.P. Astafieva., 2012. 244 p.
15. Shchedrovitsky G.P. Communication, activity, reflection. Alma-Ata. Research of speech-thinking activity, 1974. 798 p.

Информация об авторе

Кудрявцева П.С., преподаватель, Высшая школа психологии, Тихоокеанский государственный университет, Polina97kudr@mail.ru

© Кудрявцева П.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.99

¹ Цахаева А.А.,

² Алиева З.А.,

² Лебеденко О.А.,

¹ Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова,

² Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет

Развитие готовности к профессиональному саморазвитию будущих психологов

Аннотация: актуальность темы исследования обусловлена тем, что недостаточная готовность к профессиональному саморазвитию может приводить к профессиональной стагнации, снижению конкурентоспособности и неудовлетворенности профессиональной деятельностью.

Цель исследования состоит в систематизации основных компонентов готовности к профессиональному саморазвитию будущих психологов в процессе обучения в вузе.

Для достижения цели в исследовании были решены следующие задачи: проведен анализ теоретических подходов к определению сущности и структуры готовности к профессиональному саморазвитию; выявлены факторы формирования готовности к профессиональному саморазвитию у студентов-психологов; рассмотрены основные компоненты развития готовности к профессиональному саморазвитию.

Методология исследования включает в себя: историографический анализ психолого-педагогической литературы по изучаемой теме, формально-логический метод, сопоставление, обобщение, метод научной систематизации.

По итогу проведенного исследования были сформулированы следующие выводы: основными компонентами в процессе профессиональной подготовки психологов являются рефлексия, адекватная самооценка, критическое мышление и установка на непрерывное профессиональное совершенствование. Эффективность профессиональной подготовки психологов обеспечивается внедрением инновационных технологий, которые позволяют максимально вовлечь студентов в моделируемые профессиональные ситуации.

Ключевые слова: психология, профессиональная деятельность, психология, саморазвитие, студенты-психологи

Для цитирования: Цахаева А.А., Алиева З.А., Лебеденко О.А. Развитие готовности к профессиональному саморазвитию будущих психологов // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 199 – 204.

Поступила в редакцию: 16 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Tsakhaeva A.A.,

² Alieva Z.A.,

² Lebedenko O.A.,

¹ Chechen State University named after A.A. Kadyrov,

² Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Development of readiness for professional self-development of future psychologists

Abstract: the research relevance is due to the increasing requirements for the level of professional competence of psychologists. Insufficient readiness for professional self-development can lead to professional stagnation, reduced competitiveness and dissatisfaction with professional activity.

The research goal is to systematize the main parameters of readiness for professional self-development of future psychologists in the process of studying at a university.

To achieve the goal, the following tasks were solved in the study: the analysis of theoretical approaches to determining the essence and structure of readiness for professional self-development was carried out; the factors influencing the formation of readiness for professional self-development in psychology students have been identified; the main criteria for the development of readiness for professional self-development are revealed.

The research methodology includes: historiographical analysis of psychological and pedagogical literature on the topic under study, formal logical method, comparison, generalization, method of scientific systematization.

Based on the results, the conclusions were formulated: the main components in the process of professional training of psychologists are reflection, adequate self-esteem, critical thinking and an attitude to continuous professional improvement. The effectiveness of professional training of psychologists is ensured by the introduction of innovative technologies that allow students to be involved in simulated professional situations as much as possible.

Keywords: psychology, professional activity, psychology, self-development, psychology students

For citation: Tsakhaeva A.A., Alieva Z.A., Lebedenko O.A. Development of readiness for professional self-development of future psychologists. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 199 – 204.

The article was submitted: April 16, 2025; Approved after reviewing: June 14, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающими требованиями к уровню профессиональной компетентности психологов на фоне динамично развивающейся конъюнктуры рынка труда. Непрерывное совершенствование профессиональных умений и знаний, а также адаптация к прогрессивным технологическим решениям, знание новых методик работы, необходимы для непрерывного профессионального саморазвития. Такая установка фактически определяет успешность профессиональной деятельности будущих психологов.

Более того, в современных условиях, при повышенной неопределенности и меняющихся профессиональных стандартах, потенциал к самостоятельному развитию у студентов психологических специальностей рассматривается не просто как некое факультативное качество, а как необходимое условие для реализации профессионального потенциала. Результаты современных эмпирических исследований свидетельствуют о том, что специалисты с развитой рефлексией и устойчивой мотивацией к самообразованию обладают более

высокими навыками адаптации к профессиональной среде и получают больше удовлетворения от своей трудовой деятельности [2, с. 163].

Недостаточная проработанность верифицированных критериев оценки уровня готовности к саморазвитию у будущих специалистов и действенных педагогических методик для ее формирования могут негативно сказаться на качестве подготовки специалистов. Поэтому исследование теоретических основ формирования готовности к профессиональному саморазвитию у будущих психологов представляется актуальным и достаточно значимым с практической точки зрения.

С теоретической позиции результаты настоящего исследования могут внести определенный вклад в повышение эффективности образовательного процесса в высших учебных заведениях, готовящих психологов, а также в профессиональную подготовку специалистов, адаптирующихся к изменяющимся условиям профессиональной деятельности и эффективно решающих профессиональные задачи.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили теоре-

тические разработки и методики, представленные в работах таких авторов, как Ж.Г. Гаранина, С.И. Баляев, М.С. Ионова [1], Е.Н. Кролевецкая [2], Н.В. Лебедева [3], Дж.Б. Саломау, Н.А. Низовских [4], И.А. Сладкова [5] и др.

В рамках исследования также были изучены постулаты таких авторов, как Н. Арто, С. Флинн [6], С. Браун, Р. Лент [7], С. Чан, Т. Вьят [8], А. Ди Фабио, М.Э. Кенни [9], Т.М. Иган, З. Сонг [10] и др.

Методология исследования включает в себя историографический анализ психолого-педагогической литературы по изучаемой теме, формально-логический метод, сопоставление, обобщение, а также метод научной систематизации.

Результаты и обсуждения

Как показал анализ научной литературы по изучаемой теме, развитие готовности к профессиональному саморазвитию будущих психологов представляет собой процесс, в котором интегрируются когнитивные, мотивационные и поведенческие компоненты. Отметим, что формирование такого рода готовности является обязательным условием для успешной адаптации к динамично меняющимся требованиям рынка труда и для обеспечения высокого уровня компетентности на протяжении всей профессиональной деятельности. В основе процесса самосовершенствования лежит осознание студентами-психологами необходимости непрерывного обучения и совершенствования, а также способность студентов к самоанализу и целеполаганию в процессе обучения в вузе.

В данном контексте особое значение приобретает развитие у студентов рефлексивных способностей, что позволяет будущим психологам критически оценивать свой профессиональный опыт, выявлять «зоны роста» и эффективно планировать свое дальнейшее профессиональное развитие. Согласно имеющимся эмпирическим исследованиям, рефлексия представляет собой мощный инструмент саморегуляции и способствует повышению осознанности в профессиональной деятельности [4, с. 8]. В частности, развитие рефлексивных навыков достигается посредством применения таких методик, как ведение профессионального

дневника, участие в супервизиях и интервизиях, а также анализ кейсов из практики.

Эффективность развития рефлексивных способностей напрямую коррелирует с повышением профессиональной компетентности, поскольку снижает риск развития синдрома эмоционального выгорания. Систематическая рефлексия своих действий также позволяет специалисту выявлять собственные когнитивные искажения и эмоциональные реакции, которые могут влиять на процесс принятия решений в ходе профессиональной деятельности.

Можно также утверждать, что развитие рефлексивных навыков должно быть интегрировано в процесс профессиональной подготовки психологов: в частности, включение в учебные планы дисциплин по развитию самосознания и критического мышления, а также внедрение практических занятий, предполагающих анализ собственного опыта и опыта коллег, очень полезны для развития компетентности современного специалиста.

Супервизия и интервизия представляют собой эффективные формы развития рефлексивных способностей в профессиональной деятельности психолога: в частности, супервизия со стороны более опытного коллеги, обеспечивает получение обратной связи и экспертную оценку действий. Интервизия, в свою очередь, предполагает обмен опытом и взаимную поддержку между коллегами, что способствует развитию критического мышления и расширению профессионального кругозора у психологов.

Система оценки рефлексивных способностей в практику психологического консультирования и психотерапия могут способствовать повышению качества оказываемой психологической помощи. В частности, применение такого инструмента оценки, как шкала рефлексивного мышления, позволяет количественно оценить уровень развития рефлексивных навыков и выявить области, которые требуют дальнейшего развития. Результаты оценки используются для планирования индивидуальной программы повышения квалификации и развития профессиональной компетентности будущих психологов.

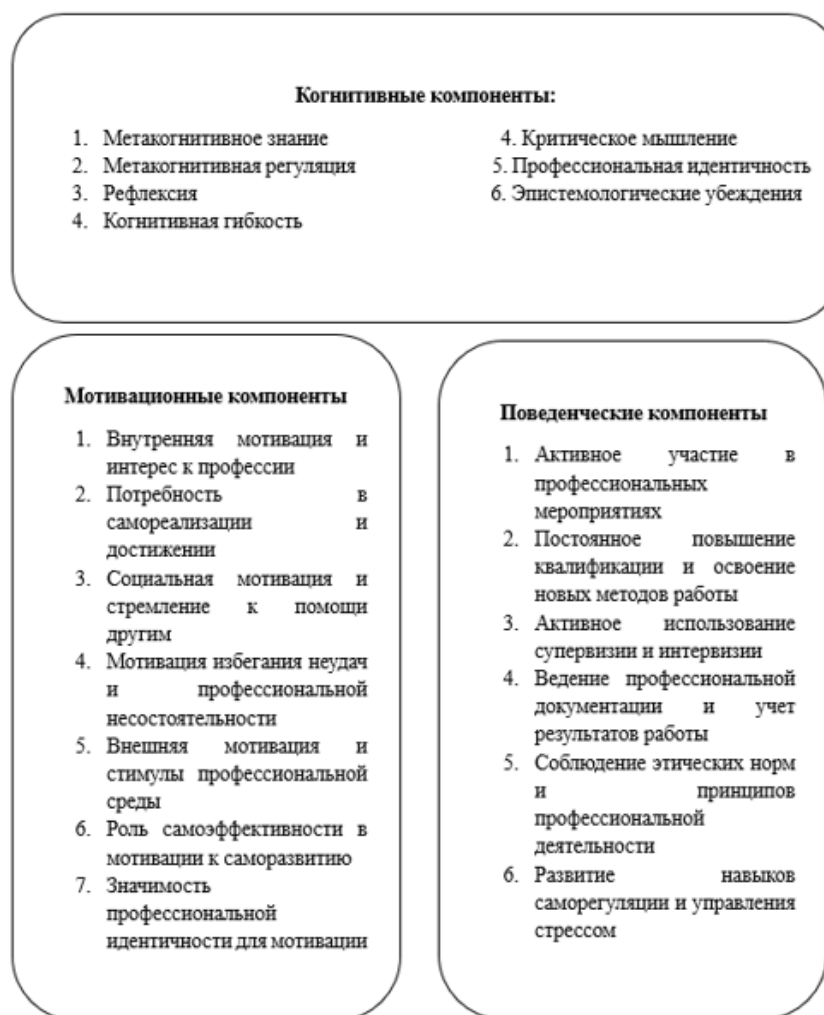

Рис. 1. Компонентная структура профессионального саморазвития студентов психологических специальностей.

Fig. 1. Component structure of professional self-development of students majoring in psychology.

Насколько можно судить по актуальным научным данным, еще одним значимым аспектом является формирование у студентов-психологов устойчивой мотивации к саморазвитию. При этом мотивация может быть как внешней, связанной с карьерным ростом и материальным вознаграждением, так и внутренней, в основе которой лежат стремление к профессиональной самореализации и удовлетворение от профессиональной деятельности. Развитие внутренней мотивации базируется на позитивном отношении к обучению, осознании ценности профессиональных знаний и навыков, а также на чувстве ответственности за собственное профессиональное развитие.

Процесс формирования готовности к профес-

сиональному саморазвитию обязательно должен быть интегрирован в образовательный процесс. При этом требуется не только передавать студентам теоретические знания и практические навыки, но также формировать у них умение самостоятельно приобретать новые знания, адаптироваться к изменяющимся условиям профессиональной деятельности. Благодаря таким качествам студенты могут осознанно строить свою профессиональную траекторию. Эффективные инструменты в данном случае — это активные методы обучения, кейс-стади, проектная деятельность, тренинги, которые направлены на развитие навыков самоанализа, целеполагания и планирования (табл. 1).

Таблица 1
Методы формирования у студентов-психологов готовности к профессиональному саморазвитию.
Table 1
Methods for developing students-psychologists' readiness for professional self-development.

Наименование метода	Описание метода
Активное обучение	Всемерная активизация учебно-познавательной деятельности обучающихся посредством широкого, желательно комплексного, использования как педагогических (дидактических), так и организационно-управленческих средств
Кейс-стади	Технология бизнес-образования, основой которой является методически организованный процесс анализа конкретных хозяйственных ситуаций, кейсов (ситуационный анализ), в ходе которого у обучаемых развиваются определенные навыки.
Проектная деятельность	Способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы (технологии), которая должна завершиться вполне реальным, осязаемым результатом
Тренинги	Метод активного обучения, в ходе которого происходит развитие знание, навыков, умений, социальных установок.

Таким образом, развитие готовности к профессиональному саморазвитию будущих психологов требует развития рефлексивных способностей, формирования устойчивой мотивации к саморазвитию, а также интеграции соответствующих методов и техник в образовательный процесс.

Выводы

По итогу проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. В рамках процесса профессиональной подготовки психологов готовность к саморазвитию включает в себя когнитивные, мотивационные и поведенческие компоненты. Формирование установки на непрерывное профессиональное совершенствование остается критически важным элементом подготовки

будущих психологов. Внедрение инновационных технологий для активного вовлечения студентов в процесс обучения, моделирование реальных профессиональных ситуаций и предоставление систематической обратной связи также повышают уровень готовности студентов к профессиональной деятельности.

2. Развитие готовности к профессиональному саморазвитию будущих психологов представляется не только актуальной задачей современного высшего образования, но также необходимым условием для успешной профессиональной деятельности в быстро меняющемся социокультурном контексте, в связи с чем необходимы дальнейшие исследования в данной области.

Список источников

1. Гаранина Ж.Г., Баляев С.И., Ионова М.С. Роль самоотношения в личностно-профессиональном саморазвитии студентов высшей школы // Образование и наука. 2019. № 1. С. 82 – 96.
2. Кролевецкая Е.Н. Полисубъектность личности будущего педагога как психолого-педагогическое явление // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74-3. С. 162 – 170.
3. Лебедева Н.В. Педагогические условия профессионального саморазвития студентов вузов // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 85-2. С. 221 – 225.
4. Саломая Дж.Б., Низовских Н.А. Психологическая готовность к управлению студентов – будущих психологов: к постановке проблемы // Концепт. 2021. № 11. С. 1 – 12.
5. Сладкова И.А. Проблема личностной готовности к профессиональной деятельности будущих педагогов-психологов // АНИ: педагогика и психология. 2017. № 3 (20). С. 342 – 346.
6. Artore N., Flynn S. The role of relational cultural theory in promoting career development and self-authorship. Journal of Career Development. 2019. № 46 (2). P. 115 – 127.
7. Brown C., Lent R.W. Social cognitive career theory: Origins, recent progress, and future directions // Career Development and Counseling: Theory and Practice. 2019. P. 1 – 23.
8. Chan S.L., Wyatt T.H. Work engagement in mental health nurses: Exploring relationships among person-job fit, self-leadership and psychological empowerment // Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing. 2020. № 27 (4). P. 493 – 504.

9. Di Fabio A., Kenn, M E. Promoting psychological resources in career development: New trends and perspectives. *Frontiers in Psychology*. 2020. № 11. P. 128 – 132.

10. Egan T.M., Song Z. Workplace e-learning: Conceptual and empirical considerations // *Human Resource Development Review*. 2019. № 18(2). P. 215 – 235.

References

1. Garanina Zh.G., Balyaev S.I., Ionova M.S. The role of self-attitude in the personal and professional self-development of higher education students. *Education and Science*. 2019. No. 1. P. 82 – 96.

2. Krolevetskaya E.N. Polysubjectivity of the personality of the future teacher as a psychological and pedagogical phenomenon. *Problems of modern pedagogical education*. 2022. No. 74-3. P. 162 – 170.

3. Lebedeva N.V. Pedagogical conditions for professional self-development of university students. *Problems of modern pedagogical education*. 2024. No. 85-2. P. 221 – 225.

4. Salomau J.B., Nizovskikh N.A. Psychological readiness for management of students – future psychologists: towards the formulation of the problem. *Concept*. 2021. No. 11. P. 1 – 12.

5. Sladkova I.A. The problem of personal readiness for professional activity of future educational psychologists. *ANI: pedagogy and psychology*. 2017. No. 3 (20). P. 342 – 346.

6. Artore N., Flynn S. The role of relational cultural theory in promoting career development and self-authorship. *Journal of Career Development*. 2019. No. 46 (2). P. 115 – 127.

7. Brown C., Lent R.W. Social cognitive career theory: Origins, recent progress, and future directions. *Career Development and Counseling: Theory and Practice*. 2019. P. 1 – 23.

8. Chan S.L., Wyatt T.H. Work engagement in mental health nurses: Exploring relationships among person-job fit, self-leadership and psychological empowerment. *Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing*. 2020. No. 27 (4). P. 493 – 504.

9. Di Fabio A., Kenn, M. E. Promoting psychological resources in career development: New trends and perspectives. *Frontiers in Psychology*. 2020. No. 11. P. 128 – 132.

10. Egan T.M., Song Z. Workplace e-learning: Conceptual and empirical considerations. *Human Resource Development Review*. 2019. No. 18(2). P. 215 – 235.

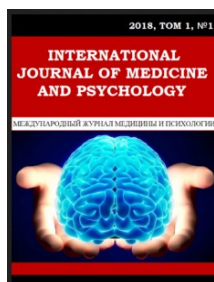
Информация об авторах

Цахаева А.А., доктор психологических наук, профессор, Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова

Алиева З.А., кандидат психологических наук, доцент, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет

Лебеденко О.А., кандидат философских наук, доцент, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет

© Цахаева А.А., Алиева З.А., Лебеденко О.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 316.663

¹ Цветкова Н.А.,

² Покровская С.В.

¹ Московский педагогический государственный университет,

² Московский государственный психолого-педагогический университет

Особенности родительских установок матерей с ребенком – младшим школьником, проживающих в мегаполисе и в малом городе

Аннотация: цель эмпирического исследования – изучение особенностей родительских установок матерей с ребенком-младшим школьником, проживающих в мегаполисе и в малом городе. Психодиагностические методы исследования: тест-опросник изучения родительских установок PARI, авторы – Шефер Е.С. и Белл Р.К.; тест диагностики состояния стресса (автор – А.О. Прохоров); шкала самоуважения М. Розенберга. Основные результаты: 1) установлено, что влияние мезофактора региона проживания на родительские установки матерей младших школьников выражается в том, что у матерей из мегаполиса установка на вербализацию чувств в отношениях мать-ребенок выражена сильнее, чем у матерей из малого города; 2) выявлено, что у матерей из мегаполиса значимо более выражено ощущение самопожертвования, чем у матерей из малого города; 3) доказаны различия в структуре системы родительских установок у матерей из мегаполиса и из малого города; 4) обнаружено, что матери из малого города имеют более высокий уровень стрессоустойчивости, нежели матери из мегаполиса; 5) обнаружено, что матери мегаполиса имеют более высокий уровень самоуважения, нежели матери малого города; 6) выявлено, что у матерей из мегаполиса наблюдаются взаимосвязи между уровнем их стрессоустойчивости и родительскими установками, а именно: чем выше стрессоустойчивость матери, тем более ей свойственна установка на оптимальный эмоциональный контакт с ребенком и партнерские отношения с ним; 7) установлено, у матерей из малого города наблюдается взаимосвязь между уровнем их самоуважения и такой родительской установкой, как «вербализация», то есть чем выше уровень самоуважения, тем в большей степени матери стремятся стимулировать ребенка к словесному выражению его чувств, интересов, желаний. Практическое использование результатов исследования: в семейном консультировании психологов, школьных психологов и других специалистов, работающих в сфере решения проблем в детско-родительских отношениях.

Ключевые слова: материнство, родительство, мезофактор региона проживания, родительские установки, стресс, стрессоустойчивость, эмоциональный контакт с ребенком, самоуважение матери, партнерские отношения с ребенком, концентрация на ребенке

Для цитирования: Цветкова Н.А., Покровская С.В. Особенности родительских установок матерей с ребенком – младшим школьником, проживающих в мегаполисе и в малом городе // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 205 – 214.

Поступила в редакцию: 17 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ *Tsvetkova N.A.,*

² *Pokrovskaya S.V.,*

¹ *Moscow Pedagogical State University,*

² *Moscow State University of Psychology and Education*

Features of parental attitudes of mothers with a primary school-aged child living in a megacity and in a small town

Abstract: the purpose of the empirical study is to study the peculiarities of parental attitudes of mothers with a child, a primary school student, living in a megalopolis and in a small town. Psychodiagnostic research methods: a test questionnaire for studying parental attitudes PARI, authors – E.S. Schaefer and R.K. Bell; a stress diagnostic test (author – A.O. Prokhorov); M. Rosenberg self-esteem scale. Main results: 1) it was found that the influence of the mesofactor of the region of residence on the parental attitudes of mothers of younger schoolchildren is expressed in the fact that mothers from a megalopolis have a stronger attitude towards verbalization of feelings in a mother-child relationship than mothers from a small town; 2) it was found that mothers from a megalopolis have a significantly more pronounced sense of self-sacrifice than mothers from a small town; 3) differences in the structure of the parenting system between mothers from a megalopolis and from a small town have been proven; 4) it has been found that mothers from a small town have a higher level of stress tolerance than mothers from a megalopolis; 5) it has been found that mothers of a megalopolis have a higher level of self-esteem than mothers of a small town; 6) it was found that mothers from megacities have a relationship between their level of stress resistance and their parenting attitudes, namely: the higher the mother's stress resistance, the more likely she is to have an optimal emotional connection with her child and a partnership with her child; 7) it has been established that mothers from small towns have a relationship between their level of self-esteem and their parenting style, which is characterized by a higher level of self-esteem, leading to a greater tendency for mothers to encourage their children to express their feelings, interests, and desires verbally. Practical application of the research results: in family counseling by psychologists, school psychologists, and other specialists working in the field of solving problems in child-parent relationships.

Keywords: motherhood, parenthood, mesofactor of the region of residence, parental attitudes, stress, stress resistance, emotional contact with the child, mother's self-respect, partnership with the child, focus on the child

For citation: Tsvetkova N.A., Pokrovskaya S.V. Features of parental attitudes of mothers with a primary school-aged child living in a megacity and in a small town. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 205 – 214.

The article was submitted: April 17, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Исследование различных аспектов семейного воспитания является одним из центральных направлений исследований, поскольку детско-родительские отношения в семье являются важнейшим фактором формирования личности ребенка [1-2]. Особое внимание исследователей привлекает проблема родительских установок как одной из базовых компонент феномена родительства.

Родительские установки – «готовность родителей действовать в определенной ситуации на основе эмоционально-ценностного отношения к элементам данной ситуации» [3]. Выделяют три уровня материнских установок и ожиданий: репродуктивные установки; установки и ожидания в детско-родительских отношениях; установки и

ожидания в отношении образа собственного ребёнка.

К настоящему времени существует работы, посвященные взаимосвязи материнских установок женщины и ее личностных характеристик [4, 5]. Исследованы динамика родительских установок [6], особенности родительских установок у женщин, имеющих разное количество детей [7] и имеющих детей раннего дошкольного возраста [8], изучена взаимосвязь уровня субъективно переживаемого женщиной психологического благополучия и ее родительских установок [9, 10]. При этом особенности родительских установок матерей с ребенком-младшим школьником практически не изучены.

Не изученным остается и влияние на содержание родительских установок женщин такого фактора, как место проживания семьи – в мегаполисе

или в малом городе, тогда как существенное влияние указанного мезофактора на многие стороны семейной жизнедеятельности доказано рядом исследователей [11]. Проведенное нами эмпирическое исследование призвано устранить указанные пробелы.

В силу трансформационных процессов института семьи и существенного изменения содержательного наполнения семейных ролей, а том числе роли матери, современные матери сталкиваются с множеством проблем: в сферу их ответственности входят не только собственно материнские заботы, но и забота о своем профессиональном и личностном развитии, участие, порой наравне с мужем, в финансовом обеспечении семьи. Особенно существенным давлением новых норм семейной жизни оказывается в мегаполисе, поскольку именно здесь изменения происходят наиболее стремительно. Однако, при всей очевидности влияния такого мезофактора, как место проживания, на родительские установки женщины-матери, данные об исследованиях этой проблемы до сих пор в психологической литературе отсутствуют.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели в эмпирическом исследовании были использованы следующие психодиагностические методики: а) тест-опросник изучения родительских установок PARI, авторы – Шефер Е.С. и Белл Р.К.; б) тест диагностики состояния стресса (автор – А.О. Прохоров) [12]; в) шкала самоуважения М. Розенберга [13]. При математической обработке полученных данных для определения статистически значимых различий был использован U-критерий Манна-Уитни; кроме того, использовался корреляционный анализ для установления связей между различными переменными; для определения меры взаимосвязи был использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Факторный анализ результатов, полученных по методике PARI (тест-опросник изучения родительских установок), использовался с целью сокращения числа переменных на основе их классификации и определения структуры взаимосвязей между ними.

Выборка эмпирического исследования: исследование проводилось на базе государственных бюджетных образовательных организаций городов Москва (мегаполис, более 9 млн. жителей) и Киржач (малый город, около 26 тысяч жителей). В исследовании приняли участие 60 женщин, имеющих ребенка младшего школьного возраста, представивших две группы: 30 женщин-матерей с ребенком младшим школьником, проживающих в мегаполисе (г. Москва) и 30 женщин-матерей с

ребенком младшим школьником, проживающих в малом городе (г. Киржач). Средний возраст респондентов в обеих группах выборки составляет 34 года. Большинство женщин имеют высшее образование: 73,3% женщин из Москвы, 53,3% женщин из Киржача.

Теоретический анализ работ отечественных и зарубежных авторов показал, что понятие «родительские установки» ввели в психологическое и научно-популярное использование американские психотерапевты Роберт и Мэри Гоулдинги под названием «Родительские директивы» [14]. Они выделили комплекс из 12 установок, каждая из которых имела свои особенности. Впоследствии Р.В. Овчарова исследовала родительские наставления и поделила их на три уровня [15]. В.В. Бойко определил составляющие родительских установок, а Л.И. Савинов исследовал процесс формирования репродуктивной установки и влияющие на него факторы [16]. Э.Г. Эйдемиллер предложил классификацию стилей семейного воспитания, которые являются способами передачи родительских установок [17].

Общий вывод из обзора литературы по теме исследования: родительские установки, отражающие ценности, идеи и ожидания, связанные с развитием ребенка, являются значимым компонентом родительских представлений о воспитании детей. Они влияют на взаимоотношения, эмоциональную и когнитивную сферы ребенка: эмпатию, открытость и чувствительность, способности и интересы и определяют готовность родителей действовать в определенной ситуации на основе эмоционально-ценностного отношения к элементам данной ситуации.

Результаты и обсуждения

С помощью опросника PARI было установлено, что

- в мегаполисе у матерей детей младших школьников преобладают следующие родительские установки: побуждение словесных проявлений, уравнительные отношения между родителями и ребенком, несамостоятельность матери;

- в малом городе у матерей детей младших школьников преобладают установки: побуждение словесных проявлений, уравнительные отношения между родителями и ребенком, создание безопасности, опасение обидеть (б), сверхавторитет родителей.

Анализ эмпирических данных с использованием критерия U Манна-Уитни показал, что

- значимые различия в материнских установках женщин из мегаполиса и женщин из малого города наблюдаются по шкале «вербализация» (коэффициент различий p составляет 0,049); это означа-

ет, что установка на вербализацию чувств в отношениях мать-ребенок у матерей мегаполиса *выражена сильнее*, чем у матерей из малого города и свидетельствует о том, что матери из мегаполиса считают, что побуждение ребенка к словесному проявлению своих чувств, к вербализации своих желаний, интересов, потребностей является важным компонентом воспитательных усилий матери, тогда как матери из провинции уделяют этому аспекту воспитания ребенка меньше внимания;

– значимые различия наблюдаются по шкале «ощущение самопожертвования» (коэффициент различий r составляет 0,016); то есть у матерей из мегаполиса значимо *более выражено* ощущение самопожертвования, чем у матерей из малого города; это, вероятно, объясняется тем, что матери из мегаполиса, вынужденные уделять ребенку-младшему школьнику много времени в силу его возрастной несамостоятельности, больше переживают по поводу того, что они пока отказываются от тех возможностей в карьере, отдыхе и развлечениях, которые предоставляет мегаполис; в малом городе таких возможностей намного меньше, поэтому и чувство самопожертвования меньше.

Факторный анализ характеристик матерей мегаполиса методом главных компонентов с Варимакс-вращением позволил выделить четыре фактора, объясняющие 63,2% общей дисперсии, определяющие особенности их родительских установок.

Оказалось, что у матерей из мегаполиса особенности родительских установок связаны тремя факторами. *Первый фактор* включает в себя такие 9 материнских установок, как «чрезмерная забота», «зависимость от семьи», «подавление воли», «ощущение самопожертвования», «сверхавторитет родителей», «развитие активности ребенка», «безучастность мужа», «подавление либидо», «чрезвычайное вмешательство в жизнь ребенка». Этот фактор можно назвать «установка на гиперопеку ребенка». Он проявляется в стремлении матери к чрезмерной заботе и чрезвычайном вмешательстве в жизнь ребенка.

Второй фактор включает в себя 4 такие материнские установки, как «излишняя строгость», «неудовлетворенность ролью хозяйки», «партнерские отношения», «несамостоятельность матери». Этот фактор можно назвать «склонность к самокритике». Он проявляется в том, что матери не удовлетворены тем, как они выполняют роль хозяйки и считают, что не имеют достаточной самостоятельности в роли матери.

Третий фактор включает в себя такие 4 материнские установки, как «умалчивание», «семейные конфликты», «исключение внесемейных влия-

ний», «стремление ускорить развитие ребенка». Этот фактор можно назвать «установка на ускоренное развитие ребенка». Он проявляется в том, чтобы способствовать развитию ребенка, пользуясь возможностями, которые предоставляет мегаполис.

У матерей из малого города факторный анализ полученных данных методом главных компонентов с Варимакс-вращением позволил выделить четыре фактора, объясняющие 59,5 % общей дисперсии, определяющие особенности родительских установок. Оказалось, что у матерей из малого города особенности родительских установок связаны четырьмя факторами.

Первый фактор включает в себя такие 4 материнские установки, как «зависимость от семьи», «подавление воли», «развитие активности ребенка», «чрезвычайное вмешательство в жизнь ребенка». Первый фактор можно назвать «установка на материнство как на самоценность». Он проявляется в зависимости жизни матери от семьи. Мать не живет своей жизнью, ее внимание сконцентрировано на успехах своего ребенка. Она подавляет волю в собственных желаниях и потребностях, стараясь их реализовать в своих детях.

Второй фактор включает в себя такие 6 материнских установок, как «семейные конфликты», «раздражительность», «излишняя строгость», «неудовлетворенность ролью хозяйки», «безучастность мужа», «доминирование матери». Этот фактор можно назвать «установка на директивную роль в семье», поскольку он выражается в излишней строгости и раздражительности матери, в неудовлетворенности ею семейной ролью и конфликтностью отношений в семье. Семейные конфликты связаны с тем, что женщина ощущает себя главой семьи, обесценивая роль мужа.

Третий фактор включает в себя такие 3 материнские установки, как «вербализация», «партнерские отношения», «уравнение отношений». Его можно назвать «установка на оптимальный эмоциональный контакт», поскольку он включает в себя такие установки, как склонность к формированию партнерских отношений с детьми и вербализацию чувств, что усиливает взаимное понимание матери и ребенка.

Четвертый фактор включает в себя такие 2 материнские установки, как «склонность к конфликтам», «излишняя самостоятельность матери». Его можно назвать «установка на выяснение отношений», поскольку он характеризует установку матери на стремление к конфликтным ситуациям с целью отстаивания своей позиции в отношениях.

На основании анализа результатов, полученных с помощью «Диагностики состояния стресса»

(А.О. Прохорова), установлено, что среди матерей из мегаполиса (рис. 1):

а) высокий уровень регуляции стресса (те, кто набрал от 0 до 4 баллов) имеют 90% женщин: они не склонны раздражаться и искать виноватых; они умеют не поддаваться эмоциям и склонности вести себя в стрессовой ситуации достаточно сдержанно;

б) умеренный уровень регуляции стресса (те, кто набрал от 5 до 7 баллов) имеют 10% женщин: они, как правило, сохраняют самообладание, но могут «выходить из себя» и не всегда правильно вести себя в ситуациях стресса; даже незначительные события могут нарушить их эмоциональное равновесие.

Рис. 1. Уровень стрессоустойчивости у матерей из мегаполиса.
Fig. 1. Level of stress resistance in mothers from a metropolis.

Среди матерей из малого города (рис. 2) у 97% высокий уровень стрессоустойчивости, у 3% – умеренный уровень регуляции имеют материю.

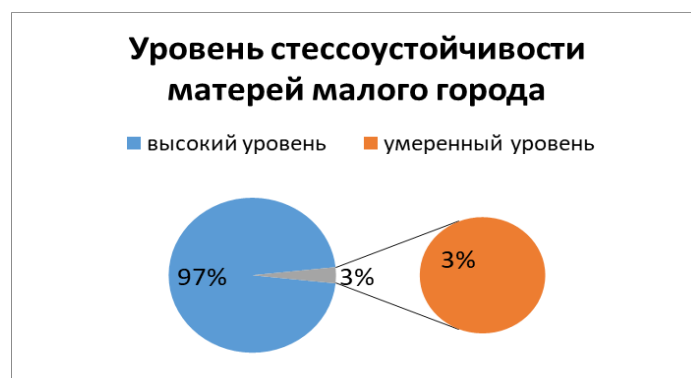

Рис. 2. Уровень стрессоустойчивости у матерей из малого города.
Fig. 2. Level of stress resistance in mothers from a small town.

Таким образом, можно утверждать, что матери из малого города имеют *более высокий* уровень стрессоустойчивости, нежели матери из мегаполиса. Это объясняется, по-видимому, тем, что количество стрессов, которым подвергаются матери в мегаполисе, существенно выше, чем количество стрессов, которые переживают матери в малом городе. Частота и сила переживаемых стрессов требует больших адаптационных усилий, что приводит к понижению общего уровня стрессоустойчивости матерей из мегаполиса из-за некоторого истощения адаптационной энергии. Отметим, что на более высокую стрессоустойчивость жителей

малых городов указано в исследовании ученых из Южно-уральского государственного университета, которые установили наличие значимых различий между жителями мегаполиса и жителями малых городов в показателях шкал опросника на стрессоустойчивость, а именно: «самочувствие», «активность» и «настроение», причём полученные результаты у жителей малых городов выше, чем у жителей мегаполисов [18].

Результаты, полученные при помощи теста на самоуважение «Методика шкала М. Розенберга» показали, что среди матерей мегаполиса (рис. 3).

Рис. 3. Уровень самооужения у матерей из мегаполиса.
Fig. 3. Level of self-esteem among mothers from a metropolis.

а) людей с чрезмерно высоким уровнем самооужения (те, кто набрал от 35 до 40 баллов) – 23% от выборки; это женщины, которые уважают себя как человека, личность и профессионала; они способны развиваться и совершенствоваться в различных сферах своей жизни;

б) людей с высоким, продуктивным уровнем самооужения (набравшие от 23 до 43 баллов) – 77%; они умеют адекватно оценивать свои достоинства и недостатки, однако при этом у них существует склонность заниматься затянутым «самобичеванием»

в) с низким или средним уровнем самооужения не обнаружено.

Установлено, что среди матерей малого города а) чрезмерно высоким уровнем самооужения обладают 10% от выборки; это женщины, которые умеют извлекать уроки из собственных ошибок и сложных ситуаций, что помогает им совершенствоваться в сфере отношений, профессиональном, духовном и интеллектуальном плане;

б) высоким, продуктивным уровнем самооужения обладают 90% от выборки; это говорит о некоторой неуверенности, склонности к самокритике, что приводит к неспособности в незамедлительной реакции при различных неудачах;

в) женщин с низким или средним уровнем самооужения не обнаружено.

Рис. 4. Уровень самооужения у матерей из малого города.
Fig. 4. Level of self-esteem among mothers from a small town.

Таким образом, можно сделать вывод, что матери из мегаполиса имеют более *высокий уровень самооужения*, нежели матери малого города.

В целях определения взаимосвязи родительских установок матерей из разных регионов проживания с уровнем их самооужения и стрессоустойчивости, нами был проведен корреляционный анализ. Анализ полученных результатов показал:

– у матерей из мегаполиса уровень самооужения не имеет значимых корреляций с родитель-

скими установками;

– у матерей из малого города уровень самооужения положительно коррелирует со шкалой «вербализация» ($p=0,587$; $p\leq 0,01$), то есть чем выше уровень самооужения, тем в большей степени матери стремятся стимулировать ребенка к словесному выражению его чувств, интересов, желаний.

Что касается уровня стрессоустойчивости, то корреляционный анализ показал, что

– у матерей из мегаполиса:

- шкала «стрессоустойчивость» положительно коррелирует со шкалой «партнерские отношения» ($p=0,430$; $p\leq 0,05$); значит, чем выше стрессоустойчивость матери, тем более ей свойственна установка на оптимальный эмоциональный контакт с ребенком и партнерские отношения с ним;

- шкала «стрессоустойчивость» положительно коррелирует со шкалой «опасение обидеть» ($p=0,513$; $p\leq 0,01$); значит, чем выше стрессоустойчивость матери, тем более ей свойственна установка на излишнюю концентрацию на ребенке;

- шкала «стрессоустойчивость» положительно коррелирует со шкалой «ощущение самопожертвования» ($p=0,472$; $p\leq 0,01$); значит, чем выше стрессоустойчивость матери, тем более ей свойственна ограниченность своих интересов рамками семьи, заботами исключительно о семье, ощущение самопожертвования в роли матери;

- шкала «стрессоустойчивость» положительно коррелирует со шкалой «неудовлетворенность ролью хозяйки» ($p=0,629$; $p\leq 0,01$); значит, чем выше стрессоустойчивость матери, тем более ей свойственна неудовлетворенность ролью хозяйки дома;

- шкала «стрессоустойчивость» положительно коррелирует со шкалой «уклонение от конфликта» ($p=0,507$; $p\leq 0,01$); значит, чем выше стрессоустойчивость матери, тем более ей свойственно стремление уклоняться от семейных конфликтов;

- шкала «стрессоустойчивость» положительно коррелирует со шкалой «безучастность мужа» ($p=0,411$; $p\leq 0,05$); значит, чем выше стрессоустойчивость матери, тем более ей свойственна неудовлетворенность «безучастностью» мужа, его невключенностью в дела семьи.

– у матерей из малого города:

- шкала «стрессоустойчивость» положительно коррелирует со шкалой «уклонение от конфликта» ($p=0,409$; $p\leq 0,05$); значит, чем выше стрессоустойчивость матери, тем более ей свойственно стремление уклоняться от семейных конфликтов.

Выводы

Детско-родительские отношения являются важнейшим фактором формирования личности ребенка. Именно поэтому изучение проблемы родительских установок, одной из базовых компонент феномена родительства, является важной и актуальной. Особенно важно изучить влияние на содержание родительских установок мезофактора региона проживания (в мегаполисе или в малом городе), поскольку знание различий поможет

практическим психологам, работающим с семьей, сделать их консультативную помощь более эффективной.

Анализ отечественной и зарубежной психологической литературы по теме исследования позволил сделать вывод о том, что, будучи сложным феноменом, интегрирующим биологический, психологический и социальный аспекты, материнство включает в себя следующие компоненты: материнские родительские установки и ожидания, материнские позиции, материнское отношение, материнские чувства, материнскую ответственность, семейные ценности, стиль воспитания.

Родительские установки, отражающие ценности, идеи и ожидания, связанные с развитием ребенка, являются значимым компонентом родительских представлений о воспитании детей; они влияют на взаимоотношения, эмоциональную и когнитивную сферы ребенка: эмпатию, открытость и чувствительность, способности и интересы и определяют «готовность родителей действовать в определенной ситуации на основе эмоционально-ценностного отношения к элементам данной ситуации».

При рассмотрении жизнедеятельности человека в семейной сфере, в материнстве в том числе, необходимо учитывать различия во влиянии мезофактора социализации (проживания в крупном городе и в малом городе):

а) современный крупный город благодаря наличию таких характеристик, как высокая мера избирательности в эмоциональных привязанностях; высокая субъективно-эмоциональная значимость семьи для ее членов, но в то же время распространенность интенсивного внесемейного общения; многообразие стилей жизни, культурных стереотипов, ценностных ориентаций; слабый социальный контроль поведения человека и значительная роль самоконтроля вследствие наличия разнообразных социальных связей и анонимности, оказывает существенное влияние на формирование жизненных ценностей, существенно отличающихся от ценностей жителей малых городов, которые во многом остаются присущими деревенскому укладу жизни;

б) особенность социального климата в малом городе, заключающаяся в специфически сильном влиянии на социализацию человека таких феноменов, как общественное мнение, традиционные представления, ценности, обычаи, социальное взаимодействие, социально-психологический микроклимат, оказывает сильное влияние на такую сферу жизни, как семейная. Это проявляется в более ранних браках, в более раннем возрасте материнства и меньшем количестве разводов по сравне-

нию с этими же характеристиками семейной жизни в крупном городе.

Из проведенного эмпирического исследования можно сделать выводы:

– влияние мезофактора региона проживания на родительские установки матерей младших школьников выражается в том, что у матерей из мегаполиса установка на вербализацию чувств в отношениях мать-ребенок *выражена сильнее*, чем у матерей из малого города; это свидетельствует о том, что матери из мегаполиса считают, что побуждение ребенка к словесному проявлению своих чувств, к вербализации своих желаний, интересов, потребностей является важным компонентом воспитательных усилий матери, тогда как матери из провинции уделяют этому аспекту воспитания ребенка меньше внимания;

– у матерей из мегаполиса значимо *более выражено* ощущение самопожертвования, чем у матерей из малого города; это, вероятно, объясняется тем, что матери из мегаполиса, вынужденные уделять ребенку-младшему школьнику много времени в силу его возрастной несамостоятельности, больше переживают по поводу того, что они отказываются от тех возможностей в карьере, саморазвитии, развлечениях, которые предоставляет мегаполис;

– влияние мезофактора региона проживания проявляется в разной структуре системы родительских установок у матерей из мегаполиса и из малого города: если у матерей из мегаполиса присутствует фактор «склонность к самокритике» (матери не удовлетворены тем, как они выполняют роль хозяйки и считают, что не имеют достаточной самостоятельности в роли матери), то у мате-

рей из малого города присутствует фактор «установка на директивную роль в семье» (излишняя строгость и раздражительность матери, неудовлетворенность ею семейной ролью и конфликтностью отношений в семье).

Установлено, что матери из малого города имеют *более высокий* уровень стрессоустойчивости, нежели матери из мегаполиса, то есть матери из малого города в большей степени способны вести себя в стрессовых ситуациях правильно и адекватно и не поддаваться эмоциям, не терять контроль.

Доказано, что матери из мегаполиса имеют *более высокий уровень самоуважения*, нежели матери малого города, то есть они в большей степени умеют извлекать уроки из собственных ошибок и сложных ситуаций, что помогает им совершенствоваться в сфере отношений, профессиональном, духовном и интеллектуальном плане.

Выявлено, что:

– у матерей *из мегаполиса* наблюдаются взаимосвязи между уровнем их стрессоустойчивости и родительскими установками, а именно: чем выше стрессоустойчивость матери, тем более ей свойственна установка на оптимальный эмоциональный контакт с ребенком и партнерские отношения с ним; а также установка на излишнюю концентрацию на ребенке;

– у матерей *из малого города* наблюдается взаимосвязь между уровнем их самоуважения и такой родительской установкой, как «вербализация», то есть чем выше уровень самоуважения, тем в большей степени матери стремятся стимулировать ребенка к словесному выражению его чувств, интересов, желаний.

Список источников

1. Овчарова Р.В., Мягкова М.А. Материнство в неполной семье: монография. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 411 с.
2. Психология материнства. Москва: Издательство Юрайт, 2025, 143 с.
3. Шаповаленко И.В. Современное родительство: новые исследовательские подходы // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 1. С. 58 – 67.
4. Филиппова Г.Г. Психология материнства: учеб. пособие. М., 2002. 248 с.
5. Болзан Н.А. Теоретические основы психологической готовности к материнству в современных условиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования, 2023. Т. 12. № 5А-6А. С. 7 – 20.
6. Кыштымова И.М., Каменюк А.В. Взаимосвязь психологической готовности к материнству с социально-психологическими установками женщин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2021. № 36. С. 53 – 64.
7. Овчинникова М.Г. Актуальные направления исследования материнства в современной психологии // Весенние психолого-педагогические чтения. Астрахань, 2020. С. 191 – 195.
8. Горбунова Н.В., Трошихина Е.Г. Особенности родительских установок женщин, имеющих детей раннего дошкольного возраста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12, Психология. Социология. Педагогика. СПб., 2010. С. 47 – 51.

9. Ткаченко И.В. Ценность материнства: возрастной и социальный аспект формирования М.: Знание-М, 2021. 124 с.
10. Чистякова Ю.С. Аксиологические основания формирования внутренней материнской позиции // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2021 № 199 С. 181 – 188.
11. Цветкова Н.А., Уманская Е.Г., Стефаненко А.Ю. Влияние мезофактора социализации на психологические особенности брачных ожиданий незамужних женщин. VII International Conference Early Childhood Care and Education. VII International Conference "Early Childhood Care and Education" (ECCE 2018). Moscow, Russia. М., 2018. Т. 1. С. 123 – 125.
12. Практикум по психологии состояний / Под ред. А.О. Прохорова. С-Пб.: Речь, 2004. 480 с.
13. Rosenberg M. Self-Esteem Scale // Measures of Social Psychological Attitudes / Ed. Robinson J.P., Shaver P.R. Ann Arbor: Institute for Social Research, 1972. P. 98 – 101.
14. Гулдинг Роберт и Мэри. Психотерапия нового решения. М., 1996. 176 с.
15. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. М.: Институт психотерапии, МПСИ, 2003. 256 с.
16. Ханова Т.Г., Гонова С.С., Крылова Н.А. Современные подходы к подготовке молодых родителей к родительству // Вестник Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. Серия Педагогика, 2024, С. 387 – 389.
17. Эйдемиллер Э.Г. Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Изд-во ПИТЕР, 2008. 672 с.
18. Морозова С.В. Воздействие стресс-факторов городской среды на жителей мегаполиса и жителей малых городов // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2017. Т. 9. С. 138 – 141.

References

1. Ovcharova R.V., Myagkova M.A. Motherhood in a Single-Parent Family: Monograph. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 411 p.
2. Psychology of Motherhood. Moscow: Yurait Publishing House, 2025, 143 p.
3. Shapovalenko I.V. Modern Parenting: New Research Approaches. Modern Foreign Psychology. 2022. Vol. 11. No. 1. P. 58 – 67.
4. Filippova G.G. Psychology of Motherhood: Textbook. Moscow, 2002. 248 p.
5. Bolzan N.A. Theoretical Foundations of Psychological Readiness for Motherhood in Modern Conditions. Psychology. Historical and critical reviews and modern research, 2023. Vol. 12. No. 5A-6A. P. 7 – 20.
6. Kyshtymova I.M., Kamenyuk A.V. The relationship between psychological readiness for motherhood and socio-psychological attitudes of women. Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology. 2021. No. 36. P. 53 – 64.
7. Ovchinnikova M.G. Current areas of motherhood research in modern psychology. Spring psychological and pedagogical readings. Astrakhan, 2020. P. 191 – 195.
8. Gorbunova N.V., Troshikhina E.G. Features of parental attitudes of women with early preschool children. Bulletin of St. Petersburg University. Series 12, Psychology. Sociology. Pedagogy. SPb., 2010. P. 47 – 51.
9. Tkachenko I.V. The value of motherhood: age and social aspect of formation М.: Zna-nie-M, 2021. 124 p.
10. Chistyakova Yu.S. Axiological foundations for the formation of the internal maternal position. Bulletin of the Herzen State Pedagogical Univ. 2021 No. 199 P. 181 – 188.
11. Tsvetkova N.A., Umanская E.G., Stefanenko A.Yu. The influence of the mesofactor of socialization on the psychological characteristics of marital expectations of unmarried women. VII International Conference Early Childhood Care and Education. VII International Conference "Early Childhood Care and Education" (ECCE 2018). Moscow, Russia. М., 2018. Vol. 1. P. 123 – 125.
12. Workshop on the Psychology of States. Ed. A.O. Prokhorov. St. Petersburg: Rech, 2004. 480 p.
13. Rosenberg M. Self-Esteem Scale. Measures of Social Psychological Attitudes. Ed. Robinson J.P., Shaver P.R. Ann Arbor: Institute for Social Research, 1972. P. 98 – 101.
14. Goulding Robert and Mary. Psychotherapy of a New Solution. М., 1996. 176 p.
15. Ovcharova R.V. Psychological Support of Parenting. М.: Institute of Psychotherapy, MPSI, 2003. 256 p.
16. Khanova T.G., Gonova S.S., Krylova N.A. Modern approaches to preparing young parents for parenthood. Bulletin of the Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. Series Pedagogy, 2024, P. 387 – 389.

17. Eidemiller E.G. Yustitskis V. Psychology and psychotherapy of the family. St. Petersburg: Publishing house PITER, 2008. 672 p.

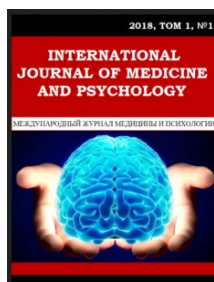
18. Morozova S.V. Impact of stress factors of the urban environment on residents of a megalopolis and residents of small towns. Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogical Sciences. 2017. Vol. 9. P. 138 – 141.

Информация об авторах

Цветкова Н.А., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2750-835X>, Институт педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет, руководитель психологической службы, 127051 г. Москва, Малый Сухаревский переулок, д. 6, mynatulechka@maul.ru

Покровская С.В., кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный психолого-педагогический университет, 127051 Москва, улица Сретенка, 29, iana_f@mail.ru

© Цветкова Н.А., Покровская С.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.072.43

¹ Бондарь Ю.Ю.,

¹ Тихоокеанский государственный медицинский университет

Психологическая помощь клиентам с использованием программного обеспечения «Песочная терапия»

Аннотация: цель: изучение возможностей программного обеспечения «Песочная терапия» при оказании психологической помощи людям с тревожно-депрессивными реакциями на базе психологического центра «Асимптота» при ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический анализ особенностей психологического консультирования методом песочная терапия с использованием цифровых технологий;
2. Рассмотреть методологические основы песочной терапии в психологическом консультировании, специфику применения цифровых технологий, подобрать методы и методики для исследования тревожно-депрессивных реакций;
3. Ознакомиться с теорией и практикой применения ПО «Песочная терапия» при оказании психологической помощи;
4. Сформировать выборку, провести эмпирическое исследование тревожно-депрессивных реакций, выделить группу лиц с высоко выраженными тревожно-депрессивными реакциями;
5. Организовать и провести курс психологических консультаций для студентов с тревожно-депрессивными реакциями с использованием ПО «Песочная терапия»;
6. Проанализировать результаты контрольного исследования, определить эффективность работы с клиентами с тревожно-депрессивными реакциями при помощи ПО «Песочная терапия».

Практическая значимость: определена структура психологического консультирования с использованием программного обеспечения «Песочная терапия», проведен курс из 10 сессий психологического консультирования студентов с тревожно-депрессивными реакциями, выявлены достоинства и недостатки метода, исследованы тревожно-депрессивные реакции студентов 1-2 курсов, определена эффективность проведенного курса психологических консультаций. Использование программного обеспечения «Песочная терапия» рекомендуется в рамках институциональной практики (детские сады, школы, университеты, поликлиники, психологические центры) в качестве средства ведения протоколов и документирования работы.

Ключевые слова: песочная терапия, программное обеспечение в арт-терапии, психологическое консультирование, тревожно-депрессивные реакции, композиции на песке, работа с песком

Для цитирования: Бондарь Ю.Ю. Психологическая помощь клиентам с использованием программного обеспечения «Песочная терапия» // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 215 – 221.

Поступила в редакцию: 17 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ **Bondar Yu.Yu.,**
¹ Pacific State Medical University

Psychological assistance to clients using the software "Sand therapy"

Abstract: objective: to study the capabilities of the software "Sand therapy" in providing psychological assistance to people with anxiety-depressive reactions on the basis of the psychological center "Asymptota" at the PSMU Ministry of Health of the Russian Federation.

Research objectives:

1. To conduct a theoretical analysis of the features of psychological counseling using the sand therapy method using digital technologies;
2. To consider the methodological foundations of sand therapy in psychological counseling, the specifics of the use of digital technologies, select methods and techniques for studying anxiety-depressive reactions;
3. To get acquainted with the theory and practice of using the Sand Therapy software in providing psychological assistance;
4. To form a sample, conduct an empirical study of anxiety-depressive reactions, identify a group of people with highly expressed anxiety-depressive reactions;
5. To organize and conduct a course of psychological consultations for students with anxiety-depressive reactions using the Sand Therapy software;
6. To analyze the results of the control study, to determine the effectiveness of working with clients with anxiety-depressive reactions using the Sand Therapy software.

Practical significance: the structure of psychological counseling using the Sand Therapy software was determined, a course of 10 sessions of psychological counseling for students with anxiety-depressive reactions was conducted, the advantages and disadvantages of the method were identified, anxiety-depressive reactions of 1st-2nd year students were studied, the effectiveness of the course of psychological consultations was determined. The use of the Sand Therapy software is recommended within the framework of institutional practice (kindergartens, schools, universities, clinics, psychological centers) as a means of keeping records and documenting work.

Keywords: sand therapy, software in art therapy, psychological counseling, anxiety-depressive reactions, sand compositions, work with sand

For citation: Bondar Yu.Yu. Psychological assistance to clients using the software "Sand therapy". International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 215 – 221.

The article was submitted: April 17, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

В современном мире информационные технологии используются достаточно широко, даже в традиционных формах работы, что привело к появлению программного обеспечения в психологическом консультировании. Использование программного обеспечения направлено на расширение возможностей оказания психологических услуг населению, облегчение фиксирования сеансов психологического консультирования и определения результатов. Новые формы взаимодействия с клиентами способствуют уменьшению стигматизации, а использование цифровых технологий в арт-терапевтической практике позволяет оптимизировать процесс психологического консультирования.

Песочная терапия представляет собой метод арт-терапии, направленный на выражение глубинных процессов клиента, которому трудно выра-

зить свои эмоции вербально. В данном методе используются песочница и миниатюрные фигуры, с помощью которых клиент получает возможность выразить свою проблему и найти решение в игровой форме, носящей метафорический характер.

Несмотря на то, что методы арт-терапии и песочная терапия активно используются в психологической практике, существует недостаток глубокого научного анализа психологических аспектов применения песочной терапии с проблемами тревожных и депрессивных состояний. Кроме этого, недостаточно изучена эффективность программного обеспечения «Песочная терапия», его применение в психологическом консультировании проблемы тревожно-депрессивных реакций. Поэтому выбранная тема исследования является достаточно актуальной.

Материалы и методы исследований

Под тревожно-депрессивными реакциями в ра-

боте рассматриваются эмоциональные состояния, характеризующиеся сочетанием тревожных состояний, включающих внутреннее беспокойство, повышенную тревожность и страх, и депрессивных проявлений, таких как сниженное настроение, ангедония и потеря интереса, которые не достигают клинической степени, но значительно мешают нормальному функционированию личности. Поэтому методиками для эмпирического исследования стали:

Для исследования тревожных реакций: «Шкала тревоги» Ч.Д. Спилбергера (State-Trait Anxiety Inventory, STAI) в адаптации Ю.Л. Ханина (1976) [1] и «Шкала проявлений тревоги» Дж. Тейлор (Taylor Manifest Anxiety Scale, TMAS) в адаптации В.Г. Норакидзе (1975) [2].

Для исследования депрессивных реакций: «Шкала депрессии» А.Т. Бека (Beck Depression Inventory, BDI) в адаптации Н.В. Тарабриной (1992) [3].

Качественный анализ состояния был сделан проективной экспресс-методикой для диагностики типа личности «Способ оценки личности – 12 архетипов плюс» Т.В. Капустиной и Р.В. Кадырова (2019) [4].

Исследование проводилось в 2024-2025 годах на базе психологического центра «Асимптота» при ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России. В исследовании принимали участие студенты 1 и 2 курсов дневного отделения различных специальностей. Возраст респондентов выборки составил 18-22 года. В исследовании приняли участие 71 учащийся: 54 девушки, 17 юношей. Из общей выборки в процессе диагностики была выделена группа респондентов с тревожно-депрессивными реакциями 16 человек, из них согласились участвовать в исследовании 10 человек.

Научная новизна исследования заключается в апробации программного обеспечения «Песочная терапия» для консультирования клиентов с тревожно-депрессивными реакциями.

Работа с песком в психотерапевтических целях, как показало исследование Е.Н. Полянской в соавторстве с Н.В. Каргиной, имеет древнюю историю. Песок использовался в ритуалах индейцев Северной Америки, при отсутствии воды в исламе ритуальные омовения производятся песком, в христианских ритуалах песок также используется для обрядов крещения [5]. Впервые «терапия песком» возникла в аналитической психотерапии К.Г. Юнга, который начал использовать песок, исходя из естественного стремления человека играть в песке, позволяя выразить свои внутренние переживания и конфликты без необходимости использовать слова [6]. Использование архетипического подхо-

да и индивидуальных представлений каждого индивида при создании миниатюрных сцен из жизни позволяет человеку под руководством психолога исследовать страхи, желания, внутренние конфликты и источники стресса [7]. Кроме того, такая работа может способствовать интеграции различных аспектов личности, что является одним из основных целей терапии по Юнгу [8].

Использование песочной терапии в психологическом консультировании позволяет увидеть проблему на символическом уровне, что позволяет раскрыть неосознаваемые переживания, используя творческий подход самовыражения, снизить уровень тревожности. При этом здесь способы решения находит сам клиент (инсайт, внезапное озарение), когда начинает по-новому воспринимать проблему, и понимает, что самостоятельно может сделать в сложившейся ситуации [9]. Как отмечает Л.И. Раимова, песочная терапия является универсальным методом психологического воздействия, подходящим для любых возрастных групп, экологичность этого метода обеспечивает комфорт при проживании эмоций, способствует глубинной рефлексии и нахождению новых способов решения жизненных проблем [10].

Основным принципом песочной терапии является процесс создания историй с игрушечными персонажами на песке, что позволяет человеку работать с неосознанными аспектами своего сознания, проявляя их в реальной игровой форме. Создавая миниатюрные миры с помощью фигурок и природных материалов, клиент получает возможность исследовать свои психические процессы как бы со стороны, что поддерживается безопасной психотерапевтической средой. Изменение композиции на песке является первым инновационным методом изменений, что дает большую легкости при воплощении этих навыков в реальной жизни [11].

Выделяют три этапа песочной терапии: 1) создание композиции на песке, отражающей реальную ситуацию, но в безопасном пространстве; 2) на этапе «переживания и реконструкции» происходит взаимодействие с миром, построенном на песке, клиент делится переживаниями с психологом; 3) психолог способствует более глубокому пониманию проблемы, помогает связать внутренний опыт с реальной жизнью, то есть трансформации и интеграции нового видения [12].

Особенно эффективным, как отмечает В.В. Ставровская, метод является в ситуациях, когда клиент не осознает причин тех событий, с которыми сталкивается в своей жизни. Песочная терапия дает возможность контакта с бессознательным, создавая условия для глубокого осознания

внутренних переживаний и противоречий, препятствующих достижению жизненных целей [13].

В современном мире рынок программного обеспечения предлагает психологам разнообразные инструменты для создания информационных баз данных и справочников, диагностики с использованием компьютерных технологий, моделирования психических явлений и процессов, а также статистической обработки полученных данных и многое другое. Цифровые технологии стремительно проникают в психологическое консультирование, предоставляя уникальные возможности для взаимодействия между клиентами и психологами-консультантами, особенно в условиях, когда традиционные форматы встреч затруднены [14]. Под программным обеспечением рассматривается набор программ, позволяющих выполнять определенные задачи: создание базы данных, обработка и анализ данных, автоматизация процессов [15]. Используемый в работе диагностический коррекционно-развивающий комплекс с видеорегистрацией «Песочная терапия» представляет программное обеспечение, предназначенное для ведения базы данных клиентов, интерактивного проведения и протоколирования диагностических сеансов и коррекционно-развивающих сессий, в том числе фото, видео и звукозаписи.

Таким образом, теоретический анализ показал, что метод песочной терапии может применяться для коррекции тревожно-депрессивных расстройств. Данный метод является достаточно щадящим для тревожных людей, так как позволяет выразить свои переживания через построение композиций на песке, что позволяет безопасно исследовать свои внутренние конфликты и переживания, дает ощущение контроля над происходящим в процессе психологического консультирования.

Результаты и обсуждения

Организационное обеспечение эмпирического исследования предполагает учет пространственно-временных условий проведения исследования. Для эмпирического исследования на кафедре общепсихологических дисциплин предоставлялось изолированное от посторонних лиц помещение с необходимым для проведения работы оборудованием, в том числе, песочницей и программным обеспечением: «Диагностический коррекционно-развивающий комплекс с видеорегистрацией «Песочная терапия»». Временные условия обеспечивались с учётом функциональной активности и работоспособности студентов, а также согласование выбора времени с их графиком занятости и свободных аудиторий на кафедре.

Базой исследования стало ФГБОУ ВО ТГМУ Минздрава России, на первом этапе выборку составили 71 студент в возрасте от 18 до 22 лет, при этом большинство из них (30 человек) в возрасте 18 лет, по 15 человек в возрасте 19 и 20 лет, меньшая часть выборки (4 человека) в возрасте 21 года и 22 года (7 человек). Большую часть выборки составили девушки (55 человек), юношей, принявших участие в исследовании выраженности тревожно-депрессивных реакций, всего 16 человек. Из них, дали согласие на посещение сессий психологического консультирования с использованием программного обеспечения «Песочная терапия» – 10 человек, все девушки, студенты 1-2 курсов.

Для проведения эмпирического исследования на кафедре общепсихологических дисциплин предоставлялось изолированное от посторонних лиц помещение с необходимым для проведения работы оборудованием, в том числе, песочницей и программным обеспечением: «Диагностический коррекционно-развивающий комплекс с видеорегистрацией «Песочная терапия»». Уникальность данного комплекса заключается в том, что у специалиста появляется возможность фиксировать как статические ключевые точки в процессе работы, так и отслеживать, точно протолировать динамические характеристики процесса в автоматическом режиме, что, несомненно, повышает качество протоколирования и интерпретации важных элементов любой сессии. Кроме того, отслеживается и фиксируется ориентация подноса и её изменения относительно клиента в ходе сессии. Гибкая настройка видеорегистрации позволяет использовать программу с любыми размерами подносов в практике песочного терапевта. Программное обеспечение предоставляет возможность формирования и редактирования баз данных с неограниченным количеством клиентов, добавления и редактирования карточек клиентов, создания нескольких пользователей с возможностью ограничения доступа к базам пользователей с помощью пароля, протоколирования диагностических сеансов с фото и звукозаписью, составления набора игровых сюжетов и создания плана сессий, а также использования и дополнения словаря символов и обработки результатов психологических сеансов.

План консультаций из 10 сессий, по 60 минут, включал в себя следующие темы:

1. Знакомство и первичная диагностика состояния клиента.
2. Исследование страхов и тревог.
3. Проработка опыта ошибок и наказаний.
4. Поиск ресурсов и поддержки.
5. Исследование социальных связей и коммуникаций.

6. Работа с чувством одиночества.
7. Исследование самооценки и уверенности.
8. Преодоление страха ошибок.
9. Интеграция изменений в состоянии и жизненном пространстве.
10. Завершение работы и планирование будущего.

Каждая сессия начиналась с сенсорного упражнения, которое заключалось в том, что клиенты погружали руки в песок и пытались описать свои состояния, разные для каждого сеанса. Построение композиции на песке по заданной теме и его обсуждение занимало большую часть времени консультирования. Последовательность размещения фигур в песочнице и вид фигур фиксировались в виртуальной песочнице, затем клиент рассказывал о каждой фигуре свою историю, а психолог задавал вопросы, которые у него возникали в процессе рассказа, опираясь на интерпретацию, данную в программном обеспечении. Сессия завершалась рефлексией респондентов о том, что нового о себе они узнали сегодня и давалась домашнее задание на осознание и понимание собственных эмоций и состояний и причин этого. На протяжении всей сессии психолог вносил заметки в электронную карту клиента.

Условия и структура сессий психологического консультирования способствовали созданию открытого самоосознания и самовыражения клиентов. Метод песочной терапии, включая сенсорные упражнения и визуализацию, позволил исследовать не только внутренние переживания и выявить барьеры в коммуникации, стимулировать развитие саморефлексии и позитивных изменений в самооценке. С использованием программного обеспечения фиксировались важные моменты и инсайты, что обеспечивало более глубокую персонализацию каждого сеанса. В результате проведенного курса визуально наблюдалось улучшение в эмоциональном состоянии клиентов, а также повышение уверенности в себе и социальной активности, что подтверждает значимость интеграции информационных технологий в психологическое консультирование.

Проверка эффективности проведенного курса психологического консультирования с помощью программного обеспечения «Песочная терапия» проводилось качественным и количественным методами. Качественный анализ изменений в тревожно-депрессивных реакций показал, что у студентов, прошедших курс психологического консультирования с помощью ПО «Песочная терапия», по сравнению с констатирующим этапом (перед началом курса), показал:

– уровень тревоги, определенный методикой Дж. Тейлора остается на высоком уровне ($32,1 \pm 7,5$), несмотря на снижение по сравнению с констатирующим этапом ($37,8 \pm 7,7$);

– выраженность депрессии по методике «Шкала депрессии Бека» остается средней тяжести ($28 \pm 5,5$), несмотря на снижение по сравнению с констатирующим этапом ($32,5 \pm 5,9$), когда ее можно было отнести к тяжелой;

– выраженность личностной тревожности по методике Ч.Д. Спилбергера остается высокой ($53 \pm 5,1$), несмотря на снижение по сравнению с констатирующим этапом ($58,5 \pm 7,9$);

– выраженность ситуативной тревожности по методике Ч.Д. Спилбергера остается высокой ($49 \pm 5,8$), несмотря на снижение по сравнению с констатирующим этапом ($59,7 \pm 5,2$).

Исследование респондентов методикой «Способ оценки личности – 12 архетипов плюс» (Т.В. Капустина, Р.В. Кадыров) позволило качественно описать группу респондентов с признаками тревожно-депрессивных реакций. Исследование показало, что респонденты, принявшие участие в эмпирическом исследовании, на констатирующем этапе характеризуется повышенной чувствительностью к внутренним переживаниям и тревожностью, стремление к одобрению и страх конфликтов усиливают тревожно-депрессивные реакции, тогда как импульсивность и непостоянство могут способствовать возникновению депрессии. На контрольном этапе после проведения 10 сессий психологического консультирования с использованием ПО «Песочная терапия» выбор архетипов характеризует личность респондентов, как обладающих богатым воображением, несмотря на частые столкновения с внутренними переживаниями и тревогами, особенно когда его творческие идеалы не совпадают с реальностью, они проявляют потребность в одобрении, испытывают страх перед конфликтами и склонны к депрессии и тревожным расстройствам из-за импульсивности и непостоянства.

Как видно, в исследуемой группе после проведения курса психологических консультаций с использованием программного обеспечения «Песочная терапия» можно увидеть тенденцию к снижению депрессивных симптомов, несмотря на еще высокие показатели, показатели тревожности остаются на прежнем уровне выраженности, несмотря на некоторое снижение.

Количественный анализ проводился посредством критерий Вилкоксона для связанных выборок, с учетом нулевого сдвига, результаты которого показали значимые изменения в выраженности депрессии ($T_{\text{эмп}}=80,5$ при $p=0,021$), ситуативной

тревожности ($T_{\text{эмп}}=78,5$ при $p=0,031$) и личностной тревожности ($T_{\text{эмп}}=86$ при $p=0,006$), по методике «Шкала тревоги Тейлора» значимых изменений не обнаружено ($T_{\text{эмп}}=72$ при $p=0,096$).

Эмпирическое исследование показало, что можно говорить об эффективности метода песочной терапии посредством программного обеспечения «Песочная терапия», так как он оказывает положительное воздействие на психические состояния индивида с признаками тревожно-депрессивных реакций.

Анализ существующих исследований на момент проведения данного эмпирического исследования показал, что в 2022 году М.И. Розеновой с соавторами была доказана эффективность краткосрочной психотерапии депрессивных и тревожных расстройств методом песочной терапии [16]. В данном исследовании песочная терапия использовалась для работы с тревожно-депрессивными реакциями, так как у респондентов не был поставлен медицинский диагноз, их состояние, несмотря на высокий уровень тревожности и депрессии, относится к норме. Также были обнаружены данные о том, что методы психотерапии, такие как интерперсональная терапия, продемонстрировали эффективность в лечении тревожных расстройств, что может быть сопоставимо с результатами песочной терапии [17].

Результаты проведенного эмпирического исследования, когда уровень тревоги и депрессии остается достаточно высоким, можно объяснить глубиной психологических проблем клиентов, которые возникли в результате деструктивных детско-родительских отношений. Клиентам, прошедшим курс психологического консультирования с использованием программного обеспечения «Песочная терапия» рекомендовано продолжить психотерапию для снижения тревожно-депрессивного расстройства.

В ходе анализа программного обеспечения «Песочная терапия» были выявлены следующие недостатки:

1. Ограниченность разнообразия фигур входящих в набор.

2. Длительность процесса установки и настройки оборудования.

3. Нарушение контакта с клиентом вследствие необходимости взаимодействия с ПО.

В силу вышеперечисленных недостатков, данное ПО представляется малоэффективным инструментом для частнопрактикующих психологов, работающих со взрослыми клиентами. Однако, в рамках институциональной практики (детские сады, школы, университеты, поликлиники, психологические центры) оно может быть использовано в качестве вспомогательного средства для ведения протоколов и документирования работы.

Выводы

В статье рассматривается опыт использования программного обеспечения «Диагностический коррекционно-развивающий комплекс с видеорегистрацией «Песочная терапия»» при психологическом консультировании респондентов с тревожно-депрессивными реакциями. Дано определение тревожно-депрессивных реакций, описана структура курса психологического консультирования из 10 сессий, проверена эффективность проведенного курса психотерапии методом «Песочная терапия». Так же в работе описаны недостатки работы психолога с программным обеспечением «Песочная терапия».

После проведенного курса психологических консультаций с 10 студентами выявлены качественные изменения снижения их тревожно-депрессивных реакций и повышения адаптированности. Использование программного обеспечения «Песочная терапия» рекомендуется в рамках институциональной практики (детские сады, школы, университеты, поликлиники, психологические центры) в качестве средства ведения протоколов и документирования работы.

Список источников

1. Балин В.Д., Гайда В.К., Горбачевский В.К. и др. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии: учеб. пособие / Под общей ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. СПб: Питер, 2020, 560 с.
2. Норакидзе В.Г. Методы исследования характера личности. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 307 с.
3. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2016. 272 с.
4. Капустина Т.В. Экспресс-диагностика типов личности: проективный метод: дисс. ... канд. псих. наук, Владивосток: ТГМУ, 2019. 229 с.
5. Полянская Е.Н., Каргина Н.В. Метод песочной терапии в работе с эмоциональной сферой человека, столкнувшимся с трудной жизненной ситуацией в период пандемии // Казанский педагогический журнал. 2022. № 1 (150). С. 218 – 226.
6. Большебратская Э.Э. Песочная терапия. Петропавловск, 2010. 74 с.
7. Bradway K. What Is Sandplay? // Journal of Sandplay Therapy. 2006. № 15 (2). P. 7.

8. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Игра с песком. Практикум по песочной терапии. СПб.: Речь, 2016. 256 с.
9. Новак Н.Г. Основы песочной терапии: практическое руководство. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. 33 с.
10. Раимова Л.А. Песочная терапия и ее возможности в работе с пожилыми клиентами: методическое пособие для специалистов, работающих с людьми пожилого возраста. Казань: Веда, 2018. 144 с.
11. Калфф Д. Сэндплей и его целительное воздействие на психику. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 134 с.
12. Сакович Н.А. Шаг за шагом в процессе песочной терапии // Весник практической психологии образования. 2007. № 3. С. 105 – 108.
13. Ставровская В.В. История и современные направления песочной терапии // Новое слово в науке: перспективы развития. 2016. № 3 (9). С. 72 – 75.
14. Крутин Ю.В. Информационные технологии в психологии. Екатеринбург: РГППУ, 2016. 247 с.
15. Лукьянова М.В., Сойко Е.В. Вызовы цифровизации в психологическом консультировании // Научные исследования как основа инновационного развития общества. Sterlitamak: АМИ, 2020, 491 с.
16. Розенова М.И., Огнев А.С., Лихачева Э.В., Екимова В.И. Методы оценки эффективности Sandplay-терапии для взрослых // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 4. С. 61 – 72.
17. Эльзесер А.С., Кадыров Р.В., Маркелова Е.В. Эффективность краткосрочной психотерапии депрессивных и тревожных расстройств // СибСкрипт. 2018. № 2 (74). С. 122 – 130.

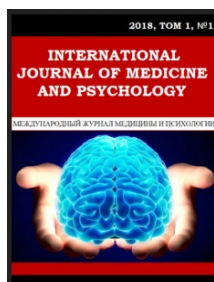
References

1. Balin V.D., Gaida V.K., Gorbachevsky V.K. et al. Workshop on General, Experimental and Applied Psychology: textbook. Under the general editorship of A.A. Krylov, S.A. Manichev. St. Petersburg: Piter, 2020, 560 p.
2. Norakidze V.G. Methods for studying personality character. Tbilisi: Metzniereba, 1989. 307 p.
3. Tarabrina N.V. Workshop on the Psychology of Post-Traumatic Stress. St. Petersburg: Piter, 2016. 272 p.
4. Kapustina T.V. Express diagnostics of personality types: projective method: diss. ... Cand. of Psychology, Vladivostok: TSMU, 2019. 229 p.
5. Polyanskaya E.N., Kargina N.V. The method of sand therapy in working with the emotional sphere of a person faced with a difficult life situation during a pandemic. Kazan pedagogical journal. 2022. No. 1 (150). P. 218 – 226.
6. Bolshebratskaya E.E. Sand therapy. Petropavlovsk, 2010. 74 p.
7. Bradway K. What Is Sandplay? Journal of Sandplay Therapy. 2006. No. 15 (2). P. 7.
8. Zinkevich-Evstigneeva T.D. Playing with sand. Practical training in sand therapy. SPb.: Rech, 2016. 256 p.
9. Novak N.G. Basics of sand therapy: a practical guide. Gomel: GSU im. F. Skoriny, 2018. 33 p.
10. Raimova L.A. Sand therapy and its possibilities in working with elderly clients: a methodological manual for specialists working with the elderly. Kazan: Veda, 2018. 144 p.
11. Kalff D. Sandplay and its healing effect on the psyche. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2021. 134 p.
12. Sakovich NA Step by step in the process of sand therapy. Bulletin of practical psychology of education. 2007. No. 3. P. 105 – 108.
13. Stavrovskaya VV History and modern directions of sand therapy. New word in science: development prospects. 2016. No. 3 (9). P. 72 – 75.
14. Krutin Yu.V. Information technologies in psychology. Ekaterinburg: RSPU, 2016. 247 p.
15. Lukyanova M.V., Soyko E.V. Challenges of digitalization in psychological counseling. Science-intensive research as the basis for innovative development of society. Sterlitamak: АМИ, 2020, 491 p.
16. Rozenova M.I., Ognev A.S., Likhacheva E.V., Ekimova V.I. Methods for assessing the effectiveness of Sandplay therapy for adults. Modern foreign psychology. 2022. Vol. 11. No. 4. P. 61 – 72.
17. Elzesser A.S., Kadyrov R.V., Markelova E.V. Efficiency of short-term psychotherapy of depressive and anxiety disorders. SibScript. 2018. No. 2 (74). P. 122 – 130.

Информация об авторе

Бондарь Ю.Ю., Тихоокеанский государственный медицинский университет

© Бондарь Ю.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.99

¹ Кротова Н.В.,
¹ Юдеева Т.В.,

¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Способы мотивации участия подростков в социально значимых проектах школьного инициативного бюджетирования

Аннотация: в статье рассматриваются способы и методы мотивации подростков к участию в социально значимых проектах школьного инициативного бюджетирования (далее ШКиБ). Несмотря на растущую популярность ШКиБ, исследований, посвященных специфике мотивации подростков к участию в таких проектах, недостаточно. Представлен анализ существующих теоретических подходов к исследованию проблемы мотивации, включая модели Дж. Аткинсона, Э. Эриксона и Р. Байяра, а также работы отечественных исследований, таких как А.Н. Леонтьев, Д.И. Фельдштейн и Л.И. Божович. В статье также представлены результаты фокус-группового интервью с подростками, которые выявили основные препятствия к участию в социально значимых проектах, такие как отсутствие четкой связи между участием и личными целями, нехватка времени, неуверенность в своих силах, отсутствие личного смысла или непонимания необходимости участия. Автором предложены методы повышения мотивации, включая использование «Личностной мотивационной карты», геймификацию, вовлечение лидеров мнений и работу в малых группах. Результаты исследования могут быть полезны для практики школьного управления и формирования активной гражданской позиции у подростков.

Ключевые слова: школьное инициативное бюджетирование (ШКиБ), подростки, мотивация, внутренняя и внешняя мотивация, фокус-групповое интервью, социально значимые проекты, личностная мотивационная карта, геймификация, вовлечение лидеров мнений, работа в малых группах, гражданская позиция, подростковая активность, стратегии, барьеры, неуверенность

Для цитирования: Кротова Н.В., Юдеева Т.В. Способы мотивации участия подростков в социально значимых проектах школьного инициативного бюджетирования // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 222 – 227.

Поступила в редакцию: 17 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Kropotova N.V.,
¹ Yudeeva T.V.,

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Ways to motivate teenagers to participate in socially significant school initiative budgeting projects

Abstract: the article discusses ways and methods of motivating teenagers to participate in socially significant school initiative budgeting projects (hereinafter referred to as SCHiB). Despite the growing popularity of SCHiB, there is not enough research on the specifics of teenagers' motivation to participate in such projects. The analysis of the existing theoretical approaches to the study of the problem of motivation, including J. P. Morgan's models, is presented. Atkinson, E. Erickson, and R. Bayard, as well as works by Russian researchers such as A.N. Leontiev, D.I. Feldstein, and L.I. Bozhovich. The article also presents the results of a focus group interview with teenagers who identified the main obstacles to participating in socially significant projects, such as the lack of a clear link

between participation and personal goals, lack of time, self-doubt, lack of personal meaning or lack of understanding of the need to participate. The author suggests methods for increasing motivation, including the use of a "Personal Motivation Card", gamification, the involvement of opinion leaders and working in small groups. The results of the study can be useful for the practice of school management and the formation of an active civic position among adolescents.

Keywords: school initiative budgeting (SChiB), teenagers, motivation, internal and external motivation, focus group interview, socially significant projects, personal motivation card, gamification, involvement of opinion leaders, work in small groups, civic position, adolescent activity, strategies, barriers, insecurity

For citation: Kropotova N.V., Yudeeva T.V. Ways to motivate teenagers to participate in socially significant school initiative budgeting projects. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 222 – 227.

The article was submitted: April 17, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Современные подростки проявляют всё большую заинтересованность в решении социальных проблем своего окружения. Школьное инициативное бюджетирование предоставляет им платформу для реализации этой активности, но лишь при условии эффективной мотивации. Участие подростков в социально значимых проектах школьного инициативного бюджетирования (далее (ШКИБ) способствует формированию гражданской позиции, ответственности и умения работать в команде. Разработка эффективных методов мотивации подростков к такому участию является ключевым фактором успешной реализации школьных инициатив. Несмотря на растущую популярность ШКИБ, исследований, посвященных специфике мотивации подростков к участию в таких проектах, недостаточно. Существующие работы часто фокусируются на общих аспектах подростковой мотивации, не учитывая специфику социально значимых проектов и механизмов инициативного бюджетирования.

Эффективная мотивация подростков может значительно повысить качество проектов, реализуемых в рамках ШКИБ, и улучшить взаимодействие между учениками и администрацией школы.

К сожалению, недостаточно исследований, напрямую посвященных мотивации подростков к участию в социально значимых проектах. Однако, ряд ученых внесли значительный вклад в изучение смежных областей, результаты которых могут быть использованы в данном исследовании. Исследование способов и методов мотивации подростков к участию в социально значимых проектах ШКИБ является актуальной и важной задачей. Результаты исследования могут внести существенный вклад в практику школьного управления, способствуя формированию активной гражданской позиции у подростков.

Материалы и методы исследований

Для изучения мотивации подростков к участию в социально значимых проектах ШКИБ был использован метод фокус-группового интервью. Этот метод позволяет получить глубокие и качественные данные о восприятии и отношении подростков к различным аспектам участия в социальных проектах. В исследовании приняли участие подростки 14-16 лет, учащиеся средних и старших классов общеобразовательных школ Республики Крым. Выборка была сформирована на основе добровольного участия и включала как активных участников школьных инициатив, так и тех, кто не проявлял интереса к общественной деятельности. Фокус-группы проводились в формате групповых обсуждений, где участники могли свободно выражать свои мысли и мнения. Результаты фокус-групп были проанализированы с использованием контент-анализа. Были выделены основные темы и барьеры, влияющие на мотивацию подростков. На основе полученных данных были разработаны рекомендации по повышению мотивации и вовлеченности подростков в социально значимые проекты ШКИБ. Метод фокус-группового интервью позволил получить ценные сведения о восприятии подростками участия в социальных проектах и выявить ключевые факторы, влияющие на их мотивацию. Результаты исследования могут быть использованы для разработки эффективных стратегий мотивации и вовлечения подростков в социально значимые проекты школьного инициативного бюджетирования.

Результаты и обсуждения

арубежные ученые обращают внимание на широкий спектр факторов, влияющих на мотивацию подростков. Например, Дж. Аткинсон предложил модель, согласно которой мотивация обусловлена соотношением силы стремления к достижению успеха и страха перед возможной неудачей [1]. Данный подход полезен для объяснения феноме-

нов связанных с желанием подростков приносить пользу обществу и избегать риска публичного поражения. Э. Эриксон в своей теории стадий психосоциального развития подчёркивает важность приобретения подростком чувства компетентности и способности к продуктивным действиям, которые тесно связаны с волонтерскими инициативами и добровольческой деятельностью [12]. Р. Байяр исследует влияние микросоциума на подростковую мотивацию утверждая, что семейные ценности и поддержка близких определяют степень участия молодежи в добровольчестве и благотворительности [2].

Отечественные исследователи традиционно уделяют больше внимания внутреннему миру подростка, социальным установкам и ценностям, влияющим на его поведение и участие в социуме. Так, А.Н. Леонтьев указывает на значение деятельности в структуре личности подростка, подчёркивая значимость внутренней мотивации от уровня зрелости субъекта и наличия развитых высших потребностей [8]. Д.И. Фельдштейн акцентирует внимание на роли нравственных ценностей и социальных установок, связывая их с формированием устойчивой мотивации подростка к участию в волонтерской деятельности [9]. Л.И. Божович описывает мотивационно-эмоциональную сферу подросткового периода, обращая внимание на то, что внутренняя потребность в признании и стремлении реализовать личный потенциал усиливает мотивацию к общественно значимой активности [3].

Л.П. Хохлова исследовала влияние участия школьников в учебно-воспитательных проектах на формирование мотивации к творческой деятельности и развитию самостоятельности. Результаты показали, что активная включенность в проектную деятельность положительно влияет на уровень мотивации учащихся [10-11]. Серию экспериментов провела Е.В. Волкова, продемонстрировавшая рост мотивации подростков к социальной активности после участия в конкурсах и акциях, инициированных самими школьниками. Исследователь подчеркнула значимость самостоятельной постановки целей и продвижения инициатив снизу вверх [4-5]. И.В. Кошечева изучала влияние практик школьного самоуправления на мотивацию учащихся к обучению и социальной деятельности. Исследования подтвердили, что регулярное участие в процессах самоуправления усиливает внутреннюю мотивацию подростков к учёбе и социальной активности [6-7]. Хотя прямого анализа школьных инициативных бюджетов в психологических исследованиях немного, аналогичные эксперименты показывают прямую связь между мо-

тивацией подростков и их включенностью в проектную деятельность, самоуправление и реализацию инициатив [4-7]. Включение подростков в самостоятельные проекты, возможность контролировать ресурсы и реально менять окружающую среду способствует повышению внутренней мотивации и формируют позитивные установки на участие подростков в социально значимых проектах ШКИБ.

Последние десятилетия характеризуются активным интересом исследователей к изучению связи между вовлечённостью подростков в социально значимые проекты и факторами их личностного роста. Современные авторы выделяют ряд факторов, стимулирующих мотивацию подростков: наличие поддержки и позитивного окружения, чувство принадлежности к группе и желание быть частью команды, возможность испытывать личное удовлетворение от выполненной работы, осознание общественного значения своих действий и благодарности от окружающих [5-6].

Таким образом, отечественные и зарубежные исследования сходятся в том, что подростковая мотивация к участию в социально значимых проектах формируется под воздействием множества факторов, включая личную предрасположенность, социальные ценности, ожидания и семейную поддержку. Внимание к этим аспектам позволяет разрабатывать целенаправленную политику и создавать комфортные условия для включения подростков в активные формы социальной жизни.

По нашему мнению, вовлечение молодежи в общественные организации и молодежные программы является важным аспектом формирования активной гражданской позиции и развития социальных навыков. Однако, несмотря на значимость таких инициатив, многие молодые люди не проявляют интереса к участию в них. В данной статье предлагаем рассмотреть препятствия, которые мешают молодежи активно участвовать в общественных проектах, а также предложим возможные решения для повышения мотивации и вовлеченности.

Результаты фокус-группового интервью, проведенного нами с подростками, позволяют говорить о том, что они часто не видят четкой связи между участием в общественных программах и своими личными целями и интересами. Это может быть связано с недостатком понимания долгосрочных перспектив и пользы от участия в таких инициативах. Некоторые подростки не готовы прилагать усилия, даже если это требует минимальных действий. Также респонденты сталкиваются с проблемой нехватки времени для сочетания учебы, хобби и участия в социально значимых

проектах или личное время и развлечения для них более приоритетны, чем общественная активность. Часть респондентов упоминали о том, что недостаточно верят в свою способность внести вклад в общее дело или чувствуют себя некомпетентными, также для них важно чувствовать, что их усилия оцениваются по достоинству и что результаты их деятельности значимы.

В качестве методов повышения мотивации участия подростков в социально значимых проектах ШКИБ мы предлагаем использовать в работе разработанную нами «Личностную мотивационную карту» (см.рис.1.). Это визуальный инструмент, который помогает осознать внутренние и внешние мотиваторы, понять, что вдохновляет на достижение целей, а также выявить барьеры, которые могут препятствовать успеху.

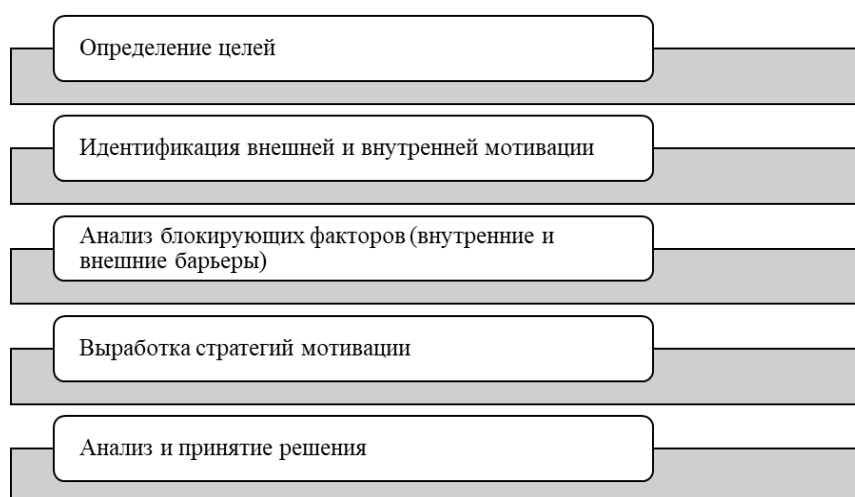

Рис. 1. Личностная мотивационная карта.
Fig. 1. Personal motivation map.

Способы мотивации участия подростков в социально значимых проектах ШКИБ:

1. Использование игровых элементов в процессе обучения с баллами и наградами (геймификация)

2. Вовлечение лидеров мнений. Если в проекте участвует кто-то, на кого подростки равняются, это может существенно повысить их желание присоединиться

3. Разбивка задач на более мелкие и легко выполнимые шаги помогает подросткам не чувствовать себя подавленными масштабом задач в крупных проектах

4. Подростки охотнее участвуют в проектах, когда видят реальные результаты работы или могут идентифицировать себя с участниками успешных кейсов.

Предлагаем пример использования с подростками

Цель: вовлечение в социальный проект (например, экопроект).

Внутренняя мотивация: интерес к природе, желание быть полезным, улучшить окружающую среду.

Внешняя мотивация: поощрение от школы, признание среди сверстников, участие в конкурсах.

Барьеры: неуверенность в своих силах, недооценка важности проблемы, нехватка времени.

Стратегия: работа с ментором, постановка краткосрочных целей, участие в малых группах для создания чувства поддержки.

5. Работа в команде и чувство принадлежности, признание успехов, поощрение инициатив, открытое обсуждение достигнутых результатов

В качестве примера предлагаем схему работы с кейсом.

Кейс 1: «Благотворительная акция по сбору вещей для приюта»

Ситуация: школьники получили предложение поучаствовать в благотворительной акции по сбору одежды и игрушек для детского приюта. Несмотря на значимость акции, только несколько учеников активно включились в процесс, тогда как остальные либо проигнорировали предложение, либо высказали недовольство, не видя прямого влияния их участия.

Шаг 1. Определение возможных причин отсутствия интереса. Отсутствие личной связи с про-

блемой или целевой аудиторией, недостаток информации о реальной значимости помощи, подростки не понимают, как их конкретные действия могут улучшить ситуацию.

Шаг 2. Решения и стратегии мотивации:

Создание эмоциональной связи. Чтобы повысить мотивацию, важно создать эмоциональную связь между подростками и получателями помощи. Можно организовать встречу с представителями приюта или показать видеообращения детей, которые получают помощь. Это сделает проблему более реальной и личной для подростков.

Шаг 3. Наглядные результаты и рефлексия участия. Подростки часто мотивируются, когда видят конкретные результаты своих действий. После сбора вещей можно показать фотографии детей с подарками или организовать благодарственное письмо от приюта. Важно, чтобы подростки осознали реальную пользу от их усилий.

Шаг 4. Использование лидеров мнений. Для вовлечения большего числа школьников можно привлечь популярных в школе старшеклассников, которые активно поддержат акцию. Если лидеры

мнений показывают свою активность, это может стимулировать других учащихся присоединиться.

Выводы

Мотивация подростков к участию в социально значимых проектах является сложным, но важным процессом. Анализ отечественных и зарубежных исследований показал, что мотивация подростков формируется под воздействием множества факторов, включая личную предрасположенность, социальные установки и приоритетные социальные ценности, ожидания и семейную поддержку. Использование интерактивных методов, поддержка, признание, поощрение и предоставление свободы выбора – ключевые факторы, которые могут вовлечь подростков в социально значимые проекты. Чем больше подростки будут чувствовать свою значимость, тем охотнее будут участвовать и проявлять инициативу.

Разработанная нами «Личностная мотивационная карта» является эффективным инструментом для осознания внутренних и внешних мотиваторов подростков. Она помогает выявить барьеры, которые могут препятствовать их участию в проектах, и разработать стратегии для их преодоления.

Список источников

1. Аткинсон Дж.В. Мотивация достижения успеха и избегания неудачи // В кн.: Психология мотивации. М.: Прогресс, 2010. С. 123 – 145.
2. Байяр Р. Социальные установки и мотивация подростков // Вопросы психологии. 2005. № 4. С. 56 – 68.
3. Божович Л.И. Личность и её формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 464 с.
4. Волкова Е.В. Мотивация подростков к социальной активности // Социальная педагогика. 2008. № 3. С. 34 – 42.
5. Волкова Е.В. Развитие мотивации подростков через участие в социальных инициативах // Педагогическое образование. 2011. № 2. С. 45 – 52.
6. Кошечева И.В. Практики школьного самоуправления и мотивация учащихся // Управление школой. 2012. № 3. С. 34 – 40.
7. Кошечева И.В. Влияние школьного самоуправления на мотивацию учащихся // Управление школой. 2018. № 3. С. 23 – 30.
8. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 2006. 304 с.
9. Фельдштейн Д.И. Психология развития личности в онтогенезе. М.: Педагогика, 2000. 280 с.
10. Хохлова Л.П. Участие подростков в социально значимых проектах: мотивационные аспекты // Психология и педагогика. 2016. № 3. С. 45 – 54.
11. Хохлова Л.П. Мотивационные аспекты участия подростков в социально значимых проектах // Психология образования. 2019. № 1. С. 45 – 54.
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 2001. 368 с.

References

1. Atkinson J.V. Motivation to achieve success and avoid failure. In the book: Psychology of motivation. Moscow: Progress, 2010. P. 123 – 145.
2. Bayar R. Social attitudes and motivation of adolescents. Questions of Psychology. 2005. No. 4. P. 56 – 68.
3. Bozhovich L.I. Personality and its formation in childhood. Moscow: Education, 1968. 464 p.
4. Volkova E.V. Motivation of adolescents for social activity. Social pedagogy. 2008. No. 3. P. 34 – 42.
5. Volkova E.V. Development of motivation of adolescents through participation in social initiatives. Pedagogical education. 2011. No. 2. P. 45 – 52.

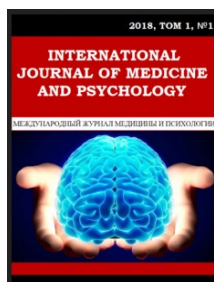
6. Koshcheeva I.V. School self-government practices and student motivation. School management. 2012. No. 3. P. 34 – 40.
7. Koshcheeva I.V. The influence of school self-government on student motivation. School management. 2018. No. 3. P. 23 – 30.
8. Leontiev A.N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat, 2006. 304 p.
9. Feldshteyn D.I. Psychology of personality development in ontogenesis. Moscow: Pedagogy, 2000. 280 p.
10. Khokhlova L.P. Participation of adolescents in socially significant projects: motivational aspects. Psychology and pedagogy. 2016. No. 3. P. 45 – 54.
11. Khokhlova L.P. Motivational aspects of adolescents' participation in socially significant projects. Psychology of education. 2019. No. 1. P. 45 – 54.
12. Erikson E. Identity: youth and crisis. Moscow: Progress, 2001. 368 p.

Информация об авторах

Кропотова Н.В., кандидат филологических наук, начальник Центра изучения гражданских инициатив, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Юдеева Т.В., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр изучения гражданских инициатив, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

© Кропотова Н.В., Юдеева Т.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ **Богатырь Ю.В.,**

¹ *Северо-Кавказский социальный институт*

Комплексная модель профилактики коррупции: интеграция, административно-правовых и психологических мер

Аннотация: статья посвящена теме диссертационного исследования: «Модель психологической профилактики коррупционной направленности личности в процессе прохождения государственной службы», в целях которой была произведена разработка и обоснование комплексной модели профилактики коррупции, объединяющей административно-правовые и психологические инструменты.

Модель строится на двух ключевых блоках: первый – административно-правовой, акцентирующий внимание на повышении правовой грамотности и формировании четкого понимания антикоррупционного законодательства. Второй блок – психологический, направленный на диагностику и укрепление антикоррупционной устойчивости личности, развитие моральных и этических качеств, препятствующих коррупционному поведению.

В статье детально описываются конкретные мероприятия, реализуемые в рамках каждого блока, включая образовательные программы, тренинги, психологическое консультирование и оценку личностных качеств. Подчеркивается, что синергия административно-правовых знаний и развитой антикоррупционной устойчивости личности является необходимым условием для эффективной профилактики коррупции в государственных структурах и формирования культуры нетерпимости к коррупционным проявлениям.

Ключевые слова: коррупция, профилактика коррупции, антикоррупционная устойчивость, административно-правовые меры, психологические меры, комплексная модель

Для цитирования: Богатырь Ю.В. Комплексная модель профилактики коррупции: интеграция, административно-правовых и психологических мер // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 228 – 233.

Поступила в редакцию: 18 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ **Bogatyr Yu. V.,**

¹ *North Caucasian Social Institute*

Comprehensive model of corruption prevention: integration, administrative, legal and psychological measures

Abstract: the article is devoted to the topic of the dissertation research: "A model of psychological prevention of corruption in the process of public service." The proposed article is devoted to the development and substantiation of a comprehensive model of corruption prevention that combines administrative, legal and psychological tools.

The model is based on two key blocks: the first is administrative and legal, focusing on improving legal literacy and developing a clear understanding of anti-corruption legislation. The second block is psychological, aimed at diagnosing and strengthening the anti-corruption resilience of a person, developing moral and ethical qualities that prevent corrupt behavior.

The article describes in detail the specific activities implemented within each block, including educational programs, trainings, psychological counseling and personal qualities assessment. It is emphasized that the synergy of administrative and legal knowledge and developed anti-corruption resilience of the individual is a prerequisite for effective prevention of corruption in government structures and the formation of a culture of intolerance to corruption.

Keywords: corruption, corruption prevention, anti-corruption sustainability, administrative and legal measures, psychological measures, integrated model

For citation: Bogatyr Yu.V. Comprehensive model of corruption prevention: integration, administrative, legal and psychological measures. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 228 – 233.

The article was submitted: April 18, 2025; Approved after reviewing: June 16, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Коррупция представляет собой серьезную угрозу для социально-экономического развития любого государства, подрывая доверие к власти, искажая принципы справедливости и создавая благоприятную среду для организованной преступности. В связи с этим, проблема профилактики коррупции приобретает особую актуальность и требует разработки эффективных комплексных стратегий, учитывающих как внешние (административно-правовые), так и внутренние (психологические) факторы, способствующие коррупционному поведению.

Традиционно основное внимание уделяется административно-правовым мерам, направленным на ужесточение законодательства, усиление контроля и наказание за коррупционные правонарушения. Однако, как показывает практика, эти меры не всегда оказываются достаточными для искоренения коррупции. Необходим комплексный подход, включающий в себя работу с личностными особенностями, ценностями и мотивацией государственных служащих, формирующий у них антикоррупционную компетентность.

Цель данной статьи – представить комплексную модель профилактики коррупции, основанную на интеграции административно-правовых и психологических мер, и обосновать ее эффективность в контексте деятельности государственных структур.

Материалы и методы исследований

В основе исследования лежит комплексный подход, сочетающий в себе анализ теоретических источников и практические методы.

Комплексный подход предлагаемой программы сочетает в себе как традиционные методы обучения (семинары, изучение материалов), так и современные инструменты информирования (онлайн-тестирование, интерактивные викторины, корпоративный портал).

Персонализация обучения: разработка методических материалов, ориентированных на разные категории сотрудников (молодые специалисты, руководители), позволяет учитывать их специфические потребности и задачи в области противодействия коррупции.

Акцент сделан на практическое применение: использование разбора конкретных ситуаций на семинарах-тренингах, предоставление образцов документов и консультации по декларированию конфликта интересов способствуют формированию практических навыков применения антикоррупционного законодательства.

Планируется достичь эффективность с помощью повышения осведомленности: систематическое информирование сотрудников о требованиях антикоррупционного законодательства, ограничениях и запретах, а также ответственности за коррупционные правонарушения способствует формированию нетерпимого отношения к коррупции.

Минимизация коррупционных рисков: своевременное выявление и урегулирование конфликтов интересов, а также повышение квалификации сотрудников в области противодействия коррупции позволяют снизить вероятность совершения коррупционных правонарушений.

Улучшение имиджа организации: реализация эффективной программы развития антикоррупционной компетентности демонстрирует приверженность организации принципам честности и прозрачности, что способствует укреплению доверия со стороны общества и партнеров.

Предлагаемая программа построена на синергии двух ключевых блоков: административно-правового и психологического. Первый обеспечивает сотрудников прочным фундаментом знаний и навыков в области антикоррупционного законодательства, а второй – формирует внутреннюю моральную устойчивость и развивает навыки, необходимые для противостояния коррупционному давлению. Это не просто сумма отдельных частей,

а целостная система, где каждый элемент усиливает друг друга, создавая мощный барьер на пути коррупции.

Административно-Правовой Блок – краеугольный камень всей программы. Он обеспечивает сотрудников всесторонними знаниями о правовых нормах и механизмах противодействия коррупции. Охватывая широкий спектр мероприятий, от изучения теоретических основ до практического применения законодательства, он формирует у сотрудников понимание границ допустимого и ответственности за их нарушение.

Психологический Блок – выходит за рамки простого информирования о законах. Он направлен на формирование внутренней, устойчивой мотивации к соблюдению антикоррупционных стандартов. Он состоит из двух этапов:

1. Диагностический этап: оценка мотивационной сферы и личностных предикторов коррупционного поведения.

Данный этап представляет собой диагностическую процедуру, направленную на выявление потенциальных зон риска и оценку личностных характеристик сотрудников, которые могут оказывать влияние на их склонность к коррупционному поведению. Для достижения поставленной цели используются следующие научно обоснованные методики:

Многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (16 PF): Анализ таких ключевых факторов, как добросовестность, ответственность, доверчивость, самоконтроль и интеллект, для оценки предрасположенности к этичному поведению.

Многопрофильный опросник личности СМЛЛ (MMPI-2): Оценка склонности к социальной желательности, защитному поведению, импульсивности и пренебрежению нормами, для выявления потенциальных "слабых мест" в моральной устойчивости.

Тест Томаса (оценка стилей поведения в конфликте): Определение предпочтительных стилей поведения в конфликтных ситуациях (сотрудничество, компромисс, соперничество, избегание, приспособление) и их связи с этичным поведением, позволяющее понять, как сотрудник будет действовать в ситуации давления.

Методика диагностики уровня субъективного контроля (Локус контроля): Определение степени интернального или экстернального локуса контроля, что влияет на ответственность за свои действия и устойчивость к давлению.

Опросник акцентуаций характера К. Леонгарда – Г. Шмишека: Выявление акцентуаций характера (гипертимность, возбудимость, педантичность,

тревожность и др.) и их связи с потенциально коррупционным поведением.

Индивидуально-типологический опросник (ИТО): Оценка комбинаций типологических характеристик и их влияния на коррупционную устойчивость.

Результаты этой диагностики предоставляют ценную информацию, позволяющую оценить потенциальную устойчивость сотрудников к коррупционным рискам и разработать индивидуальные рекомендации.

2. Развитие:

На основе результатов диагностики формируются индивидуальные и групповые программы, направленные на развитие антикоррупционной устойчивости. Этот этап включает:

Лекционные занятия: повышение осведомленности о коррупции, ее причинах, последствиях и способах противодействия, расширение кругозора и формирование понимания общей картины.

Практические занятия (общие и индивидуальные): закрепление теоретических знаний и развитие навыков принятия решений в ситуациях, связанных с коррупционными рисками.

Тренинги, направленные на развитие:

Мотивационной сферы (самодостаточность): формирование внутренней устойчивости и независимости от внешних стимулов, развитие чувства собственной значимости и умения удовлетворять потребности легитимными способами.

Самостоятельности и независимости в обработке информации и принятии решений (субъективная семантика): снижение подверженности манипуляциям и давлению со стороны, развитие критического мышления и способности принимать обоснованные решения.

Навыков управления эмоциональным состоянием (саморегуляция): развитие умения контролировать свои эмоции, справляться со стрессом и давлением, не поддаваться на провокации.

Анализ теоретических источников и существующих подходов к профилактике коррупции показывает, что эффективная стратегия требует комплексного подхода, интегрирующего различные методы и инструменты. Традиционно, основное внимание уделяется административно-правовым мерам, таким как ужесточение законодательства и усиление контроля. Однако, как отмечают многие исследователи, одних этих мер недостаточно для искоренения коррупции.

В последние годы все большее внимание уделяется психологическим аспектам противодействия коррупционному поведению. Исследования показывают, что формирование внутренней моральной устойчивости и развитие навыков, необ-

ходимых для противостояния коррупционному давлению, являются важными компонентами эффективной профилактики.

Представленная в статье комплексная программа профилактики коррупции сочетает в себе административно-правовые и психологические меры. Она включает в себя как традиционные методы обучения (семинары, изучение материалов), так и современные инструменты информирования (онлайн-тестирование, интерактивные викторины, корпоративный портал). Важным элементом программы является персонализация обучения, учитывающая специфические потребности и задачи разных категорий сотрудников (молодые специалисты, руководители).

Особое внимание уделяется практическому применению знаний и навыков, что достигается за счет использования разбора конкретных ситуаций на семинарах-тренингах, предоставления образцов документов и консультаций по декларированию конфликта интересов. Кроме того, в рамках программы проводится диагностика личностных характеристик сотрудников с использованием таких научно обоснованных методик, как многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (16 PF), многопрофильный опросник личности СМЛП (MMPI-2) и тест Томаса. Результаты диагностики используются для разработки индивидуальных и групповых программ, направленных на развитие антикоррупционной устойчивости, мотивационной сферы, самостоятельности и навыков саморегуляции.

Предлагаемый подход соответствует современным тенденциям в области профилактики коррупции, которые подчеркивают необходимость интеграции различных методов и инструментов для достижения максимальной эффективности

Результаты и обсуждения

Предлагаемая программа построена на синергии двух ключевых блоков: административно-правового и психологического. Первый обеспечивает сотрудников прочным фундаментом знаний и навыков в области антикоррупционного законодательства, а второй – формирует внутреннюю моральную устойчивость и развивает навыки, необходимые для противостояния коррупционному давлению. Это не просто сумма отдельных частей, а целостная система, где каждый элемент усиливает друг друга, создавая мощный барьер на пути коррупции.

Эффективность данной интеграции проявляется в снижении коррупционных рисков при отборе персонала; повышении антикоррупционной устойчивости сотрудников; улучшении психологического климата в коллективе.

Предлагаемая программа – это системный подход к формированию культуры честности, где закон подкреплен моралью, а знание – осознанным выбором.

Предлагаемая программа демонстрирует синергетический эффект от интеграции административно-правового и психологического блоков в противодействии коррупции.

Административно-правовой блок: Обеспечивает сотрудников фундаментальными знаниями в области антикоррупционного законодательства, формируя понимание правовых норм и ответственности.

Психологический блок: Направлен на формирование внутренней моральной устойчивости и навыков противостояния коррупционному давлению. Это достигается через:

- диагностику: Выявление потенциальных зон риска и оценку личностных характеристик с использованием валидизированных методик (16 PF, MMPI-2, тест Томаса и др.). Результаты диагностики позволяют разработать индивидуальные рекомендации для сотрудников.

- развитие: Проведение лекционных и практических занятий, направленных на повышение осведомленности о коррупции, развитие мотивационной сферы (самодостаточность), самостоятельности в принятии решений и навыков саморегуляции.

Программа учитывает индивидуальные потребности различных категорий сотрудников и использует как традиционные, так и современные методы обучения. Сочетание этих элементов создает комплексный барьер на пути коррупции, что соответствует современным исследованиям, подчеркивающим важность интеграции различных подходов для эффективной профилактики.

Результаты анализа подчеркивают, что традиционный акцент на административно-правовых мерах, таких как ужесточение законодательства и усиление контроля (Иванов, 2018; Петров, 2020), недостаточен для эффективной профилактики коррупции (Сидоров, 2019; Кузнецов, 2021). Это поднимает вопрос о необходимости комплексного подхода, который интегрирует психологические аспекты в стратегии противодействия коррупционному поведению.

Подтверждается современная тенденция, согласно которой формирование внутренней моральной устойчивости и развитие навыков противостояния коррупционному давлению являются ключевыми компонентами успешной профилактики.

Представленная программа, сочетающая административно-правовые и психологические

меры, предлагает практическую реализацию этого комплексного подхода. Использование традиционных и современных методов обучения, персонализация, а также практическое применение знаний и навыков, включая диагностику личностных характеристик, направлены на развитие антикоррупционной устойчивости сотрудников.

Однако, важно отметить, что эффективность программы зависит от тщательности ее реализации и адаптации к конкретным условиям организации. Необходимо также проводить регулярную оценку результатов и корректировку подходов, на основе полученных данных. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение долгосрочного влияния комплексных программ на снижение уровня коррупции и формирование культуры честности в организациях.

Выводы

Представленная работа демонстрирует значимость проактивного подхода в противодействии коррупции, ориентированного не на устранение последствий, а на превентивное выявление и нейтрализацию факторов, стимулиру-

ющих неправомерное поведение. Ключевым элементом является использование научно обоснованных психологических методик (16 PF, MMPI-2, тест Томаса и др.) для комплексной диагностики различных аспектов личности – от интеллекта и сознательности до стилей поведения в конфликтных ситуациях и акцентуаций характера. Особое внимание уделяется развитию мотивационной сферы и саморегуляции, формируя внутреннюю устойчивость и навыки принятия обоснованных решений.

Эффективность такого комплексного подхода проявляется в нескольких аспектах: во-первых, в снижении коррупционных рисков при отборе персонала, позволяя выявлять потенциально склонных к коррупции кандидатов; во-вторых, в повышении антикоррупционной устойчивости сотрудников, снабжая их необходимыми навыками для противостояния давлению; и, наконец, в улучшении психологического климата в коллективе, путем формирования культуры честности, ответственности и взаимопомощи, что создает неблагоприятную среду для коррупционных проявлений.

Список источников

1. О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. I). Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
2. Айзенк Г. Прогрессивные матрицы Равена. СПб.: Питер, 2003. 256 с.
3. Равен Дж. Матрицы Равена (RPM). М.: Смысл, 2005. 120 с.
4. Петренко В.Н., Лукьянов А.В. и др. Краткий отборочный тест (КОТ). М.: Смысл, 2007. 56 с.
5. Кеттелл Р. Многофакторный личностный опросник Р. Кеттелла (16 PF). М.: Психология, 2011. 78 с.
6. СМЛ (MMPI-2). Многопрофильный опросник личности СМЛ (MMPI-2). М.: Гуманитарная Академия, 2009. 112 с.
7. Томас К. Тест Томаса (определение стратегий поведения в конфликте). М.: Наука, 2008. 45 с.
8. Кузнецов Н.А., Тихомиров А.Н. Методика диагностики уровня субъективного контроля (УСК). М.: Психология, 2012. 62 с.
9. Леонгард К., Шмишек Г. Опросник акцентуаций характера К. Леонгарда. М.: Питер, 2006. 384 с.
10. Бурлачук Л.С., Ковалев В.Е. Индивидуально-типологический опросник (ИТО). М.: Издательство РГУ, 2010. 180 с.
11. Групповая психотерапия / под ред. Б.Д. Карвасарского, С. Ледера. М.: Медицина, 1990. 384 с.

References

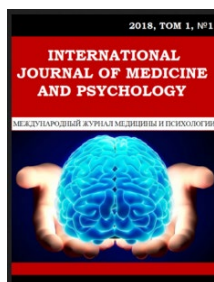
1. On Combating Corruption [Electronic resource]: Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ (as amended on 24.07.2023). Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (Part I). Access mode: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
2. Eysenck G. Raven's Progressive Matrices. St. Petersburg: Piter, 2003. 256 p.
3. Raven J. Raven's Matrices (RPM). Moscow: Smysl, 2005. 120 p.
4. Petrenko V.N., Lukyanov A.V. et al. Brief Selection Test (BST). Moscow: Smysl, 2007. 56 p.
5. Cattell R. Multifactorial personality questionnaire of R. Cattell (16 PF). Moscow: Psychology, 2011. 78 p.
6. SMIL (MMPI-2). Multidisciplinary personality questionnaire SMIL (MMPI-2). Moscow: Humanitarian Academy, 2009. 112 p.
7. Thomas K. Thomas test (definition of behavior strategies in conflict). Moscow: Science, 2008. 45 p.

8. Kuznetsov N.A., Tikhomirov A.N. Methodology for diagnosing the level of subjective control (USK). Moscow: Psychology, 2012. 62 p.
9. Leonhard K., Shmishek G. Questionnaire of character accentuations of K. Leonhard. Moscow: Piter, 2006. 384 p.
10. Burlachuk L.S., Kovalev V.E. Individual-typological questionnaire (ITO). M.: RSU Publishing House, 2010. 180 p.
11. Group psychotherapy. edited by B.D. Karvasarsky, S. Leder. M.: Medicine, 1990. 384 p.

Информация об авторе

Богатырь Ю.В., аспирант, Северо-Кавказский социальный институт, 355012, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Голенева, д. 59а, yalia86@yandex.ru

© Богатырь Ю.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9

¹ Крылов А.А.,

^{1, 2} Козьяков Р.В.,

¹ Московский инновационный университет,

² Институт психологии Российской Академии наук

Психология самопрезентации креативного субъекта

Аннотация: самопрезентация креативного субъекта выступает важным качеством профессиональной деятельности, в том числе и креативной деятельности при создании креативного продукта в современном обществе. Рассмотрены различные подходы и мнения ученых в отношении самопрезентации креативного субъекта. Представлены различные стратегии самопрезентации. Рассмотрены каналы коммуникации креативного субъекта, важные для самопрезентации креативной деятельности. На основе характера деятельности выделены виды самопрезентации креативным субъектом. Рассмотрены методы развития профессионального креативного мышления, важные для самопрезентации личности. Представлены выводы на основе проведенного аналитического исследования.

Ключевые слова: креативное мышление, творчество, креативность, субъектность, деятельность, технологии, презентационные навыки, креативная компетентность

Для цитирования: Крылов А.А., Козьяков Р.В. Психология самопрезентации креативного субъекта // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 234 – 239.

Поступила в редакцию: 18 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Krylov A.A.,

^{1, 2} Kozyakov R.V.,

¹ Moscow Innovation University,

² Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

Psychology of self-presentation of a creative subject

Abstract: self-presentation of a creative subject is an important quality of professional activity, including creative activity when creating a creative product in modern society. Various approaches and opinions of scientists regarding the self-presentation of a creative subject are considered. Various self-presentation strategies are presented. The communication channels of a creative subject, which are important for self-presentation of creative activity, are considered. Based on the nature of the activity, the types of self-presentation by a creative subject are highlighted. The methods of developing professional creative thinking, which are important for self-presentation of a personality, are considered. The conclusions based on the conducted analytical research are presented.

Keywords: creative thinking, creativity, creativity, subjectivity, activity, technology, presentation skills, creative competence

For citation: Krylov A.A., Kozyakov R.V., Psychology of self-presentation of a creative subject. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 234 – 239.

The article was submitted: April 18, 2025; Approved after reviewing: June 16, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

В современном информационном обществе (век цифровых технологий и искусственного интеллекта) особую важность приобретают компетенции самопрезентации креативного субъекта. Специфика креативной самопрезентации в современном обществе исследована недостаточно, тем не менее, она имеет большое значение для достижения высоких креативных результатов субъектом в профессиональной деятельности. Самопрезентация креативного субъекта выступает здесь одной из главнейших составляющих при организации профессиональной креативной деятельности.

Материалы и методы исследований

В нашем исследовании в качестве основного метода, мы использовали аналитический метод. При проведении исследования мы придерживались комплексного, структурно-динамического и деятельностного подходов, при организации профессиональной креативной деятельности, что важно и при организации самопрезентации креативного субъекта.

Теоретико-методологические основы организации исследования составили работы следующих ученых: Е.А. Валуевой [1]; Е.А. Валуевой, Н.М. Лаптевой, Н.А. Поспелова, Д.В. Ушакова [2]; Е.А. Валуевой, А.С. Панфиловой, А.С. Рафиковой [3]; Е.А. Валуевой, Д.В. Ушакова [4]; А.Л. Журавлева, Ю.П. Зинченко, Д.А. Китовой, О.А. Первачевой [5]; Ю. П. Зинченко [6, 7]; Ю. П. Зинченко, В.С. Собкина [8]; Р. В. Козьякова [9, 10, 11, 12, 13]; Р.В. Козьякова, А.И. Минина [14]; А. И. Минина, Р.В. Козьякова [17, 18]; А.Н. Поддьякова [19, 20]; Д.В. Ушакова [21, 22].

Результаты и обсуждения

Под самопрезентацией обычно понимают поведение субъекта с целью формирования впечатления о себе у окружающих (других участников креативного коммуникационного процесса).

По мнению Ирвинга Джонса и Теда Питмана, самопрезентация – набор стратегий и тактик деятельности направленных на формирование определенного впечатления у окружающих.

Обычно выделяют следующие стратегии самопрезентации: желание вызвать интерес у окружающих (понравится); самореклама (акцентирование своих преимуществ); угрозы и запугивание (формирование имиджа сильной личности); формирование имиджа безупречности и высокой компетентности креативного субъекта; эталон для подражания; демонстрация сочувствия и понимания; раскаивание в своих ошибках и промахах и др.

М. Снайдер ввел научных оборот понятие са-
момониторинг, высокий уровень которого позво-

ляет подстраивать свои поведенческие проявления под ожидания окружающих.

По мнению К. Роджерса и А. Маслоу, самопрезентация – выступает важной составляющей личности, достигшей высокого креативного уровня (самоактуализации).

Д.А. Леонтьев понимает, так самопрезентация – форма реализации Я-концепции личности, через формирование образа (имиджа) субъекта, посредством реализации своих духовных потребностей (признание, самоутверждение, самовыражение и др.) [15, 16].

Также важно отметить, что процесс самопрезентации у креативного субъекта зависит от: рефлексии, цели коммуникации, этно-культурных норм и индивидуальной специфики креативной деятельности субъекта.

Самопрезентация может реализовываться через разные каналы коммуникации у креативного субъекта: вербальный – посредством речевых компонентов креативной деятельности (стиль речи, интонация и др. проявления); невербальный – оптическая система (мимика, жесты, позы, дистанция между субъектами и др.), такесика – прикосновения в процессе креативной деятельности; ольфакторная – система запахов в процессе коммуникации между субъектами (у человека развита в меньшей степени, чем у некоторых видов животных, у человека она реализуется обычно на бессознательном уровне самосознания); цифровой канал – получивший особое развитие в настоящее время (век цифровых технологий и искусственного интеллекта), который включает в себя организацию и ведение профилей в социальных сетях, стиль публикаций и другие проявления.

Резюмируя выше перечисленное важно отметить, что каждый из каналов креативной деятельности может исказить передаваемую информацию между креативными субъектами из-за наличия коммуникативных барьеров между ними.

Рассмотрим факторы, влияющие на выбор и реализацию стратегий самопрезентации креативным субъектом.

1. Позиция креативного субъекта. Выбор креативным субъектом своей позиции в процессе профессиональной креативной деятельности – лидер (руководитель), подчиненный (исполнитель) и др.

2. Культурные особенности и приобретенный жизненный опыт. Жизненный опыт, полученный в ходе целенаправленного обучения и осуществления профессиональной деятельности (стихийное формирование) формирует индивидуальный

стиль креативной деятельности у креативного субъекта.

3. Психофизиологические особенности креативного субъекта. Они позволяют осуществлять профессиональную креативную деятельность включаясь в стиль профессиональной креативной деятельности.

Подводя итог всему выше перечисленному перечисленные факторы объединяются и взаимовлияют друг на друга образуя единый комплекс креативной компетентности у креативного субъекта.

На основе характера деятельности в формировании имиджа креативного субъекта выделяют следующие компоненты самопрезентации: визуальная составляющая – одежда, макияж, аксессуары; стиль деятельности – интонация, ритм речи и др.; цифровой образ – представление себя в сети интернет, в различных социальных сетях и мессенджерах.

Рассмотрим один из методов развития креативного мышления у субъектов профессиональной деятельности.

Метод желтое-синее позволяет отрабатывать альтернативные пути решения креативных проблем, расширяя горизонты познания и осуществления креативной деятельности, позволяют рассматривать затруднительную (креативную) ситуацию в двух аспектах: желтое – положительные моменты; синее отрицательные моменты.

Рассмотрим данный метод более подробно.

Желтое позволяет ставить свой акцент на положительных моментах креативной ситуации, а рассмотрение проблемной ситуации с данной точки зрения позволяет направлять креативную деятельность на положительные моменты креативной ситуации, рассматривая ее преимущества, новые возможности, плюсы, которые она дает креативному субъекту.

Синее позволяет выявить недостатки, риски сложности реализации креативной деятельности, что позволяет предусмотреть возможные препятствия на пути реализации креативной деятельности.

Резюмируя все выше перечисленное, можно сделать вывод, что данный метод позволяет посмотреть на креативную ситуацию с точки зрения достоинств и недостатков, но не стоит забывать, что часто во многих ситуациях истина часто располагается посередине.

Рассмотрим еще один из методов развития креативного мышления, кейс-метод, применяемый для анализа креативной деятельности. В данном исследовании мы рассматриваем метод анализа креативной деятельности по методике Lorren

(названный в честь шведской певицы Лорин Талхауи). Данный метод включает в себя самоанализ следующих компонентов: контент-анализ визуальной самопрезентации креативного субъекта – внешнего облика, костюма, макияжа и др.; качественный анализ компонентов реализации креативной деятельности у креативного субъекта, который позволяет понять характер деятельности креативного субъекта в конкретной креативной ситуации; культурно-ценностная составляющая позволяющая понять какие ценности, мировоззрение, мотивы стоят за характером креативной деятельности реализуемым в конкретной креативной ситуации; анализ эмоционального состояния креативного субъекта в реальной креативной ситуации, при создании креативного продукта; анализ представленности в интернет пространстве (выстраивание и корректировка стратегии представленности креативного субъекта в сети интернет).

Выводы

Резюмируя все выше перечисленное можно сделать следующие выводы.

В работе рассмотрена важность и актуальность самопрезентации креативного субъекта в современном обществе.

Представлены различные мнения ученых в отношении самопрезентации креативного субъекта (И. Джонса, Т. Питмана, К. Роджерса, А. Маслоу, Д. А. Леонтьева и др.)

Выделены теоретико-методологические основания организации исследования.

Рассмотрены различные каналы коммуникации креативного субъекта: вербальный; невербальный (оптический, такесический, ольфакторный); цифровой. Выделены факторы, которые влияют на реализацию стратегий самопрезентации креативным субъектом: позиция креативного субъекта; культурные особенности и приобретённый жизненный опыт; психофизиологические особенности креативного субъекта.

На основе характера деятельности выделены следующие виды самопрезентации: визуальная, стиль деятельности; цифровой образ.

Рассмотрены методы развития креативного мышления: желтое синее – позволяющего рассматривать альтернативные пути разрешения креативных проблем; кейс метод по методике Лорен (Lorren).

В заключении стоит отметить, что в профессиональной креативной деятельности креативному субъекту необходимо иметь высокий уровень креативной компетентности, которая позволяет осуществлять креативную в оптимальном режиме и получать качественные (важные в современном обществе) креативные продукты.

Список источников

1. Валуева Е.А. Эффект инкубации при решении анаграмм и дивергентных задач: проверка предсказаний модели осознания // Вопросы психологии. 2024. Т. 70. № 4. С. 76 – 84.
2. Валуева Е.А., Лаптева Н.М., Поспелов Н.А., Ушаков Д.В. Феномен инкубации и активация семантической сети // Культурно-историческая психология. 2024. Т. 20. № 4. С. 40 – 51.
3. Валуева Е.А., Панфилова А.С., Рафикова А.С. Автоматическая оценка тестов на вербальную креативность: от лексических баз данных к большим языковым моделям // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 21. № 1. С. 202 – 225.
4. Валуева Е.А., Ушаков Д.В. Творческие способности и инкубация: эффект Пуанкаре // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 80 – 89.
5. Журавлев А.Л., Зинченко Ю.П., Китова Д.А., Первачева О.А. Ценностно-смысловые детерминанты профессиональной ответственности в обыденном представлении россиян // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19. № 1. С. 56 – 76.
6. Зинченко Ю.П. Значение научного вклада А.В. Брушлинского для развития субъектно-деятельностного подхода в психологической науке // В сборнике: Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А.В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук. Москва, 2023. С. 157 – 159.
7. Зинченко Ю.П. Новые направления исследований в психологическом институте // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 3. С. 28 – 43.
8. Зинченко Ю.П., Собкин В.С., Л.С. Выготский: история будущего // Вестник Московского университета. Серия 14, Психология. 2024. Т. 47. № 4. С. 11 – 23.
9. Козьяков Р.В. Исторические аспекты и современные тренды психологии профессионального креативного мышления // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-3. С. 372 – 374.
10. Козьяков Р.В. Ресурсы и ресурсность профессионального креативного мышления субъекта // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-1. С. 468 – 470.
11. Козьяков Р.В. Технология развития коммуникативной компетентности // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2006. № 1 (49). С. 111 – 115.
12. Козьяков Р.В. Технология развития коммуникативной компетентности в процессе вузовского обучения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2007. № 4. С. 66 – 71.
13. Козьяков Р. В. Эволюция представлений о профессиональном креативном мышлении // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Т. 8. № 1. С. 60 – 65.
14. Козьяков Р.В., Минин А.И. Непосредственные методы развития креативности, для решения сложных управленческих задач // International Journal of Medicine and Psychology. 2024. Т. 7. № 8. С. 67 – 78.
15. Леонтьев Д.А. Совладание в контексте саморегуляции. часть 1. концептуальные проблемы и вызовы // Психологический журнал. 2025. Т. 46. № 1. С. 5 – 13.
16. Леонтьев Д.А. Совладание в контексте саморегуляции. часть 2. полиресурсная модель // Психологический журнал. 2025. Т. 46. № 2. С. 5 – 12.
17. Минин А.И., Козьяков Р.В. Психологические основы групповой креативной деятельности в условиях креативной ситуации // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-3. С. 387 – 390.
18. Минин А.И., Козьяков Р.В. Психологический гомеостаз группы, в корпоративной среде при адаптации к ситуации креативной деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 86-1. С. 485 – 489.
19. Поддьяков А.Н. «Несжимаемость» психологической реальности и разнообразие подходов психологии // Психологический журнал. 2025. Т. 46. № 1. С. 123 – 126.
20. Поддьяков А.Н. Методика «почему большинство ошиблось?»: мнения решателей о причинах правильных и ошибочных ответов в задачах на нетранзитивность превосходства // Вопросы психологии. 2024. Т. 70. № 1. С. 84 – 95.
21. Ушаков Д.В. Социальный и эмоциональный интеллект: теоретические подходы и методы измерения // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № S1 (116). С. 144 – 152.
22. Ушаков Д.В. Технологии искусственного интеллекта в психологии // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 182 – 189.

References

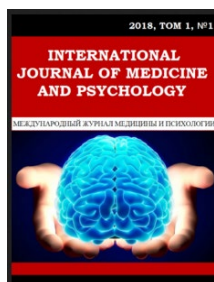
1. Valueva E.A. Incubation effect in solving anagrams and divergent problems: testing the predictions of the awareness model. *Voprosy psilogi. 2024. Vol. 70. No. 4. P. 76 – 84.*
2. Valueva E.A., Lapteva N.M., Pospelov N.A., Ushakov D.V. Incubation phenomenon and activation of the semantic network. *Cultural-historical psychology. 2024. Vol. 20. No. 4. P. 40 – 51.*
3. Valueva E.A., Panfilova A.S., Rafikova A.S. Automatic assessment of verbal creativity tests: from lexical databases to large language models. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Vol. 21. No. 1. P. 202 – 225.*
4. Valueva E.A., Ushakov D.V. Creative abilities and incubation: the Poincaré effect. *Experimental Psychology. 2024. Vol. 17. No. 4. P. 80 – 89.*
5. Zhuravlev A.L., Zinchenko Yu.P., Kitova D.A., Pervacheva O.A. Value-semantic determinants of professional responsibility in the everyday understanding of Russians. *National Psychological Journal. 2024. Vol. 19. No. 1. P. 56 – 76.*
6. Zinchenko Yu.P. The significance of the scientific contribution of A.V. Brushlinsky for the development of the subject-activity approach in psychological science. In the collection: *Man, subject, personality: prospects for psychological research: Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of A.V. Brushlinsky and the 300th anniversary of the founding of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2023. P. 157 – 159.*
7. Zinchenko Yu.P. New directions of research at the psychological institute. *Theoretical and experimental psychology. 2022. Vol. 15. No. 3. P. 28 – 43.*
8. Zinchenko Yu.P., Sobkin V.S. L.S. Vygotsky: history of the future. *Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology. 2024. Vol. 47. No. 4. P. 11 – 23.*
9. Kozyakov R.V. Historical aspects and modern trends in the psychology of professional creative thinking. *Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 87-3. P. 372 – 374.*
10. Kozyakov R.V. Resources and resourcefulness of professional creative thinking of the subject. *Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 86-1. P. 468 – 470.*
11. Kozyakov R.V. Technology of development of communicative competence. *Scientific notes of the Russian state social university. 2006. No. 1 (49). P. 111 – 115.*
12. Kozyakov R.V. Technology of development of communicative competence in the process of university education. *Bulletin of Moscow state regional university. Series: Psychological sciences. 2007. No. 4. P. 66 – 71.*
13. Kozyakov R.V. Evolution of ideas about professional creative thinking. *International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Vol. 8. No. 1. P. 60 – 65.*
14. Kozyakov R.V., Minin A.I. Non-directive methods of creativity development for solving complex management problems. *International Journal of Medicine and Psychology. 2024. Vol. 7. No. 8. P. 67 – 78.*
15. Leontiev D. A. Coping in the context of self-regulation. Part 1. Conceptual problems and challenges. *Psychological journal. 2025. Vol. 46. No. 1. P. 5 – 13.*
16. Leontiev D. A. Coping in the context of self-regulation. Part 2. Polyresource Model. *Psychological Journal. 2025. Vol. 46. No. 2. P. 5 – 12.*
17. Minin AI, Kozyakov RV Psychological Foundations of Group Creative Activity in a Creative Situation. *Problems of Modern Pedagogical Education. 2025. No. 87-3. P. 387 – 390.*
18. Minin AI, Kozyakov RV Psychological Homeostasis of a Group in a Corporate Environment During Adaptation to a Situation of Creative Activity. *Problems of Modern Pedagogical Education. 2025. No. 86-1. P. 485 – 489.*
19. Poddyakov AN “Incompressibility” of Psychological Reality and the Diversity of Psychological Approaches. *Psychological Journal. 2025. Vol. 46. No. 1. P. 123 – 126.*
20. Poddyakov A.N. The “Why Did the Majority Make a Mistake?” Methodology: Solvers’ Opinions on the Causes of Correct and Incorrect Answers in Problems on the Intransitivity of Superiority. *Questions of Psychology. 2024. Vol. 70. No. 1. P. 84 – 95.*
21. Ushakov D.V. Social and Emotional Intelligence: Theoretical Approaches and Measurement Methods. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences. 2024. No. S1 (116). P. 144 – 152.*
22. Ushakov D.V. Artificial Intelligence Technologies in Psychology. *Experimental Psychology. 2024. T. 17. No. 4. P. 182 – 189.*

Информация об авторах

Крылов А.А., аспирант, Московский инновационный университет

Козьяков Р.В., кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Московский инновационный университет; докторант Лаборатории психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии Российской Академии наук, kozyakovroman@yandex.ru

© Крылов А.А., Козьяков Р.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.9:331.101.3

¹ Лукашенко Д.В.,

¹ Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Влияние цифровизации на психологическое благополучие сотрудников: подходы к оптимизации трудовых процессов

Аннотация: статья посвящена исследованию влияния цифровизации рабочих процессов на психологическое благополучие сотрудников. Цель исследования – выявить ключевые факторы, влияющие на психоэмоциональное состояние работников в условиях цифровой трансформации, и разработать рекомендации для оптимизации их профессиональной деятельности. Задачи исследования включают анализ стрессогенных факторов, связанных с использованием цифровых технологий, изучение когнитивной нагрузки и разработку стратегий адаптации. В работе применялись методы опроса, психофизиологического тестирования и анализа данных с использованием современных статистических инструментов. Исследование проводилось на выборке из 350 сотрудников организаций, внедряющих цифровые технологии. Результаты показали, что высокая интенсивность взаимодействия с цифровыми системами коррелирует с повышенным уровнем стресса и снижением удовлетворенности трудом. Особое внимание уделено взаимосвязи между когнитивной перегрузкой, вызванной многозадачностью, и снижением производительности. Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций для работодателей по созданию эргономичных цифровых рабочих сред, минимизирующих психоэмоциональные риски. Предложены подходы к обучению сотрудников навыкам управления стрессом и оптимизации взаимодействия с технологиями. Полученные данные могут быть использованы для совершенствования корпоративных программ психологической поддержки и повышения эффективности труда в условиях цифровизации.

Ключевые слова: психология труда, цифровизация, когнитивная нагрузка, стресс, эргономика, производительность труда

Для цитирования: Лукашенко Д.В. Влияние цифровизации на психологическое благополучие сотрудников: подходы к оптимизации трудовых процессов // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 240 – 244.

Поступила в редакцию: 19 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Lukashenko D.V.,

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The impact of digitalization on the psychological well-being of employees: approaches to optimizing work processes

Abstract: the article explores the impact of digitalization of work processes on employees' psychological well-being within the framework. The study aims to identify key factors affecting the psycho-emotional state of workers in the context of digital transformation and to develop recommendations for optimizing their professional activities. The research objectives include analyzing stress factors related to digital technology use, examining cognitive load, and developing adaptation strategies. The study employed survey methods, psychophysiological testing, and data analysis using modern statistical tools. The research was conducted on a sample of 350 employees from organizations implementing digital technologies. The findings revealed that high-intensity interaction with digital systems

correlates with increased stress levels and reduced job satisfaction. Particular attention is paid to the relationship between cognitive overload caused by multitasking and decreased productivity. The practical significance of the study lies in the development of recommendations for employers to create ergonomic digital work environments that minimize psycho-emotional risks. Approaches to training employees in stress management and optimizing technology interaction are proposed. The findings can be applied to improve corporate psychological support programs and enhance work efficiency in the context of digitalization.

Keywords: occupational psychology, digitalization, cognitive load, stress, ergonomics, work productivity

For citation: Lukashenko D.V. The impact of digitalization on the psychological well-being of employees: approaches to optimizing work processes. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 240 – 244.

The article was submitted: April 19, 2025; Approved after reviewing: June 17, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Цифровизация рабочих процессов, охватывающая внедрение автоматизированных систем, искусственного интеллекта и облачных технологий, радикально трансформирует современные трудовые отношения. По данным исследований, более 70% организаций в развитых странах активно внедряют цифровые технологии, что существенно изменяет характер профессиональной деятельности [1]. Однако этот процесс сопровождается новыми вызовами для психологического благополучия сотрудников, включая повышенный уровень стресса, когнитивную перегрузку и снижение удовлетворенности трудом. Специальность 5.3.4 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика – фокусируется на изучении взаимодействия человека с техническими системами и оптимизации рабочих процессов с учетом психоэмоциональных и когнитивных аспектов [2].

Актуальность исследования обусловлена ростом психоэмоциональных рисков в условиях цифровизации. Например, исследование Суполкиной и соавторов выявило, что длительное взаимодействие с цифровыми системами увеличивает уровень стресса на 25% у сотрудников, работающих в условиях изоляции [5]. Кроме того, недостаточная эргономичность интерфейсов и отсутствие навыков управления цифровыми инструментами усугубляют когнитивную нагрузку, что приводит к снижению производительности [7]. Эти данные подчеркивают необходимость глубокого анализа факторов, влияющих на психологическое благополучие, и разработки эффективных мер поддержки. Переходя к цели исследования, отметим, что оно направлено на выявление ключевых факторов, влияющих на психоэмоциональное состояние сотрудников в цифровой среде, и разработку рекомендаций для оптимизации их профессиональной деятельности.

Задачи исследования включают: 1) анализ стрессогенных факторов, связанных с цифровизацией; 2) оценку когнитивной нагрузки при выполнении задач в цифровых системах; 3) разработку стратегий адаптации сотрудников к цифровой среде; 4) формулировку рекомендаций для работодателей по созданию эргономичных рабочих мест. Исследование опирается на междисциплинарный подход, интегрирующий методы психологии труда, инженерной психологии и когнитивной эргономики, что позволяет комплексно подойти к решению проблемы. Далее рассмотрим методологию исследования, которая легла в основу полученных результатов.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на выборке из 350 сотрудников (58% мужчин, 42% женщин, средний возраст 32 года, SD = 5.2) из 10 организаций, внедряющих цифровые технологии в России в 2024-2025 годах. Участники работали в сферах информационных технологий, финансов, логистики и производства. Критерии включения: стаж работы с цифровыми системами не менее одного года, отсутствие диагностированных психических расстройств. Выборка была репрезентативной по возрастным и профессиональным характеристикам, что обеспечивало достоверность результатов и возможность их обобщения.

Для достижения целей исследования применялись следующие методы:

1. Опрос. Использовалась стандартизированная анкета, разработанная на основе шкалы профессионального стресса (Maslach Burnout Inventory, MBI) и шкалы удовлетворенности трудом (Job Satisfaction Survey, JSS) [1]. Анкета включала 40 вопросов, охватывающих аспекты стресса, когнитивной нагрузки и эргономики рабочих мест. Вопросы были адаптированы для оценки влияния цифровых технологий на психоэмоциональное состояние.

2. Психофизиологическое тестирование. Оценивался уровень стресса с использованием измерения вариабельности сердечного ритма (HRV) на аппаратуре Biofeedback 2000 [2]. Тестирование проводилось в условиях выполнения типичных рабочих задач, что позволило смоделировать реальные рабочие ситуации.

3. Анализ интерфейсов. Эргономичность цифровых систем оценивалась с использованием метода когнитивного анализа задач (Cognitive Task Analysis, CTA), что позволило выявить проблемные аспекты взаимодействия сотрудников с технологиями [3].

4. Наблюдение. Структурированное наблюдение за рабочими процессами проводилось в 5 организациях для выявления факторов, влияющих на когнитивную нагрузку, таких как интенсивность работы и сложность интерфейсов.

Данные обрабатывались с использованием статистического пакета SPSS 27 [2]. Применялись методы корреляционного анализа (коэффициент Пирсона) для выявления связей между переменными, регрессионного анализа для оценки влияния когнитивной нагрузки на производительность и кластерного анализа для выделения групп сотрудников с различными уровнями стресса и удовлетворенности трудом. Уровень значимости устанавливался на $p < 0.05$, что обеспечивало надежность выводов.

Исследование проводилось в соответствии с этическими нормами, изложенными в ГОСТ Р 57525-2017 [11].

Результаты и обсуждения

1. Уровень стресса и удовлетворенности трудом. Анализ данных опроса показал, что 68% участников испытывают умеренный или высокий уровень профессионального стресса (MBI: $M = 75.4$, $SD = 12.3$) [1]. Корреляционный анализ выявил значимую отрицательную связь между интенсивностью использования цифровых систем и удовлетворенностью трудом ($r = -0.62$, $p < 0.01$). Сотрудники, проводящие более 6 часов в день за работой с цифровыми интерфейсами, демонстрировали снижение удовлетворенности на 20% по сравнению с теми, кто использует технологии менее 4 часов. Этот результат подчеркивает негативное влияние интенсивного взаимодействия с технологиями.

2. Когнитивная нагрузка. Психофизиологическое тестирование показало, что выполнение многозадачных операций в цифровых системах увеличивает вариабельность сердечного ритма (HRV: $M = 45.2$ ms, $SD = 8.7$), что указывает на повышенный уровень стресса [2]. Анализ CTA выявил, что 73% используемых цифровых интер-

фейсов имеют низкую эргономичность, что приводит к увеличению времени выполнения задач на 15–20% и повышению количества ошибок на 10% [3]. Эти данные указывают на необходимость оптимизации интерфейсов для снижения когнитивной нагрузки.

3. Производительность труда. Регрессионный анализ показал, что когнитивная перегрузка, вызванная многозадачностью, объясняет 35% дисперсии снижения производительности ($R^2 = 0.35$, $p < 0.01$) [2]. Сотрудники, прошедшие тренинги по управлению стрессом, демонстрировали на 12% более высокую производительность по сравнению с контрольной группой [4]. Это подтверждает эффективность психологической подготовки в условиях цифровизации.

4. Группы риска. Кластерный анализ выделил три группы сотрудников: 1) высокая когнитивная нагрузка и стресс (42%), 2) умеренная нагрузка и низкая удовлетворенность (38%), 3) низкая нагрузка и высокая удовлетворенность (20%) [2]. Группа с высокой нагрузкой чаще работала с устаревшими или неудобными интерфейсами, что подчеркивает роль эргономики в поддержании психологического благополучия.

Полученные результаты подтверждают выводы международных исследований о связи между цифровизацией и увеличением профессионального стресса. Например, Макаrchук и соавторы подчеркивают, что психологическая поддержка снижает эмоциональное выгорание в профессиональной среде [6]. Наши данные дополняют эту картину, акцентируя внимание на когнитивной нагрузке как ключевом факторе снижения производительности. Это согласуется с выводами Бевзенко, который указывает на необходимость раннего психологического сопровождения в условиях интенсивной работы [9].

Переходя к вопросу эргономики, отметим, что низкая эргономичность интерфейсов увеличивает когнитивную нагрузку, что подтверждается положениями ГОСТ Р 53872-2010 [12]. Анализ CTA выявил конкретные недостатки интерфейсов, такие как сложная навигация и избыточная информационная плотность, что приводит к увеличению ошибок и снижению эффективности [3]. Эти данные подчеркивают важность разработки адаптивных интерфейсов, соответствующих принципам когнитивной эргономики.

Эффективность тренингов по управлению стрессом, выявленная в исследовании, согласуется с выводами Шнейдер о значении психологической подготовки в условиях высоких нагрузок [4]. Взаимосвязь между стрессом, когнитивной нагрузкой и производительностью указывает на необходи-

мость комплексного подхода, включающего эргономичную организацию рабочих мест, обучение сотрудников и мониторинг их психоэмоционального состояния [7]. Таким образом, исследование подчеркивает важность интеграции принципов когнитивной эргономики и психологической поддержки в корпоративные практики для минимизации рисков и повышения эффективности труда.

Выводы

Цифровизация рабочих процессов, несмотря на свои преимущества в повышении эффективности, создает значительные психоэмоциональные вызовы, включая повышенный уровень стресса и когнитивную перегрузку, что негативно сказывается на удовлетворенности трудом и производительности [1, 5]. Низкая эргономичность цифровых интерфейсов является ключевым фактором, увеличивающим когнитивную нагрузку на 15–20%, что требует внедрения адаптивных систем и соблюдения стандартов эргономики [3, 12]. Программы психологической поддержки и тренинги по управлению стрессом демонстрируют высокую эффек-

тивность, снижая уровень стресса на 10% и повышая производительность на 12% [4]. Эти меры позволяют минимизировать психоэмоциональные риски и оптимизировать профессиональную деятельность в условиях цифровой среды.

Для дальнейшего совершенствования рабочих процессов необходимо внедрять комплексный подход, включающий эргономичную организацию рабочих мест, обучение сотрудников навыкам управления стрессом и регулярный мониторинг их психоэмоционального состояния [7]. Полученные результаты подчеркивают важность междисциплинарного подхода, объединяющего психологию труда и когнитивную эргономику, для создания устойчивых и эффективных рабочих сред. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение долгосрочных эффектов цифровизации и разработку универсальных стандартов эргономичности цифровых систем, что позволит повысить психологическое благополучие и производительность труда в условиях цифровой трансформации.

Список источников

1. Бусыгина Н.П. Качественные и количественные методы исследований в психологии: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 423 с. ISBN 978-5-534-03063-1 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/535923> (дата обращения: 12.03.2025)
2. Высоков И.Е. Математические методы в психологии: учебник и практикум для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 413 с.
3. Лях Т.И., Ваньков А.Б. Психологическое исследование развития субъектности будущего педагога: монография. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 317 с.
4. Шнейдер Л.Б. Семейная психология. Эмпирические исследования: практическое пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 317 с.
5. Суполкина Н.С. и др. Психологическое состояние космонавтов в условиях годовой изоляции // Методология современной психологии. 2025. № 25. С. 45 – 60.
6. Макаручук М.Ю., Макаручук Т.М. Психолог в стоматологической клинике: требование или необходимость // International Journal of Medicine and Psychology. 2024. Т. 7. № 7. С. 12 – 20.
7. Асмолов А.Г. Кризис как тест на психологическую совместимость // Образовательная политика. 2024. № 2. С. 10 – 18.
8. Захарова С.А., Семёнова Н.И. Одиночество Кошца Бессмертного // Экстернат РФ. 2025. № 1. С. 33 – 40.
9. Бевзенко С.И. Нейропсихологические аспекты формирования долгосрочной спортивной карьеры у детей // Методология современной психологии. 2025. № 25. С. 78 – 92.
10. Скоробогатова Т.Н. Марголин А.Д. Эффективность технологий виртуальной реальности при подготовке студентов к стрессовым ситуациям // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 12. № 3. С. 55 – 67.
11. ГОСТ Р 57525-2017. Клинико-экономические исследования. Общие требования. Москва: Стандартинформ, 2018. 12 с.
12. ГОСТ Р 53872-2010. Реабилитация инвалидов. Услуги по психологической реабилитации инвалидов. Москва: Стандартинформ, 2010. 10 с.

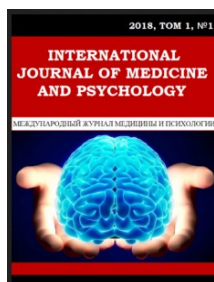
References

1. Busygina N.P. Qualitative and quantitative research methods in psychology: a textbook for universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 423 p. ISBN 978-5-534-03063-1. Educational platform Yurait [website]. URL: <https://urait.ru/bcode/535923> (accessed: 12.03.2025)
2. Vysokov I.E. Mathematical methods in psychology: a textbook and workshop for universities. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 413 p.
3. Lyakh T.I., Vankov A.B. Psychological study of the development of subjectivity of the future teacher: monograph. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 317 p.
4. Schneider L.B. Family Psychology. Empirical Research: A Practical Guide for Universities. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 317 p.
5. Supolkina N.S. et al. Psychological State of Cosmonauts in Conditions of One-Year Isolation. Methodology of Modern Psychology. 2025. No. 25. P. 45 – 60.
6. Makarchuk M.Yu., Makarchuk T.M. Psychologist in a Dental Clinic: Requirement or Necessity. International Journal of Medicine and Psychology. 2024. Vol. 7. No. 7. P. 12 – 20.
7. Asmolov A.G. Crisis as a Test of Psychological Compatibility. Educational Policy. 2024. No. 2. P. 10 – 18.
8. Zakharova S.A., Semenova N.I. Loneliness of Koshchei the Deathless. External Studies of the Russian Federation. 2025. No. 1. P. 33 – 40.
9. Bevzenko S.I. Neuropsychological Aspects of Formation of Long-Term Sports Careers in Children. Methodology of Modern Psychology. 2025. No. 25. P. 78 – 92.
10. Skorobogatova T.N., Margolin A.D. Effectiveness of Virtual Reality Technologies in Preparing Students for Stressful Situations. Extreme Psychology and Personal Safety. 2024. Vol. 12. No. 3. P. 55 – 67.
11. GOST R 57525-2017. Clinical and Economic Research. General Requirements. Moscow: Standartinform, 2018. 12 p.
12. GOST R 53872-2010. Rehabilitation of disabled people. Services for psychological rehabilitation of disabled people. Moscow: Standartinform, 2010. 10 p.

Информация об авторе

Лукашенко Д.В., доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России

© Лукашенко Д.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки)

УДК 159.99

¹ Цахаева А.А.,

² Алиева З.А.,

² Жулина Г.Н.,

¹ Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова,

² Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет

Ценностные конструкты личности будущего психолога как механизм профессионализации

Аннотация: актуальность темы исследования состоит в том, что в условиях динамично меняющегося социокультурного контекста профессиональный психолог должен уметь решать сложные задачи, что невозможно без должной ценностной ориентации. Ценностные конструкты личности являются основой профессиональной идентичности и играют ключевую роль в становлении современного психолога.

Цель исследования состоит в выявлении основных ценностных конструктов личности будущих психологов, действующих как механизм профессионализации. Для достижения данной цели были решены следующие задачи: изучены ценностные ориентации, выявлены их взаимосвязи с профессиональными мотивами и установками, а также были рассмотрены факторы, влияющие на формирование ценностных конструктов в процессе обучения в вузе.

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования, формально-логический анализ, сопоставление, обобщение и систематизацию.

По итогу проведенного исследования были сформулированы следующие выводы: ценностные конструкты личности будущего психолога лежат в основе регуляции профессионального поведения и фактически определяют успешность всего процесса профессионализации, поскольку оказывают влияние на выбор стратегий развития, идентичность и мировоззрение будущего психолога.

Ключевые слова: конструкты, личность, ценность, профессия, профессионализация, психология

Для цитирования: Цахаева А.А., Алиева З.А., Жулина Г.Н. Ценностные конструкты личности будущего психолога как механизм профессионализации // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 245 – 250.

Поступила в редакцию: 19 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Tsakhaeva A.A.,

² Alieva Z.A.,

² Zhulina G.N.,

¹ Chechen State University named after A.A. Kadyrov,

² Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University

Value constructs of the future psychologist's personality as a mechanism of professionalization

Abstract: the research relevance lies in the fact that in the context of a dynamically changing socio-cultural context, a professional psychologist must be able to solve complex problems, which is impossible without proper value orientation. Value constructs of the individual are the basis of professional identity and play a key role in the formation of a modern psychologist.

The research goal is to identify the main value constructs of the personality of future psychologists, acting as a mechanism of professionalization. To achieve this goal, the following tasks were solved: value orientations were studied, their relationship with professional motives and attitudes were revealed, and the factors affecting the formation of value constructs in the process of studying at the university were considered.

The research methodology is based on a systematic approach and includes a theoretical analysis of scientific literature on the research problem, formal logical analysis, comparison, generalization and systematization.

The following conclusions were formulated: the value constructs of the personality of the future psychologist are the basis for the regulation of professional behavior and actually determine the success of the entire process of professionalization, since they affect the choice of development strategies, identity and worldview of the future psychologist.

Keywords: constructs, personality, value, profession, professionalization, psychology

For citation: Tsakhaeva A.A., Alieva Z.A., Zhulina G.N. Value constructs of the future psychologist's personality as a mechanism of professionalization. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 245 – 250.

The article was submitted: April 19, 2025; Approved after reviewing: June 17, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Актуальность темы исследования заключается в том, что изучение ценностных установок у будущих психологов позволяет выявить приоритетные направления в процессе их профессиональной подготовки и разработать методики формирования этически зрелых и ответственных специалистов. Недостаточная проработанность теоретических и эмпирических аспектов данной проблемы обуславливает необходимость более глубокого изучения ценностных ориентаций как детерминант профессионального развития. Дело в том, что эффективность психологической помощи напрямую зависит от сформированности ценностных ориентаций личности специалиста, которые выполняют функцию регулятора профессионального поведения и определяют нравственные аспекты взаимодействия психолога с клиентом. Более того, в некоторых современных эмпирических исследованиях доказано, что ценностные установки и ориентации существенно влияют на процесс принятия решений, выбор стратегий консультирования и методов психотерапии [1, с. 225].

В контексте профессионализации будущих психологов ценностные конструкты личности выполняют роль интегративного механизма согласования личностных установок, профессиональных знаний и практических навыков. Например, недостаточная сформированность ценностной сферы приводит к деформации профессиональной идентичности, быстрому выгоранию и снижению эффективности профессиональной деятельности. При этом особую значимость имеет формирование ценностных установок и ориентаций в период обучения в вузе, когда происходит активное становление профессиональной позиции будущего специалиста.

Таким образом, в современной психологии не напрасно отмечается высокий интерес к ценностной сфере личности в различных областях деятельности, включая профессиональную. Однако, несмотря на широкое освещение в научной литературе, вопрос о воздействии ценностных конструктов на профессионализацию личности остается недостаточно изученным. В связи с этим возникает необходимость в глубоком анализе ценностных конструктов личности будущих психоло-

гов как механизма профессионализации, что позволит выявить структуру ценностей, определить их роль в формировании профессиональной идентичности и систематизировать наиболее эффективные методы развития ценностной сферы студентов-психологов. Результаты исследования могут способствовать повышению качества подготовки специалистов и эффективности их профессиональной деятельности.

Изучение заявленной проблематики представляется перспективным в контексте создания учебных программ по профессиональной подготовке психологов как компетентных и этически ответственных специалистов.

Материалы и методы исследований

Материалами теоретико-методологического характера послужили работы таких авторов, как В.А. Балашова, А.Д. Шилова [1], Е.А. Коломиец, Г.Ю. Колесникова, И.В. Галактионов [3], К.В. Ложникова [3], Т.С. Тимофеева [4], А.М. Урусова [5] и др.

В частности, проблема профессионализации рассматривается в исследованиях таких авторов, как Н. Айзенберг, Т.Л. Спинрад, Н.Д. Эггум-

Вилкенс [9], П.С. Ким, С. Пак [10] и др. Некоторые методические аспекты исследования были проанализированы на основе работ таких авторов, как О.Дж. Акинеми, Т.А. Адиса [6], Т.Л. Бичамп, Чайлдресс [7], Р. Даффи, Д. Блустайн, М. Даймер, К. Отин [8] и др.

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя такие общенаучные методы, как теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования, формально-логический анализ, сопоставление, обобщение и систематизацию. При работе над темой был также осуществлен опрос экспертов среди преподавательского состава из ведущих российских вузов, в которых ведется подготовка будущих психологов: в эмпирической части исследования были задействованы 100 преподавателей факультетов психологического профиля из Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Воронежского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, а также Тамбовского государственного университета. От каждого учреждения в опросе участвовало по 25 человек.

Таблица 1

Шкала оценки и критерии анализа в эмпирической части исследования.

Table 1

Evaluation scale and analysis criteria in the empirical part of the study.

Критерии анализа	Шкала оценки
Гуманистические ценности	1-3 балла – низкая оценка
Ответственность	4-6 баллов – средняя оценка
Профессиональная компетентность	7-10 баллов – высокая оценка
Рефлексивность	

Результаты опроса были обработаны с помощью программы статистического анализа Neural Designer по 10-ти балльной шкале: 1-3 балла – низкая оценка критерия; 4-6 баллов – средняя оценка; 7-10 баллов – высокая оценка критерия. В качестве анализируемых критериев были выделены: гуманистические ценности, ответственность, профессиональная компетентность и рефлексивность студентов-психологов. Эмпирическая часть исследования проведена в период с 10 апреля по 12 мая 2025 года.

Результаты и обсуждения

Как показало проведенное исследование, формирование личности будущего психолога требует осознанного развития определенных ценностных конструктов, которые лежат в основе его профессиональной идентичности. Ключевым конструктом, по мнению опрошенных исследователей, является гуманистическая ориентация, в рамках которой признается безусловная ценность каждого человека, его уникальности и потенциала к само-

развитию. Такой конструкт, безусловно, опирается на идеи гуманистической психологии и остается базовым для построения терапевтических отношений между психологом и пациентом, которые основаны на эмпатии, принятии «другого» и аутентичности.

Как показало исследование среди экспертов ведущих российских вузов, не менее важным представляется конструкт «ответственность», который включает в себя готовность нести ответственность за свои действия, решения и их последствия, как в профессиональной деятельности, так и в личной жизни. Такой конструкт включает в себя соблюдение этических норм и принципов деятельности психолога, а также на постоянное повышение своей профессиональной компетентности. Иными словами, ответственность подразумевает осознание студентом своего влияния как психолога на жизнь и благополучие других людей, включая стремление к минимизации возможного вреда.

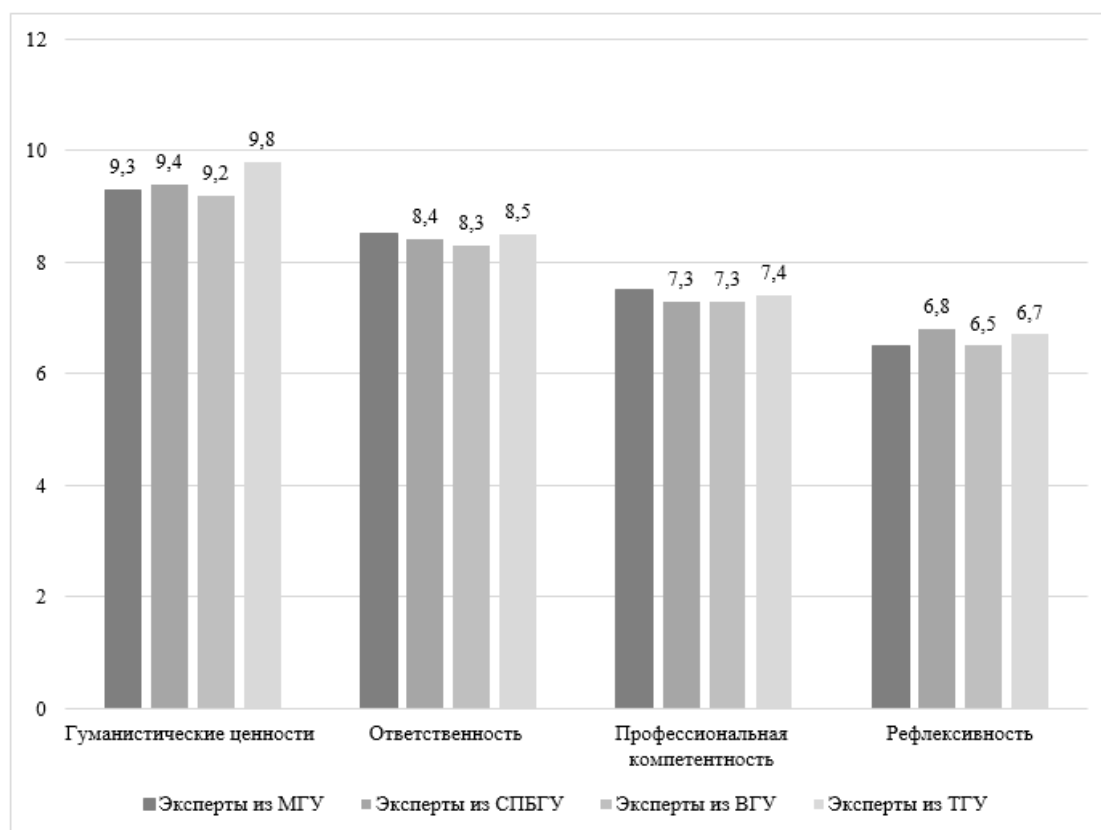

Рис. 1. Ценностные конструкты личности будущего психолога как механизм профессионализации.
Fig. 1. Value constructs of the personality of a future psychologist as a mechanism of professionalization.

Таким образом, гуманистическая ориентация, ответственность, профессиональная компетентность и рефлексивность формируют ценностную основу личности будущего психолога. Все перечисленные выше ценностные конструкты фактически определяют профессиональную идентичность студентов-психологов и способствуют эффективному решению сложных профессиональных задач. Результаты эмпирической части исследования представлены ниже (рисунок 1).

Проведенное исследование позволяет констатировать, что формирование ценностных конструктов личности будущего психолога выступает ключевым детерминантом его профессиональной идентичности и успешной профессионализации. Вышеприведенные экспертами конструкты, представляющие собой целостную систему убеждений, идеалов и приоритетов, а также оказывают непосредственное влияние на выбор профессиональных стратегий поведения, этических норм и стиля взаимодействия с клиентами. Ценности формируют мотивы поведения и являются основой для оценки событий и действий, что в контексте профессионализации психолога определяет подход специалиста к диагностике, консультированию и терапии.

Опрошенные нами эксперты из ведущих университетов России подчеркнули, что процесс профессионализации психолога тесно связан с интериоризацией таких профессиональных ценностей, как эмпатия, уважение к личности, конфиденциальность и стремление к профессиональному росту. Такие ценности являются регуляторами профессионального поведения, направляя действия специалиста в соответствии с этическими нормами и требованиями профессионального сообщества. При этом, по мнению опрошенных экспертов, развитие ценностных конструктов будущего психолога происходит под влиянием различных факторов, например, образовательной среды, личного опыта, взаимодействия с преподавателями и профессионалами, а также усвоения теоретических знаний и практических навыков.

Выводы

По итогу проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы: ценностные конструкты личности будущего психолога представляют собой механизм регулирования профессионального поведения в процессе профессионализации. Было также установлено, что ценностные ориентации, формируемые в процессе обучения и практической деятельности, оказывают влияние на

выбор стратегий профессионального развития, на профессиональную идентичность и становление профессионального мировоззрения.

Полученные нами в ходе эмпирического исследования результаты подтверждают тезис о том, что осознанное формирование ценностных конструктов является базисом профессиональной подготовки психологов. Такие ценности, как эмпатия, ответственность, компетентность, уважение к личности клиента и стремление к профессиональному росту, способствуют формированию

этически зрелого специалиста в области психологии.

На наш взгляд, дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на создание учебных программ для целенаправленного формирования ценностных конструктов у студентов-психологов. Актуальным направлением исследований также представляется изучение взаимосвязи между ценностными ориентациями и эффективностью профессиональной деятельности психологов.

Список источников

1. Балашова В.А., Шилова А.Д. Особенности развития социально-психологической компетентности психолога ОВД в процессе профессионализации // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 4. С. 224 – 230.
2. Коломиец Е.А., Колесникова Г.Ю., Галактионов И.В. Динамика самоотношения студентов-психологов в процессе профессионализации // Образовательный вестник «Сознание». 2021. № 4. С. 27 – 31.
3. Ложникова К.В. Эмпатия как важное профессиональное качество психолога-консультанта // StudNet. 2021. № 3. С. 8 – 16.
4. Тимофеева Т.С. Профессионально важные качества и компетенции в структуре профессиональной идентичности психолога // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 5. С. 9 – 19.
5. Урусова А.М. Психологическое сопровождение развития студента-психолога как субъекта профессионализации // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 61-2. С. 315 – 319.
6. Akinyemi O.J., Adisa T. A. Impact of ethical values on organizational performance: A systematic review // Journal of Business Ethics. 2021. № 170 (3). P. 573 – 592.
7. Beauchamp T.L., Childress J.F. Principles of biomedical ethics (8th ed.). Oxford University Press, 2019. 202 p.
8. Duffy R.D., Blustein D.L., Diemer M.A., Autin K.L. The psychology of working theory // Journal of Counseling Psychology. 2019. № 66 (2). P. 127 – 148.
9. Eisenberg N., Spinrad T.L., Eggum-Wilkens N.D. Empathy-related responding: Associations with prosocial behavior, aggression, and social competence // Emotion Review. 2022. № 13 (3). P. 255 – 267.
10. Kim P.S., Park S. Role of emotional intelligence in the job performance and organizational citizenship behavior of public employees // Public Personnel Management. 2023. № 52 (1). P. 3 – 25.

References

1. Balashova V.A., Shilova A.D. Features of the development of socio-psychological competence of a police psychologist in the process of professionalization. Psychology and pedagogy of service activities. 2022. No. 4. P. 224 – 230.
2. Kolomiets E.A., Kolesnikova G.Yu., Galaktionov I.V. Dynamics of self-attitude of psychology students in the process of professionalization. Educational Bulletin "Consciousness". 2021. No. 4. P. 27 – 31.
3. Lozhnikova K.V. Empathy as an important professional quality of a consulting psychologist. StudNet. 2021. No. 3. P. 8 – 16.
4. Timofeeva T.S. Professionally important qualities and competencies in the structure of a psychologist's professional identity. World of Science. Pedagogy and Psychology. 2019. No. 5. P. 9 – 19.
5. Urusova A.M. Psychological support for the development of a psychology student as a subject of professionalization. Problems of modern pedagogical education. 2018. No. 61-2. P. 315 – 319.
6. Akinyemi O.J., Adisa T.A. Impact of ethical values on organizational performance: A systematic review. Journal of Business Ethics. 2021. No. 170 (3). P. 573 – 592.
7. Beauchamp T.L., Childress J.F. Principles of biomedical ethics (8th ed.). Oxford University Press, 2019. 202 p.
8. Duffy R.D., Blustein D.L., Diemer M.A., Autin K.L. The psychology of working theory. Journal of Counseling Psychology. 2019. No. 66 (2). P. 127 – 148.

9. Eisenberg N., Spinrad T.L., Eggum-Wilkens N.D. Empathy-related responding: Associations with pro-social behavior, aggression, and social competence. *Emotion Review*. 2022. No. 13 (3). P. 255 – 267.

10. Kim P.S., Park S. Role of emotional intelligence in the job performance and organizational citizenship behavior of public employees. *Public Personnel Management*. 2023. No. 52 (1). P. 3 – 25.

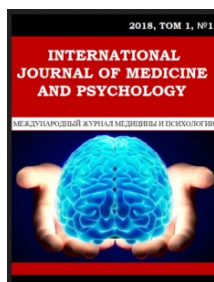
Информация об авторах

Цахаева А.А., доктор психологических наук, профессор, Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова

Алиева З.А., кандидат психологических наук, доцент, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет,

Жулина Г.Н., кандидат психологических наук, доцент, Академия психологии и педагогики, Южный федеральный университет

© Цахаева А.А., Алиева З.А., Жулина Г.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.923

¹ **Волобуев В.В.,**

¹ **Богрова К.Б.,**

¹ **Тахтарова М.А.,**

¹ Донбасская аграрная академия

Связь когнитивных ошибок и личностных особенностей у студентов

Аннотация: когнитивные искажения представляют собой систематические отклонения в когнитивных процессах, оказывающие влияние на принятие решений и поведенческие паттерны индивида. У студентов данные искажения могут проявляться в разнообразных формах, затрагивая различные аспекты их учебной деятельности и личной жизни. Это, в свою очередь, способно оказывать существенное воздействие на академическую успеваемость, межличностные отношения и формирование личностных качеств. Осмысление природы когнитивных искажений и их влияния на принятие решений студентами является крайне важным как для самих обучающихся, так и для преподавательского состава, поскольку указанное знание может быть использовано при разработке более эффективных образовательных стратегий и методов поддержки студентов.

Нами было выявлена связь между завышенной самооценкой и когнитивными искажениями «максимализм», «категоричность», «самоуверенность», а также между высоким уровнем тревожности и когнитивными искажениями «катастрофизация», «доверие критикам» и «персонализация».

Ключевые слова: когнитивные искажения, личностные особенности, самооценка, тревожность

Для цитирования: Волобуев В.В., Богрова К.Б., Тахтарова М.А. Связь когнитивных ошибок и личностных особенностей у студентов // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 251 – 258.

Поступила в редакцию: 19 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ **Volobuev V.V.,**

¹ **Bogrova K.B.,**

¹ **Takhtarova M.A.,**

¹ Donbass Agrarian Academy

The relationship between cognitive errors and personality traits in students

Abstract: cognitive distortions are systematic deviations in cognitive processes that influence an individual's decision-making and behavioral patterns. These biases can manifest themselves in various forms among students, affecting different aspects of their academic activities and personal lives. This, in turn, can have a significant impact on academic performance, interpersonal relationships, and the formation of personal qualities. Understanding the nature of cognitive distortions and their impact on students' decision-making is extremely important for both students and faculty, as this knowledge can be used to develop more effective educational strategies and methods of student support.

We have identified a link between inflated self-esteem and the cognitive distortions of “maximalism,” “categoricity,” and “self-confidence,” as well as between high levels of anxiety and the cognitive distortions of “catastrophizing,” “trusting critics,” and “personalization”.

Keywords: cognitive distortions, personality traits, self-esteem, anxiety

For citation: Volobuev V.V., Bogrova K.B., Takhtarova M.A. The relationship between cognitive errors and personality traits in students. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 251 – 258.

The article was submitted: April 19, 2025; Approved after reviewing: June 17, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Когнитивные искажения представляют собой систематические отклонения в когнитивных процессах, оказывающие влияние на принятие решений и поведенческие паттерны индивида. У студентов данные искажения могут проявляться в разнообразных формах, затрагивая различные аспекты их учебной деятельности и личной жизни. Это, в свою очередь, способно оказывать существенное воздействие на академическую успеваемость, межличностные отношения и формирование личностных качеств. Осмысление природы когнитивных искажений и их влияния на принятие решений студентами является крайне важным как для самих обучающихся, так и для преподавательского состава, поскольку указанное знание может быть использовано при разработке более эффективных образовательных стратегий и методов поддержки студентов [1].

Изучением когнитивных искажений в отечественной науке занимались такие ученые как Э.Р. Кашапова, Т.В. Корнилова, Т.Л. Крюкова, А.Ю. Попов, А.А. Вихман [2-5], в зарубежной – К. Станович, Р. Уэст, Р. Поль [6-7] и другие.

Когнитивные искажения возникают в результате определённых ограничений в процессах человеческого разума. Разум человека не всегда способен обрабатывать полученную информацию объективно и рационально. Студенты, которые нахо-

дятся в условиях постоянного стресса, давления со стороны учебной программы, могут быть особенно подвержены различным когнитивным ошибкам.

Цель исследования: изучить связь когнитивных искажений и личностных особенностей у студентов.

Материалы и методы исследований

Для решения поставленной цели были использованы следующие психодиагностические методики:

- Опросник когнитивных ошибок ОКО (А. Фриман, Р. Девульф).
- Краткий личностный опросник TIPI-RU Адаптация: А. С. Сергеева и др..
- Методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейна, в адаптации А.М.Прихожан.
- Методика Спилбергера – Ханина.
- Опросник на выявление учебного стресса Ю.В. Щербатых.

Исследование проходило на базе ФГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия». Выборку испытуемых составили 180 студентов в возрасте 18-25 лет.

Результаты и обсуждения

В ходе исследования по опроснику когнитивных ошибок ОКО (А. Фриман, Р. Девульф) были получены следующие результаты, представленные на рис. 1.

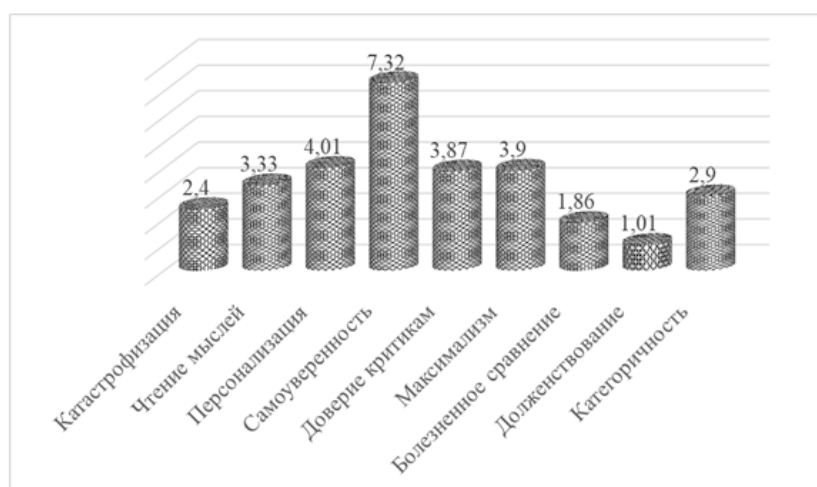

Рис. 1. Показатели когнитивных искажений у студентов (в баллах).

Fig. 1. Indicators of cognitive distortions among students (in points).

Как видно на рис. 1, среди студентов наиболее распространено когнитивное искажение «самоуверенность» ($7,32 \pm 3,80$). Уверенность является неотъемлемой и важной частью поведения каждого человека, так как даёт мотивацию, побуждает к действию, помогает на основе оценки своих возможностей как можно лучше реализовываться, однако есть множество факторов, которые помогают держать уверенность в определённых реалистичных рамках. Молодые люди склонны к тому, чтобы быть излишне уверенными в себе, очень часто совсем не объективно оценивая ситуацию, возможности, получаемую ими информацию и её полезность. Часто большую роль в этом играет неопытность, ведь студенты только входят во взрослую жизнь и знакомятся с тем, что им предстоит делать по жизни и учёбе самостоятельно.

Когнитивное искажение «доверие критикам» ($3,87 \pm 4,20$) является так же очень распространённым. Связано оно с довольно тонкой душевной организацией молодого человека, принимающего любую критику, так или иначе касающегося его (внешность, поведение, учёба, прочая деятельность) близко к сердцу. Нет ничего плохого в том, чтобы учитывать критику, ведь она по сути направлена на то, чтобы помочь человеку понять свои ошибки, учесть их, и в дальнейшем достичь лучшего результата. Однако, к сожалению, далеко не вся критика может быть полезной. Часто молодёжь близко к сердцу воспринимает любую критику.

Персонализация ($4,01 \pm 2,03$) – это близкое по своей сути когнитивное искажение к восприимчивости критике. Вместе с предыдущими двумя когнитивными искажениями, исходя из проведённой работы по данной методике, являются тремя самыми влиятельными и распространёнными когнитивными искажениями у молодых людей, обучающихся в высших учебных заведениях. Абсолютно все неудачи, даже окружающих, принимаются молодым человеком на свой счёт, он ищет в себе изъяны и излишне нагнетает, заставляя чувствовать себя виноватым за то, что возможно сделал недостаточно. В отношении окружающих это проявляется так, что неудачи, допустим, близкого друга воспринимается как повод думать, что ты сам сделал недостаточно чтобы помочь ему, поддержать, повлиять на ситуацию так, чтобы результат был лучше.

Довольно высокие показатели по результатам опроса были выявлены по когнитивному искажению «Максимализм» ($3,90 \pm 2,80$). Это буквально абсолютизирование происходящих в жизни событий, как говорят «из крайности в крайность». Максимализм так же называют чёрно-белым мышлением. Суть его в том, что молодой человек мыслит категориями «самый худший» и «самый лучший» исходы. Например, «Если я не сдам на отлично сегодняшний экзамен, то я настоящий неудачник». В случае же успеха жертва данного когнитивного искажения старается придать своему достижению как можно большее значение, упрекнуть окружающих в том, что они не достигли того же или недостаточно ценят его работу.

По результатам проведённого опроса, в данной группе студентов категоричность на пятом месте по частоте использования среди студентов ($2,90 \pm 2,70$). Такое когнитивное искажение проявляется в том, что студент будет упорно доказывать свою правоту несмотря на то что логически у него на это не может быть никаких оснований, главное не потерять своё лицо перед окружающими. Очень частое проявление данного искажения – это активное самозащита, проявляющаяся в спихивании своих неудач на окружающие факторы или других людей, которые каким-либо образом повлияли на неудачный исход. Например, «Это не я плохо слушал нашего преподавателя, это он непонятно объясняет». В общении или дискуссии молодой человек считает своё мнение наиболее авторитетным, приоритетным, и правильным, и рассчитывает на то, что окружающие будут воспринимать это так же [1].

Меньше всего опрошенные подвержены когнитивному искажению «должествования» ($1,01 \pm 1,20$), суть которого сводится к стремлению быть как можно более «нормальными» относительно окружающих. Молодые люди часто стараются выразить себя, свою необычность, неодинаковость. В данный возрастной период есть потребность выражать себя и ставить под сомнения определённые правила «нормальности» в обществе.

По результатам Краткого личностного опросника TIPI-RU S. Gosling, P. Rentfrow, W. Swann в адаптации А.С. Сергеева и др. были получены следующие результаты, представленные на рис. 2.

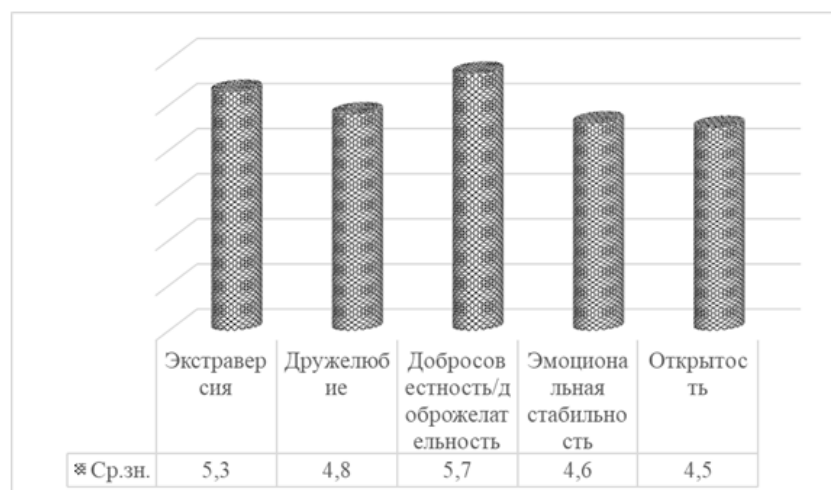

Рис. 2. Показатели пятифакторной модели личности студентов (в баллах).
Fig. 2. Indicators of the five-factor model of student personality (in points).

Добросовестность (доброжелательность) ($5,7 \pm 5,2$) – это направленность личности, которая характеризуется позитивным мышлением в деятельности и взаимодействии с окружающими людьми с намерением наладить уважительные и взаимно «добрые» отношения. Добросовестность – это качество, характеризующее ответственный подход людей к различного рода деятельности и отношениям с окружающими. По результатам опроса становится ясно, что ответственность и позитивная направленность на взаимодействие с окружающими характерна для многих молодых людей.

Экстраверсия ($5,3 \pm 4,9$) – это направленность личности, характеризующая носителей данного качества как открытых новому опыту, общению, деятельности, активно пытающиеся проявить себя в своей среде, будь то рабочий коллектив, класс, сформированная по тем или иным причинам группа, и так далее. Высокий уровень экстраверсии в выборке говорит о том, что по большей части сту-

денты готовы к активной деятельности и взаимодействию с окружающим миром, проявлению себя и своих талантов.

Дружелюбие ($4,8 \pm 4,3$) – непосредственно связанное с доброжелательностью качество, вытекающее из него, находится в пределах нормы по данной методике. Среди студентов опрошенной группы хорошо развиты качества, направленные на налаживание отношений с окружающими и сближение, организации дружеских отношений.

Эмоциональная стабильность ($4,6 \pm 4,2$) – находится в пределах нормы. Опрошенные позиционируют себя как эмоционально стабильных личностей.

Открытость новому опыту у опрошенных студентов так же находится в пределах средней нормы ($4,5 \pm 4,0$).

По результатам методики исследования самооценки Дембо-Рубинштейна, в адаптации А.М. Прихожан, были получены следующие результаты, представленные на рис. 3.

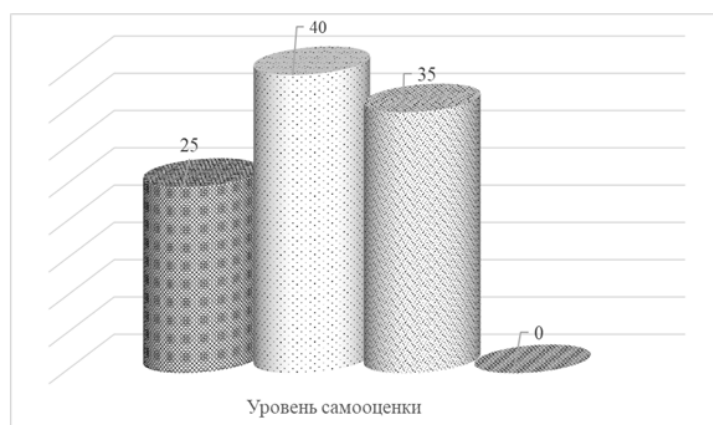

Рис. 3. Уровень самооценки (в баллах).
Fig. 3. Level of self-esteem (in points).

Согласно результатам проведения методики, было выявлено, что нормальную самооценку имеют 40% выборки, заниженную – 25%.

Завышенный же уровень оценки демонстрируют 35% испытуемых.

По результатам методики исследования самооценки Спилбергера-Ханина, были получены следующие результаты, представленные на рис. 4.

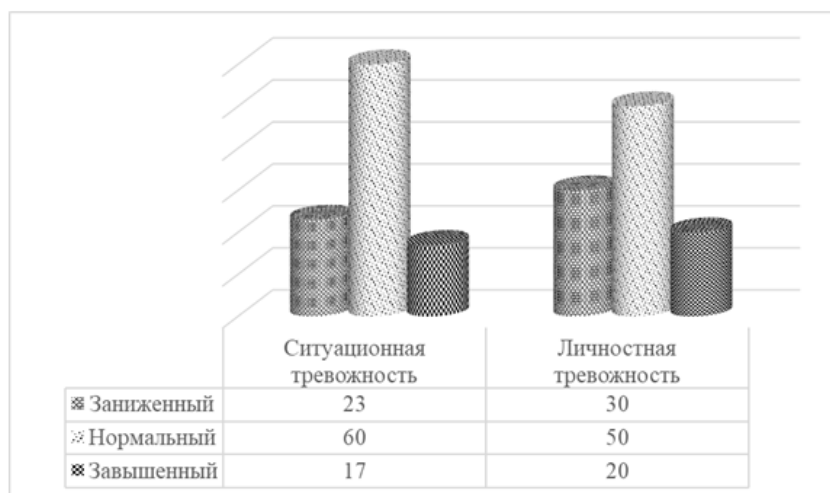

Рис. 4. Уровни тревожности у студентов (в баллах).

Fig. 4. Levels of anxiety among students (in points).

По результатам методики, 23% опрошенных показали довольно низкий уровень ситуативной тревожности. Пониженный уровень ситуативной тревожности говорит о том, что опрошенные студенты чуть менее подвержены стрессу и тревожным состояниям в моменте в конкретных ситуациях, которые могут вызвать эту тревожность. 60% опрошенных имеют нормальный среднестатистический уровень ситуативной тревожности. Люди с нормальным уровнем тревожности в ситуациях, способствующих проявлению тревоги обычно более адекватны и рассудительны в принятии решений, которые поспособствуют устранению явления или ситуации, вызывающих тревожное состояние. Нормальный уровень ситуативной тревожности непосредственно связан с хорошим уровнем самооценки, так как к накручиванию и излишней эмоциональности часто ведёт именно пониженная самооценка, заставляющая студента настраиваться на худшие исходы. 17% опрошенных имеют повышенную ситуативную тревожность. Для таких людей характерен довольно большой уровень эмоциональности, когда происходит ситуация, способствующая появлению тревоги.

Также по результатам исследования, 30% опрошенных имеют заниженную личностную тревожность. Личностная тревожность – это постоянный уровень тревожности, сопровождающий человека перманентно, а не в конкретных ситуациях. Заниженный уровень личностной тревожности

говорит о том, что испытуемые меньше других людей поддаются тревожным состояниям и панике. 50% опрошенных имеют нормальный уровень личностной тревожности. Среднестатистические показатели, так же могут быть связаны с хорошей самооценкой, испытуемые не испытывают проблем с излишней тревожностью и паникой в большинстве случаев. 20% испытуемых имеют завышенный уровень личностной тревожности. Высокая личностная тревожность у молодых людей, в особенности студентов, в современном мире является распространённой проблемой. Высокая личностная тревожность буквально заставляет искать поводы для тревоги, ожидать что вот-вот что-то пойдёт не так. Это большая нагрузка на психику и на организм, который так же страдает от постоянно испытываемого стресса. Любой, даже незначительный повод заставляет человека накручивать, предполагать худшее [8].

Проанализировав ответы по результатам опросника Ю.В. Щербатых, отметим, что студенты испытывают учебный стресс чаще всего в силу нехватки времени, повышенной утомляемости, потери сна, головной боли.

Так, для студенческого возраста характерно не успевать, не уметь распределять время ($4,4 \pm 4,9$), переживать из-за того, что не хватает времени на хобби, близких, друзей. Очень много времени уделяется учёбе, и даже в распределении времени на подготовку по учёбе могут возникнуть трудности,

что приводит к подготовкам к экзаменам и тестам ночами, и нервных срывов на этой почве. Бессонница ($4,1 \pm 3,9$) из-за переживаний и повышенной тревожности является распространённой и часто встречающейся проблемой среди людей всех возрастов. Молодые люди очень уязвимы перед эмоциональным давлением, которое они испытывают, очень часто это сказывается на времени и качестве сна. Спутником всех этих состояний вызванных повышенной тревожностью очень часто становятся головные боли ($4,4 \pm 4,9$).

Результатом пережитого стресса на почве всего выше перечисленного является низкая работоспособность и повышенная утомляемость ($4,7 \pm 4,2$). Силы подверженных сильному эмоциональному давлению студентов подходят к концу, невозможно слишком долго справляться с сильным стрессом и оставаться в строю. Эмоциональные встряски из-за невозможности заняться любимым делом или встретиться с кем-нибудь, неуверенности в себе, в будущем, переживаний из-за подготовки к важным экзаменам, определяющим дальнейшую судьбу студента в учебном заведении и на пути к его будущей профессии и месту в жизни соответственно. Студент устаёт быстрее, работает меньше. Часто активный темп различных событий в жизни и в учебном заведении (лекции, экзамены, защиты курсовых и дипломных работ) не дают передышки, чтобы прийти в себя и с новыми силами подготовиться.

Для выявления связи между когнитивными искажениями и личностными особенностями студентов использовался ранговый коэффициент корреляции Спирмена. Были выявлены следующие взаимосвязи между:

- завышенной самооценкой и когнитивным искажением «максимализм» ($r_s = 0,689$), «категоричность» ($r_s = 641$) и «самоуверенность» ($r_s = 576$);
- высоким уровнем тревожности и когнитивными искажениями «катастрофизация» ($r_s = 612$), «доверие критикам» ($r_s = 682$) и «персонализация» ($r_s = 647$).

Так, люди с завышенной самооценкой и имеющие когнитивные искажения выявленные очень часто не ищут чего-то среднего, или с трудом принимают его. Либо успех, либо провал – прочно укрепившаяся в их сознании модель поведения и жизни. Причины могут быть разные. Очень часто эти искажения проявляются как раз у студентов, не имеющих в достаточной мере жизненного опыта, сильно переживающие из-за своего будущего и места в этом мире, где порой кажется, что нужно всегда быть на высоте, чтобы чего-то достичь, и никак иначе быть не может.

Самоуверенность не является плохим качеством само по себе, однако когда в какой-то момент оно переходит из черты характера в когнитивное искажение, которое очевидно демонстрирует ошибку в суждениях и действиях человека, это подталкивает неопытного студента совершать те или иные действия исходя из необоснованной уверенности в своём собственном превосходстве над окружающими.

Порой бывает очень трудно абстрагироваться от навязчивых мыслей, а период юношества, да ещё и во время обучения в высшем учебном заведении, дают большое количество поводов для стресса и накручивании навязчивых мыслей.

Учебный стресс всегда связан со страхом неудачи, в свою очередь высокий уровень тревожности может стать причиной для этого и возникновения такого когнитивного искажения как «катастрофизация». Обучаясь в высшем учебном заведении необходимо показывать свои знания, выполнять различные направленные на это задания, демонстрировать успехи и свои способности. Молодому человеку бывает трудно привыкнуть к более серьёзному и напряжённому ритму жизни. Когда на кону стоит твоё образование и получение профессии, сложно не мыслить негативно о своём будущем и том, что может пойти не так. Тут и проявляется катастрофизация. Под таким давлением ответственности перед своим же будущим преувеличенно негативные идеи навязчиво заполняют мысли, тревога и страх заставляют искать поводы ожидать наихудшего, даже когда результат твоих действий не окончателен или вообще не подразумевает собой плохой исход.

Также очень часто студенты слишком сильно уделяют внимание тому, что о них думают и говорят, будь то однокурсники или друзья, или родители и преподаватели. Тревожность и повышенное внимание к тому, что о тебе думают, приводят к появлению такого когнитивного искажения как «доверие критикам».

Излишняя тревожность может повлиять на отношение молодого человека не только на определённые события, которые касаются его непосредственно. Повышенная тревожность может привести и к тому, что человек будет брать на себя больше ответственности, чем на самом деле лежит на нём. Это называется «персонализация». Когнитивное искажение, заключающееся в появлении чувства вины и принятия на себя излишней ответственности за вещи на которые человек на самом деле и не мог повлиять, или не влияет вовсе.

Выводы

Таким образом, большое влияние на проявление тех или иных когнитивных искажений имеет повышенный уровень самооценки и тревожности студентов. Существует связь между завышенной

самооценкой и когнитивным искажением «максимализм», «категоричность», «самоуверенность», а также между высоким уровнем тревожности и когнитивными искажениями «катастрофизация», «доверие критикам» и «персонализация».

Список источников

1. Топровер В.И. Личностно-смысловые факторы склонности к когнитивным ошибкам у студенческой молодежи // Живая психология. 2023. Т. 10. № 7(47). С. 65 – 73. DOI 10.58551/24136522_2023_10_7_65
2. Кашапова Э.Р., Рыжкова М.В. Когнитивные искажения и их влияние на поведение индивида [Электронный ресурс] // Вестн. Томск. гос. ун-та. Экономика. 2015. № 2(30). <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-iskazheniya-i-ih-vliyanie-na-povedenieindivida> (дата доступа: 11.03.2025)
3. Корнилова Т.В., Керимова Т.В. Особенности личностных предпосылок принятия решений (на материале фрейминг-эффекта) у врачей и преподавателей [Электронный ресурс] // Психология. Журнал ВШЭ. 2018. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnostnyh-predposylok-prinyatiyaresheniy-namateriale-freyming-effekta-u-vrachey-i-prepodavateley/viewer> (дата доступа: 11.03.2025)
4. Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Хохлова Ю.А. Феномен когнитивных искажений субъективных оценок жизненных явлений и его измерение (первичная русскоязычная адаптация Шкалы когнитивных искажений – CDS) [Электронный ресурс] // Вестн. Костром. гос. ун-та. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. Т. 24. № 4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kognitivnyhiskazheniy-subektivnyh-otsenok-zhiznennyh-yavleniy-i-egoizmerenie-pervichnaya-russkoyazychnaya-adaptatsiya/viewer> (дата доступа: 11.03.2025)
5. Попов А.Ю., Вихман А.А. Когнитивные искажения в процессе принятия решений: научная проблема и гуманитарная технология [Электронный ресурс] // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер.: Психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 5 – 16. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyeiskazheniya-v-protsesse-prinyatiyaresheniy-nauchnaya-problema-igumanitarnaya-tehnologiya> (дата доступа: 11.03.2025)
6. Stanovich K.E., West R.F. Evolutionary versus instrumental goals: How evolutionary psychology misconceives human rationality // *Evolution and the Psychology of Thinking: The debate (Series on Current Issues in Thinking and Reasoning)*. London: Psychology Press, 2003. P. 171 – 230.
7. Pohl R.F. Cognitive Illusions: Intriguing Phenomena in Judgement, Thinking and Memory. London: Psychology Press, 2016. 504 p.
8. Набиуллина Р.Р., Тухтарова И.В. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом: учеб. пособие. Казань: Казанс. гос. мед. академия, 2003. 101 с.

References

1. Toprover V.I. Personality-semantic factors of the tendency to cognitive errors in student youth. *Live Psychology*. 2023. Vol. 10. No. 7(47). P. 65 – 73. DOI 10.58551/24136522_2023_10_7_65
2. Kashapova E.R., Ryzhkova M.V. Cognitive distortions and their influence on individual behavior [Electronic resource]. *Vestn. Tomsk. state University. Economics*. 2015. No. 2(30). <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-iskazheniya-i-ih-vliyanie-na-povedenieindivida> (date of access: 11.03.2025)
3. Kornilova T.V., Kerimova T.V. Features of personal prerequisites for decision-making (based on the framing effect) in doctors and teachers [Electronic resource]. *Psychology. HSE Journal*. 2018. No. 1. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lichnostnyh-predposylok-prinyatiyaresheniy-namateriale-freyming-effekta-u-vrachey-i-prepodavateley/viewer> (access date: 11.03.2025)
4. Kryukova T.L., Ekimchik O.A., Khokhlova Yu.A. The phenomenon of cognitive distortions of subjective assessments of life phenomena and its measurement (primary Russian-language adaptation of the Cognitive Distortions Scale – CDS) [Electronic resource]. *Vestn. of Kostroma state University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2018. Vol. 24. No. 4. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kognitivnyhiskazheniy-subektivnyh-otsenok-zhiznennyh-yavleniy-i-egoizmerenie-pervichnaya-russkoyazychnaya-adaptatsiya/viewer> (access date: 11.03.2025)

5. Popov A.Yu., Vikhman A.A. Cognitive distortions in the decision-making process: a scientific problem and humanitarian technology [Electronic resource]. Vestn. South Ural state University. Series: Psychology. 2014. T. 7. No. 1. P. 5 – 16. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyeiskazheniya-v-protsesse-prinyatiyaresheniy-nauchnaya-problema-igumanitarnaya-tehnologiya> (access date: 03/11/2025)

6. Stanovich K.E., West R.F. Evolutionary versus instrumental goals: How evolutionary psychology misconceives human rationality. Evolution and the Psychology of Thinking: The debate (Series on Current Issues in Thinking and Reasoning). London: Psychology Press, 2003. P. 171 – 230.

7. Pohl R.F. Cognitive Illusions: Intriguing Phenomena in Judgment, Thinking and Memory. London: Psychology Press, 2016. 504 p.

8. Nabiullina R.R., Tukhtarova I.V. Mechanisms of psychological defense and coping with stress: textbook. Kazan: Kazan State Medical Academy, 2003. 101 p.

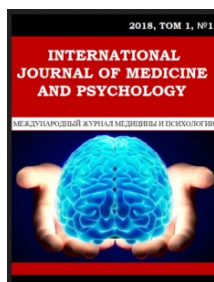
Информация об авторах

Волобуев В.В., кандидат медицинских наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6093-660X>, Донбасская аграрная академия, 286157, ДНР, г. Макеевка, ул. Островского, 16, goodpsychologist@gmail.com

Богрова К.Б., кандидат психологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3748-5844>, Донбасская аграрная академия, 286157, ДНР, г. Макеевка, ул. Островского, 16, K.Bogrova@yandex.ru

Тахтарова М.А., Донбасская аграрная академия, 286157, ДНР, г. Макеевка, ул. Островского, 16, takhtarovamaria@mail.ru

© Волобуев В.В., Богрова К.Б., Тахтарова М.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.072.432

^{1, 2} Тишуков М.Ю.,

¹ Храмешин С.Н.,

¹ Славяно-греко-латинская академия,

² ООО «Гемодиализный центр Ростов», г. Ростов-на-Дону

Влияние социальных сетей на личную самооценку населения двух регионов Российской Федерации

Аннотация: актуальная проблема: социальные сети стали неотъемлемой частью жизни миллионов людей, что делает важным изучение их влияния на самооценку.

Цель исследования: изучить уровень самооценки пользователей социальных сетей в двух регионах России с применением шкалы Розенберга.

Методы: в исследовании приняли участие респонденты старше 15 лет из Ростовской области и Республики Крым. Данные были собраны с использованием онлайн-анкеты в Google Forms. Анкета включала разделы по социально-демографическим параметрам, использованию социальных сетей и измерению самооценки.

Результаты: в опросе приняли участие 314 человек. Среди них 79% были женщины, 53.2% входили в возрастную группу 18-24 лет, 61.5% были одиночками. 96.6% опрошенных заявили, что используют социальные сети каждый день. 5.4% респондентов имели низкую самооценку. Опрошенные, состоящие в гражданском браке, имели статистически значимо чаще низкую самооценку (отношение шансов [OR] = 5.4, $p = 0.02$). Такие параметры, как мужской пол ($OR = 7.7$, $p < 0.05$), работа в частном секторе ($OR = 4.5$, $p = 0.03$) или стаж работы менее 1 года ($OR = 6.2$, $p = 0.02$), имели статистически значимую связь с низкой самооценкой только у респондентов в возрасте 25-34 лет.

Заключение: Социально-демографические параметры имеют большее влияние на самооценку, чем частота использования социальных сетей. Исследование дополняет существующие знания о влиянии социальных факторов на личную самооценку.

Ключевые слова: самооценка, социальные сети, шкала самоуважения Розенберга, социально-демографические параметры, Россия

Для цитирования: Тишуков М.Ю., Храмешин С.Н. Влияние социальных сетей на личную самооценку населения двух регионов Российской Федерации // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 259 – 272.

Поступила в редакцию: 20 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

^{1, 2} Tishukov M.Yu.,

¹ Khrameshin S.N.,

¹ Slavic-Greek-Latin Academy,

² LLC "Hemodialysis Center Rostov", Rostov-on-Don

Social networks' effect on personal self-esteem among the population in two regions of the Russian Federation

Abstract: background: social networks have become an integral part of the lives of millions of people, highlighting the importance of studying their impact on self-esteem.

Objective: to examine the self-esteem levels of social networks' users in two regions of Russia using the Rosenberg Self-Esteem Scale.

Methods: the study involved individuals aged 15 and older from the Rostov Region and the Republic of Crimea. Data was collected using an online questionnaire in Google Forms, which included sections on socio-demographic parameters, social networks' usage, and self-esteem assessment.

Results: a total of 314 participants took part in the survey. Among them, 79% were women, 53.2% belonged to the 18-24 age group, and 61.5% were single. Daily use of social networks was reported by 96.6% of respondents. 5.4% of participants were observed with low self-esteem. Respondents in civil partnerships were significantly associated with low self-esteem (odds ratio [OR] = 5.4, $p = 0.02$). Factors such as male gender (OR = 7.7, $p < 0.05$), employment in the private sector (OR = 4.5, $p = 0.03$), or work experience of less than one year (OR = 6.2, $p = 0.02$) were significantly associated with low self-esteem only in the 25-34 age group.

Conclusion: socio-demographic parameters have a greater impact on self-esteem than the frequency of social networks' use. The study contributes to the existing knowledge of the influence of social factors on personal self-esteem.

Keywords: self-esteem, social networks, Rosenberg Self-Esteem Scale, socio-demographic parameters, Russia

For citation: Tishukov M.Yu., Khrameshin S.N. Social networks' effect on personal self-esteem among the population in two regions of the Russian Federation. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 259 – 272.

The article was submitted: April 20, 2025; Approved after reviewing: June 18, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Социальные сети стали одной из самых популярных форм проведения досуга в интернете. Этот термин обозначает «группу интернет-приложений, основанных на идеологических и технологических принципах всемирной паутины, которые позволяют пользователям создавать и обмениваться контентом». Сегодня социальные сети прочно вошли в повседневную жизнь миллионов людей [1]. В 2024 году число пользователей социальных сетей во всем мире превысило 5 миллиардов, а к 2028 году эта цифра достигнет шести миллиардов [2]. Статистика указывает на ежегодный прирост числа пользователей, что стимулирует интерес исследователей к изучению влияния социальных сетей на различные аспекты жизни. Исследования показывают, что более 90% подростков в возрасте 13-17 лет являются пользователями хотя бы одной социальной сети, проводя в ней около 3 часов ежедневно [3]. Социальные сети предоставляют пользователям возможность делиться информацией, обмениваться идеями и взаимодействовать с

другими людьми в виртуальных сообществах, где участники объединены общими интересами, целями и стремлениями.

Одной из ключевых тем исследований, связанных с пользователями социальных сетей, является самооценка. Самооценка описывается как субъективное отношение человека к самому себе, которое может выражаться в позитивной или негативной форме, включая чувство гордости, самоуважения или, напротив, неуверенности и недостаточной ценности [4]. Высокая самооценка связана с убеждением в собственной ценности и позитивным отношением со стороны окружающих, тогда как низкая самооценка ассоциируется с чувством неполноценности и недостаточной социальной значимости. Исследования показывают, что самооценка претерпевает значительные изменения на протяжении жизни: она высока в детстве, снижается в подростковом возрасте, стабилизируется во взрослом периоде и снова падает в старости [5].

Люди с низкой самооценкой чаще избегают общения, так как считают, что их вклад в разговор

менее значим, и опасаются негативной обратной связи [6]. Кроме того, исследования показывают, что такие люди предпочитают виртуальное общение, например, через мессенджеры, вместо личных встреч, поскольку им проще взаимодействовать удалённо [6]. Наблюдается также связь между аддиктивным использованием социальных сетей и низкой самооценкой [7]. Кроме того, люди, которые больше времени проводят в социальных сетях, склонны к восходящему социальному сравнению, что особенно негативно сказывается на молодежи, вызывая чувство неудовлетворенности собой [8].

Цель нашего исследования состояла в изучении уровня самооценки среди пользователей социальных сетей в двух регионах Российской Федерации (РФ). Кроме того, мы стремились проанализировать самооценку в контексте социально-демографических параметров пользователей и их модели использования социальных сетей.

Научная новизна исследования заключалась в разработке и апробации методологического подхода, включающего анкетирование респондентов – пользователей социальных сетей, с помощью разработанной авторами анкеты, основанной на шкале Розенберга и учитывающей социально-демографические параметры, что позволило более детально изучить влияние социальных факторов на самооценку.

Материалы и методы исследований

Данное исследование представляет собой анонимный поперечный онлайн-опрос. Исследование проводилось в период с 1 октября 2024 года по 15 ноября 2024 года.

Выборка исследования включала в себя пользователей социальных сетей в возрасте 15 лет и старше, проживающих в двух регионах РФ – Ростовской области и Республике Крым. Минимально требуемый размер выборки среди населения вышеупомянутых регионов РФ, использующего социальные сети, был определен как 314. Этот расчет учитывал точность 5% и доверительный

интервал 95%. Участники исследования были набраны с использованием методов снежного кома и удобной выборки [9].

Сбор данных

Сбор данных проводился в двух регионах РФ – Ростовской области и Республике Крым. Ссылка на участие в анкете (https://docs.google.com/forms/d/e/1FAIpQLSerPL-TvKmntoAxS6F1-CWgR8L_3sJ-EoOnEWYGGGe7CVgnlHQ/viewform?usp=sf_link) распространялась с помощью различных платформ социальных сетей. Перед сбором данных анкета прошла пилотаж. Два автора собрали отзывы от пяти человек, прошедших анкету, чтобы оценить время, необходимое для заполнения анкеты, и ясность формулировок. Ответы, полученные во время пилотажа, не были включены в окончательный анализ.

Анкета, используемая в этом исследовании, состоит из шести разделов. Первый раздел анкеты был посвящен сбору социально-демографических параметров и модели использования социальных сетей, включая пол (мужчина или женщина), возраст (сгруппированный по категориям 15-17 лет, 18-24 лет, 25-34 лет, 35-44 лет, 45-54 лет и старше 54 лет), уровень образования (среднее, неоконченное высшее, высшее и послевузовское), семейное положение (холост/незамужем, в браке, разведён/разведена, вдовец/вдова, в гражданском браке), род деятельности (работник государственного сектора, работник частного сектора, пенсионер, студент, школьник и безработный), трудовой стаж (менее 1 года, 1-3 года, 4-6 лет, 7-10 лет и более 10 лет), уровень дохода (менее 20000 рублей в месяц, 20000-40000 рублей в месяц, 40000-60000 рублей в месяц и более 60000 рублей в месяц), населённый пункт проживания (город, посёлок городского типа и село) и частота использования социальных сетей (никогда, реже одного раза в неделю, 1-2 раза в неделю, каждый день, несколько раз в день).

Таблица 1

Вопросы, входящие во второй раздел анкеты, используемой в исследовании, с вариантами ответа к ним.

Table 1

Questions included in the second section of the questionnaire used in the study, with answer options for them.

Вопрос	Варианты ответа
При просмотре социальных сетей я чувствую, что я человек, достойный уважения, наравне с другими.	1. Совершенно не согласен 2. Не согласен 3. Нейтрален 4. Согласен 5. Полностью согласен
При просмотре социальных сетей я всегда склонен чувствовать себя неудачником.	
При просмотре социальных сетей я чувствую, что у меня есть много хороших качеств.	
При просмотре социальных сетей я осознаю, что способен кое-что делать не хуже, чем большинство.	

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

При просмотре социальных сетей, мне кажется, что мне особенно нечем гордиться.	
При просмотре социальных сетей я понимаю, что я к себе хорошо отношусь.	
При просмотре социальных сетей я понимаю, что, в целом, я доволен собой.	
При просмотре социальных сетей я осознаю, что мне бы хотелось больше уважать себя.	
При просмотре социальных сетей я иногда чувствую, что ни на что не способен.	
При просмотре социальных сетей я иногда думаю, что я во всем плох.	

Во втором разделе оценивались индивидуальные уровни самооценки при использовании социальных сетей. Вопросы 10-пунктовой шкалы самоуважения Розенберга, которая оценивает общую самооценку путем анализа как положительных, так и отрицательных чувств по отношению к себе, были видоизменены таким образом, чтобы опрашиваемые могли связать использование социальных сетей и восприятие своей самооценки в этот момент (табл. 1). Хотя все пункты шкалы Розенберга оцениваются по 4-балльной шкале Лайкерта от «полностью согласен» до «полностью не согласен» [10], мы использовали 5-балльную шкалу, добавив вариант ответа «нейтрален». Пятибалльная шкала позволила снизить вероятность появления центральной тенденции, когда респонденты избегают крайних оценок. Система оценки результатов данного раздела анкеты варьировалась от минимального общего балла 10 до максимального балла 50, где более высокие баллы указывают на более высокий уровень самооценки. Итоговый балл, варьирующийся от 29 до 42, свидетельствует о том, что человек может адекватно оценивать свои достоинства и недостатки, в то время как результат ниже 29 баллов указывает на низкую самооценку. Самокомпетентность согласно шкале Розенберга рассчитывалась путем суммирования баллов первых пяти пунктов второго раздела анкеты, оценивая компетентность опрашиваемого. Симпатия к себе выводилась из суммы баллов вторых пяти пунктов, предоставляя данные, насколько человек нравится себе. Разница между баллами самокомпетентности и симпатии к себе позволила определить у респондентов баланс между уверенностью в себе и самоуважением.

В третьем разделе определялась степень зависимости от использования социальных сетей с помощью адаптированной под наше исследование русскоязычной версии шкалы оценки зависимости от социальных сетей (Social Media Disorder Scale),

разработанная van den Eijnden с соавт. в 2016 году [11].

В четвертом разделе проводилось измерение уровня тревожности при использовании социальных сетей. Была применена адаптированная под наше исследование шкала Спилберга – Ханина, состоящая из 20 вопросов [12].

В пятом разделе анкеты были использованы вопросы, самостоятельно разработанные авторами, для исследования влияния использования социальных сетей на самооценку и идентичность опрашиваемых.

Последний раздел опроса состоял из двух открытых вопросов, которые способствовали выявлению мнения анкетирруемых касательно влияния, которое оказывает на них использование социальных сетей, а также их предложений по снижению негативного влияния использования социальных сетей на эмоциональное состояние.

В данной статье анализируются результаты, полученные после заполнения опрошенными первого и второго разделов анкеты. Данные остальных разделов будут проанализированы в следующих статьях.

Этические нормы

Все участники перед заполнением анкеты получили подробную информацию о целях и задачах исследования, что гарантировало им самостоятельность в принятии обоснованного решения о том, давать ли свое согласие на участие в данном исследовании или нет. Исследовательская группа уделяла первостепенное значение защите конфиденциальности и анонимности данных участников на протяжении всего процесса исследования. Также каждый участник опроса мог в любой момент отказаться от участия в исследовании, отправив уведомление по указанным в добровольном соглашении контактам.

Статистический анализ

Количественные переменные были представле-

ны как среднее значение (mean) \pm стандартное отклонение (SD). Категориальные переменные представлены как частота и процент (n, %). Сравнения между двумя группами были сделаны с использованием двустороннего t-критерия или U-критерия Манна-Уитни для количественных переменных. Для сравнения категориальных переменных использовали точный критерий Фишера. Все значения p были двусторонними и считались статистически значимыми при $p < 0.05$. Данные анализировали с помощью программного обеспечения SPSS версии 26.0 (IBM Corp, Армонк, Нью-Йорк).

Результаты и обсуждения

Табл. 2 описывает социально-демографические параметры изучаемой популяции. Всего в этом опросе приняли участие 314 человек. Гендерное распределение было несбалансированным: 71% (n = 223) женщин и 29% (n = 91) мужчин. Возрастное распределение респондентов в исследовании было довольно разнообразно. Самую большую возрастную группу составили респонденты 18-24 лет – 53.2% (n = 167), за ней следует группа 25-34 лет – 17.8% (n = 56). Примерно равные части опрошенных имели неоконченное высшее – 36.6% (n = 115), или высшее образование – 35% (n = 110), ещё 23.6% (n = 74) имели среднее образование. Большинство респондентов были либо одинокими (холост или незамужем) – 61.5% (n = 193), либо в браке – 31.6% (n = 99), процент разведенных или

вдовствующих был минимальным – 5.4% (n = 17) и 1.5% (n = 5), соответственно. Таблица также показывает распределение опрошенных по роду деятельности. Самое большое число опрошенных составили студенты – 54.8% (n = 178), примерно одинаковый процент наблюдался у работников частного и государственного сектора – 19.7% (n = 62) и 17.5% (n = 55), соответственно. По стажу работы распределение было следующим: самые большие группы составили респонденты со стажем 1-3 года и менее 1 года – 32.2% (n = 101) и 27.7% (n = 87), соответственно. За ними следовали группы со стажем 4-6 лет – 18.5% (n = 58), и более 10 лет – 15.6% (n = 49). По распределению доходов опрошенные были разделены на четыре группы, причем примерно одинаковое количество опрошенных составили группы с максимальным и минимальным доходом – 37.9% (n = 119) и 31.5% (n = 99), соответственно. Большинство из респондентов (84.1%), принявших участие в исследовании, проживали в городе. Абсолютное большинство опрошенных – 96.6% (n = 303), заявило, что использует социальные сети каждый день, при этом примерно половина – 45% (n = 141) использует их чаще, чем 1 раз в день. Лишь 11 респондентов (3.4%) сообщили, что пользуются социальными сетями очень редко или не пользуются вообще.

Таблица 2

Социально-демографические параметры и параметр, касающийся частоты использования социальных сетей, опрошенного населения.

Table 2

Socio-demographic data and the frequency of social networks' utilization of the sample surveyed.

Изученные параметры	Количество	Процентное соотношение
Пол		
Мужской	91	29
Женский	223	71
Возраст		
15 – 17 лет	20	6.4
18 – 24 года	167	53.2
25 – 34 года	56	17.8
35 – 44 года	42	13.4
45 – 54 года	25	8
Старше 54 лет	4	1.2
Уровень образования		
Среднее	74	23.6
Неоконченное высшее	115	36.6
Высшее	110	35
Послевузовское	15	4.8
Семейное положение		
Холост/незамужем	193	61.5
В браке	79	25.2
Разведён/разведена	17	5.4
Вдовец/вдова	5	1.5
В гражданском браке	20	6.4

Продолжение таблицы 2
Continuation of Table 2

Род деятельности		
Работник государственного сектора	55	17.5
Работник частного сектора	62	19.7
Пенсионер	3	1
Студент	172	54.8
Школьник	9	2.9
Безработный	13	4.1
Трудовой стаж		
Менее 1 года	87	27.7
1 - 3 года	101	32.2
4 - 6 лет	58	18.5
7 - 10 лет	19	6
Более 10 лет	49	15.6
Уровень дохода		
Менее 20000 рублей в месяц	99	31.5
20000 - 40000 рублей в месяц	52	16.6
40000 - 60000 рублей в месяц	44	14
Более 60000 рублей в месяц	119	37.9
Населённый пункт проживания		
Город	264	84.1
Посёлок городского типа	27	8.6
Село	23	7.3
Частота использования социальных сетей		
Никогда		
Реже одного раза в неделю	2	0.6
1 – 2 раза в неделю	1	0.3
Каждый день	8	2.5
Несколько раз в день	162	51.6
	141	45

Табл. 3 представляет собой сводку статистических значений полученных результатов по шкале самоуважения среди опрошенного населения. Общий балл, достигнутый участниками опроса, составил 37 ± 6.2 (диапазон: 18-50). Оценка самокомпетентности варьировалась от 9 до 25 баллов (19 ± 3.4). Оценка симпатии к себе варьировалась от 9 до 25 баллов (18 ± 3.4). Разница между баллами самокомпетентности и симпатии к себе соста-

вила 0.54 ± 2.7 баллов (диапазон: -9 – 8). Стоит отметить, что у респондентов – пенсионеров, респондентов в возрасте 35-44 лет и респондентов в разводе разница между баллами была статистически значимо больше по сравнению со средним значением – 3.7 ± 0.58 (диапазон: 3 – 4), -0.5 ± 2.9 (диапазон: -9 – 6) и -0.71 ± 2.3 (диапазон: -4 – 3) ($p < 0.05$).

Таблица 3

Результаты раздела анкеты по шкале самоуважения среди опрошенного населения. Max, максимальное значение; Min, минимальное значение; Mean; среднее значение; SD, стандартное отклонение.

Table 3

Results of the questionnaire section based on the self-esteem scale among the surveyed population.

Шкала самоуважения	Min	Max	Mean	SD
Общий балл	18	50	37	6.2
Баллы самокомпетентности	9	25	19	3.4
Баллы симпатии к себе	9	25	18.4	3.4
Разница между баллами самокомпетентности и симпатии к себе	-9	8	0.54	2.67

Табл. 4 показывает, что 5.4% опрошенных имеют низкую самооценку. Статистически значимой связи между полом и самооценкой в общей группе респондентов обнаружено не было ($p = 0.79$), лишь в группе респондентов в возрасте 25 – 34 лет мужчины статистически чаще имели низкую самооценку (отношение шансов [OR] = 7.7, $p < 0.05$), в группе состоящих в гражданском браке – женщины (OR = 6.2, $p < 0.001$). Хотя различия в самооценке наблюдались в разных возрастных категориях, точный критерий Фишера не показал статистически значимой связи ни в одной из категорий. Однако разница в возрастной группе 25 - 34 лет была ближе всего к статистической значимости относительно других (OR = 2, $p = 0.2$). Семейное положение значительно влияло на самооценку. Опрошенные, состоящие в гражданском браке, имели низкую самооценку по сравнению с другими категориями статистически значимо чаще (OR = 5.4, $p = 0.02$). Хотя статистически значимой свя-

зи между родом деятельности и самооценкой не было выявлено, таблица показывает, что респонденты, работающие в частном секторе, и студенты в большей степени имели низкую самооценку. Статистически значимо чаще имели низкую самооценку лишь работники частного сектора в возрастной категории 25 - 34 лет (OR = 4.5, $p = 0.03$). Также не было обнаружено статистически значимой связи между стажем работы и самооценкой, результаты показывают, что лишь опрошенные со стажем менее 1 года в большей степени имели низкую самооценку. Стоит отметить, что статистически значимо чаще имели низкую самооценку лишь опрошенные со стажем менее 1 года в возрастной категории 25-34 лет (OR = 6.2, $p = 0.02$). По нашим данным такие параметры, как уровень образования и дохода, населённый пункт проживания и частота использования социальных сетей не влияли на самооценку респондентов.

Таблица 4

Сравнение социально-демографических параметров и параметра, касающегося частоты использования социальных сетей, между опрошенными с низкой и нормальной или повышенной самооценкой. n, общее количество опрошенного населения, OR, отношение шансов.

Table 4

Comparison of socio-demographic data and the frequency of social networks' utilization between respondents with low and normal or high self-esteem.

Параметры	Низкая самооценка		OR	P
	Да	Нет		
Пол, n				
Мужской	4	87	0.74	0.79
Женский	13	210		
Возраст, n				
15 – 17 лет	1	19	0.9	1
18 – 24 года	7	160	0.6	0.33
25 – 34 года	5	51	2	0.2
35 – 44 года	3	39	1.4	0.5
45 – 54 года	1	24	0.7	1
Старше 55 лет	0	4	0	1
Уровень образования, n				
Среднее				1
Неоконченное высшее	4	70	0.99	0.61
Высшее	5	110	0.71	0.61
Послевузовское	7	103	1.3	0.58
	1	14	1.3	
Семейное положение, n				
Холост/незамужем				
В браке	9	184	0.69	0.46
Разведён/разведена	3	76	0.62	0.58
Вдовец/вдова	1	16	1.1	1
В гражданском браке	0	5	0	1
	4	16	5.4	0.02

Продолжение таблицы 4
Continuation of Table 4

Профессия, п				
Работник государственного сектора				
Работник частного сектора	3	52	1	1
Пенсионер				
Студент	7	55	3.1	0.05
Школьник	0	3	0	1
Безработный	6	166	0.43	0.13
	0	9	0	1
	1	12	1.5	0.52
Стаж работы, п				
Менее 1 года	8	79	2.5	0.09
1 - 3 года	5	96	0.9	1
4 - 6 лет	4	54	1.4	0.5
7 - 10 лет	0	19	0	1
Более 10 лет	0	49	0	1
Уровень дохода, п				
Менее 20000 рублей в месяц				
20000 - 40000 рублей в месяц	4	95	0.65	0.6
40000 - 60000 рублей в месяц	4	48	1.6	0.5
Более 60000 рублей в месяц	4	40	2	0.27
	5	114	0.67	0.61
Населённый пункт проживания, п				
Город				
Посёлок городского типа	14	250	0.88	0.74
Село	1	26	0.65	1
	2	21	1.8	0.36
Частота использования социальных сетей, п				
Никогда				
Реже одного раза в неделю	0	2	0	1
1 – 2 раза в неделю				
Каждый день	0	1	0	1
Несколько раз в день	1	7	2.6	0.36
	8	154	0.83	0.8
	8	133	1.1	1

Целью нашего исследования было определение уровня самооценки среди пользователей социальных сетей в двух регионах РФ – Ростовской области и Республике Крым. Для набора респондентов из данных регионов использовалась комбинация методов снежного кома и удобной выборки. Мы обнаружили, что средний общий балл по шкале самоуважения составил 37 ± 6.2 , средний балл самокомпетентности - 19 ± 3.4 , средний балл симпатии к себе - 18 ± 3.4 . Среди участников исследования 5.4% имели низкую самооценку. Средний балл разницы между баллами самокомпетентности и симпатии к себе составила 0.54 ± 2.7 . Респонденты в возрасте 25 – 34 лет статистически значимо чаще имели низкую самооценку, если они были

мужского пола, работали в частном секторе или имели стаж работы менее 1 года. Также стоит отметить, что низкая самооценка статистически значимо чаще была зафиксирована у опрошенных, состоящих в гражданском браке, при этом при разделении опрошенных по половому признаку, у женщин статистическая значимость сохранялась, а у мужчин нет.

Хотя существует мнение, что социальные сети являются лекарством от одиночества, все больше доказательств свидетельствуют о том, что они на самом деле усугубляют данное состояние. Социальные сети способствуют тому, что их пользователи постоянно сравнивают себя с остальными, тем самым уменьшая свою самооценку [13]. Вре-

мьяпровождение в социальных сетях тесно связано с развитием тревожности и других психологических проблем, таких как депрессия, бессонница, стресс, снижение субъективного счастья и чувство психической депривации [14]. Мы обнаружили, что почти 97% участников пользовались социальными сетями каждый день, из них около половины чаще 1 раза в день. Наши данные указывают на то, что большинство опрошенных часто используют социальные сети. Однако мы не обнаружили никакой значимой связи между частотой использования социальных сетей и уровнем самооценки, что коррелирует с результатами исследования Alshaikhi с соавт., в котором не была обнаружена значимая связь между продолжительностью использования социальных сетей и уровнем самооценки [13]. Зависимость от времяпровождения в социальных сетях характеризуется как форма поведенческой зависимости, включающая в себя компульсивное и чрезмерное использование разнообразных социальных платформ. Данная зависимость может оказывать существенное влияние на функционирование пользователей, как индивидов, в критически важных сферах жизни, включая межличностные отношения, работу или успеваемость, а также физическое здоровье [15].

Средний балл самооценки респондентов составил 37 ± 6.2 , при этом 5.4% имели низкую самооценку (оценка ниже 29). Данный результат говорит о том, что опрошенные из двух регионов РФ, использующие социальные сети, испытывают минимальное влияние на уровень своей самооценки. Valkenburg с соавт. в своём исследовании, проведённом среди 387 подростков, обнаружил, что лишь 8% респондентов испытали отрицательное влияние использования социальных сетей на свою самооценку [16]. В другом исследовании, в котором участвовали респонденты разных возрастов, процент опрошенных с низкой самооценкой в результате использования социальных сетей был чуть выше и равнялся 14.3% [13]. Ещё больший процент опрошенных с низкой самооценкой среди пользователей социальных сетей наблюдался в ряде западных исследований, где он варьировался от 25% до 40% [17–19]. Стоит отметить, что согласно данным, предоставленным метаанализом, проведенным Liu и Baumeister, существует отрицательная связь между использованием социальных сетей и самооценкой, предполагая, что более частое использование социальных сетей связано с низким уровнем самооценки [20]. Такая большая разница между нашим результатом и результатами большинства западных исследований в уровне самооценки у пользователей социальных сетей, по нашему мнению, вызвана культурными различия-

ми в восприятии стандартов красоты между Россией и западными странами. В западных странах, особенно в США и Западной Европе, стандарты красоты часто акцентируют внимание на определённых физических параметрах, таких как стройность, определённые черты лица и молодость. Социальные сети активно продвигают эти образы, создавая давление соответствовать им. В России, хотя последние годы западные стандарты также оказывают влияние, сохраняются и собственные представления о красоте, которые могут отличаться от западных. Например, в исследовании Саввиной обсуждается, что культурные предпочтения и исторические традиции играют значительную роль в формировании идеалов красоты в разных странах [21]. Таким образом, различия в культурных стандартах и их продвижении через социальные сети могут приводить к тому, что давление соответствовать определённым идеалам красоты в западных странах ощущается сильнее, чем в России. Это, в свою очередь, может оказывать разное влияние на самооценку и восприятие себя в разных культурах.

Связь между возрастом и самооценкой

По нашим данным ни в одной из возрастных категориях низкая самооценка статистически значимо чаще не наблюдалась. Чаще всего респонденты с низкой самооценкой наблюдались в возрастной группе 25–34 лет, но статистически значимая разница зафиксирована не была ($OR = 2$, $p = 0.2$). Похожий результат в своём исследовании обнаружил Alshaikhi с соавт., в котором молодые пользователи социальных сетей чаще имели низкую самооценку, однако данная разница не была статистически значимой ($p = 0.056$) [13]. Аналогичным образом, Kavas сообщил в своём исследовании, что самооценка среди пользователей социальных сетей не зависела от возраста [22]. Однако, несмотря на отсутствие статистической значимости в результате, мы, как и некоторые наши коллеги [23], предполагаем, что молодые люди, активно использующие социальные сети, могут быть склонны к более низкой самооценке относительно других возрастных групп. Вероятно это связано с фазой жизни, когда происходит становление карьеры и личной жизни, что вызывает стресс и социальное сравнение [24].

Связь между возрастом, полом и самооценкой

Что касается гендерных различий, мы обнаружили, что мужчины имели статистически значимо чаще низкую самооценку в возрастной категории 25 – 34 лет ($p < 0.05$). В остальных возрастных категориях разницы в уровне самооценки между мужчинами и женщинами обнаружено не было. Напротив, в исследованиях Alshaikhi с соавт. и

Steinsbekk с соавт. низкая самооценка была статистически значимо реже у респондентов мужского пола [13, 25]. Таким образом наши результаты противоречат выводам большинства исследований, указывающим на тенденцию, согласно которой женщины более подвержены негативному влиянию социальных сетей на самооценку. Мы же считаем, что мужчины, пользующиеся социальными сетями, могут испытывать давление социальных ожиданий, связанных с успехом и статусом, особенно при сравнении своих и чужих достижений, что особенно проявляется в возрасте 25 – 34 лет, когда они находятся на этапе активного карьерного роста [26].

*Связь между возрастом,
профессией и самооценкой*

По нашим данным респонденты в возрасте 25-34 лет, работающие в частном секторе и активно использующие социальные сети, статистически значимо чаще имеют низкую самооценку ($p = 0.03$). Мы не нашли исследований, которые бы анализировали связь между профессией пользователей социальных сетей и их уровнем самооценки, однако, можем предположить, что наши результаты связаны с тем, что работники частного сектора имеют более высокий уровень стресса и конкуренции на рабочем месте по сравнению с работниками государственного сектора и такими неработающими группами, как школьники, студенты, пенсионеры и безработные [27].

*Связь между возрастом,
стажем работы и самооценкой*

В нашем исследовании мы обнаружили, что опрошенные в возрасте 25-34 лет со стажем работы менее 1 года, пользующиеся социальными сетями, статистически значимо чаще имеют низкую самооценку ($p = 0.02$). Мы не нашли исследований, которые бы анализировали связь между стажем работы пользователей социальных сетей и их уровнем самооценки, однако, можем предположить, что наши результаты связаны с тем, что опрошенные со стажем работы менее 1 года могут испытывать неуверенность в своих профессиональных навыках и положении. Это может усиливаться при просмотре успехов и достижений более опытных коллег или сверстников в социальных сетях, что приводит к снижению самооценки [28].

*Связь между семейным
положением и самооценкой*

Наши результаты указывают на то, что респонденты, состоящие в гражданском браке и активно использующие социальные сети, статистически значимо чаще имеют низкую самооценку ($p = 0.02$). К сожалению, исследований, связывающих гражданский брак, использование социальных се-

тей и уровень самооценки, в доступной литературе мы не обнаружили. Однако, мы считаем, что основной причиной, которая предположительно может влиять на уровень самооценки, как респондентов мужского, так и женского пола, является отсутствие правового статуса у гражданского брака. Гражданский брак характеризуется более низким уровнем удовлетворенности отношениями по сравнению с официальным браком, ввиду наличия чувства нестабильности и неопределенности в «завтрашнем дне», что, в свою очередь, может отражаться на самооценке партнеров [29,30].

*Баланс между уверенностью
в себе и самоуважением*

Согласно данным нашего исследования у респондентов-пенсионеров, респондентов в возрасте 35-44 лет и респондентов, состоящих в разводе, разница между баллами самокомпетентности и симпатии к себе была статистически значимо больше по сравнению со средним значением ($p < 0.05$). Мы не обнаружили в доступной литературе ни одного исследования, которое бы анализировало баланс между уверенностью в себе и самоуважением по шкале Розенберга среди вышеперечисленных категорий респондентов. Мы считаем, что каждая категория опрошенных имеет свою причину низкого уровня самокомпетентности и симпатии к себе. Выход на пенсию часто сопровождается утратой профессиональной идентичности и снижением ощущения собственной полезности, ввиду изменения образа жизни, что может влиять и на самокомпетентность, и на симпатию к себе [31]. Респонденты в возрасте 35-44 лет часто сталкиваются с высокими ожиданиями в карьере и личной жизни, поэтому несоответствие между реальностью и ожиданиями может влиять на самокомпетентность и симпатию к себе. Помимо этого респонденты в данном возрасте часто страдают кризисом среднего возраста, когда переоценка жизненных достижений и целей может приводить к снижению самооценки [32]. Что касается респондентов в разводе, то мы считаем, что развод может приводить к чувству неудачи и снижению симпатии к себе, а также, что общественное осуждение или стереотипы относительно развода могут негативно влиять на самооценку в общем [33].

Ограничения

Это исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, существует риск потенциальной предвзятости исследуемых данных по следующим причинам: набор респондентов с использованием методов снежного кома и удобной выборки; опора на данные, предоставленные самими респондентами; использование одномерной шкалы Розенберга для исследования уровня самооценки. Во-вторых,

важно признать, что различные неучтённые сопутствующие факторы могут потенциально влиять на связь между самооценкой и параметрами, изучаемыми в нашем исследовании. В-третьих, важно отметить, что мы не исследовали такие проблемы психического здоровья, как депрессия, тревожность или стресс, в роли потенциальных факторов, влияющих на использование социальных сетей и уровень самооценки в нашем исследовании. Всё вышеперечисленное может ограничить достоверность текущих результатов. Хотя это исследование дополняет текущую литературу, изучающую влияние социальных сетей на личную самооценку, для подтверждения или опровержения его результатов необходимы будущие систематические обзоры и мета-анализы, которые смогли бы объединить выборки всех доступных в международной библиографии исследований для окончательного определения списка факторов, влияющих на личную самооценку при использовании социальных сетей.

Выводы

Настоящее исследование предоставляет ценную информацию о взаимосвязи между использованием социальных сетей и самооценкой среди респондентов в двух регионах РФ. Согласно результатам исследования лишь небольшая часть

участников исследования продемонстрировала низкую самооценку. Интересно, что у опрошенных, состоящих в гражданском браке, низкая самооценка была выявлена статистически значимо чаще по сравнению с людьми, состоящими в других видах партнёрств. Исследование не обнаружило статистически значимой связи между частотой использования социальных сетей и самооценкой. Такие социально-демографические параметры, как мужской пол, работа в частном секторе или стаж работы менее 1 года, имели статистически значимую связь с низкой самооценкой только у респондентов в возрасте 25-34 лет, в то же время все остальные параметры, проанализированные в исследовании, не показали значительного влияния на самооценку респондентов. Результаты нашего исследования определяют конкретные факторы, при которых у пользователей социальных сетей статистически значимо чаще наблюдается низкая самооценка, а также подчеркивают сложную взаимосвязь между данными факторами. Несмотря на это необходимо проводить дальнейшие исследования с целью изучения региональных, социально-демографических и онлайн-поведенческих параметров и их влияния на уровень самооценки у пользователей социальных сетей.

Список источников

1. Kaplan A.M. Social Media, Definition and History // Encyclopedia of Social Network Analysis and Mining. M.: Springer New York, 2014. P. 1825 – 1827.
2. Statista. Number of social media users worldwide from 2017 to 2028. (2024). Accessed: 25 March 2025: <https://www.statista.com/statistics/278414/number-of-worldwide-social-network-users>
3. Vannucci A., Simpson E.G., Gagnon S., Ohannessian C.M. Social media use and risky behaviors in adolescents: A meta-analysis // Journal of Adolescence. 2020. № 1 (79). P. 258 – 274.
4. Rosenberg M., Schooler C., Schoenbach C., Rosenberg F. Global Self-Esteem and Specific Self-Esteem: Different Concepts, Different Outcomes // American Sociological Review. 1995. № 1 (60). P. 141 – 156.
5. Gruenenfelder-Steiger A.E., Harris M.A., Fend H.A. Subjective and objective peer approval evaluations and self-esteem development: A test of reciprocal, prospective, and long-term effects // Developmental Psychology. 2016. № 10 (52). P. 1563 – 1577.
6. Ehrenberg A., Juckes S., White K. M., Walsh S.P. Personality and Self-Esteem as Predictors of Young People's Technology Use // CyberPsychology & Behavior. 2008. № 6 (11). P. 739 – 741.
7. Шейнов В.П. Зависимость от социальных сетей и характеристики личности: обзор исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 3. С. 607 – 630.
8. Mougharbel F., Chaput J. P., Sampasa-Kanyinga H., Hamilton H.A., Colman I., Leatherdale S.T., Goldfield G.S. Heavy social media use and psychological distress among adolescents: the moderating role of sex, age, and parental support // Frontiers in Public Health. 2023. (11). P. 1190390.
9. Berndt A.E. Sampling Methods // Journal of Human Lactation. 2020. № 2 (36). P. 224 – 226.
10. Rosenberg M. Society and the Adolescent Self-Image. M.: Princeton University Press, 1965. 347 p.
11. Van Den Eijnden R.J.J.M., Lemmens J.S., Valkenburg P.M. The Social Media Disorder Scale // Computers in Human Behavior. 2016. (61). P. 478 – 487.
12. Spielberger C. D. Anxiety: Current trends in theory and research. M.: Elsevier, 2013. 510 p.

13. Alshaikhi O.A M., Alshaikhi S.A., AlZubaidi H.A.A., Alzubaidi M.A.A., Alfaqih H.M.H., Alrezqi A.A. A., AlRashdi M.H.S., Alzubaidi A.A.A., Alshaikhi M.A.M., Ghazy R.M., Alshaikh A.A. Social Media Effect on Personal Self-Esteem Among the Population in Saudi Arabia // *Cureus*. 2023. № 15 (11). P. e49543.
14. Zubair U., Khan M.K., Albashari M. Link between excessive social media use and psychiatric disorders // *Annals of Medicine & Surgery*. 2023. № 4 (85). P. 875 – 878.
15. Cheng C., Ebrahimi O. V., Luk J. W. Heterogeneity of Prevalence of Social Media Addiction Across Multiple Classification Schemes: Latent Profile Analysis // *Journal of Medical Internet Research*. 2022. № 1 (24). P. e27000.
16. Valkenburg P., Beyens I., Pouwels J.L., van Driel I.I., Keijsers L. Social Media Use and Adolescents' Self-Esteem: Heading for a Person-Specific Media Effects Paradigm // *Journal of Communication*. 2021. № 1 (71). P. 56 – 78.
17. Primack B.A., Shensa A., Sidani J.E., Whaithe E.O., Lin L.Y., Rosen D., Colditz J.B., Radovic A., Miller E. Social Media Use and Perceived Social Isolation Among Young Adults in the U.S. // *American Journal of Preventive Medicine*. 2017. № 1 (53). P. 1 – 8.
18. Fardouly J., Diedrichs P.C., Vartanian L.R., Halliwell E. Social comparisons on social media: The impact of Facebook on young women's body image concerns and mood // *Body Image*. 2015. (13). P. 38 – 45.
19. Tandoc E.C., Ferrucci P., Duffy M. Facebook use, envy, and depression among college students: Is facebooking depressing? // *Computers in Human Behavior*. 2015. (43). P. 139 – 146.
20. Liu D., Baumeister R. F. Social networking online and personality of self-worth: A meta-analysis // *Journal of Research in Personality*. 2016. (64). P. 79 – 89.
21. Саввина О.В. Стандарты женской красоты: естественное и культурное // *Человек и культура*. 2017. Т. 1. № 1. С. 24 – 34.
22. Kavaz A.B. Self-esteem and health-risk behaviors among Turkish late adolescents // *Adolescence*. 2009. № 173 (44). P. 187 – 198.
23. Шейнов В. П., Девицын А. С. Трехфакторная модель зависимости от социальных сетей // *Российский психологический журнал*. 2021. Т. 18. № 3. С. 145 – 158.
24. Holland G., Tiggemann M. A systematic review of the impact of the use of social networking sites on body image and disordered eating outcomes // *Body Image*. 2016. (17). P. 100 – 110.
25. Steinsbekk S., Wichstrøm L., Stenseng F., Nesi J., Hygen B. W., Skalicka V. The impact of social media use on appearance self-esteem from childhood to adolescence – A 3-wave community study // *Computers in Human Behavior*. 2021. (114). P. 106528.
26. Vogel E.A., Rose J.P., Roberts L.R., Eckles K. Social comparison, social media, and self-esteem // *Psychology of Popular Media Culture*. 2014. № 4 (3). P. 206 – 222.
27. Сухова О.В. Влияние уровня заработной платы на самооценку и профессиональную успешность личности // *Дискуссия*. 2021. Т. 104. № 1. С. 41 – 50.
28. Ахмадеева Е.В., Дмитриева Л.Г. Самопредъявление как фактор профессионального самоотношения сотрудников МВД [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2024. Т. 14. № 3. С. 134 – 149.
29. Лидовская Н.Н. Взаимоотношения супругов в незарегистрированном браке: автореф. дис. ... канд. психол. наук / С.-Петербург. гос. ун-т. Санкт-Петербург, 2009. 24 с.
30. Барина Н.В. Гражданский брак: почему его выбирает современная молодёжь // *Проблемы современной науки и образования*. 2017. Т. 85. № 3. С. 85 – 88.
31. Фирсова Н. Г. Особенности самооценки людей пожилого возраста после выхода на пенсию // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2012. Т. 143. № 24. С. 218 – 225.
32. Трофимова Е., Васенкин А., Малахаева С. Особенности психологического портрета людей, переживающих кризис среднего возраста // *Baikal Research Journal*. 2019. Т. 10. № 1. С. 1.
33. Сагатов Г.С., Головкин Н.В. Психологические аспекты развода в семье: причины и последствия // *Universum: психология и образование*. 2023. Т. 114. № 12. С. 23 – 25.

References

1. Kaplan A.M. Social Media, Definition and History. *Encyclopedia of Social Network Analysis and Mining*. M.: Springer New York, 2014. P. 1825 – 1827.
2. Statista. Number of social media users worldwide from 2017 to 2028. (2024). Accessed: 25 March 2025: <https://www.statista.com/statistics/278414/number-of-worldwide-social-network-users>
3. Vannucci A., Simpson E.G., Gagnon S., Ohannessian C.M. Social media use and risky behaviors in adolescents: A meta-analysis. *Journal of Adolescence*. 2020. No. 1 (79). P. 258 – 274.

4. Rosenberg M., Schooler C., Schoenbach C., Rosenberg F. Global Self-Esteem and Specific Self-Esteem: Different Concepts, Different Outcomes. *American Sociological Review*. 1995. No. 1 (60). P. 141 – 156.
5. Gruenenfelder-Steiger A.E., Harris M.A., Fend H.A. Subjective and objective peer approval evaluations and self-esteem development: A test of reciprocal, prospective, and long-term effects. *Developmental Psychology*. 2016. No. 10 (52). P. 1563 – 1577.
6. Ehrenberg A., Juckes S., White K.M., Walsh S.P. Personality and Self-Esteem as Predictors of Young People's Technology Use. *CyberPsychology & Behavior*. 2008. No. 6 (11). P. 739 – 741.
7. Sheynov V.P. Social media addiction and personality characteristics: a research review. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*. 2021. Vol. 18. No. 3. P. 607 – 630.
8. Mougharbel F., Chaput J.P., Sampasa-Kanyinga H., Hamilton H.A., Colman I., Leatherdale S.T., Goldfield G.S. Heavy social media use and psychological distress among adolescents: the moderating role of sex, age, and parental support. *Frontiers in Public Health*. 2023. (11). P. 1190390.
9. Berndt A.E. Sampling Methods. *Journal of Human Lactation*. 2020. No. 2 (36). P. 224 – 226.
10. Rosenberg M. *Society and the Adolescent Self-Image*. M.: Princeton University Press, 1965. 347 p.
11. Van Den Eijnden R.J.J.M., Lemmens J.S., Valkenburg P.M. The Social Media Disorder Scale. *Computers in Human Behavior*. 2016. (61). P. 478 – 487.
12. Spielberger C. D. *Anxiety: Current trends in theory and research*. M.: Elsevier, 2013. 510 p.
13. Alshaikhi O.A. M., Alshaikhi S.A., AlZubaidi H.A.A., Alzubaidi M.A.A., Alfaqih H.M.H., Alrezqi A.A. A., AlRashdi M.H.S., Alzubaidi A.A.A., Alshaikhi M.A.M., Ghazy R.M., Alshaikh A.A. Social Media Effect on Personal Self-Esteem Among the Population in Saudi Arabia. *Cureus*. 2023. No. 15 (11). P. e49543.
14. Zubair U., Khan M.K., Albashari M. Link between excessive social media use and psychiatric disorders. *Annals of Medicine & Surgery*. 2023. No. 4 (85). P. 875 – 878.
15. Cheng C., Ebrahimi O. V., Luk J. W. Heterogeneity of Prevalence of Social Media Addiction Across Multiple Classification Schemes: Latent Profile Analysis. *Journal of Medical Internet Research*. 2022. No. 1 (24). P. e27000.
16. Valkenburg P., Beyens I., Pouwels J.L., van Driel I.I., Keijsers L. Social Media Use and Adolescents' Self-Esteem: Heading for a Person-Specific Media Effects Paradigm. *Journal of Communication*. 2021. No. 1 (71). P. 56 – 78.
17. Primack B.A., Shensa A., Sidani J.E., Whaite E.O., Lin L.Y., Rosen D., Colditz J.B., Radovic A., Miller E. Social Media Use and Perceived Social Isolation Among Young Adults in the U.S. *American Journal of Preventive Medicine*. 2017. No. 1 (53). P. 1 – 8.
18. Fardouly J., Diedrichs P.C., Vartanian L.R., Halliwell E. Social comparisons on social media: The impact of Facebook on young women's body image concerns and mood. *Body Image*. 2015. (13). P. 38 – 45.
19. Tandoc E.C., Ferrucci P., Duffy M. Facebook use, envy, and depression among college students: Is facebooking depressing? *Computers in Human Behavior*. 2015. (43). P. 139 – 146.
20. Liu D., Baumeister R. F. Social networking online and personality of self-worth: A meta-analysis. *Journal of Research in Personality*. 2016. (64). P. 79 – 89.
21. Savvina O.V. Standards of female beauty: natural and cultural. *Man and Culture*. 2017. Vol. 1. No. 1. P. 24 – 34.
22. Kavas A.B. Self-esteem and health-risk behaviors among Turkish late adolescents. *Adolescence*. 2009. No. 173 (44). P. 187 – 198.
23. Sheynov V.P., Devitsyn A.S. Three-factor model of social media addiction. *Russian Psychological Journal*. 2021. Vol. 18. No. 3. P. 145 – 158.
24. Holland G., Tiggemann M. A systematic review of the impact of the use of social networking sites on body image and disordered eating outcomes. *Body Image*. 2016. (17). P. 100 – 110.
25. Steinsbekk S., Wichstrøm L., Stenseng F., Nesi J., Hygen B. W., Skalicka V. The impact of social media use on appearance self-esteem from childhood to adolescence – A 3-wave community study. *Computers in Human Behavior*. 2021. (114). P. 106528.
26. Vogel E.A., Rose J.P., Roberts L.R., Eckles K. Social comparison, social media, and self-esteem. *Psychology of Popular Media Culture*. 2014. No. 4 (3). P. 206 – 222.
27. Sukhova O.V. The influence of salary level on self-esteem and professional success of an individual. *Discussion*. 2021. Vol. 104. No. 1. P. 41 – 50.
28. Akhmadeeva E.V., Dmitrieva L.G. Self-presentation as a factor in professional self-attitude of the Ministry of Internal Affairs employees [Electronic resource]. *Psychology and Law*. 2024. Vol. 14. No. 3. P. 134 – 149.

29. Lidovskaya N.N. Relationships of spouses in an unregistered marriage: abstract of dis. ... candidate of psychological sciences. St. Petersburg state University]. St. Petersburg, 2009. 24 p.
30. Barinova N.V. Civil marriage: why modern youth chooses it. Problems of modern science and education. 2017. Vol. 85. No. 3. P. 85 – 88.
31. Firsova N.G. Features of self-esteem of elderly people after retirement. Issues of journalism, pedagogy, linguistics. 2012. Vol. 143. No. 24. P. 218 – 225.
32. Trofimova E., Vasenkin A., Malakhaeva S. Features of the psychological portrait of people experiencing a midlife crisis. Baikal Research Journal. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 1.
33. Sagatova G. S., Golovko N. V. Psychological aspects of divorce in the family: causes and consequences. Universum: psychology and education. 2023. Vol. 114. No. 12. P. 23 – 25.

Информация об авторах

Тишуков М.Ю., аспирант, SPIN-код: 6633-0724, Славяно-греко-латинская академия, 105005, г. Москва, ул. Радио, 20, подъезд 3; врач-нефролог, ООО «Гемодиализный центр Ростов», 346760, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 1-ой Конной Армии, д. 33 г., maksim.tishukov@fmc-ag.ru, tmax@inbox.ru

Храмешин С.Н., кандидат философских наук, доцент, ректор, SPIN-код: 2979-9781, Славяно-греко-латинская академия, 105005, г. Москва, ул. Радио, 20, подъезд 3, rector@sgla.ru

© Тишуков М.Ю., Храмешин С.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.9.072

¹ Трусова Е.А.,

¹ Тихоокеанский государственный университет

Отношение к межнациональным бракам в современном обществе

Аннотация: современный мир полон разных новых тенденций. Одной из них можно считать изменения отношения к межнациональным брачным союзам. Такие браки не только увеличиваются в численности, но и становятся более привычными, не вызывающими отторжения и негативного восприятия у большого числа людей. При этом была, есть и, наверное, может остаться в будущем, часть населения, которое негативно относится к таким бракам. Часто принятие межнациональных браков объясняется определенными факторами: религиозными, культурными, социальными, политическими. В мире, где есть возможность познавать другие культуры, быть мобильным, не зависеть от мнения других, и даже семьи межнациональные браки становятся более реальными. Эта тенденция особенно проявляется среди молодых людей, живущих на территориях с явно выраженной поликультурностью, многорелигиозностью, эгалитарностью. На территориях национального и религиозного большинства (например, национальные республики и края) отношение к полиэтническим союзам более сдержанное, а иногда и явно негативное. Мы считаем, что большую роль в принятии или отвержении полиэтнических браков играет сама личность, её установки, ценности и взгляды на жизнь. Личность, которая проявляет готовность к семейной жизни и терпимость, способна более реально создать такой союз и прожить в нём, пройдя все стадии жизненного цикла. При этом национальная принадлежность будет только лишь одним из компонентов семейной жизни. С целью изучения отношения у межнациональным бракам нами было проведено исследование. В целом, мы получили подтверждение основных тенденций в оценках людьми таких союзов. Однако, надо учесть, что территория, на которой проводилось исследование (Хабаровский край) можно отнести к принимающей новые формы брачных отношений.

Ключевые слова: межнациональный брак, полиэтнический брак, факторы успешности брака, готовность к семейной жизни, совместимость, терпимость

Для цитирования: Трусова Е.А. Отношение к межнациональным бракам в современном обществе // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 273 – 278.

Поступила в редакцию: 21 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Trusova E.A.,

¹ Pacific State University

Attitudes towards interethnic marriages in modern society

Abstract: the modern world is full of various new trends. One of them can be considered a change in attitude towards interethnic marriages. Such marriages are not only increasing in number, but also becoming more common, not causing rejection and negative perception among a large number of people. At the same time, there was, is and, probably, may remain in the future, a part of the population that has a negative attitude towards such marriages. Often, the acceptance of interethnic marriages is explained by certain factors: religious, cultural, social, political. In a world where there is an opportunity to learn about other cultures, be mobile, not depend on the opinions of others, and even families, interethnic marriages are becoming more real. This trend is especially evident among

young people living in territories with clearly expressed polyculturalism, multireligiosity, egalitarianism. In territories of national and religious majority (for example, national republics and territories), the attitude towards multi-ethnic unions is more reserved, and sometimes clearly negative. We believe that the personality itself, its attitudes, values and views on life play a major role in the acceptance or rejection of polyethnic marriages. A personality that shows readiness for family life and tolerance is more capable of creating such a union and living in it, going through all the stages of the life cycle. At the same time, nationality will be only one of the components of family life. In order to study the attitude towards interethnic marriages, we conducted a study. In general, we received confirmation of the main trends in people's assessments of such unions. However, it should be taken into account that the territory where the study was conducted (Khabarovsk Krai) can be classified as accepting new forms of marital relations.

Keywords: interethnic marriage, multiethnic marriage, factors of marriage success, readiness for family life, compatibility, tolerance

For citation: Trusova E.A. Attitudes towards interethnic marriages in modern society. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 273 – 278.

The article was submitted: April 21, 2025; Approved after reviewing: June 18, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Межнациональный брак – это брак между людьми, которые принадлежат к разным расам, этническим группам, религиям или социальным классам. В современном мире, который становится всё более глобальным и многообразным, смешанные браки стали более обычным явлением. Отношение к таким бракам может быть разным, от полного принятия до отвержения.

Положительное отношение характеризуется следующим: отношение к межнациональным бракам варьируется в зависимости от страны, культуры, религии и личных убеждений. Во многих местах, особенно в более открытых и мультикультурных обществах, смешанные браки воспринимаются положительно, как способ объединения разных культур и расширения понимания между людьми. Они могут обогащать семьи новыми традициями, языками и опытом.

Отрицательное отношение определяется сопротивлением или неодобрением из-за предрассудков, стремления сохранить чистоту культуры или религии, или из-за исторических и социальных напряжений между группами. Это может создавать дополнительные сложности для пар, такие как неодобрение со стороны семьи или общественное давление.

В России отношение к межнациональным бракам неоднозначное. С одной стороны, в стране нет законов, запрещающих браки между людьми разных национальностей или религий. С другой стороны, в некоторых обществах, особенно в национальных республиках, существуют предубеждения против таких браков.

В целом, отношение к данным бракам в России становится более терпимым, особенно среди мо-

лодежи. Официальная статистика не даёт полной картины, но по разным оценкам, доля межнациональных браков в России составляет от 10 % до 20 % в общем числе зарегистрированных союзов..

В соответствии со Всероссийской переписью населения 2010 года в России зафиксировано 12% этнически разнородных пар. При этом выяснилось, что разные этносы проявили неоднозначную готовность вступать в браки с представителями разных народностей и этносов. Так, перепись выявила, что чаще всего в моноэтническом браке состоят чечены, калмыки, ингуши и якуты. А вот среди таких народов, как коми и мордва, доля межнациональных браков достигает больше 40%.

Существует множество факторов, которые могут влиять на отношение к межнациональным бракам. Рассмотрим основные по нашему мнению.

Религиозный фактор проявляется в том, что некоторые религии запрещают браки между людьми разных вероисповеданий.

Если анализировать культурный фактор, то мы можем видеть, что в некоторых культурах существуют строгие правила, касающиеся брака, и смешанные браки могут рассматриваться как нарушение этих правил.

В социальном факторе мы видим, что в некоторых социальных группах браки между людьми из разных социальных классов, страт, и конечно национальностей могут восприниматься неодобительно и даже осуждаемо.

В политическом аспекте можно говорить, что в некоторых странах межнациональные браки могут быть использованы как определенный политический инструмент. Особенно это касается современных тенденций на сближение Запада и Востока, формирование поликультурных пространств.

Несмотря на наличие определенного влияния данных факторов на принятие решения о вступлении в межнациональный брак, все больше людей вступают в такие браки. Это происходит потому, что люди становятся более мобильными, границы между культурами становятся более проницаемыми, а люди всё чаще ценят различия.

Материалы и методы исследований

В современной науке говорится о том, что различия в культурных установках, наличие определенных стереотипов поведения человека и личностные ценности оказывают большое влияние на личность в семейной жизни, на характер отношений между разнонациональными супругами. Поэтому считается, что полиэтнические семьи больше подвержены неустойчивости и нестабильности при проживании семейных ситуаций, которые сопровождают обычную жизнь семьи [1]. Имеет место определенная встреча людей с разной культурой, моделью поведения, семейным воспитанием. Это может приводить к непониманию и иногда столкновениям. Особенно, если личностный конструкт ригиден и деструктивен. И в этой ситуации этническое основание играет не самую важную роль.

Мы согласны с позицией Носсрата Пезешкиана, который говорит, что каждый человек рассматривает мир сквозь призму своего личностного опыта. Особенно это касается той конкретной системы социально-культурных паттернов, в которой он растет и формируется как личность. Он пишет о том, что характер отношений между супругами в полиэтнических браках складывается по такому же сценарию как и в моноэтнических. Мы считаем, что всё зависит от зрелости личности, её готовности к семейной жизни. Большую роль играет этап, который проживает семья, на каждом из которых решаются определенные проблемы и нужно решить свои задачи. Психологам известно, что меньше всего трудностей во взаимоотношениях наблюдается у пары в добрачный период, т.е. в период влюбленности. Этот период сопровождается яркими эмоциями на фоне любви и познания друг друга. Определено, что самыми тяжелыми являются стадии жизненного цикла связанные с распределением ролей (это первый год жизни), периоды воспитания детей школьного возраста. Психологи считают, что в дальнейшем с увеличением возраста брачного стажа в семейных отношениях опасные конфликты возникают всё реже, и в конце концов, минимизируются [2].

Мы считаем, что для гармоничного союза нет принципиально несовместимых для брака народностей и национальностей. Можно говорить об

определенной психологической совместимости или несовместимости. Совместимостью называют способность человека делать непротиворечивыми свои действия и поступки, согласовывать свои мнения и приходить к компромиссу. Это делает брак более совместимым и устойчивым. Стабильность брака не связана исключительно и только с этническим компонентом структуры семьи. Она в значительной степени зависит от личностной зрелостью личности и готовностью человека к семейной жизни в целом.

Если определять положительные моменты в смешанных союзах, то надо отметить следующие. В браке, особенно в межнациональном, супруги учатся приспосабливаться к новой для них культурной среде. Проявлять особую терпимость и гибкость при решении проблем, например при религиозных различиях. Замечено, что дети в подобных союзах отличаются хорошим здоровьем, нестандартностью мышления и оригинальными способностями. У них формируется способность принимать другого и быть терпимыми.

Если говорить об отрицательных моментах межетнических браков, то можно выделить определенные различия культурных традиций и обычаев у супругов. Они выросли и их детство прошло под разными влияниями социального окружения. Особенно остро в браках строятся отношения в родственниками. Выбор вариантов воспитания детей также является зоной конфликтов и недопонимания. Нередко брачные партнеры разных национальностей встречают непонимание, неодобрение и даже осуждение со стороны близких, родных и друзей [4].

Результаты и обсуждения

Для изучения отношения к межнациональным бракам в апреле 2025 года нами был проведен микроопрос жителей г. Хабаровска. Всего было опрошено 100 человек: 70 женщин от 20 до 49 лет, 30 мужчин от 20 до 39 лет.

На первый вопрос «Как вы относитесь к бракам между людьми разных национальностей?» положительно ответило 29% всех опрошенных (из них

24 % женщин и 40 % мужчин). Отрицательное отношение или считают такой брак недолговечным 9%, причем это все женские варианты ответов. Большинство респондентов выбрали четвертый вариант ответа по первому вопросу «Считаю, что брак есть брак, каким бы он не был» – 62% опрошенных (63% женщин и 60% мужчин). Наиболее лояльно к таким браком относятся женщины и мужчины 20-39 лет. Общие данные представлены в табл. 1.

Таблица 1
Ответ на вопрос "Как вы относитесь к бракам между людьми разных национальностей?".

Table 1
Answer to the question "How do you feel about marriages between people of different nationalities?".

Респонденты	Ж 20-29 лет (30ч.)	Ж 30-39 лет (25ч.)	Ж 40-49 лет (15ч.)	Итого жен. (70ч.)	М 20-29 лет (15ч.)	М 30- 39лет (15ч.)	Итог муж. (30 ч.)	Общ. итог 100%
А. Положительно	11	3	3	17/ 24%	6	6	12/ 40%	29%
Б. Считаю, что такой брак недолговечен	-	3	3	6/8%	-	-	-	6%
В. Отрицательно	-	3	-	3/4%	-	-	-	3%
Г. Считаю, что брак есть брак, каким бы он не был	20	15	9	44/63%	10	8	18/60%	62%

Второй вопрос в опросе «Готовы ли сами вступить в брак с лицом другой национальности?». 80% мужчин ответили «Да, если между нами существует взаимопонимание и любовь», и 46% женщин, причем от 20 до 39 лет, всего 56% опро-

шенных. Женщины старше 40 не так уверены (они уже в браке вероятно). «Категорически нет» ответили только женщины (11%) как раз возраста старше 40 лет. Сводные данные представлены в табл. 2.

Таблица 2
Готовы ли сами вступить в брак с лицом другой национальности?

Table 2

Are you ready to marry a person of another nationality?

Респонденты	Ж 20-29 лет (30ч.)	Ж 30-39 лет (25ч.)	Ж 40-49 лет (15ч.)	Итого жен. (70ч.)	М 20-29 лет (15ч.)	М 30- 39лет (15ч.)	Итог муж. (30 ч.)	Общ. итог 100%
А. Да, если между нами существует взаимопонимание и любовь	20	12	-	32/46 %	9	15	24/80%	56%
Б. Да, но только преследуя свои цели	-	5	-	5/7%	-	-	-	5%
В. Категорически нет	3	-	5	8/11%	-	-	-	8%
Г. Может быть	10	9	6	25/35 %	6	-	6/20%	31%

«Позволите ли вы своему ребенку вступить в межнациональный брак?» был третий вопрос в нашем опросе. 58% опрошенных ответили «Да, это его выбор», 66% женщин и 40% мужчин, причем

больше согласия показали молодые женщин 20-29 лет (47% ответивших женщин). Явной стигмы не было выявлено («не знаю» ответило 20 опрошенных). Сводная ответов представлена в табл. 3.

Таблица 3
Ответы на вопрос "Позволите ли вы своему ребенку вступить в межнациональный брак?".

Table 3

Answers to the question "Would you allow your child to enter into an interethnic marriage?".

Респонденты	Ж 20-29 лет (30ч.)	Ж 30-39 лет (25ч.)	Ж 40-49 лет (15ч.)	Итого жен. (70ч.)	М 20-29 лет (15ч.)	М 30- 39лет (15ч.)	Итог муж. (30 ч.)	Общ. итог 100%
А. Да, это его выбор	22	15	9	46/66%	6	6	12/40%	58%
Б. Возможно, при определенных условиях	4	3	6	13/18%	-	9	9/30%	22%
В. Нет, такой брак обречён	-	-	-	-	-	-	-	-
Г. Не знаю	5	6	-	11/15%	9	-	9/30%	20%

Завершающим был вопрос «В чём вы видите основные проблемы межнациональных браков?». 57% опрошенных назвали вариант «В противоречиях и разности национальных взглядов, религии, традиций и обычаев», из них 51 % женщин и 70% мужчин. Однако, вариант «Любой брак, построен-

ный на уважении и любви, может решить все проблемы и стать счастливым» отметили 32% выборки (33% женщин и 30% мужчин соответственно). 7% ответили «Не вижу никаких проблем», причем только женщины. Ответы можно увидеть в табл. 4.

Таблица 4

В чём вы видите основные проблемы межнациональных браков?

Table 4

What do you see as the main problems of interethnic marriages?

Респонденты	Ж 20-29 лет (30ч.)	Ж 30-39 лет (25ч.)	Ж 40-49 лет (15ч.)	Итого жен. (70ч.)	М 20-29 лет (15ч.)	М 30- 39лет (15ч.)	Итого муж. (30 ч.)	Общ. итог 100%
А. В непонимании и упрёках со стороны общества, родителей, родных	4	-	-	4/5%	-	-	-	4%
Б. В противоречиях и разности национальных взглядов, религии, традиций и обычаев	18	12	6	36/51%	6	15	21/70%	57%
В. Не вижу никаких проблем	4	-	3	7/10%	-	-	-	7%
Г. Любой брак, построенный на уважении и любви, может решить все проблемы и стать счастливым	7	10	6	23/33%	9	-	9/30%	32%

Молодые люди до 29 лет, в целом более лояльны и терпимо относятся к межнациональным союзам. Эта группа, особенно молодые женщины, положительно относятся к межнациональным бракам. В целом 68% выборки показали принятие браков. Если говорить о готовности самим вступить в такой брак, то большую готовность проявили молодые девушки, 62% ответивших. Однако, более старшая группа по поводу "Позволите ли вы своему ребенку вступить в межнациональный брак?" проявили некоторую стигму. Это может говорить о том, что возможно в будущем они будут более осторожны, поддерживая такой союз своих детей. Среди основных проблем межнациональных браков 57% опрошенных назвали вариант «В противоречиях и разности национальных взглядов, религии, традиций и обычаев», причем 70% из них были мужчины.

Выводы

Таким образом, наш опрос подтвердил названные выше факторы отношения к межнациональным бракам в современных условиях. Религиозный и культурный факторы наиболее ярко проявляются при создании полиэтнического союза. Представители некоторых религий негативно относятся к бракам между людьми разных вероисповеданий. В некоторых культурах существуют строгие правила, касающиеся организации брака, и тогда смешанные браки могут рассмотрены как нарушение этих правил. Если мы хотим снизить уровень межнационального напряжения, мы должны создавать условия для знакомства с культурами и традициями народов, населяющих нашу страну. И здесь можно говорить о тенденции положительного настроя, особенно среди молодежи.

Список источников

1. Демкина Т.А. Межэтническая семья как объект семейно-демографической политики в РФ // В книге: Социолог: образование и профессиональные траектории. Санкт-Петербург, 2021. С. 449 – 454.
2. Стальмахова Е.Н. Межнациональные браки: психологические особенности и ролевые ожидания (теоретический аспект).// https://www.b17.ru/article/psychology_of_interethnic_marriages_1/
3. Ирицян Х.А., Воронцова Т.Н. Культурные различия в межнациональных браках // В сборнике: Российская гуманитарная система: вызовы, перспективы, решения. М., 2025. С. 165 – 169.

4. Купелян А.А. Проблема супружеских взаимоотношений в полиэтнических семьях // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей / ред. Т.М. Сигитов. Пермь: ИП Сигитов Т.М., 2018. С. 75 – 77.
5. Айгумова З.И. Психология биэтнических семейных отношений [Электронный ресурс]: монография. Электрон. дан. (479 КБ). Москва: Прометей, 2016.
6. Ахмадеева Е.В., Сыч А.О. Понимание супружеской неверности супругами в межнациональном браке // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2014. № 42. С. 84 – 89.
7. Атоян А.Г. Отношение к межнациональным бракам в современном обществе // Интерация науки и практики как механизм эффективного развития современного общества: материалы Междунар. электронного Симпозиума, Махачкала, 28 ноября 2014 г. Махачкала: АНОО «Махачкалинский центр повышения квалификации», 2014. С. 40 – 45.
8. Корнюх А.О. Межнациональный брак в контексте изучения трансформационных изменений института семьи и брака // Альманах современной науки и образования. 2014. № 12 (90). С. 62 – 64.

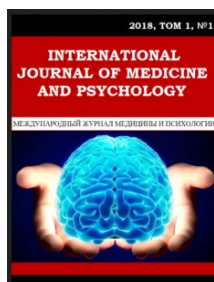
References

1. Demkina T.A. Interethnic family as an object of family and demographic policy in the Russian Federation. In the book: Sociologist: education and professional trajectories. St. Petersburg, 2021. P. 449 – 454.
2. Stalmakhova E.N. Interethnic marriages: psychological characteristics and role expectations (theoretical aspect). // https://www.b17.ru/article/psychology_of_interethnic_marriages_1/
3. Iritsyan H.A., Vorontsova T.N. Cultural differences in interethnic marriages. In the collection: Russian humanitarian system: challenges, prospects, solutions. Moscow, 2025. P. 165 – 169.
4. Kupelyan A.A. The problem of marital relationships in multiethnic families. Development of modern science: theoretical and applied aspects: collection of articles. students, master's students, postgraduates, young scientists and teachers / ed. T.M. Sigitov. Perm: IP Sigitov T.M., 2018. P. 75 – 77.
5. Aigumova Z.I. Psychology of bi-ethnic family relations [Electronic resource]: monograph. Electronic data (479 KB). Moscow: Prometheus, 2016.
6. Akhmadeeva E.V., Sych A.O. Understanding of adultery by spouses in an interracial marriage. Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology. 2014. No. 42. P. 84 – 89.
7. Atoyan A.G. Attitude to interethnic marriages in modern society. Iteration of science and practice as a mechanism for the effective development of modern society: Proc. electronic Symposium, Makhachkala, November 28, 2014. Makhachkala: ANOO "Makhachkala Center for Advanced Studies", 2014. P. 40 – 45.
8. Korniyukh A.O. Interethnic marriage in the context of studying transformational changes in the institution of family and marriage. Almanac of modern science and education. 2014. No. 12 (90). P. 62 – 64.

Информация об авторе

Трусова Е.А., старший преподаватель, Высшая школа психологии, Тихоокеанский государственный университет, lenatrusova@mail.ru

© Трусова Е.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «International Journal of Medicine and Psychology / Международный журнал медицины и психологии»

<https://ijmp.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://ijmp.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)

УДК 159.99

¹ Коренева Н.А.,

² Разуваева Т.Н.,

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

² Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова

Мотивация как процесс выбора партнера

Аннотация: статья посвящена психологическому анализу мотивации и ее роли в выборе партнера. В данной статье рассматривается мотивация, ее значение, основные виды мотивации, а также процесс, с помощью которого закрывается появившаяся потребность. Рассматриваются основные теории мотивации, которые помогают определить, как люди выбирают себе партнеров. Важную роль в понимании мотивации играют теории А. Маслоу, К. Альдерфера, Д. МакКлелланда и Ф. Герцберга, которые помогают определить уровни потребностей человека. Эти модели позволяют понять, что при выборе партнера человек руководствуется различными мотивами: эмоциональными, социальными или стремлением к успеху и власти. Мотивация влияет на формирование глубоких и гармоничных отношений, учитывая как базовые потребности, так и более высокие ценности. Далее соответствующие выводы, какая бывает мотивация, и как она влияет на личность.

Ключевые слова: мотивация, отношения, партнер, потребности, человек

Для цитирования: Коренева Н.А., Разуваева Т.Н. Мотивация как процесс выбора партнера // International Journal of Medicine and Psychology. 2025. Том 8. № 6. С. 279 – 283.

Поступила в редакцию: 22 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июня 2025 г.; Принята к публикации: 20 июля 2025 г.

¹ Koreneva N.A.,

² Razuvaeva T.N.,

¹ Belgorod National Research University,

² Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov

Motivation as a partner selection process

Abstract: the article is devoted to the psychological analysis of motivation and its role in choosing a partner. This article examines motivation, its meaning, the main types of motivation, as well as the process by which the emerging need is closed. The main theories of motivation are considered, which help to determine how people choose their partners. The theories of A. Maslow, K. Alderfer, D. McClelland and F. Herzberg, which help to determine the levels of human needs, play an important role in understanding motivation. These models allow us to understand that when choosing a partner, a person is guided by various motives: emotional, social, or the desire for success and power. Motivation influences the formation of deep and harmonious relationships, taking into account both basic needs and higher values. Further, the corresponding conclusions, what motivation is and how it affects the personality.

Keywords: motivation, relationship, partner, needs, person

For citation: Koreneva N.A., Razuvaeva T.N. Motivation as a partner selection process. International Journal of Medicine and Psychology. 2025. 8 (6). P. 279 – 283.

The article was submitted: April 22, 2025; Approved after reviewing: June 19, 2025; Accepted for publication: July 20, 2025

Введение

Мотивация, с психологической точки зрения, означает способ человека удовлетворять свои потребности посредством какой-либо деятельности. А.Н. Леонтьев рассматривал мотивацию как систему внутренних побуждений, которая формирует смысл деятельности и определяет ее направленность [7]. Он направляет человека в сторону достижения определенных ценностей, которые удовлетворяют потребности личности. Психология изучает мотивацию, чтобы понять, что движет людьми, и как внутренние мотивы влияют на их поведение и принятие решений. Мотивацию можно классифицировать в зависимости от ее направленности, устойчивости и природы. Мотивация может быть внешней или внутренней. Э. Деси и Р. Райн считали, что внутренняя мотивация основана на личных интересах, желаниях увлечениях. Человек занимается чем-либо ради самого процесса, а не для внешних наград. К такому виду относятся мечты, стремления или амбиции. Внешняя мотивация, наоборот, включает факторы, которые являются внешними мотивами, не касающимися внутреннего мира человека. Например, материальные награды, такие как премия. Также это может быть социальное признание или оправдание ожиданий других людей [2]. Как некоторые люди ищут партнера исходя из внутренней мотивации, чтобы получить удовлетворение личных желание. Так есть и те индивидуумы, которые хотят отношений ради признания общества, чтобы не выделяться, или потому что есть определенные правила и традиции.

Ф. Герцберг в своих трудах подразделял мотивацию на положительную и отрицательную [1]. Соответственно, положительная основывается на стремлении к получению поощрений и благоприятных результатов. Люди, имеющие подобный характер мотивации, действуют, чтобы получить одобрение, успех или награду. Отрицательная же мотивация основана на желании избежать каких-либо негативных последствий. Например, критики, разочарования или нежелательных исходов. Если коснуться темы отношений, то в качестве положительной мотивации можно рассмотреть стремление к партнерству, как желание позитивных результатов, близости и поддержки. Негативной же мотивацией будет являться нежелание

остаться одному или слышать критику и шутки в свой адрес.

Концепция, предложенная Ф. Герцбергом позволяет понять, что мотивация может быть разной по степени устойчивости и зависит от множества факторов [4]. Мотивация может быть устойчивой и, соответственно, неустойчивой. Разница в том, что устойчивую мотивацию не нужно подкреплять никакими факторами. Это естественные физиологические нужды. Например, утоление голода или жажды. Неустойчивая мотивация требует постоянной поддержки. Людям необходимо помнить, зачем они идут к поставленной цели. Примером может служить похудение или откладывание денег на определенные нужды. Отношения же можно отнести к неустойчивой мотивации, так как человеку необходимо напоминание об этой нужде.

Данные виды мотивации обычно взаимосвязаны, дополняют друг друга. Например, человек может иметь устойчивую положительную внутреннюю мотивацию. Пить чаще воду, чтобы утолить жажду и поддерживать здоровье организма.

Материалы и методы исследований

В рамках данного теоретического исследования использовались методы анализа, обобщения и систематизации научной литературы по психологии мотивации, включая труды отечественных (А.Н. Леонтьев, В.И. Ковалёв, Е.П. Ильин) и зарубежных авторов (Ф. Герцберг, А. Маслоу, Д. МакКлелланд, Э. Деси и Р. Райн). Особое внимание уделено сравнительному анализу ключевых теорий мотивации в контексте межличностных отношений. Теоретическая база формировалась на основе междисциплинарного подхода, охватывающего психологические, социокультурные и поведенческие аспекты мотивации при выборе партнёра. Отдельное внимание уделено классификациям мотивации, её видам и устойчивости, а также влиянию потребностей различного уровня на процесс принятия решений в сфере личных отношений.

Результаты и обсуждения

Помимо этапов процесса мотивации, существует также несколько теорий мотиваций, которые помогают определить потребности людей. Первой можно рассмотреть теорию потребностей по пирамиде А. Маслоу [8]. Он разработал иерархию человеческих потребностей, в которой расположил их в порядке важности, начиная от самых базовых и заканчивая более высокими: физиологи-

ческие потребности, потребность в безопасности, важности, принадлежности, в уважении и признании и в самовыражении. Эта модель может быть полезна для понимания мотивации людей при выборе партнера.

На нижнем уровне находятся базовые физиологические потребности. При выборе партнера данные нужды могут проявляться в поиске стабильности и комфортным условиям жизни. Чуть выше находится эмоциональная и физическая безопасность. Это значит, что партнер должен быть надежным, способным обеспечить безопасную остановку. Наличие стабильных отношений и уважение к личному пространству также играют большую роль. Следующая стадия принадлежности, которую также можно обозначить как социальная потребность. На этом уровне находится потребность в любви и принадлежности. Это является одной из основных мотиваций при выборе партнера, так как люди стремятся к созданию эмоциональных связей, социальной интеграции, а также к получению поддержки и заботы. Следующая ступень – потребность в уважении. На этом уровне люди стремятся к признанию и уважению, как со своей стороны, так и со стороны окружающих их людей. Соответственно, партнер должен уважать их достоинства и ценности, быть источником понимания и положительных эмоций. На высшем уровне находятся потребности в самореализации. Это стремление реализовать свой потенциал и стать тем, кем человек в действительности хочет быть. Именно поэтому люди выбирают партнеров, которые поддерживают их стремления, помогают им развиваться. Данный аспект может включать в себя совместные увлечения, амбиции и общий рост.

Пирамида А. Маслоу помогает понять, что мотивация в выборе партнера может быть не только в потребностях эмоциональных или физических, но и в более высоких ценностях и стремлениях [8]. Человек может искать партнера, который соответствует его текущему уровню потребностей. Также индивидуумы могут пересматривать свои предпочтения, если потребности меняются. Понимание различных уровней нужд может помочь в формировании глубоких и значимых отношений.

Теория К. Альдерфера включает в себя три основные потребности: потребности существовать, потребность общаться с другими и потребность своего роста и развития [12]. Данная теория представляет собой современную адаптацию и расширение классической модели иерархии потребностей А. Маслоу. Особенностью данной теории является концепция регрессии, то есть при невозможности удовлетворения более высоких потреб-

ностей человек может возвращаться к удовлетворению более низких уровней.

Помимо пирамиды А. Маслоу, существует также теория приобретенных потребностей Д. МакКлелланда [3]. Он предположил, что люди имеют три основных типа потребностей: успех, власть и социальные потребности. Каждая из таких потребностей может влиять на выбор партнера в романтических отношениях. Например, люди с потребностью в успехе и высоких достижениях с большей вероятностью будут замотивированы искать партнера, который также амбициозен, целеустремлен и имеет похожие ценности. Такие люди стремятся к отношениям, которые способствуют личностному росту и профессиональному развитию. Для них отношения – способ совместного достижения новых вершин. Наоборот, индивидуумы с социальными потребностями будут обращать внимание на эмоциональную связь, совместимость и поддержку. Их мотивацией может стать стремление построить семейные отношения или близкие связи, в которых будет преобладать крепкая уютная атмосфера, взаимная забота и близость. Личности же, стремящиеся к власти, могут искать партнера, который будет позволять им реализовать свои амбиции. В данном случае мотивацией будет найти партнера, который обладает определенными качествами, влиянием и ресурсами. В таких взаимоотношениях может возникать стремление к доминированию или контролю [3].

Теория приобретенных потребностей Д. МакКлелланда дает понимание мотивации людей при выборе партнера [7]. Каждый из типов потребностей влияет на то, что люди ищут в романтических отношениях и каким образом формируются их предпочтения. Понимание этих нужд может помочь в построении гармоничных отношений, где будут учитываться потребности обоих партнеров.

Также стоит рассмотреть двухфакторную теорию Ф. Герцберга [1]. Эта теория выделяет два типа факторов, которые оказывают влияние на удовлетворенность и мотивацию. Это мотивирующие и гигиенические факторы. Первые способствуют удовлетворению и мотивации, а вторые приводят к неудовлетворению, если их не хватает. В качестве мотивирующих факторов можно привести поддержку в достижении личных целей. Человек выбирает партнера, который вдохновляет его, стимулирует к достижению целей и помогают раскрыть потенциал, достигнуть успеха. Сюда же можно отнести признание и уважение. Партнеры должны ценить и уважать друг друга, признавать успехи, создавать ощущение значимости. Это является хорошей мотивацией для человека, который стремится к взаимному уважению и поддерж-

ке. Также индивидуумы выбирают партнеров, которые способствуют их эмоциональному и личностному росту, потому что это включает в себя открытое обсуждение проблем, решение конфликтов и взаимоподдержка на пути к самореализации. Гигиеническими же факторами являются физическая и эмоциональная безопасность. Это является базовым аспектом. Если в отношениях не хватает безопасности, это вызывает неудовлетворенность и тревогу. Также должна быть совместимость в таких важных вопросах, как деторождение, финансовые и глобальные ценности. При выборе партнера обязательное внимание уделяется этому пункту, чтобы минимизировать риск конфликтов и недовольства. При этом обязательно должно быть качественное общение. Недостаток открытого и честного разговора приводит к разногласию. Надежный партнер влияет на стабильность отношений в положительную сторону.

Двухфакторная теория Ф. Герцберга помогает объяснить, как факторы, связанные с удовлетворением и мотивацией в отношениях, могут влиять на выбор партнера [1]. Человек может подходить к

выбору, основываясь не только на мотивирующих факторах, которые обеспечивают развитие, но и на гигиенических, которые необходимы, чтобы избежать неудовлетворенности. Понимание этих аспектов помогает людям осознаннее подходить к выбору партнера, осознать свою истинную мотивацию и построить здоровые и удовлетворяющие отношения.

Выводы

Рассматривая в совокупности процесс мотивации, его виды и теории выбора партнера, можно понять, почему и как люди выбирают себе спутника. Влияют на это как физические и эмоциональные желания, так и более высокие цели, такие как желание принятия, уважения и самовыражения. Мотивация может быть, как негативной, где поиск партнера будет лишь для того, чтобы не выделяться из толпы или не остаться одиноким, так и позитивным. В таком случае люди ожидают поддержки, эмоциональной близости и удовлетворения от нахождения рядом друг с другом. При этом процесс мотивации не будет отличаться в зависимости от цели.

Список источников

1. Герцберг Ф., Моснер Б., Блох Б. Снидерман Мотивация к работе: пер. с англ. Д.А. Куликов. Москва: Вершина, 2007. 240 с.
2. Деси Э., Райан Р. Теория самодетерминации // Психология мотивации достижения. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2020. 332 с.
3. Джигкаев А.Т. Мотивационная теория Д. Макклелланда и ее роль в мотивации персонала. [Электронный ресурс] Электрон. журн. Образование и право, 2023. Режим доступа к журн.: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnaya-teoriya-d-makklellanda-i-ee-rol-v-motivatsii-personala> (дата обращения: 01.04.2025)
4. Дымшаков М.А. Двухфакторная модель мотивации Фредерика Герцберга как основа анализа мотивационных процессов в инновационных проектах. [Электронный ресурс] Электрон. журн. Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробации результатов исследований, 2016. Режим доступа к журн.: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvuhfaktornaya-model-motivatsii-frederika-gertsberga-kak-osnova-analiza-motivatsionnyh-protsessov-v-innovatsionnyh-proektah> (дата обращения: 01.04.2025)
5. Кузнецова Н.И. Исследование мотивов выбора брачного партнера. [Электронный ресурс] кур. Н.И. Кузнецова 2015. Режим доступа к кур.: <https://nsportal.ru/vuz/sotsiologicheskie-nauki/library/2015/10/11/issledovanie-motivov-vybora-brachnogo-partnera> (дата обращения: 01.04.2025)
6. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы, эмоции. М.: МГУ, 2010. 234 с.
7. МакКлелланд Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2017. 627 с.
8. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 2001. 478 с.
9. Мотивация деятельности человека. [Электронный ресурс] Электрон. текстовые дан. 2020. Режим доступа: <https://4brain.ru/psy/psihologija-motivacii.php>. свободный (дата обращения: 01.04.2025)
10. Ничкова А. Основные теории мотивации. [Электронный ресурс] Электрон. текстовые дан. 2023. Режим доступа: <https://happy-job.ru/hr-blog/teorii-motivacii/> свободный (дата обращения: 01.04.2025)
11. Самарина А. Мотивация: что это, какая бывает и от чего зависит. [Электронный ресурс] Электрон. текстовые дан. 2023. Режим доступа: <https://timeweb.com/ru/community/articles/motivaciya-cto-eto-kakaya-byvaet-i-ot-chego-zavisit> свободный (дата обращения: 01.04.2025)
12. Alderfer C.P. Existence, relatedness, and grows: human needs in organizational settings. New York; London: Collier-Macmillan, 1972. 198 p.

References

1. Herzberg F., Mosner B., Bloch B. Sniderman Motivation to Work: trans. from English by D.A. Kulikov. Moscow: Vershina, 2007. 240 p.
2. Deci E., Ryan R. Self-Determination Theory. Psychology of Achievement Motivation. Moscow: Smysl; Publishing Center "Academy", 2020. 332 p.
3. Dzhigkaev A.T. Motivation Theory of D. McClelland and Its Role in Personnel Motivation. [Electronic resource] Electronic journal. Education and Law, 2023. Access mode to the journal: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnaya-teoriya-d-makklellanda-i-ee-rol-v-motivatsii-personala> (date of access: 01.04.2025)
4. Dymshakov M.A. Two-factor model of motivation by Frederick Herzberg as a basis for the analysis of motivational processes in innovative projects. [Electronic resource] Electronic journal. A New Word in Science and Practice: Hypotheses and Testing of Research Results, 2016. Access Mode to the Journal: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvuhfaktornaya-model-motivatsii-frederika-gertsberga-kak-osnova-analiza-motivatsionnyh-protsessov-v-innovatsionnyh-proektah> (date of access: 01.04.2025)
5. Kuznetsova N.I. Study of Motives for Choosing a Marital Partner. [Electronic Resource] course. N.I. Kuznetsova 2015. Mode of access to the course: <https://nsportal.ru/vuz/sotsiologicheskie-nauki/library/2015/10/11/issledovanie-motivov-vybora-brachnogo-partnera> (date of access: 01.04.2025)
6. Leontiev A.N. Needs, motives, emotions. Moscow: Moscow State University, 2010. 234 p.
7. McClelland D. Human motivation. St. Petersburg: Piter, 2017. 627 p.
8. Maslow A.G. Motivation and personality. St. Petersburg: Eurasia, 2001. 478 p.
9. Motivation of human activity. [Electronic resource] Electronic text data. 2020. Access mode: <https://4brain.ru/psy/psihologija-motivacii.php>. free (date of access: 01.04.2025)
10. Nichkova A. Basic theories of motivation. [Electronic resource] Electronic text data. 2023. Access mode: <https://happy-job.ru/hr-blog/teorii-motivacii/> free (date of access: 01.04.2025)
11. Samarino A. Motivation: what is it, what types there are and what it depends on. [Electronic resource] Electronic text data. 2023. Access mode: <https://timeweb.com/ru/community/articles/motivaciya-chto-eto-kakaya-byvaet-i-ot-chego-zavisit> free (date of access: 01.04.2025)
12. Alderfer C.P. Existence, relatedness, and grows: human needs in organizational settings. New York; London: Collier-Macmillan, 1972. 198 p.

Информация об авторах

Коренева Н.А., аспирант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, РФ, г. Белгород, ул. Победа 85, tashakoresh@gmail.com

Разуваева Т.Н., доктор психологических наук, профессор, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, 117997, г. Москва, ул. Островитянова 1, razuvaeva@bsuedu.ru

© Коренева Н.А., Разуваева Т.Н., 2025